

Анна Стриковская

ТЕЛО АРХИМАГА

Почти детективная история. У одного архимага свистнули не что-нибудь, а собственное тело. Ну и как прикажете без него жить? Только умереть. Но он не умер, а стал искать способ себя спасти. В конце концов нашел себе помощницу, которая согласилась найти его тело и соединить с духом. И зачем только она это сделала? Сидела бы тихо...

Анна Стриковская

Тело архимага

Глава 1, в которой Мелисента знакомится с лабораторией Эликсиров

— Уважаемая Мелисента, добро пожаловать в наш маленький, но дружный коллектив!

Когда я впервые вошла в лабораторию Эликсиров научного центра Совета Магов, этими словами меня приветствовал ее начальник архимаг Ригодон. Высокий, статный, даже красивый господин, на вид средних лет, но я-то знаю: маги живут столько и выглядят так, как хотят сами. С классически правильного лица на меня глядели голубые, как незабудки, глаза, полные доброты и благоволения.

Будь я наивной девочкой-цветочком, за которую меня все обычно принимают, я бы поверила в его искренность. Но у таких, как я, пробившихся из низов, розовые очки отсутствуют как класс. Поэтому обольщаться не спешила: доброе выражение лица начальника, как и окружающие меня улыбки, скорее всего фальшивое. Как только новенькая аспирантка приступит к работе, на нее тут же навешают всех собак и сделают прислугой за все. Плавали, знаем. Все эти ласковые приветствия — простое сотрясение воздуха. А вот процедура представления полезна во всех смыслах: запомнить и оценить на вредность присутствующих просто необходимо. Хорошо, что у меня отличная зрительная память. И не только зрительная.

Считается, что в научном центре Совета Магов работают лучшие из лучших, самые выдающиеся специалисты всех магических специальностей. и попасть сюда хотя бы лаборантом для любого мага великая честь. Но уже довольно давно маги перестали нанимать лаборантов, употребляя для этой работы аспирантов. Те стремятся вырасти и пахнут задаром так, трем лаборантам не угнаться. Это мне рассказал парень, встретивший меня в порталном зале Совета Магов и проводивший к зданию отделения Эликсиров. Его рассказ несколько сбил мой радостный настрой и позволил взглянуть на ситуацию трезво.

Десять лет назад, поступая в Магический Университет Элидианы, я и не мечтала о таком: меня взяли туда, куда каждый год принимают только по одному аспиранту из всех, повторяю: всех магических высших учебных заведений нашего мира. А их у нас семь: пять университетов и две академии. Университет Элидианы среди них котируется, верно, но все равно никаких гарантий. Мне чертовски повезло: я была лучшей по своей специальности среди всех, с самым высоким баллом и самым интересным дипломом, и набирали в этом году именно на мою специальность. Если бы не это, оставили бы при кафедре. Тоже неплохо, но не то.

Валариэтан, где находится Совет Магов и его научный центр — это город-государство. Он находится на слиянии двух рек в месте, где встречаются границы тех государств: Элидианы, Кортала и Мангры. Его граждане — маги. Там живут и обычные люди, но их работа — служить и подчиняться. Такой человек не является гражданином, а только работает в Валариэтане. Некоторым кажется, что неполноправным жить плохо, но желающих получить разрешение поселиться в государстве магов великое множество, потому что это очень-очень выгодно. За год здесь можно заработать больше денег, чем за десять лет в любом из людских королевств. Маги богаты. Они берут за свои услуги много золота, но и платят хорошо. Это простым людям, а магически одаренным работникам они платят великолепно! А я, по большому счету, нищая, поэтому и поставила себе целью попасть на работу в научный центр Совета Магов. Даже если не удастся сделать карьеру и стать

магистром, пять-десять лет в здешних лабораториях сделают меня состоятельной женщиной и высокооплачиваемым специалистом. Я сама буду решать, что делать со своей жизнью и никто, никто не посмеет смотреть на меня с жалостью! За это все десять лет в Университете я трудилась как проклятая, на износ. Костями легла ради этой цели.

В общем, своего я добилась, а теперь смотрю и думаю: а оно мне было нужно? Я попала в серпентарий, в просторечии гадюшник.

Архимаг между тем разливался соловьем:

— Юное дарование, которое украсит нашу жизнь и сделает ее веселее и приятнее.

Все верно: собираются навешать на меня обязанностей до чертиков.

— Позвольте же дорогая Мелисента, представить Вам Ваших коллег. Магистр Белон.

Полный мужчина средних лет и среднего роста в дорогой шелковой мантии. Лицо приятное, но невыразительное, глаз тухлый. Такие прижимают девушек в углу и думают, что этим оказывают им благодеяние. Связываться с ним себе дороже.

— Магистр Эдилиен

Пожилой, высокий и сухой господин с непроницаемым лицом. Темные волосы с сильной сединой, крючковатый нос с горбинкой, густые кустистые брови, пронзительный взгляд темных глаз. В кровать не потащит, а вот работой загрузить по самое «не хочу» — это всегда пожалуйста. Если не испортить с таким отношения в самом начале, то можно иметь дело. Он много знает и всегда даст полезный совет.

— Магистр Арсент

Красавчик. Сравнительно молодой, невысокий, стройный и изящный. Каштановые кудри до плеч и маленькая аккуратная бородка делают его облик стильным. Прямой нос, пухлые губы, большие миндалевидные голубые глаза с длинными ресницами... Классический сердцеед. Мантия из ткани значительно более дешевой чем у Белона, зато отлично сшитая. Клеиться такой не будет, ему самому девицы прохода не дают. Если попробует эксплуатировать... Сделаю вид, что на что-то претендую: тут же отвяжется.

— Магистр Теодолинда

Тошная стерва. Улыбается так, как будто выпила пинту неразбавленного уксуса. Держаться от нее подальше!

— Магистр Герион

Местный весельчак и балагур. Рыжие патлы, красная морда, пивной живот, веселый лукавый глаз. Так называемое меньшее из зол. Будет щипать за попу и подкалывать. Поладить с таким несложно, надо просто смеяться его шуткам.

— Магистр Мартония

Толстая стерва с ласковой улыбкой людоедки. Вот эта будет искать способы сесть мне на шею. Ишь, нацелилась! Ничего, где сядет, там и слезет. Ну, магистры кончились, пошли аспиранты. Аспирант здесь звание растяжимое. Они могут как диссертацию писать, так и просто работать у магистров на подхвате. Многие числятся аспирантами долгие годы, пока денег на обустройство во внешнем мире не накопят. По большому счету находятся на положении лаборантов. Эти могут, конечно, жизнь испортить, но ресурсов для этого у них маловато. Так что будем приятельствовать.

— Аспирант Келедар

Симпатыга. Глазки синие, наивные. Знаем таких: все проказы и шалости в отделе его рук дело. На голове ворох соломы вместо волос. Весь складный и ладный, и мантия на нем не дешевле чем у Белона. Сын богатых родителей, надо полагать. Или он всю стипендию на

шмотки спускает? Нет, непохоже. Таких я люблю: с ними можно быть хорошими приятелями. Будет клеиться, но его не опасно отшить, после чего можно переводить в разряд друзей.

— Аспирант Семпроний

Вальяжный красавец брюнет. Роскошные густые волосы, точеный профиль, глаза с поволокой. Смотрит оценивающе, а у самого ботинки магией чиненые. Это несмотря на более чем щедрую стипендию. Значит, спускает все денежки на карты или шлюх. Такие ищут богатых невест, к которым я не отношусь. И не надо на меня так плотноядно пялиться. Ну и что, что у меня новая дорогая мантия и отличные ботинки? Я их честно заработала, избавив склады целого города от моли и кожееда. Мантию, кстати, пошила сама, да не магией, а ручками. Ну, как только он со мной познакомится поближе, то вопрос будет решен. В невесты я не гожусь, а остальное его не заинтересует, такие зря патроны не расходуют.

— Аспирант Юстин

Серьезный мальчик. Лицо умное, глаза внимательные, рот без улыбки. Высокий, стройный. Был бы красивым, если бы хоть чуть-чуть следил за собой. А так... Второе издание меня: ботан-заучка. С ним мы будем отлично общаться на профессиональные темы. То, что я девушка, он даже не заметит, его в этой жизни интересуют другие вопросы.

Вот научные сотрудники и закончились. Лаборантов здесь нет, каждый моет свою посуду сам. Вернее, этим занимаются аспиранты в свободное от науки время.

Свою персону Архимаг представлять не стал, его все и так знают. О себе крайне высокого мнения. Этот будет настойчиво тянуть в койку. Не потому что я ему нравлюсь, просто чтобы оприходовать. Для порядка. Но сейчас он играет роль отца-благодетеля и представляет технический персонал.

— Заведующий нашим лабораторным хозяйством господин Форгард. Если что-то понадобится для опытов — это к нему.

Обычно завхоза себе воображаешь толстым и добродушным, хотя и хитрым, или наоборот, сморчком-скрягой. Форгард же выглядел как старый воин: высокий, жилистый, худой, в нем чувствовалась сила. Выражение лица суровое, взгляд прямой. Такой и сам воровать не станет, и другим не позволит. Где только Ригодон разжился таким сокровищем? На меня он посмотрел как на пустое место.

— И наша дорогая Матильда, экономка, сестра-хозяйка и мать родная для каждого сотрудника нашего отдела. Она нас кормит, поит и следит за нашим внешним видом.

Хоть одно лицо с нормальным искренним выражением. Она от меня не в восторге и не скрывает этого. Полная красивая женщина средних лет, привыкла всеми тут помыкать, но Архимага побаивается и недолюбливает. Ригодон взял меня за руку и подвел к сердитой тетке.

— Сейчас я передам Вас ей. Матильда, поселите аспирантку Мелисенту в бывшие комнаты Гиаллена.

Тетенька аж захлебнулась от возмущения.

— Да как же так? Аспирантку в помещение архимага?

— Дорогая Матильда, а у нас есть выбор? Все остальные заняты, Вы же знаете. Ничего пусть пока поживет, потом что-нибудь придумаем. А Вы, Мелисента, устраивайтесь на новом месте, отдыхайте. Три дня Вам на устройство личных дел. В первый день декады приходите и получите задание. Все ясно?

Я изобразила придворный реверанс, что в мантии сделать непросто, и пролепетала:

— Я поняла, господин Архимаг. В первый день к Вам за заданием.

— Вот и умница. Все свободны, господа. Работать! А Вы, — он снова обратился к Матильде, — отведите и поселите девушку. Ясно?!

— Чего уж тут неясного. Отведу и поселю. Только пусть потом не жалуется.

Ага, значит, с комнатами не все ладно. Только в чем тут дело никто не скажет. Ничего, по дороге постараюсь выпросить, что возможно, у этой Матильды.

Глава 2, в которой Мелисента селится в бывшие покои архимага Гиаллена

Выспрашивать особо не пришлось. Тетка сама стремилась рассказать мне все, что знала, и даже немного больше. Начала, как водится, с того, что попыталась напугать:

— Ой, попала ты, девка! Догадался наш архимаг тебя в комнаты Гиаллена поселить.

— А что с ними не так, госпожа Матильда?

— Да все! Ты хоть знаешь, кто такой был Гиаллен?

К чести моей я это знала прекрасно. Самый молодой из ныне живущих архимагов, изобретатель Усовершенствованного Эликсира Силы и Эликсира Регенерации, он каждый год читал нам вводную лекцию о последних достижениях зельеварения и составления эликсиров, а потом проводил короткий недельный цикл у боевиков. Если честно, получив направление в аспирантуру Совета Магов по моему профилю, я была уверена, что попаду в отдел Гиаллена, и очень удивилась, увидев на его месте мессира Ригодона.

— Кто же не знает мессира Гиаллена? Он у нас лекции читал. А что с ним случилось?

Матильда тяжело вздохнула.

— Пропал. Как есть пропал семь месяцев назад. Считается, что погиб, когда эксперимент делал. А я так тебе скажу, девочка:

Тетка остановилась, притянула меня к себе поближе за пуговицу, и зашипела таинственно:

— Тело-то так и не нашли. Нет тела! А тела нет, нет и покойника. И потом: почему Ригодон в его комнаты как въехал, так и выехал? Двух дней не прожил. А ведь у мессира Гиаллена такие покои! И кабинет, и спальня, и столовая, и собственная лаборатория. Все хотели занять. Все пробовали там жить. А вот теперь девчонке с улицы отдают. Ты уж меня извини, милая, но ты ведь никто. А тебя в эти хоромы селят. Неспроста это.

Это уж точно. Неспроста. Но если у Гиаллена были такие, как Матильда выражается, хоромы, и меня туда вселяют... То потом они меня оттуда хрен выселят! Я всю жизнь прожила в комнате с соседкой и удобствами в конце коридора. У меня в первый раз в жизни комфортное жильё намечается, и никакая нежить или нечистая сила мне не страшна! Я зубами буду за эти комнаты держаться, и тут посмотрим кто кого!

По ходу дела мы обошли все здание. Оно трехэтажное, приземистое, состоящее из трех частей. Встреча меня любимой состоялась в центральной, административной части. Тут располагаются Актовый зал, кабинеты начальника и всех магистров, а еще столовая на первом этаже и кухня в подвале. Левое крыло занято лабораториями, правое — жилое. В нем находятся квартиры магов. Обычно одинокие магистры живут при Научном Центре, только женатые снимают квартиру в городе. А так как брак среди магов редкость, то все сотрудники живут здесь. Мне досталось помещение на втором этаже, он считается престижным, там самые большие и удобные квартиры.

Наконец мы дошли до двери, на которой висела латунная табличка «Архимаг Гиаллен Элойский». После окончания школы и получения первой магической степени бакалавра каждый маг лишается фамилии. А вот становясь магистром, он получает прозвание по какому-нибудь населенному пункту. Принцип тут может быть разный: это или место рождения, или то, где он провел большую часть жизни, или подвиг совершил, или открытие... Элоя — деревня, при которой не так давно произошла кровавая битва. В ней был

использован Усовершенствованный Эликсир Силы, изобретенный Гиалленом. А раненых солдат лечили Эликсиром Регенерации. Поэтому Гиаллен стал Элойским. А я, например, собираюсь стать Мелисентой Арнерской, по месту рождения. До сих пор я была Мелисентой Мери. Но если буду жить в этих апартаментах, нужна другая табличка. Об этом я сказала Матильде и получила ответ:

— Деточка, листочек с твоим именем можешь сверху приклеить. Табличку от двери оторвать пока никому не удалось. И меня это наводит на кое-какую мысль...

Знаю я, о чем она думает.

— Вы полагаете, Матильда, что мессир Гиаллен жив? Но как...

— Как я до этого додумалась? А по-твоему, всю жизнь работая на магов, я в магии ничего не смыслю? Мессир себя любил самозабвенно, так что если табличку повесил, то и зачаровал ее. Пока он жив, табличку от двери никакими силами не отодрать.

С этими словами тетка вытащила из кармана ключ и открыла дверь. Боги! Какая роскошь! Я как будто в рай попала! Большая, но уютная гостиная: светлые обои на стенах, темная дубовая мебель, бархатные зеленые шторы, камин и два глубоких кожаных кресла перед ним. В центре комнаты круглый стол и четыре стула, на полу ковер, где сочетаются зеленый, темно-коричневый, бежевый и молочно-белый цвета. Прекрасный вкус и удобство. Стиль мужской, но меня это не смущает: я сама именно такой люблю. С двух сторон от камина двери. Левая привела меня в еще две комнаты: спальню и кабинет. Обе в том же духе, что и гостиная: комфорт, стиль, ничего лишнего, но все, что надо, на месте. Особенно мне понравилась спальня в теплых золотистых и медных тонах: огромная кровать без этого дурацкого пылесборника, называемого балдахин, зато с идеальным матрасом: не слишком мягким но и не жестким. Кабинет, кроме удобного кресла и письменного стола порадовал также обилием книг. Правая дверь вела в лабораторию, а еще туда, куда король пешком ходит. Отличная ванная комната и туалет в одном помещении. Через нее можно пройти в спальню: очень рациональная планировка. В спальне я дверь в ванную не заметила, и сейчас обрадовалась, что этот удобный ход существует..

Раньше такую роскошь мне приходилось видеть только на картинках или в поместье моей богатой соученицы, куда мы как-то ездили на практику. Там похожим образом были устроены покои хозяина дома. Только здесь мне нравилось больше: не так дорого и роскошно, нет позолоты и драгоценных безделушек, зато все гораздо удобнее продумано и устроено. Похоже, мессир Гиаллен был не только небедным человеком, но и обладал хорошим вкусом.

Матильда таскалась за мною и комментировала все увиденное. Делала она это в стиле: тебя, соплю недостойную, поселили так, как ты и мечтать не смела. Я не обижалась: на правду обижаться глупо. Приняв молчание за милые сердцу таких дам скромность и безответность, совершенно мне не свойственные, она сменила гнев на милость и заговорила уже в другом ключе: покровительственном.

— Располагайся, деточка. Твои вещи принесут. Можешь всем пользоваться, только ничего не уноси, даже не пытайся, и ничего не порть. Все-таки это собственность господина архимага Гиаллена. Живи пока, если сможешь. А если не сможешь...

— Дорогая Матильда, а почему я не смогу?

— Не знаю, деточка. Не ведаю. Но господин архимаг Ригодон тут два дня только вытерпел, мессир Белон сутки, все остальные господа ночь переспали, а наутро в свои старые комнаты стремглав бежали. Дамы, те даже и не пытались туда соваться. Нет, вру,

Теодолинда попробовала было, но даже ночевать в результате не осталась. Что там случилось, они никому не сказали, но не могли же все просто так от такого отличного жилья отказаться?

— Но мы с Вами тут уже битый час бродим, и ничего. Может, это все воображение магов, на самом деле ничего страшного не происходит?

— Э, детка, даже не мечтай. В том-то и дело, что когда маги сюда по двое и по трое приходили, никто ничего не замечал. Единственное — вынести отсюда хоть нитку никому не удавалось. Но это и при мессире Гиаллене так было. А вот как в одиночку оставались... Тут-то все и происходило. А вот что именно, я тебе не скажу. Не знаю.

— Ладно, придется мне самой понаблюдать.

— Вот-вот, понаблюдай. Думаю, и тебя наш Архимаг не просто так сюда поселить велел: хотел проверить, что и как. Не изменилась ли ситуация со временем. Ему-то страх как хочется эти покои занять, надоело в своих ютиться. Но боязно.

— То есть, если все у меня пройдет гладко, Архимаг меня выселит, а сам въедет? Так что ли?

— Не совсем. Полгода он в любом случае тебе даст тут пожить, иначе некрасиво будет, а он любит в глазах других хорошо выглядеть. А потом... Да ты не волнуйся. Если что случится, я найду где тебя пристроить. Ну, переедешь в квартиру для аспиранта. Есть тут одна, только там ремонт нужен. Но это ничего, сделаем живо. Не так роскошно, как здесь, но жить можно. Комната с альковом, ванная и кухонька. Ты же не балованная девочка, из простых. Я-то уж вижу. Тебе понравится.

— Спасибо, — только и смогла я вымолвить.

— Да не за что. Пойду я, дел по горло. Да, обед тут общий, столовая на первом этаже в левом крыле. Завтрак и ужин каждый сам себе промышляет. Продукты можно у Форгарда заказать, он их на всех оптом закупает, со скидкой. С уборкой так: или золотой в декаду, или сама убирай. Стирка с глажкой в ту же цену. Если будут вопросы, мое жилище у входа, спросишь у привратника. Поняла?

Ну что ж, за квартиру платить не надо, а моя здешняя стипендия составляет тридцать золотых в месяц, то есть десять в декаду... Три золотых на еду... Убирать все равно буду сама, так надежнее, но могу себе позволить стирку переложить на чужие плечи. Своей профессиональной работы будет выше крыши.

— Спасибо, все поняла и очень благодарна за помощь.

Изобразила придворный поклон и хлопотливая тетка наконец ушла. Я прошлась по комнатам и уничтожила пыль своим любимым заклинанием. Ее, кстати, было на удивление мало, если учесть, что жилье семь месяцев стоит пустое. Ну да ладно. Сейчас принесут мои вещи и можно будет устраиваться. Хотя... Если старый хозяин или его неупокоенный дух всех выживает, распаковываться не стоит. Вдруг придется срочно переезжать?

Но, не проведя эксперимента, нельзя судить о том, каков будет результат. Может мы со здешним ужасом найдем общий язык?

Я снова обошла всю квартирку, изучая ее в подробностях. Старалась запомнить, что где лежит, чтобы сохранить имеющийся порядок. Квартира с первой минуты поразила меня тем, что каждая вещь знает свое место. Такие бывают у убежденных холостяков-педантов. Не дай боги, ты сдвинешь любимую безделушку на пару дюймов! Беда! Я сама склонна к педантизму, поэтому меня это не раздражает. А вот дух хозяина на нарушение заведенного порядка мог обидеться. С обиженным же духом, как известно, шутки плохи.

Тут в дверь постучали: мальчишка-посыльный принес-таки мои саквояж и корзину. Теперь можно было заняться наконец собой. Первым делом я достала халат и умывальные принадлежности и потопала в ванную.

Глава 3, в которой Мелисента рассказывает о себе и узнает кое-что новое

Пока я моюсь, есть время немного рассказать о себе. Что меня зовут Мелисента, вы уже знаете. Я бедная сирота. Нет-нет, не то, что вы подумали. Никаких подкидышей, приютов и тайн рождения. Мой отец был достойный гражданин, потомственный аптекарь-зельевар, владелец маленькой аптеки в провинциальном городке. Мама помогала ему и вела дом. Говорят, наш предок был сильным магом, специализировавшимся на зельеварении. Но уже его сын был практически лишен дара. Он переехал в наш городок Арнер из столицы и открыл аптеку. Хороший семейный бизнес: всегда при куске хлеба. Золотых гор не заработаешь, но и по миру не пойдешь. Выбрал предок Арнер в расчете на то, что тот будет расти и развиваться: рядом открыли залежи какой-то руды, и город рос. Но к сожалению залежи эти быстро кончились. Город наш захирел, жители из него уезжали, бизнес не рос, а уменьшался. К моему рождению родители едва сводили концы с концами. Еще и дар в семье тоже не рос, а уменьшался. Это сводило на нет возможность производства собственных зелий на продажу: без магии отец не мог достойно конкурировать с точно такими же аптекарями.

Так что когда в возрасте трех лет у меня открылся дар, мой папа бросил все на то, чтобы вырастить из меня мага-зельевара. С четырех лет учил меня сам, потом отдал в школу, а затем отправил в столичный Магический Университет.

И вот, когда я училась на первом курсе, произошло несчастье: наша аптека сгорела, а мои родители погибли на пожаре.

Почему-то наш куратор, доцент кафедры зельеварения, принял тогда во мне участие. Сам отвез на похороны, кормил, поил, утешал, а еще выяснял, что мне причитается. Оказалось, ничего. Отец все деньги вкладывал в мое обучение, а на громоотвод потратиться не захотел. Соответственно, страховая компания не согласилась страховать нашу аптеку. Она сгорела от удара молнии, и никакой компенсации мне не полагалось. Даже похоронили родителей на средства благотворительного фонда. Я, по сути, осталась нищей и являюсь ею до сих пор. Все мои сбережения на сегодняшний день составляют двадцать семь золотых. Ни уму, ни сердцу: на такую сумму можно купить много хороших вещей, но аптеку на это не откроешь. Даже простой патент на занятие магической деятельностью стоит на три золотых дороже.

А тогда... Я осталась практически только с тем, что было на мне.

Жалеть меня не стоит: мне было где жить, что есть и пить, да и наготу прикрыть было чем. Университет предоставлял мне все, а еще и стипендию платил как отличнице. Да, крохи, но лучше, чем ничего. Еще и куратор помог, предложил работу на выбор: в библиотеке книги на места расставлять, или в университетской аптеке зелья готовить. Я выбрала аптеку. Работа знакомая, кроме того, с книгами бегать надо, а тут сидеть. Ничто не мешает попутно учиться, читать те же книги. Декан похвалил мой выбор и предоставил мне эту должность. С тех пор и до конца обучения я три раза в декаду трудилась, превращая корешки и листья в зелья. С каждым годом росла как квалификация, так и оплата. А когда я стала специалистом по эликсирам, денег стало достаточно для того, чтобы время от времени позволять себе маленькие радости: новые туфли, коробочку пирожных, заколку в волосы или красивое белье. Только вот сбережения делать не выходило.

Я рано поняла: надо, чтобы о тебе заботилось государство или Совет Магов: у них денег больше, а подопечных меньше. Для того, чтобы тебя взяли работать на Совет Магов, надо быть лучшей из лучших. И я вкалывала денно и нощно, не отвлекаясь ни на что. Хотя вру. За три года до окончания у меня случилось помрачение ума: я влюбилась в парня с боевого факультета. Сделала я это, как сейчас понимаю, по неопытности.

Он он был из очень состоятельной семьи и жениться не торопился, потом родители приищут подходящую выгодную партию. Сам он был скуповат, денег на шлюх жалел. Микель искал временную любовницу, чтобы оделяла телесными радостями, заботилась и помогала с учением. Ему кто-то посоветовал обратить на меня внимание. Он и обратил. А для неопытной меня внимание симпатичного юноши оказалось ловушкой, и я радостно в нее полезла. Год впахивала за себя и за того парня, а еще и в постели его ублажала. Кончилось все внезапно и не так, как вы думаете. Я его ни с кем не застала, никто мне на него глаза не открыл и я никакого разговора не подслушала. Просто на каникулах он на две недели уехал, а я осталась одна. Как хорошо-то! Никто от меня ничего не хочет, над ухом не зудит, работы уменьшилось больше чем вполовину, а денег на свои нужды, наоборот, стало больше. Секс оказался не так уж необходим, а одной спать удобнее: никто одеяло на себя не стягивает. И вообще здорово! Так что когда он приехал, я его отправила.

К его чести надо сказать, что он все понял и не стал меня тиранить. Быстренько нашел себе другую дуру. А я снова с головой нырнула в учебу, в дополнение к которой стала заниматься научной работой на кафедре Эликсиров. Если кто не знает, эликсир от зелья отличается примерно как артефакт от простого кольца. В зелье только травы, ну, максимум одно заклинанье: от порчи, там, или фиксатор, а вот в эликсире, кроме материальных ингредиентов, еще и заклинание на заклинании сидит и заклинанием погоняет. Так что я стала ходить заниматься на кафедру составления эликсиров. На этой кафедре и диплом делала. Тема: «Разновидности Эликсира Молодости для наружного и внутреннего употребления». Защита прошла успешно, я получила диплом с отличием, да еще и выиграла конкурс научных работ. Так что, когда на Университет пришла разрядка из научного центра при Совете Магов: один аспирант в отдел Элисиров, ректор выбрал меня. Я не рвалась, честно, но тогда как раз умер мой первый научный руководитель, к которому я была искренне привязана... В общем, сдала экзамены, собралась и поехала. И сходу влетела в непонятную историю с бывшим начальником отдела и его квартирой.

Пока я мылась и обдумывала свою жизнь, ничего странного не происходило. Потом, уже в халате, я снова стала обходить свои временные владения, пытаюсь понять, где тут можно еду держать и готовить. Ну, или хотя бы чайник вскипятить. Очень я всякие вкусные чаи люблю и уважаю. Оказалось, что в лаборатории. Вернее, изначально это была кухня. Хозяин-маг переделал ее под лабораторию, установил два вытяжных шкафа, но кухонные функции тоже оставил, очень грамотно разделив помещение на зоны.

Общими оказались плита и стазис-ларь для хранения всякой всячины. В общем, я разожгла плиту (она же алхимический очаг) и вскипятила воду. Заварила чай из своих запасов и достала галеты. Сегодня перебыюсь тем, что есть, а завтра схожу в город и что-нибудь себе куплю, тем более что стазис-ларь здесь огромный, не менее шести локтей в длину, разделенный на три части внутренними перегородками, можно делать запасы. У каждой секции была своя отдельная крышка, которую штырями можно было соединить с ее соседками в единое целое. Не знаю зачем, такую дуру поднять даже сильному мужчине трудновато. В двух секциях лежали продукты, а третья отводилась под мои родные

алхимические ингредиенты. Это я потом посмотрю. Сейчас меня еда интересует. Пока чай настаивался, подняла крышку и пошуровала в ларе, чтобы выяснить, что за припасы мне достались. Ларь бы полон прекрасных продуктов. Там было все, что душа может пожелать: мясо, окорока, сыры, колбасы, овощи, фрукты и даже пирожные с кремом. Так и лежат тут со времен мессира Гиаллена? Ну, ему они сейчас не нужны, а мне пригодятся. Я вытащила коробочку со сладостями и громко сказала:

— Прошу меня извинить, но пирожные я съем. Очень уж они вкусные. Спасибо, что положили их сюда. Надеюсь, Вам не жалко?

Странно, но мне послышался смешок, причем смешок довольный. Ничего другого не произошло, и я устроилась пить чай. Напившись, все вымыла, вытерла, убрала, и только потом покинула кухню-лабораторию. Очень хотелось изучить тяги и лабораторный журнал, но я рассудила, что это не к спеху. Сначала надо наладить быт. Весь вечер вытирала пыль и перебирала вещи в шкафах. Одежду архимага убирать совсем не стала, просто потеснила немного, а кое-что сложила в чемодан и спрятала на антресоли. Моих-то вещей кот наплакал. Все время, пока я убиралась, подсознательно ждала какой-то бяки. То ли голос услышу, то ли увижу что-то... еще страшила возможность магического несчастного случая: духи на такое горазды. Но ничего не происходило, только время от времени я слышала на грани сознания тот самый довольный смешок.

Когда совсем стемнело, а я уработалась как лошадь, настала пора ложиться спать. Ночи я боялась больше всего, но... Спала всю дорогу без задних ног и проснулась только утром, отлично выспавшись. А еще мне приснился сон. Не стану описывать в подробностях, скажу только, что сон эротический. Такие мне раньше никогда не снились. Я не видела лица своего партнера, но все остальное... Оно было как наяву и доставило гораздо больше удовольствия, чем реальный секс с моим бывшим. Поэтому утром я ходила по квартире и довольно урчала, как большая сытая кошка. По ходу решила вопрос с питанием. Не буду стесняться, стану пользоваться продуктами. Если Архимаг все-таки вернется, возьму деньгами. Эти соображения я произнесла вслух, ожидая реакцию. Ее не последовало, поэтому решение было принято. В ларе нашлись яйца и молоко, так что удалось отлично позавтракать. Зашедший меня проведать аспирант Келедар напросился на угощение, после чего распевал дифирамбы моему поварскому таланту.

Я не понимаю, что он так раскудахтался. Если ты зельевар, то уж яичницу стготовить не должно быть неразрешимой проблемой. Мы не менталисты, у нас руки должны быть правильным концом приделаны. Но говорить этого Келедару я не стала, наоборот, сделала вид, что мне очень приятно. Он тут же стал расспрашивать, как прошла ночь. Я искренне ответила, что прекрасно. Не видела ли я чего-нибудь странного? Нет. А может слышала? Тоже нет. И сны мне нормальные снились? Абсолютно. Рассказывать по мой эротический сон я не стала, ибо незачем. Ничего ненормального в этом я не вижу.

Практически сразу, как ушел аспирант, приперся архимаг. Его я напоила чаем. Задавал те же вопросы и пялился на мою грудь, которую я обычно прячу под мантией. Сейчас на мне было домашнее платье с довольно глубоким вырезом, так что мессир Ригодон только что слюной не капал. Положила себе больше не надевать это платье перед гостями-мужчинами. Буду носить юбку и закрытую кофточку, а если уж платье, то надо надеть сверху рабочий фартук. Он вообще все закрывает, да еще и цвет у него противный. Я здесь не сексуальный объект а научный работник.

Почему-то все думают, что я наивное дитя, целиком посвятившее себя науке и ни

бельмеса не понимающее в простой жизни. Да если бы так было, мне бы уж давно полагалось сдохнуть под забором от голода и холода. Но я детских лет усвоила: вокруг опасные хищники, а оружия против них у меня нет. Значит, именно моя беспомощность вкупе с наивностью и должна стать моим оружием. Далось это знание и умение непросто. Для начала за меня взялись девицы. Не то, чтобы они видели во мне соперницу: я была тощая, длинная и нескладная; но сделать своей служанкой девчонку из бедной семьи, за которую некому заступиться хотелось многим. После того, как у некоторых красоток из ушей выросли цветочки, а из носа полезли пиявки, от меня отвязались. А если учесть, что пострадавших еще и наказали за то, что они пользовались непроверенными зельями... Моя победа была почти полной. Почти, потому что когда девицы отстали, за меня решили взяться парни.

Несколько раз на младших курсах соученики втравливали меня в опасные проделки. Отказаться — значит подвергнуться общей травле, согласиться — поставить под удар свое будущее в Университете. Я почти сразу догадалась, что меня привлекают в качестве козла отпущения: за моей спиной никто не стоял. Приходилось влезать в организацию каждого безобразия и тихой сапой брать на себя руководство, а потом обставлять все так, чтобы на меня не пала тень подозрения. Научный склад ума и тут пригодился: я изучала, сравнивала, анализировала, и в результате выдавала беспроигрышный план. А потом никто из педагогов не верил, что все это придумала скромная серая мышка-отличница. Даже когда парни в открытую называли мое имя, им советовали по-честному признаться и не пытаться свалить вину на невинное дитя. После того, как двух красавчиков отчислили, от меня все отстали. А я вынесла убеждение, что люди все разные, и к каждому можно подобрать ключик, надо только не лениться: наблюдать, запоминать, сравнивать и анализировать. Сейчас я уже представляла себе, какой тактики придерживаться с Ригодоном. Скромность, старательность, послушание. Возможно, впоследствии придется пару раз с ним переспать, но активность в этом вопросе проявлять не стоит. Вести себя бревно бревном, и он отстанет, но будет покровительствовать.

А пока что я поила козла чаем и отвечала на вопросы. Те же самые, что задавал до него Келедар. Как спала? А что видела? А что слышала? Были ли сны, а если да, то какие?

Услышав, что у меня все в порядке, Архимаг удивился, но промолчал. Велел только, если что случится, сразу ему сообщить, и ушел. Разбежался! У меня такое чувство, что он последний, с кем надо советоваться. Лучше уж Матильда, чем он.

Я вздохнула с облегчением, выпроводив начальника, но это оказались еще цветочки. В течение этого и последующего дней ко мне по очереди заявили все. Пили чай, ели галеты (вкусности из ларя Гиаллена я предусмотрительно не выставляла), болтали о разной ерунде и задавали вопросы. Каждый раз одни и те же. Естественно, получали одни и те же ответы. Я даже подумала, что удобнее было бы созвать пресс-конференцию и ответить одним махом всем. Зато реакция на мои слова у всех была разная. Юстин и Форгард, задавая вопросы, волновались, но услышав ответ, успокоились. Семпроний, пришедший с Юстином, выслушал все с величайшим равнодушием, зато внимательно разглядывал мое платье и туфли. Весельчак Герион, узнав, что у меня все в порядке, искренне обрадовался, А красавчик Арсент, напротив, был недоволен. Магистр Эдилиен, спрашивая, был абсолютно спокоен, но ответ его взбудоражил. А пришедшему позже всех и слопавшему половину моего ужина магистру Белону все было до фонаря. Зато он не преминул намекнуть, что готов меня облагодетельствовать своей близостью. Я прикинулась дурой и ничего не поняла.

Больше всего меня обеспокоили обе наши стервы: толстая и тонкая. Я прозвала их жаба и пиявка. Мартония явилась в первый день и задавала вопросы таким сладким голосом, что от него могло слипнуться все вокруг. Узнав, что меня ничто не беспокоит, она вдруг снизила количество сахара и меда и стала втирать, что я, наверное, что-то пропустила или от усталости просто не заметила.

Теодолинда пришла на следующий день. К тому времени я мирно проспала в покоях Гиаллена две ночи. Во вторую вырубилась намертво, мне даже эротического сна не показали. Так что Теодолинде я вполне искренне отвечала, что ничего не видела и не слышала. Она заявила, что это очень странно и предложила пройти обследование в отделе Целителей. Ага, размечталась. Я сделала вид, что обиделась, затем сообщила тетеньке, что перед получением направления сюда прошла полную диспансеризацию и признана здоровой по всем параметрам.

Глава 4. У Мелисенты начинаются трудовые будни

В первый день декады я, как было предписано, явилась к архимагу Ригодону, чтобы получить задание. Он не стал со мной заниматься, а перекинул меня магистру Мартонии. Вот не повезло, так не повезло. Эта елейная дамочка, вырабатывающая мед пополам с ядом, меня в качестве научного руководителя не устраивала. Что-то я не читала интересных работ ее авторства. Но с начальством не поспоришь. Я приперлась к ней в комнату и радостно заявила, что прибыла в ее распоряжение.

Она встретила меня как родное дитя, до того где-то болтавшееся, но наконец вспомнившее об отчем доме. Устно обласкала, обливая своим словесным сиропом, а затем огорошила: я должна создать Эликсир Невидимости. Хорошенькое дело! Это не работа на соискание степени магистра, это уровень архимага. Шедевр, который увенчает его карьеру. Где-то так я ей и сказала.

— Милая моя, наш предыдущий шеф, мессир Гиаллен, практически создал этот эликсир. Вам остается только повторить его работу. Насколько мне известно, полная пропись находится в голубой тетради.

— Но он великий ученый, архимаг, а я...

Внезапно голос мерзкой жабы зазвучал металлом:

— Деточка, я не ставлю перед Вами неразрешимых задач. Все до Вас уже сделал мессир Гиаллен. Если Вы без затруднений живете в его покоях, то имеете доступ и в его лабораторию. Там есть его записи, журналы... Поищите. Кстати, в его кабинете вся литература, которая Вам может понадобиться. Я не стану так уж фанатично висеть у Вас над душой. Свобода творчества прежде всего. Отчитываться будете раз в декаду, в последний рабочий день. Но если найдете что-то интересное — сразу ко мне! Будем пробовать вместе! А сейчас... Вы пойдете к себе. Не спать, а в лабораторию! Я зайду проверю!

Это вот научное руководство?! Да она просто хочет моими руками обворовать Гиаллена. Даже если он умер, все равно это отвратительно. А если жив? Но я ничего не сказала жирной каракатице. Присела и выдала вежливое:

— Да, магистр Мартония, я все поняла. Я могу идти?

В ее голосе снова прибавилось сахара:

— Идите, дитя мое, и помните, что я Вам сказала.

Ну надо же, какая сладкоречивая тетка. А диабет от общения с ней не развивается? Можно было бы провести наблюдение и написать статью.

Я вернулась к себе, вошла в лабораторию, села на стул и громко стала жаловаться на мадам Мартонию. Полностью передала ее слова и свои мысли по этому поводу, а затем спросила, что мне делать.

В ответ на мои жалобы со шкафа вдруг упала толстая тетрадь в голубой обложке. На ней значилось: «Лабораторный журнал № 28». Могу поклясться, еще сегодня утром ее там не было. Я восприняла это как разрешение и схватила рукопись. Открыла, разобрала пару страниц и поняла: этого я жабе не отдам. Ни за что и никогда.

Она обещала зайти? Значит, надо закомуфлировать ценные данные, а ей подсунуть какую-нибудь туфту. Но такую, чтобы она не смогла понять, что это туфта. А как? Магистр Мартония все-таки не Матильда, а профессиональный зельевар, ее так просто не проведешь. Я пошарила по всей лаборатории и под тягой нашла залежи лабораторных журналов.

Двадцать семь шгук. Вытащила парочку с самого низа и положила на стол, а голубую тетрадь обернула в серую оберточную бумагу и сунула на их место. Мне показалось, или я и впрямь услышала все тот же довольный смешок?

Ближе к обеду Мартония пришла меня проведать.

Схватила со стола один из журналов и попыталась было вынести его из комнаты. Но только подошла к двери, как она распахнулась и со всей дури заехала ей в лоб! Жаба рухнула на пол без сознания. Пришлось бежать в коридор и звать на помощь: самостоятельно я этот мешок костей и сала не подняла бы. Пришел Форгард, осмотрел помещение и спросил, что произошло. Я честно все рассказала, хотя и думала, что он мне не поверит. Но завхоз удовлетворенно кивнул, как будто я подтвердила его гипотезу, взвалил жабу на плечо и вынес. Лабораторный журнал остался на месте. Уф! Я вздохнула с облегчением и пошла на обед.

Это был первый и последний раз, что Мартония посетила меня в апартаментах Гиаллена. После того случая я сдавала ей отчеты в конце декады, время от времени она приглашала меня к себе, но ни разу не решилась переступить порог проклятой лаборатории. Теодолинда, кстати, тоже. Вероятно, жаба передала пиявке, что ей тут ничего хорошего не светит.

А я не могла нарадоваться. Штудировала старые журналы с наклейками № 2 и № 3, в которых шли не очень мне понятные опыты по привязке заклинаний к растениям, из которых постом готовится вытяжка, по ним составляла отчеты для жабы Мартонии, а для себя изучала голубую тетрадь. Похоже, Гиаллен и впрямь очень близко подошел к созданию Эликсира Невидимости. Заклинание невидимости известно давно, но его может наложить и удерживать только маг, и требует оно прорву силы. Амулет невидимости тоже есть, но он очень неудобен в использовании: никогда не можешь быть уверен, что заклинание не слетит. А Эликсир... Его доза рассчитывается на вес и на время, и пользоваться им может любой человек, даже лишенный дара. Но до сих пор не удавалось привязать заклинание невидимости к жидкой субстанции. А вот Гиаллен, кажется, нащупал путь к созданию своего шедевра. Следить за ходом его мысли было удовольствием. Но тратить все время на это не получалось, приходилось еще и для жабы стараться, а она халтуры не терпела.

В общем, я была занята по самую макушку весь день. Днем я работала. Из предыдущего рассказа может показаться, что я не выходила из лаборатории Гиаллена, но это не так. Меня, как любого аспиранта, загружали все, кому не лень. Я и посуду мыла, и сырье для зелий сортировала и сушила, и чьи-то опыты караулила. Не реже трех раз в декаду меня посылали за чем-нибудь на склад или в город. Так что на месте я не сидела.

Так прошло три декады, в конце которых я получила свои тридцать золотых гитов в холщовом мешочке. Куча денег! То, ради чего я подписалась на этот комфортабельный гадюшник! Если вспомнить, что моя стипендия на первом курсе составляла пятьдесят серебряных гортов, то есть половину гита, и была ровно в десять раз больше стипендии студента из немагического учебного заведения... На седьмом курсе я получала три гита, это мне именную назначили, больше студент не получает. Если сравнить, то теперь я почти богатая дама! Если через пять лет защищусь, стану магистром и меня оставят в отделе, буду получать уже сто золотых, и это не считая стороннего приработка, а он тут есть почти у всех. Если лет через двадцать не стану архимагом, то накоплю достаточно денег, чтобы уехать в какую-нибудь столицу, купить дом, нанять слуг и открыть там практику. Еще очень пригодится то, что после получения магистерской степени я буду считаться гражданкой

Валариэтана, и при любой сложной ситуации в любой стране я смогу обратиться к нему за защитой, и Совет Магов станет меня защищать. Хочу быть свободной, независимой, состоятельной женщиной! Ради этого и вкальваю с утра до вечера. Ну, не совсем до самого вечера, работаю я до ужина, перед сном только читаю.

А вот вечерами ко мне обязательно кто-то приходит. То какой-нибудь аспирант напросится на ужин, то архимаг захочет выпить чаю в моем обществе, то кто-то из магистров решит, что ему срочно нужно со мной что-то обсудить, узнать мнение нового лица, получить свежий взгляд на проблему. Если в случае с магистром Эдилиеном или аспирантом Юстином все так и было, то остальные таскались явно по другой причине. Ни слова о работе, зато на другие темы распространялись весьма охотно. Магистр Белон рекламировал себя и никак не мог понять, почему я не покупаюсь. Арсент кокетничал и пожирал мою выпечку. Да-да, мне пришлось между делом еще и печь пироги и пышки, иначе мой бюджет не вынес бы нашествие этих проглотов. А тесто — это вкусно и дешево. Для фигуры плохо, но я же не для себя, а для гостей.

Магистр Герион был настолько мил, что обязательно приносил что-нибудь с собой, то пива, то конфет, а то и окорок или сыр. Так же поступал и Форгард, только его приношения были скромнее. Конечно, доход у честного завхоза значительно ниже, чем у магистр-зельевара. Келедар и Семпроний приходили вместе. Блондин веселил меня всяческими байками, в то время как брюнет молча уничтожал продукты. Но, к счастью, они не засиживались, намекая, что шеф не поощряет их визиты ко мне. Сам же Ригодон являлся как по расписанию в первый выходной к обеду. Я думала, он будет склонять меня к более близкому общению, но, как оказалось, ему не давало покоя то задание, которое мне поручила Мартония. Похоже, она действовала не самостоятельно, а в интересах этого типа. Я прикидывалась ответственной и старательной дурочкой, рассказывала ему, как разбираю лабораторные журналы исчезнувшего Гиаллена, и ни словом не упомянула про голубую тетрадь. Но во время своего второго визита он сам о ней спросил! Значит, знал?

Я, честно глядя ему в глаза, сказала, что разобрала едва ли пять процентов лабораторных журналов, но ничего голубого до сих пор не видела. В доказательство повела Ригодона в лабораторию и продемонстрировала залежи под тягой. Действительно, серые, зеленые, черные и коричневые корешки. Пусть мессир Ригодон убедится: ничего голубого и даже синего. Может, архимаг Гиаллен прятал тот самый журнал? Но я уверена, если даже данные утеряны, то разбирая его записи подряд, мы сможем восстановить ход мыслей гениального мага. Правда, времени на это уйдет...

Мне показалось, или, когда я закрывала за Ригодоном дверь, за моей спиной снова раздался довольный смешок?

Этот самый смешок слышался мне регулярно с первого дня и только в апартаментах Гиаллена. Он возникал на границе слуха то в спальне, то в кабинете, то в столовой, но чаще всего в лаборатории.

Скажу прямо: теперь я была уверена, что мне это не кажется. Смешок возникал, когда я совершала что-то, что мне самой нравилось. Как будто некая невидимая сущность наблюдала за мной и поощряла мою деятельность. Я уже готова была поверить в то, что архимаг Гиаллен действительно умер, а его душа поселилась здесь, где он проводил большую часть жизни, где творил, и где осталось его незаконченное детище. Изгонял тех, кого считал недостойными, но почему-то принял меня.

Странно. Живого Гиаллена я бы никогда не заинтересовала, да и он бы меня не привлек

при всей его гениальности. В этом я могла поклясться. Да, он был гением, великим ученым, но человеком не самым лучшим, если не сказать больше. Откуда знаю? А я его прекрасно помню, да такого и не забудешь... На его ежегодные лекции сбегался весь университет. В нем сочетался талант ученого с талантом популяризатора науки, а эти две ипостаси редко встречаются в одном организме. Читал Гиаллен потрясающе, увлекал всех рассказом настолько, что после его лекции люди не сразу могли вернуться в обычную жизнь. Внешность у него тоже была примечательная: ярко-синие глаза на смуглом и довольно неправильном, но очень мужском лице. Он не был красавцем, как, например, Арсент, но излучал мощное, просто бронебойное обаяние. Его бы на неприятельские армии послать, чтобы они стройными рядами переходили на нашу сторону. Все девицы в радиусе видимости пищали от восторга и влюблялись в заезжего профессора пачками. Странно, но на меня его выступления так не действовали. Вероятно все дело в свойствах моего разума: я не способна его выключить ни на минуту, и никто другой этого сделать не в силах. Поэтому я очень хорошо усваивала содержание его лекций, но оставалась при этом внутренне спокойной. Как говорится, в здравом уме и твердой памяти.

В этом месте заканчивается то хорошее, что я могу сказать о великом архимаге, и начинается плохое. С девицами он вел себя по-скотски. После лекции выбирал какую покрасивее, манил к себе пальцем. А когда она, еще полная магии его голоса, подходила, как зачарованная, довольно грубо хватал за руку и куда-то уволокивал. Подозреваю, что в спальню. Даже имени не спрашивал. Да, ни одну красотку он не уводил с собой дважды и ни одна на моей памяти не отказалась от этой сомнительной чести. На следующий день девушки возвращались несчастные, погасшие, но на это уже никто не обращал внимания. И я бы не обратила, если бы однажды он не увел так мою соседку по комнате.

Азильда училась на факультете природной магии (он выпускает ведьм), была очень хорошенькая и грезила Гиалленом с первого курса. На его лекции бежала с восторгом в первых рядах. Так что, когда он ухватил ее за лапку, она просияла. А наутро вернулась вся в слезах. Нет, Архимаг ее не обижал, не насиловал, она сама ему отдалась. А он... Он просто взял ее, как вещь. Попользовался и выкинул. Даже не попытался изобразить увлечение, как-то эмоционально скрасить девушке этот момент. Тут надо сказать, что магички никогда не отличались строгими нравами, но они не проститутки и не рабыни. За такое отношение простой человек и даже не слишком сильный маг получил бы от ведьмочки хорошее проклятие и пожалел бы, что связался. Но что девчонка третьекурсница может против архимага? Только плакать от оскорбления, сжимая кулачки. Если представить, что он проводил в нашем Университете две недели в году, и каждый день трахал новую телочку, можете посчитать, сколько оскорбленных в лучших чувствах и униженных девиц он оставлял за собой. Не знаю, как для Архимага, а для порядочного человека такое поведение непростительно.

Вот поэтому я всегда радовалась, что не являюсь писаной красавицей. Не урод, но и только. Все среднее: рост, вес, лицо, фигура. Даже волосы у меня какие-то средние: не блондинка, не брюнетка, не рыжая, а не пойми-бери какая. Серая мышь, да и только. Среди наших богинь и полубогинь я всегда выглядела довольно убого. На такую Гиаллен никогда и не взглянул бы, зато и горького разочарования мне довелось избежать. Лишнее мужское внимание может только помешать успешной учебе. Конечно, у девушек есть шанс сделать карьеру не головой, а другим местом, но это дело неверное, да и работает недолго. Всегда найдутся помоложе и покрасивее, готовые тебя подсидеть и увести покровителя. А если еще

учесть, что с годами мы не молодеем... Так что труд и мозги — дело более надежное. Они-то всегда с тобой. Кстати, доказательство перед глазами. Теодолинда и Мартония страшны как смертный грех, но обе сделали ставку не на постель, а на профессиональный рост, и сейчас обе — магистры престижного отдела. Беспристрастно оценивая их потенциал, с уверенностью скажу: они достигли того максимума, на который могли рассчитывать. А где их красивые сокурсницы? Вот то-то и оно-то!

Но возвратимся к нашей невидимой сущности. По тому, что ко мне она неплохо относится, делаю вывод, что это не дух Гиаллена. Хотя как-то мой весельчак с ним связан: не зря жабе в лоб дверь засветил и голубую тетрадь подбросил.

А может я поторопилась с выводами: дух человека, бывает, сильно отличается от него самого при жизни. А вдруг это все же знаменитый архимаг? Если он действительно видел все, что происходило в его комнатах? Если его бестелесная сущность невидимо присутствует тут? Но тогда...

Тогда это ужас и кошмар! В качестве бестелесной сущности он наблюдает как я переодеваюсь, купаюсь и даже сижу на унитазе... А еще... Мне нравится спать без одежды. Так тело лучше отдыхает. В общежитии я не могла себе это позволить, а здесь расслабилась... За ночь одеяло сбивается, и под утро у меня из-под него вечно задница торчит. А он, выходит, на все это любитесь? Похоже что так. Особенно если принять во внимание еще одну странность...

С тех пор, как я поселилась в комнатах Архимага, почти каждую ночь вижу эротические сны. И чем дальше, тем больше они похожи на реальность. Лица мужчины я никогда не вижу, но ощущения необыкновенно реальные. Вдруг это здешний дух балуется? Бестелесные сущности должны уметь проникать в сны. Что-то такое нам читали на менталистике. И тогда все сходится. А может быть я просто схожу с ума на почве длительного воздержания и все это мне мерещится? Ведь любые явления можно объяснить с рациональной точки зрения.

Но мне почему-то не хочется этого делать. Бестелесная сущность, дух, призрак, называйте как хотите, меня устраивает больше. Все-таки я маг!

Вот только как быть с тем, что этот дух меня наблюдает даже в самые интимные минуты моей жизни? А, плевать! Пусть любитесь. Шаловливых рученок у него все равно нет, за попу хватать не станет. Приняв это со всех точек зрения правильное решение, я успокоилась.

Еще через три декады я опять получила стипендию. Они прошли так же, как и предыдущие, если не считать мелких нюансов, а именно того, что практически все мужчины отдела попытались наконец за мной приударить. Их можно понять: наши отшельские дамы к нежным чувствам не располагают как по возрасту, так и по внешним данным. Во всем научном центре женщин едва ли десять процентов, и большинство из них кондиций наших жабы и пиявки. Почему так, не знаю. Вообще-то магические способности не зависят от пола, но на Острове Магов, как прозвали наш Центр, действительно в основном мужской контингент. Женщины здесь по большей части на вспомогательных работах, вроде нашей Матильды и ее подопечных уборщиц. В Университете было иначе, там нас примерно поровну. Но магички редко рвутся в науку, предпочитают хлебные места в больших городах или замужество. Поэтому сюда из женщин попадают единицы. и единицы эти чаще всего роскошной внешностью похвастаться не могут. Красотки есть только на менталистике, да среди ведьм, но их мало и они гордые.

В город наши маги выходят редко, это непоощряется, дамы из других отделов заняты. Одна я и остаюсь для ухаживаний. Другое дело, что мне это ни к чему. Когда я наконец решусь на отношения с мужчиной... Ладно, не стоит вдаваться в подробности. В общем, никто из здешних стать этим мужчиной не имеет шанса, кроме, пожалуй, Юстина. Тот хоть молодой, умный и не противный. Но вот он как раз поползновений на близость к телу не проявлял. Из общей тенденции выпал также, как ни странно, наш шеф мессир Ригодон. А я полагала, что он будет в очереди первый и станет настаивать на особых правах. Приятно так ошибиться в людях. А остальные... Цветочки, конфетки, попытки пожать то руку, то коленку...

И вот что удивительно: если что-то подобное происходило в общих помещениях, то ничего странного не случалось. Ну, вывернусь я, и все дела. А вот когда попытки обольщения имели место за вечерним чаем в моей (теперь уже моей) квартирке, то случались разные чудеса. Магистр Герион случайно перевернул на себя кипящий чайник, магистр Белон облил свою роскошную шелковую мантию смородиновым вареньем, магистр Эдилиен (к моему удивлению он вдруг тоже начал меня хватать за коленки) наступил на собственный подол и навернулся со стула. Красавчик магистр Арсент ухитрился подпалить рукав и чуть не устроил пожар. На Форгарда, который попытался прижать меня в дверном проеме (а он-то зачем, если живет с нашей Матильдой?), со шкафа свалилась тяжелая коробка с книгами и стукнула по башке. Келедар с Семпронием тоже пострадали. Первый, подобно Мартонии, получил дверью в лоб, когда пытался прошмыгнуть за мной в спальню, а второй свалился со стула и начал уверять, будто стул из-под него выдернули. И это я только по одному случаю для каждого описала. Вообще, с мужчинами, пришедшими ко мне на чай, творились разные мелкие, но очень пакостные чудеса. В результате все ходили вокруг меня, как пресловутая лиса вокруг винограда. В самом деле: в общих комнатах меня в койку не завалишь, в моих вечно что-то мешает, а в их комнаты я не хожу. И рычага воздействия ни у кого, кроме заведующего, нет. А он, как собака на сене, и сам не ам, и вам не дам.

Меня вся эта ситуация только развлекала.

Глава 5. Мелисента знакомится с духом и заключает с ним договор

Зато работа по-настоящему захватила. Как ни странно, обе ее части: и изучение голубой тетради, и то, что я делала для Мартонии. Последнее даже больше. К сожалению, на голубую тетрадь времени катастрофически не хватало, пока получалось только читать, а вот повторить ни один из опытов я не рискнула.

Со старыми журналами дело шло веселей, за шесть декад я проштудировала две тетради. Мне достались очень древние, времен разработки Усовершенствованного Эликсира Силы. Надо сказать, эликсир этот был известен давно, но, как большинство эффективных зелий, с ним все было по пословице: «что-то лечим, а что-то калечим». Небывалый прилив сил сменялся полным бессилием, причем очень скоро. Успеешь совершить нужный подвиг — молодец, потому что если не успеешь, тебя можно будет брать голыми руками, сил останется как у дохлого воробья. Доза этого эликсира стоила как небольшое поместье. Поэтому в военных действиях его не применяли, давали с собой диверсантам на самый крайний случай. Гиаллен сумел усовершенствовать рецептуру: теперь и прилив сил длился дольше, и уйти после окончания действия удавалось своими ногами. А главное, Архимаг еще и производил его в масштабах, близких к промышленным, правда, поставлял только королю, который оплатил исследования, по астрономическим ценам. На этом, кстати, и разбогател. До сих пор повторить его достижение удавалось лишь единицам. Я, кстати, научилась готовить это зелье еще в Университете. Рецепт был невообразимо трудным и муторным, приходилось не отходить от тяги двое суток, а в результате получалось не больше одной дозы. При пропорциональном увеличении ингредиентов выходила страшная, вонючая и совершенно бесполезная гадость.

Сейчас же, разбирая записи Архимага, я поняла, что опубликовал он далеко не окончательный вариант и в описании упустил очень много мелких, но существенных моментов. Это мы, дураки, корячились, пытаюсь повторить успех мэтра. Сам он делал этот эликсир красиво, легко и изящно, его способ действительно позволял получить сразу сотню-другую доз без потери качества, только бутылочки подставляй. Сообщить об этом Мартонии? Она начнет торговать чужим изобретением направо и налево, а денежки положит в свой большой карман. Ну, может, с Ригодоном поделится. А вот фиг ей!

Если кто-то думает, что изучение лабораторных тетрадей состояло в чтении, он глубоко ошибается. Если только читать, можно было быстренько все прочесть, только толку с того ноль. Настоящий ученый ничего не берет на веру, проверяет и перепроверяет каждый факт! Начав работу с лабораторными журналами Гиаллена, я старательно повторяла все его опыты. Даже при таком подходе двигалась я на удивление быстро: все опыты были описаны точно и подробно, гадать и выдумывать не приходилось. И вот, когда я поняла, в чем тут фишка, то решила: чужие результаты никому не дам! Есть же какая-то научная этика! А что делать?

Довольно быстро родилась идея: Мартонию с Ригодоном надо водить за нос.

В начале второй тетради Гиаллен наметил направление, которое потом отбросил как тупиковое. Вот им я и займусь. Кто знает, что архимаг отказался от этого пути почти сразу? Может, он его хорошенько разработал, и только потом решил, что оно бесперспективное. Приняв такое решение, я начала выдавать Мартонии собственные измышления за работу над

тетрадами гения. Если учесть, что тетради эти вынести из его лаборатории не получалось, она даже проверить мои слова не могла! Вернее, могла, но не рисковала прийти ко мне с визитом и лично почитать чужие записи. Она, правда, намекала на то, что я бы могла не валять дурака и сразу заглянуть в конец, наплевав на научную добросовестность... Я сделала вид, что не поняла, а потом пояснила, что приходится работать поэтапно: Гиаллен все время дает отсылы к предыдущим опытам. Это, между прочим, чистая правда! Но не вся. Сейчас я уже была готова повторить знаменитый эликсир, но не делала этого. Наоборот, я все глубже и глубже забиралась в дебри тупикового направления.

Хотя... Не такое уж оно тупиковое. Эликсир силы так не получишь, а вот кое-что другое... И это будет не повторение работы Архимага, а мое собственное творение!

Когда я поставила первые опыты, уводившие меня с проторенной дороги, довольный смешок сменился скептическим хмыканьем. Но чем дальше я двигалась, тем реже его слышала. А однажды...

Но прежде всего надо напомнить: в лаборатории было две тяги. Когда я пришла, одна была чисто вымыта и открыта. Под ней я и трудилась. Зато вторая была закрыта наглухо, поднять стекло не удавалось. А внутри все осталось так, как будто Гиаллен только что работал, и вдруг, не закончив опыта, встал и ушел. Была смонтирована перегонная установка, стояли колбы, реактивы, были разложены пучки трав и прочая рабочая дребедень. Сбоку можно было видеть листок с несколькими строчками текста и рисунком. Но прочесть текст или разглядеть рисунок через стекло не удавалось. Я особо и не пыталась, мне голубой тетради хватало, а также всего остального.

Но как-то раз, закончив работу и вымыв тягу, я вдруг по неизвестной причине потянулась к закрытой тяге, взялась за стекло и оно поехало вверх! Нелюбопытной меня не назовешь: тут же сунула нос внутрь и первым делом схватилась за бумажку. Прочитала и обалдела. Обычно так кладут пропись, по которой собираются работать. Но это была совсем не пропись! Листочек оказался половинкой двойного тетрадного листа, не очень ровно оторванной. На нем была нарисована магическая двенадцатилучевая звезда непонятной конфигурации и написано заклинание.

В этот день я пропустила ужин. Пришедшему ко мне на чай магистру Эдилиену я сделала от ворот поворот, сославшись на усталость и головную боль. Заперлась в кабинете и достала все справочники по начертательной магии. Копалась в них до глубокой ночи. Получалось, то, что тут написано и нарисовано, призвано соединить. Только вот что с чем? Об этом история благополучно умалчивала. В конце концов, не мое это дело. Я ничего ни с чем соединять не собираюсь. Разобрала заклинание и тоже в нем ничего не поняла. Спасибо, хоть прочесть удалось. Взяла листочек и понесла его на место, пусть лежит, ждет хозяина. А вот когда клала в тягу, неловко его перехватила и порезалась об острый край бумаги, да так, что кровь потекла очень обильно. Несколько капель упали на рисунок, я ощутила боль в груди, начала задыхаться, рванула ворот мантии и рухнула на пол без сознания.

Пришла в себя очень скоро, никаких неприятных ощущений больше не было, наоборот, я чувствовала себя бодрой и отдохнувшей. Ну и отличненько. Листок лежал рядом. Но пятен крови на нем не наблюдалось. Убрала его от греха на место. Уже утро скоро, так что я прямо сейчас позавтракаю, а если днем вдруг захочется спать, то посплю. Никто не запретит.

Сварила себе кофе, зажарила пару яиц с беконом, намазала булку маслом. Съела и поняла: мало! Я не наелась, еще хочу. Но это просто невозможно! Нельзя столько жрать, да еще в пять часов утра! Выпила вторую чашку кофе — не помогло. Я уже собиралась волевым

усилием встать, но вдруг услышала около самого моего уха голос:

— Ну что же ты? А еще омлетика?

Как я по второму разу сознание не потеряла?! Но все же осталась сидеть, а еще спросила неуверенно:

— Какого омлетика?

— Вторую порцию. Ты же не наелась.

Голос был низкий, красивый и... знакомый. Если бы я не ждала этого, то не узнала бы, а так... Все-таки мессир Гиаллен. Но я не показала виду, что голос мне знаком, зато успокоилась и смогла сформулировать вопрос:

— А ты откуда знаешь, что я не наелась?

Нарочно назвала дух архимага на «ты», чтобы спровоцировать на беседу. И он поддался.

— А с чего это разговор идет на «ты»?

— А с чего это я буду с каждой бестелесной сущностью на «вы» разговаривать?

— Сообразительная и нахальная. Это хорошо. А на твой вопрос отвечу: ты должна быть голодной, потому что твой завтрак достался мне. А я бы от добавки не отказался.

— Это как это мой завтрак достался тебе?

— А вот так! Ты хоть знаешь, с кем разговариваешь?

— С духом архимага Гиаллена?

— Нет, не с духом! Ты разговариваешь со мной, то есть, тьфу! с самим Гиалленом!

— Так я и поверила! Если бы ты был самим Гиалленом, я бы тебя видела! А если не вижу, значит ты дух бестелесный!

— А если я невидимый?

— Под заклятием невидимости? Ой, что-то я сомневаюсь? Или эликисра своего таинственного нахлебался? Тоже не может быть: Гиаллен давно пропал, действие за это время должно было выветриться.

— Так, красавица, не спорь со мной, а послушай. Я архимаг Гиаллен, вернее, его часть. Душа, личность, надеюсь, это понятно?

— Я же говорила — дух!

По-моему, я его разозлила.

— Это у покойника дух! А я живой!

— Вот с этого места поподробней, пожалуйста.

— С удовольствием все расскажу. А ты пока еще одну яичницу сооруди, а?

Пришлось встать к плите, а дух начал вещать.

Начал с доказательства своей личности и, надо отдать ему должное, придумал, как доказать. Пересказал мне близко к тексту куски из тех тетрадей, с которыми я работала. Логично: кроме самого автора и меня к этим тетрадям никто не прикасался. Пришлось поверить: он и в самом деле оказался духом великого архимага.

— Ну, мессир Гиаллен, я убедилась в том, что имею дело с твоим духом. Давай дальше: что с тобой случилось и что тебе от меня надо?

— Вот так с места в карьер? Без экивоков и реверансов? А что, мне нравится. Деловой подход. Итак, что со мной случилось...

По словам духа кто-то в мантии с капюшоном и чем-то еще, закрывавшим лицо и делавшим неузнаваемым голос, вошел к нему в лабораторию ночью и провел обряд, отделяющий душу от тела. Тело он при этом погрузил в стазис. Действовал не методами зельеваров, а классической темной магией. Но Гиаллен, хоть и был захвачен врасплох, все

же успел выпить свой новый эликсир и стать невидимым, а еще активировать защиту лаборатории, чтобы из нее ничего нельзя было вынести.

К сожалению, злодей знал, где лежит его тело, поэтому сумел его найти и где-то перепрятать. Но вот обряд связи провести не смог.

— Какой такой обряд связи?

— Ну, он, видимо, хотел меня к себе привязать, сделать зависимым, и заставить работать на себя в уплату за освобождение и возвращение тела.

— А тело можно вернуть?

— Конечно, можно! Если с ним ничего не случилось, то не ушедший за Грань может снова его занять после определенного обряда. Только смерть необратима, а я не умер.

— Ты это точно знаешь? Ну, что ты не умер?

— Абсолютно. Я тебе больше скажу: после того, как ты провела обряд связи, я даже обрел частичную телесность.

— Что? Частичная телесность? Бред какой-то.

— Не бред, деточка, а Высшая Магия. А почему ты не спрашиваешь про обряд связи?

— Я так поняла, что связь установилась, когда я порезала руку тем противным листочком из твоего вытяжного шкафа. Одно мне не ясно: почему таинственный злодей не смог его провести? Трудов-то на одну минуту.

— Видишь ли, это дело сугубо добровольное, должно быть мое согласие на обряд. А вот согласие получить от меня тогда можно было лишь под подчинением. Обряд подчинения требует работы с телом. Видимым, невидимое не подходит. Понятно объясняю?

— Очень. Просто голова кругом. У меня вопрос: а моего согласия не требовалось?

— Нет, конечно. Обряд-то ты проводила, значит, априори согласная.

Ой, во что это я вляпалась? Во что-то магическое, гнусное и с непредсказуемыми последствиями. Блин горелый! Всю жизнь старалась быть внимательной и осторожной, а тут влетела как кур в ошип! Эй, Мелисента, берегись! Таинственный злодей хотел использовать Гиаллена, а он, в свою очередь, собирается использовать тебя. Ладно, пусть использует, но границы буду выставлять сама и попытаюсь выжать из него за это максимум. Для начала пусть объяснит, что это за связь.

Он и объяснил, да так, что я не поняла, зачем злодею такое могло понадобиться. Геморрой жуткий. Оказывается, он теперь будет таскаться за мной везде, как привязанный, потому что его дух связан со мной по жизни. Причем не только с духом, но и с телом. До этого его дух был привязан к месту, где он расстался со своим телом, то есть к лаборатории, а теперь куда я, туда и он. Он полностью от меня зависит. Питаясь, я теперь питаю и его телесность. Вот зачем ему вторая яичница. Насчет телесности я не поняла, переспросила. Оказывается, это не сам организм, а некая способность к материальности. Без нее он не мог бы вернуться в собственное тело и умер окончательно и бесповоротно. Теперь может. А пока не вернулся, телесность дает ему возможность совершать вполне материальные вещи. Да вот хоть мебель двигать.

На моих глазах стул переместился из угла за стол.

Или меня ласкать. Ой! Я почувствовала на своем теле невидимые руки, одна обнимала за талию, другая легла на грудь. Пришлось завопить:

— Прекрати немедленно! Убери руки, подонок! Или я найду- таки подходящий обряд и распылю тебя к чертям собачьим!

В ответ прозвучало удивленное и чуть обиженное:

— Я думал, тебе понравится.

Но руки убрались.

— Меньше думай, крепче будешь спать. В общем я поняла: я к себе привязала пучок неприятностей. А теперь объясни три вещи. Первая: что ты хочешь? Вторая: почему ты выбрал для этого именно меня? И третья: что мне будет за то, что я тебе помогу?

Не была уверена, ответит ли он на мои вопросы, но услышала:

— Я начну со первого вопроса. Думаю, он самый простой. Я хочу, во-первых, вернуть свое тело. Во-вторых, вернуть все остальное: мое место в Совете, мой отдел, мои деньги, мою квартиру и мои материалы. В третьих и последних, я хочу найти тех, кто это со мной сделал, и с ними разобраться.

Я хмыкнула:

— И ты знаешь, как все это сделать?

— Имею представление. Как только я вернусь в тело, все остальное окажется легче легкого. Значит, в первую очередь мне надо вернуться в собственное тело. И ты мне в этом поможешь. Вот ответ на вопрос чего я хочу от тебя. Теперь последний вопрос: что тебе за это будет? Ответ: все, что захочешь и что в моей власти. Сделаю тебя магистром и своей правой рукой. Разделю с тобой свое состояние, поверь, это немаленькие деньги. Да в конце концов женюсь на тебе!

Он что, и правда себя таким подарком считает, что думает меня своей персоной осчастливить?

— А вот этого не надо. Я за тебя не пойду.

— Почему?

Удивление бесплотного архимага было безмерно.

— Без почему. Не хочу, и все. Пожалуйста, мне нужен ответ на второй вопрос. Потом можешь сам меня спрашивать.

Дух задумался, замолчал, потом заговорил, подбирая слова:

— Почему я выбрал тебя... Мне особо не из кого было выбирать. Ко мне в квартиру селили всех сотрудников по очереди, но... Они все были под подозрением, кроме, может быть, двоих, но и им я не смог бы доверять... так что я выжил отсюда их всех. У меня по всей квартире разные штучки рассованы, я имею в виду мелкие, но вредные заклинания. Замкнуты они на мою личность, так что и в состоянии бестелесного духа я мог их активировать. Так что сотрудники приходили, а я их гонял и не давал и шагу сделать в лабораторию. В результате все ушли. А потом сюда поселили тебя. Ты пришла с улицы, никого тут не знала и ни с кем не была связана. А еще ты мне понравилась.

— Так уж и понравилась...

Выбрал меня по бедности, потому что другого свежего дурака не нашлось. То есть дуры.

— Конечно понравилась, а ты как думала. Пришла и не стала изображать хозяйку, а попросила разрешения тут жить и работать. Оказалась умной и сообразительной. Вела себя с достоинством. Не попыталась сдать меня Ригодону и Мартонии, сохранила тайну голубой тетради. В лаборатории работаешь отлично, у тебя есть хватка. Не трусиха и не курица. Я не зря целых семь декад за тобой наблюдаю.

Ага, то есть он семь декад наблюдал и наконец решился. Знала бы... А с другой стороны, и знала бы, вела бы себя точно так же. Ну вот такая я дура. И другой мне уже не быть. Послушаем, что он еще скажет.

— И потом, ты симпатичная. Очень симпатичная девушка.

Симпатичная, как же. Так я тебе и поверила, красавчик. Да ты при жизни на таких как я плевал с высокой горки. Дух между тем продолжал разглагольствовать.

— Конечно, когда ты замотаешься по самые уши в мантию, затынешь волосы в кукиш на макушке и сделаешь морду кирпичом, то об этом трудно догадаться. Но я имел возможность наблюдать тебя, так сказать, в естественной среде... Так вот, у тебя роскошные волосы, не слишком длинные, зато густые, блестящие и красивого оттенка. Глаза не очень большие, волоокой тебя не назовешь, но я не поклонник коровьего взгляда. Зато живые и выразительные. Даже когда ты делаешь непроницаемое выражение лица, по глазам можно догадаться о твоих истинных чувствах.

Ну-ну. Придется тщательнее за собой следить, а то вдруг еще кто-то умеет читать по моим глазам.

— Рот у тебя свежий и красивого рисунка, носик прямой и аккуратный, кожа чистая и гладкая. Уже этого довольно, чтобы счесть тебя привлекательной. Но главную красоту ты прячешь под мантией.

Я покраснела и зашипела, а этот наглец и не думал останавливаться:

— У тебя прекрасное тело. Стройное, гибкое, изящное, но не тощее. Где надо тонкое, где надо округлое. Дивная грудь, которой не нужны никакие корсеты, чтобы соблазнительно выглядеть, длинные стройные ноги и восхитительная попка...

Могла бы дать в глаз, дала бы.

— Жалею, что в качестве духа был все это время лишен обоняния: ты должна божественно пахнуть: здоровым страстным женским телом.

Можете представить, как я разозлилась.

— Так, еще одно слово, и я тебя точно развоплю! Маньяк сексуальный! Тела нет, а тоже туда же! В общем, я тебя послушала, теперь ты меня послушай. Был бы у меня выбор, ты летел бы отсюда впереди собственного визга. Терпеть тебя не могу, архимаг Гиаллен! Но к сожалению я или тебе помогаю или обречена таскать по жизни эту обузу. Значит, мне придется тебе помочь, а тебе придется объяснить, как это сделать.

К счастью, он не стал спрашивать, почему я его терпеть не могу, сказал просто:

— Что ж, дорогая, не буду делать вид, что мне приятно твое отношение, но ты согласна помогать, а этого уже достаточно.

— Слушай дальше. Я тебе помогу, а ты в благодарность научишь меня всему, что знаешь и умеешь сам. На твое я не претендую, но если в процессе мы что-то совместно придумаем или изобретем — доходы пополам. Это все, что касается оплаты. Зато я кое-чего потребую.

— Оплата более чем божеская. Я сразу понял, что ты приличная девушка, из тех, кто никогда не возьмет чужого. А учить тебя будет истинным удовольствием: за семь декад наблюдения можно было догадаться, что голова у тебя варит.

— Отлично. Раз ты принял условия оплаты, выслушай и требование. Прекрати свои сексуальные домогательства. Прекрати совсем! Я ни за что не стала бы связываться с живым Гиалленом, тем более не интересуюсь в этом плане его духом!

— Требование понял, но хочу получить разъяснения: почему ты не стала бы связываться со мной живым? Ни одна девушка ни разу мне не отказала.

Так и знала, что он об этом спросил. Ну, держись теперь, герой-любовник!

— А хоть одна девушка была с тобой счастлива? Молчишь? Не знаешь? Ты просто никогда не задавался этим вопросом. Да и не отказывали они тебе потому что не могли. Были очарованы твоим волшебным голосом и не принадлежали себе. Ментальное

подчинение. вот как это называется. Да, они были готовы на все. Это ты видел. А как потом они страдали от унижения видела я!

Сейчас будет оправдываться и смешивать всех девиц на свете с грязью! А я не собираюсь этого слушать. Мне есть, что сказать, но сейчас я думаю о другом. Надо добиться желаемого.

— Но Мелисента...

— И кстати, ты выбирал из тех, кто не мог тебе отказать, на других и не смотрел, ведь правда? Все, тема закрыта. Или ты принимаешь это мое требование, или я все же ищу способ тебя упокоить. Думаю, в Высшей магии такой найдется.

Архимаг, по-моему. обиделся. По крайней мере ответил очень недовольно:

— Ты крайне самоуверенна, если думаешь, что я позволю себя развоплотить или упокоить. При этом грубо ошибаешься: в Высшей Магии такого заклинания нет, только в Магии Крови, а она под запретом. Можешь рискнуть своей головой, но я лично тебе не советую. Я почему-то был уверен что мои, как ты их называешь, домогательства, будут тебе приятны, ты ведь не невинная дура. Но если тебе так хочется... Обещаю, я не стану тебя домогаться.

Вот добилась я своего или нет? Одно успокаивает: он дал обещание, а маги обычно их держат.

— Хорошо, договорились. А пока... Мне надо работать. То, что мне придется делать, ты мне расскажешь вечером после ужина, когда я освобожусь.

Пока мы препирались, я съела-таки вторую яичницу, приправив ее для разнообразия луком и помидорами, а также выпила еще чашку кофе с молоком. Никогда не любила с молоком, но тут... Кажется, это Гиаллен на меня влияет. Наевшись и накормив своего телесно-бесплотного, взялась за то, что запланировала на сегодня. Доделать отчет за декаду для жабы и пойти его сдать. Устроилась в кабинете и начала строчить, время от времени сверяясь с лабораторным журналом Гиаллена и своими записями. Дух пристроился у меня за плечом и контролировал работу. Сужу об этом по тому, что он не остался безучастным свидетелем. То хихикал, то фыркал, то подпускал комментарии вроде: «Ну, от этого старая жаба усрется» или что-то столь же возвышенное. Раздражал и мешал страшно. Одно порадовало: он, как и я, прозвал Мартонию жабой. В общем, до самого обеда я творила, а после обеда потащилась к жабе на прием. Она, как всегда, разбирала чуть ли не каждую фразу, задавала кучу вопросов и вообще мучила меня как могла. Когда она решила о чем-то проконсультироваться с мессиром Ригодоном и вышла на пару минут, я услышала шепот:

— Она всегда тебя так?

— Всегда!

— Старая сволочь!

— Вот ты мне скажи, ты-то что тут делаешь? Мартонии на мою голову не хватало!

— Детка, ты что, еще не поняла? Мы связаны! Я не могу удалиться от тебя дальше, чем на десять локтей. Придется тебе терпеть мое присутствие.

Ой-ой-ой! Знала бы заранее — удавилась бы еще до поступления в эту долбаную аспирантуру!

Тут раздалась шага Мартонии, так что отвечать я не стала. В уме прикинула: десять локтей — это очень, очень мало. Это же хуже, чем замужем. Муж может уехать на пару дней, или я могу пойти погулять без него. А Гиаллен теперь ко мне как пришитый. Все же я могу обязать этого бесплотного спать в соседней комнате, расстояние позволяет. Но скажу

ему об этом только вечером. Пусть порадуетя.

Глава 6, в которой Мелисента с Гиалленом идут в ресторан

Он и порадовался, но предварительно вынес мне весь мозг. Я грешным делом полагала, что уже этим вечером он начнет меня чему-нибудь учить. Но он для начала заставил меня наготовить на полк солдат, а затем наготовленное съесть. Пришедшего в гости Форгарда выжил, облив горячим супом. Если и дальше так пойдет, он вообще всех разгонит. После ужина загнал меня в кабинет и объявил, что ему нужно кое-что почитать, прежде чем он сможет сообщить мне в точности порядок действия. А кроме того, придется сначала найти тело. Где оно, неизвестно, но точно где-то рядом. Он, как дух, это чувствует. Только как искать невидимое? Коварный злодей сильно усложнил задачу. Невидимость давно бы прошла, если бы поверх не был наложен стазис. С другой стороны, у тела без души вне стазиса никаких шансов сохраниться для последующего воскрешения.

В общем, наша первая задача — найти тело.

Я согласилась: это логично. Убедившись, что я не спорю, дух развеселился. Когда я спросила, каков план на завтра, он легкомысленно ляпнул:

— Не парься, детка. У тебя выходные. Завтра мы ходим с тобой в город, поедим в хорошем ресторане и купим тебе приличные тряпки. Нельзя же ходить как пололка, это неприлично.

— Ты вообще в уме? С какой это стати? И на какие деньги?

— На мои. Здесь в кабинете припрятана примерно тысяча гитов на мелкие расходы. Думаю, сотни нам хватит.

Сотни? Да он спятил! Чтобы я такие деньжищи спустила за один день на тряпки? Да никогда. Примерно так я ему и сказала. И получила ответ.

Я попросила всему меня учить? Вот он и учит. Учит, как жить хорошо, правильно и с удовольствием. Для начала он хочет научить меня одеваться и получать удовольствие от еды, а не от готовки.

Я имела в виду специальные знания? Ну, он трактует это несколько шире.

В этот момент из-за полки с книгами по магическому конструированию вылез мешочек и плюхнулся передо мной на стол. Обещанные гиты.

Ну что ж, я его деньги экономить не нанималась. Куплю себе завтра все, что душевненьке угодно. Дух обрадовался моему согласию и предложил пообщаться. Не знаю, что он имел в виду. Я уже хотела спать настолько, что у меня язык заплетался. Дух обиделся:

— Я же должен хоть что-то о тебе знать.

Ах, должен знать? Я вытащила из сумки текст своего диплома и положила на стол. Думаю, моя работа прекрасно характеризует меня с профессиональной стороны, а с других ему меня и знать не надо.

— Можешь почитать вот это, а я пойду посплю. Прошлую ночь ты мне зарезал, так что хоть сейчас не мешай. И учти: спать я люблю одна! Ночью твое место где угодно, только не в моей спальне!

— А десять локтей?

— Кабинет! — я ткнула пальцем, — Ванная! Все ясно?

Тяжелый вздох был мне ответом.

Не будучи на сто процентов уверена в духе, я достала и надела ночную рубашку, а рядом

на стуле пристроила халат. Не хватало, чтобы этот полутелесный глазел на меня голую. Еще забудется и за части тела хватать начнет! Недаром же он на мою попу слюни пускал? Или у духов нет слюней?

Утром, естественно, меня разбудил шепот в самое ухо:

— Вставай, засоня, пойдем гулять!

— Я рывкнула:

— Ну-ка быстро покинул мою территорию! Я кому сказала: в спальню не лезть!

— Ты сказала, что ночью любишь спать одна. Но уже не ночь. Утро давно наступило.

Так что быстренько вставай, у нас грандиозные планы на сегодняшний день.

— Это какие такие?

— Одеть тебя как подобает, поесть в ресторане и вообще погулять и поболтать! Ты можешь взять в толк: я уже девять месяцев не покидал своих комнат! А из них семь вообще был тут в гордом одиночестве! Это же с ума можно сойти! Так что быстрее собирайся. Я жду!

Пришлось вставать, умываться, одеваться, готовить завтрак и варить кофе на двоих, а затем потреблять все это в одну харю. Наконец все было готово для прогулки: я в парадной мантии и с сумочкой через плечо стояла у выхода из нашего здания. Сердце колотилось от предвкушения чего-то необычного.

Я уже неоднократно выходила за пределы Научного центра или, как его еще называли, городка. Но одно дело короткие вылазки по заданному маршруту, другое дело — прогулка. Валариэтан считался одним из чудес нашего мира, его стоило посмотреть. Честно сказать, если бы я не попала в такое положение с этими тайнами, духами, тетрадами и эликсирами, то давно бы выкроила время для знакомства с магической столицей мира. Так что дух, по большому счету, выполнял мое подспудное желание. Он-то здесь давно живет и сможет стать отличным гидом.

У самых дверей моя прогулка чуть было не сорвалась. Откуда ни возьмись появился Ригодон с милой улыбкой:

— Мелисента, дорогая, куда это Вы собрались? Вы не забыли, я собирался с Вами поговорить за обедом? Сегодня же первый выходной декады.

Беда, из головы вон, что он со мной обычно в этот день обедает. Я уже готова была отказаться от прогулки, но почувствовала на своем локте вцепившиеся в него пальцы Гиалленской сущности. Да я же сейчас заору от боли! Дернув локтем, я расшаркалась перед архимагом.

— Ой, мессир Ригодон, мне очень стыдно, но забыла. Вот, стипендию получила, собралась по магазинам пройтись, а то совсем обносилась. И обедать планировала в городе: ничего приготовить я уже не успею, да и вообще не знаю, когда вернусь.

— Ну что ж, Мелисента, может, это и к лучшему. Завтра и послезавтра меня не будет... Приглашаю Вас поужинать со мной во второй день декады. Удачных покупок!

Я изобразила глубокий реверанс и скорей рванула на улицу, пока архимаг меня не задержал. Пробежала по аллее городка локтей пятьдесят, прежде чем сбросила скорость, и услышала:

— Молодец, девочка. Выкрутилась. Слушай, имя у тебя такое длинное, я буду звать тебя Мели.

Меня так мама звала. А отец не ленился выговаривать полное имя. Ну что ж, Мели, так Мели. А мне его как называть?

— А я тебя буду звать... погоди...

— Можешь выбрать: Ги или Ал. Меня и так, и так называли.

— Хорошо, я рассмотрю оба варианта и сообщу о своем решении.

— Тебя надо назначить главой нашего Совета Магов. Канцеляритом ты уже овладела...

Повезло этому бестелесному, что нечего ему набить, а то уже давно ходил бы с фингалом!

Валариэтан располагается на слиянии двух рек. Там, где смешиваются воды Лиеры и Киоссана, находится могучая скала Рок. Частично на ней, частично в ней давным-давно было выстроено здание Совета Магов. Вода омывает Рок со всех сторон, но мостом он соединен только с треугольником, располагающимся между двух рек. На нем и раскинулись сады научного городка, в тени которых располагаются здания отделов. В Совете восемнадцать архимагов: двенадцать действительных членов совета и шестеро в ранге наблюдателей. А в городке восемнадцать отделов, и каждым из них руководит член Совета. Любой отдел представляет из себя автономную структуру, там есть все, что может понадобиться: лаборатории, кабинеты, жилье для всех сотрудников согласно рангу, столовая, библиотека отдела и подсобные помещения. Еще в городке есть общая библиотека, гордость Центра, и здание, где проходят конференции, выставки и конкурсы. А вот порталное помещение для магов находится на самом Роке, в здании Совета. Оттуда топать в городок приходится на своих на двоих. Своя порталная есть у пространственников, но ею воспользоваться могут только они.

Я обо все этом знала теоретически, а Гиаллен показал мне наш городок в подробностях и рассказал, как он создавался. Как маги Совета первого созыва решили построить каждый себе по отделу, как соревновались друг с другом, у кого здание красивее и удобнее для работы. Мы гуляли часа два и любовались. Здание отдела зельеварения оказалось обвито каменной резьбой, изображающей травы, отдел боевой магии был похож на крепость, окна в отделе некромантии были выполнены в виде пентаграмм, вокруг всего отдела менталистики шел поясok из масок, изображающих все эмоции человека.

— Говорят, скульптор их со своей тещи лепил, очень эмоциональная была женщина, — прокомментировал Гиаллен.

Я захихикала. Прогулка мне нравилась. Мы как раз дошли до отдела начертательной магии, который выглядел как математическая головоломка, и я увлеклась ее разгадыванием. Вдруг мой гид вспомнил, что планировал показать мне город и увлек на находившийся рядом мост, который связывал городок с левым берегом. До сих пор я ходила на правый: там были лавки зельеваров и букинистов, в которых можно было купить нужный ингредиент или заказать книгу, уютные сонные улочки, недорогие магазинчики и кафешки, да и сам стиль жизни мне импонировал: так жил мой родной городок. Левый берег считался берегом богатства и роскоши, я там никогда не была. Сам мост оказался гораздо шикарнее того, который вел на берег правый. Тот был деревянный, на огромных понтонах, а этот — ажурная каменная арка, широкая, удобная и надежная, когда по ней идешь, и совершенно невесомая, когда смотришь со стороны. Отсюда открывался потрясающий вид на Рок и научный городок. Полюбовавшись, мы ступили на набережную, и тут прогулка закончилась и начались мои мучения. Гиаллен шипел мне в ухо, гоняя из лавки в лавку, из магазина в магазин и заставляя покупать. Да ладно бы только покупать: он заставлял меня мерить! Это был какой-то утонченный садизм. Через три часа покупок я устала так, как не уставала за год учебы. А результаты... Результаты не впечатляли. Три платья, которые мне обещали

подогнать по фигуре и прислать на дом, несколько шарфов, четыре пары туфель и сапожки, модный плащ с капюшоном из непромокаемой ткани, гребни и заколки, духи, которые мне выбрал дух (а еще жаловался, что лишен обоняния) и элегантная шляпа с большими полями, украшенная облаком уложенного фестонами газа. Меня она пленила тем, что ее можно было носить множеством способов, каждый раз создавая другой образ. Газ превращался то в ленты под подбородком, то в вуаль, закрывающую лицо, то становился просто украшением вокруг талии. Гиаллен все время пытался комментировать происходящее, забывая, что от торговцев надо шифроваться. Что я скажу, что у меня тут с собой ручной дух на привязи?

Кроме тех лавок, в которые меня загонял неугомонный дух, я заглянула туда, где торговали мантиями для магов. Мои уж очень старые и поношенные, а кроме того, они зеленые, болотного цвета, как принято у зельеваров. Конечно, к моим глазам подходят идеально, но у эликсирщиков традиционно мантии пурпурные, цвета запекшейся крови. Мне больше всего нравятся сиреневые, как у менталистов, но приходится довольствоваться тем, что положено. Пришлось заказать целых четыре: одну выходную бархатную, другую шелковую и две суконные на каждый день.

Надо сказать, что в этом городе магов уважали, даже очень. Когда я в своей потертой мантии заходила в любой магазин, продавцы готовы были бросить самых расфуфыренных покупательниц и заниматься мной. Все старались угодить. В Элидиане я привыкла к другому, и тут просто нежилась в лучах внимания и заботы. Правда, и цены здесь были не чета Элидианским, все как минимум в два раза дороже. Несколько раз я порывалась плюнуть и уйти, но мой привязанный дух готов был мне за это уши отгрызть. Приходилось давить жабу и раскошелиться. Очень помогало то, что в качестве жабы я представляла Мартонию.

Все купленное я отправляла на свой адрес.

Последней покупкой стало нижнее белье и две ночнушки на всякий случай, после чего я засбоила и потребовала обещанный обед в хорошем ресторане. Еще одного магазина я просто не выдержу. Дух на удивление легко согласился. Видно, и сам проголодался. Я боялась, что мне велят войти в одно из тех заведений, мимо которых мы проходили: со стеклянными дверями, окнами на весь этаж и швейцаром, похожим на важного генерала, на входе. Но Гиаллен увлек меня в довольно узкую улочку и предложил зайти в низкую дверь погребка. Вывеска там была. Но такая незаметная, что я прошла бы мимо и не догадалась, что тут может быть ресторан. Зато внутри... Там было шикарно. Мореный дуб, охотничьи трофеи на стенах, полумрак и всякое такое.

— Попроси отдельный кабинет: тебе надо посидеть подумать, — шепнул на ухо Гиаллен, Я так и сделала, и меня проводили в небольшое уютное помещение. Стол, кресла, диван и низкий сервант для официанта, которым оказался симпатичный юноша. Вместе с меню он вручил мне амулет безмолвия, который я тут же активировала. Отлично! Можно хоть в голос кричать и ругаться, никто не услышит. Нехорошо будет, если посторонние заметят, как мы с духом общаемся. Мы же это делаем вслух.

Дух, казалось, тоже обрадовался. Его вдохновило меню. Ресторан был охотничий, и Гиаллен резвился, выбирая на обед оленину, перепелов, уток и кабанятину. Против первых трех пунктов я возражать не стала, но кабан... Я это есть не буду! Он жесткий и воняет! Сошлись на зайчатине. Дух настаивал также на бутылке вина, но я не сдалась и решила взять всего полбутылки. На свой вкус заказала салаты, легкий фруктовый десерт и кувшин ягодного взвара.

Когда я огласила официанту свой выбор, у того глаза на лоб полезли, но школа

сказалась: парень проглотил свои комментарии, просто повторил заказ. Теперь он пойдет на кухню и расскажет там про монстра: тоненькую девушку, которая жрет, как рота солдат.

Как только он ушел, дух радостно заявил:

— Ну вот, теперь мы на нейтральной территории, нас никто не слышит, можно поболтать. Сейчас, дорогая, ты мне расскажешь о себе: откуда ты такая взялась. Я прочел твою дипломную работу и впечатлен: моя была много слабее.

— Не может быть!

— Правда-правда! Это я потом стал знаменитым архимагом, а поначалу был, как и все, бестолковым студентом. Чуть более талантливым, чуть более везучим, но и все. А ты способная, толковая и очень трудовая. На твоём фоне я лентяй. И характер у тебя есть, что ценно. Так что предрекаю: ты далеко пойдешь. А теперь Расскажи мне, откуда ты такая взялась.

— Из Элидианы. Мой отец был потомственным аптекарем-зельеваром в маленьком городке Арнере.

Так, слово за слово, я рассказала Гиаллену все, что вы уже знаете. Про предков, аптеку, молнию и пожар. Про учебу в институте и про дар. Несильный, но для эликсирщика достаточный. Дух слушал внимательно, время от времени вставляя замечания. Потом вдруг спросил:

— А любовник у тебя был?

Вместо того чтобы спохватиться и поставить нахала на место, я внезапно ответила:

— Был.

— А куда делся?

— Наши отношения исчерпали себя и мы расстались, — протянула я многозначительно.

Дух засмеялся.

— Ты просто не любила этого парня.

— Почему это ты так думаешь? — обиделась я.

— Ты это говоришь так, как будто рассказываешь: у меня на кухне был половник, потом он сломался и я его выбросила. Эмоций ровно столько же.

Хотелось его осадить, но... Он был прав на все сто, даже на двести процентов. Я и тогда не любила Микеля по-настоящему, а сейчас даже лица его вспомнить не могла. Но... мне кажется, или этот бесплотный опять ко мне клинья подбивает? Мы же вроде договорились?!

А он лихо сменил фронт.

— Детка, я тебя не просто так сюда привел и не просто так расспрашиваю. Мне надо было убедиться, что за твоей спиной никто не стоит. Теперь я знаю твою историю и понимаю твои трудности. Ты хочешь выбиться из нищеты, стать зажиточной и независимой. Больше всего тебе нужны деньги. Но ты не готова ради них подличать, предавать, воровать и идти по головам. Ты честная и порядочная. Поэтому предлагаю тебе свою помощь. Ты в любом случае далеко пойдешь и многого добьешься. Но с моей помощью ты пойдешь не только далеко, а еще и быстро.

— Хорошо, мессир Гиаллен, согласна. Только что это значит: твоя помощь?

— То и значит. У меня есть то, чего не хватает тебе: знания, имя и связи. Знания я по договору тебе передам, готовься. Имя ты создашь свое. А вот воспользоваться моими связями тебе не помешает. Я наблюдал за твоей работой и сначала удивился, зачем ты разрабатываешь направление, которое я отмел как тупиковое. А прочитал твой диплом и понял: это для моих целей и задач оно было тупиковое. А для тебя может быть очень даже

перспективным. Я собирался создать нечто для военных нужд, получить финансирование от короля. Ты пошла по другому пути: то, что ты хочешь сделать, рано или поздно купит каждая женщина. А баб на свете значительно больше, чем королей.

Демоны, он все-все усек. Наверное, даже лучше, чем я сама. Вот и связывайся после этого с великими гениями. Что бы ты ни сделала, все обязательно скажут: она воспользовалась его идеями, она только руки, а голова — это он. Обидно, досадно, ну ладно...

— Так ты понял, над чем я работаю?

— Конечно. Ты хочешь усовершенствовать собственную пропись. Сделать так, чтобы твой Эликсир Молодости не только морду лица омолаживал, но и внутренние органы. Отличная мысль! Я тебе помогу! Очень скоро ты упрешься в неразрешимую на первый взгляд проблему. А у меня уже есть решение, тебе понравится. Этим ты сократишь время работы минимум на год. Я сам два года над этим вопросом бился. Условие одно.

— Какое же?

Я была готова к чему угодно, только не к этому:

— Мартония ни в коем случае не должна получить с твоего изобретения хоть медный гаст.

— Отлично. Я и не планировала ее обогащать. Не люблю эту елейную жабу. Но... я с помощью разработки твоего тупикового направления скрываю от нее истинное положение с твоими изобретениями. И так сразу в трех направлениях вкалываю. Что же мне теперь, еще одно на себя брать?

— Зачем? Наоборот. Бросай мою голубую тетрадь, тебе она ни к чему. Невидимость — моя наработка, туда не лезь, я ее потом тебе сам покажу. На нее можешь забить, главное, чтобы мои записи конкурентам не попали. Занимайся своим эликсиром. А для жабы у меня есть отличная приманка: дорога в никуда длиной месяцев шесть, не меньше. Дома покажу. Подсунешь ей — она от тебя отстанет. Будет ждать результатов, аА за это время ты меня вернешь в мое тело, и тут Мартония запоет по-другому.

То, как он говорил о жабе, навело меня на кое-какие мысли.

— Ты думаешь, это она?

— Что «она»?

— Она тебя от тела отделила?! Или ты грешишь на кого-то другого?

— Не исключаю, что это наша жабочка. По росту подходит. Но темная магия? Ею, как минимум, надо владеть.

— А что ты вообще знаешь о Мартонии? Она и при тебе здесь работала?

— Нет, ее привел Ригодон. Он раньше подвизался у зельеваров. Твой коллега, так сказать. А она была его ассистенткой. Они, кажется, вместе учились в университете, только не помню в каком. Я его плохо знал, за исключением того, что он метит на мое место в Совете. Ну как же: он значительно старше, заслуженный весь из себя такой, а выбрали меня, наглого мальчишку.

— Не стоит так: когда я только поступила в Университет Элидианы десять лет назад, ты был уже знаменитым архимагом и членом Совета.

— Детка, я стал архимагом примерно в тот год, когда ты родилась, практически только закончив аспирантуру, а Ригодон еще лет за двадцать до этого. Ты же знаешь, маги живут так долго, как смогут и захотят. Так вот: он двадцать лет, уже будучи архимагом, ждал, что его выберут в Совет. А выбрали меня, получившего это звание буквально накануне.

— То есть, ты думаешь на него?

— На него? Нет. Во-первых, я хорошо знаю его послужной список. Темной магией там и не пахнет. А во-вторых... Ригодон высокого роста, а мой злодей был ниже меня на голову. Я уверен, это был его настоящий рост: на иллюзию ему бы сил не хватило.

— Получается, гад был маленького роста. Или хотя бы среднего. С другой стороны... Ссутулившись и ходя на полусогнутых, под мантией можно хоть за карлика сойти. Но на полусогнутых долго не проходишь. Значит, все-таки невысокий маг. У нас в отделе подобных не так уж мало: Белон, Арсент, Герион и Келедар. Вот, пожалуй, и все, если не считать Мартонию. Ее со счетов сбрасывать глупо, она, хоть и женщина, а самая подозрительная. С другой стороны, тогда она не работала в отделе и вряд ли могла попасть в здание ночью. Теодолинда высокая, как жердь, на нее думать глупо.

Я замолчала, задумавшись, и даже жевать перестала. Надо отметить, за это время официант посетил нас не однажды. В первый раз принес кувшин ягодного взвара и свежесдобитые булочки в плетенке, затем салат с кусками вяленого мяса, потом суп в горшочке. Порции огромные и все очень вкусное. Так что разговор был, по совместительству, праздником живота. После супа я взяла тайм-аут и перебралась на диванчик. Вот переварю первую часть банкета, возьмусь за вторую. Как ни странно, Гиаллен меня не торопил: ему все нравилось. Пристроился где-то по соседству и отвлек меня от мыслей о том, кто отделил его дух от тела.

— Рыбка моя, ты хоть понимаешь, что твое изобретение — это бомба?!

Честно говоря, я думала не об этом, поэтому не сразу сообразила:

— Какая бомба?! Ах, да, ты об эликсире... Не торопись, я еще ничего не сделала.

— Нет, сделала и еще сделаешь. Даже твой дипломный Эликсир лучше аналогов. Ты уже на нем можешь неплохо зарабатывать.

— Как?

— Ну. для начала изготви пробную партию. Флаконов десять. Потом я сведу тебя к одному типу и научу, что ему сказать. Если ты не продашь каждую баночку минимум по двадцать золотых, можешь называть меня ослом! И это только начало!

Он прав насчет связей! Когда я пыталась пристроить опытную партию эликсира, оставшуюся от дипломной работы, мне предлагали не по двадцать гитов, а по два горта за флакон, и уверяли, что я должна быть счастлива. Я и была счастлива: зелье-то несертифицированное. А этот тип, похоже, знает все ходы и выходы.

— Получается, ты не только умеешь создавать эликсиры, а еще и знаешь, как их выгодно продать? Ты не только талантливый маг, но еще более одаренный торговец?

— Я практичный, моя прелесть. А ты молоденькая и неопытная дурочка. Тебе никто не говорил, что у тебя золотые руки?

— Говорили, — вздохнула я с горечью.

— Это значит, что ты этими самыми руками можешь золото грести. Обеими! При этом не творя зла и не нарушая закон. Я как будто вижу себя молодого. Одна разница: ты не задорный пацан, а скромная девушка.

Он опять кокетничает. Ну что за личность?! Тела нет, одни сложности и неприятности, а этот тип уже строит планы по завоеванию здешних рынков и попутно пытается прибрать меня к рукам.

— Ладно, скромная девушка устала и хочет отдохнуть.

— От чего это ты устала? От прогулки по магазинам? Девушки не должны от этого

уставать.

Он меня будет учить, от чего я должна уставать, а от чего нет! Зануда жизни! Мало того, что загонял, а потом еще о обкормил. Нет, ну надо же! Пусть идет других учит, а я что хочу, то и делаю.

— А я замучилась! И еще эта еда бесконечная! Тебе нужно телесность питать, а у меня сил не хватает всю это жратву для тебя переваривать!

— Мели, рыбка моя, ну что я могу поделывать?! Зато когда все кончится и я смогу есть за себя сам, ты не пожалеешь, что помогала мне. Кстати, от еды на мой счет ты не поправишься и не испортишь фигуру.

Только разговора о моей фигуре не хватает. Надо менять тему. Срочно.

— Это единственное, что меня утешает. Да, хочу посоветоваться.

— Я весь внимание.

— Ты, наверное, заметил, что Ригодон пригласил меня к себе на ужин. Вот я и думаю: что он от меня хочет? Чего мне ждать? У тебя есть идеи?

— Ну, очевидно, он хочет перетянуть тебя на свою сторону и сделать своим орудием.

— Общие слова. И потом, что он с этим тянул семь декад? Ведь регулярно в гости заявлялся, и в рабочие дни ему никто не мешал со мной общаться...

— В рабочей обстановке — это не то. А в моей квартире..., — это он МОЮ квартиру имеет в виду, — Хитрец явно знает о моем присутствии. Убедился за те два дня, что проторчал там, пытаюсь ее забрать. Другое дело, что он уверен: любой дух привязан к месту. То, что я теперь привязан к тебе, ему и в голову не придет.

— В принципе, ему ничто не мешало пригласить меня к себе для беседы гораздо раньше.

— Ты плохо себе представляешь этого типа. Он никогда не торопится, всегда выжидает наилучшего момента. Наверное, по его расчетам, это момент как раз настал. Но не бойся, девочка. Я буду с тобой, и если что...

— Не вздумай! Он не должен узнать, что ты можешь покинуть свои комнаты. И потом... Я сама буду строить отношения с Ригодоном. Так, как сочту нужным.

— А если он будет тебя принуждать?

— К чему?

— К тому, в чем ты мне заранее наотрез отказала. Или ты хочешь сказать, что этому хрычу ты готова уступить? Мели?!

Он волнуется. Ревнует? Да нет, вряд ли. Просто боится, что я перейду на сторону вероятного противника. Я не перейду, но знать ему об этом незачем, а то будет меня тиранить почем зря.

— А вот это не твое дело. Как решу, так и будет. Ригодон, конечно, не подарок, но переспать с ним — не самая глупая идея.

— Зачем? Зачем, Мели?! Зачем тебе спать с этим хрычком?

— Чтобы отвязался.

— Дурочка. Он, наоборот, привяжется на всю оставшуюся жизнь. Это ведь не ваши университетские мальчики, которые домогаются, чтобы отметить. Ригодон умен и хитер, он не может не видеть твоего потенциала. Не сомневаюсь, он хочет застолбить тебя за собой. Привязать всеми доступными способами. И тут все средства хороши, а постель — лучшее. И не важно, что ты останешься равнодушной. Уступив ему однажды, ты не сможешь отказать и в следующий раз. У тебя просто не будет аргументов. Поняла?!

Интересно, с этой точки зрения я проблеме не рассматривала. Не исключаю, что он прав. Действительно, если уступила мужчине однажды, потом не знаешь, как отшить. Он либо оскорбится и начнет мелко и гадостно мстить, либо привяжется, как банный лист: не отклеишь.

— Спасибо за полезную лекцию по мужской психологии. Можешь считать, что ты меня убедил. Пожалуй, я все же попробую отказать Архимагу. Но... Ты уверен, что это безопасно?

— Сердце мое, я не обещал, что будет легко. Но уступить будет еще опаснее. Ригодон сильный маг, да еще и неплохой менталист в придачу. Ты об этом не знала?

— Откуда? Кто нам, подопытным кроликам, сообщает что-то, отправляя сюда? Я вообще думала, что меня берут в твой отдел.

— Смешная. Я никогда не брал девочек. Никогда и ни за что. И тебя не взял бы.

Тут я наконец решила обидеться.

— Это еще почему? Я выиграла конкурс, меня рекомендовал Университет, у меня были лучшие результаты за последние пять лет...

— Все равно. Не скажу, что это правильно, но я всегда избегал брать в отдел представительниц прекрасного пола. И в этот раз бы отбоярился. В крайнем случае сплавил бы тебя к зельеварам. Совершил бы эту грубую ошибку, но отказал тебе.

— А что это ты так не любишь женщин?

Хотела сказать «низко ставишь», но не решилась. Женщин этот змей любит только в одном смысле. Прикладном, причем прикладывать он их спешит к кровати. Примерно такого ответа я ожидала, и несколько удивилась, услышав:

— Не люблю? Да я их обожаю! Только... В коллективе они по большей части зло, особенно в мужском и особенно красивые. Действуют по методу «разделяй и властвуй». А я признаю в своем отделе только свою власть.

— Тогда есть ли мне смысл тебя возвращать в тело? Ты же меня тут же выгонишь.

— Сладкая моя, мы же теперь связаны договором, так что выгнать тебя мне никак не удастся. А еще я поклялся помочь тебе стать магистром. Кроме того, это раньше ты была для меня просто абстрактная женщина, имя на листке бумаги. Теперь мы знакомы, и, смею надеяться, я неплохо тебя узнал. Ты, конечно, не подарок, но твои недостатки — не типичные женские. На власть ты не претендуешь, скорее борешься за независимость, а против этого я не смею восставать: сам грешен. Поэтому я предпочту выгнать других, а тебя оставить. Ты слишком ценная, чтобы разбрасываться такими кадрами.

Ну просто маслом по сердцу. Для меня всегда признание моих профессиональных заслуг было дороже и приятнее любых комплиментов моей «несравненной» внешности. Это, по крайней мере, искренние. Похоже, я действительно смогла произвести на Гиаллена впечатление моими способностями. Хотя... Когда он хвалил мое лицо и фигуру, мне, если честно, тоже было приятно. Ведь я сама знаю, что не такая уж уродина. Просто стараюсь не выставлять себя напоказ.

Тут принесли новые блюда. Как я ни куксилась, пришлось встать и снова приступить к еде. Дух, желая обрести телесность, меня подгонял. Во время еды взялся меня развлекать: рассказывал всякие байки о своем студенческом житье-бытье. Было забавно, я хохотала, но одновременно мотала себе на ус (или на что-то другое, у девушек ведь нет усов?) полезную информацию, которая там и сям проскакивала между смешными сценками. При поступлении парень был едва ли не более нищий, чем я. Он как раз был круглым сиротой, выросшим в доме зажиточного, но патологически скупого дяди, который отправил мальчика

учиться на казенный кошг как только смог это сделать. Но уже к пятому курсу Гиаллен сумел начать зарабатывать деньги своим трудом. Он, как и я, подрабатывал в аптеке, но не в университетской, а в городской, и платили ему в два раза больше, чем мне. Почему? Этот парень не только готовил зелья, он их продавал и имел процент с продаж. Здорово. Поставь торговать меня — и можешь быть уверен: плакали твои денежки. Проторгуюсь, как пить дать. Так что это очень хорошо, что Гиаллен готов взять на себя реализацию моих творений. Половина ему? Да хоть две трети! Иначе я и этого не увижу.

А он между тем рассказывал, как дядя узнал об его успехах и пришел отнять у мальчишки заработанное. Заявился к хозяину аптеки и потребовал передать все ему. По закону до наступления совершеннолетия он является опекуном и имеет все права. Я бы в такой ситуации не нашлась, что делать. А этот ловкач обо всем подумал заранее. При поступлении отдал себя под покровительство ректората. В результате ректором для него был открыт счет в банке, куда не магам ход был закрыт. Аптекарь перечислял заработанное туда. Деньги снять до совершеннолетия было невозможно: обобрать мальчишку не получалось. Правда, и ему самому средства были недоступны, приходилось жить на стипендию. Когда же на седьмом курсе Гиаллен стал наконец совершеннолетним, у него накопилась приличная сумма. Закончил он Университет с более скромными учебными, но гораздо лучшими финансовыми результатами, чем я. Но в аспирантуру все же попал: в тот год никто, кроме него, не выпускался по эликсирам, к тому же диплом с отличием и победа на конкурсе научных работ у него были.

Из рассказов поняла: у парня есть то, чего катастрофически не хватает мне: природная удачливость и легкая толика раздолбайства. А еще, назовите как хотите: чутье, нюх, интуиция. У меня это отсутствует напрочь. Так я ему и сказала.

— Ну почему, Мели? У тебя есть интуиция: ты тонко чувствуешь, куда двигаться. Просто пока это работает только в науке. Ее надо развивать, и посмотришь: все у тебя станет в шоколаде.

— А ее можно развить?

— Конечно! Я же тоже не таким родился. Все приходит с опытом.

Если представить, насколько я моложе этого нахала, то да. У меня есть шанс. Но для начала надо вернуть этому типу тело. Он тоже об этом подумал, потому что сказал:

— Какое счастье, что от нашей связи я получаю телесность: я теперь могу брать книги и перелистывать страницы. Дня три поизучаю те, которые у меня есть, затем сходим в библиотеку. Нужно найти описание ритуала возвращения в тело. Конечно, это запретная магия, но у меня есть допуск.

— Это конечно хорошо, а мне что прикажешь делать?

— У тебя три задачи. Первая — искать мое тело. Вторая — работать над своим эликсиром. И третья — водить за нос старуху. Я помогу тебе с двумя последними. Есть идея.

— А что там с телом? Где я должна его искать?

— Где-то рядом. Если бы его утащили далеко, меня бы тоже туда потянуло. Но оно тут, я чувствую.

— Тут — это где?

— В моей квартире. Не в гостиной, я уверен. Может быть в лаборатории, кабинете, спальне или ванной. Но где точно, не скажу.

— Милый мой, я, пока убиралась, там все облазила, ничего похожего не видела.

— Ты и не могла видеть: тело под невидимостью.

— Ну, на ощупь я могла бы определить, когда пыль вытирала. Но ничего не попадалось. Это же не иголка и не пудреница. Ты был, помнится, довольно крупным мужчиной. Вряд ли я могла не обратить внимание, если бы тело лежало на поверхности. Может, у тебя там есть кладовки, стенные шкафы, подпол, тайники в стенах? Ты что-то об этом знаешь? Потому что я ничего такого не нашла.

— Я тоже без понятия. Здание старое, несколько раз перестраивалось. Может, что-то и есть. Но мне не было нужно, я особо не искал. Так что давай, доедай, и пойдем домой. Попробуем для начала пошарить в спальне и ванной. Или ты хочешь еще десерт?

— НЕТ!!!

Еще один кусочек чего-нибудь, и я лопну! Взорвусь! Во мне уже не осталось места! Все! Это был первый и последний раз, когда я поддалась на провокации этого бестелесного монстра! Больше никакой жратвы! Обычное скромное питание. Максимум лишняя булочка или бутербродик. Приняв это решение, я почувствовала себя чуточку лучше и даже смогла подняться, подойти к двери и кликнуть официанта, чтобы нес счет.

Он и принес, а еще притащил корзину: то, что я заказала, но не съела. При виде счета и корзины меня охватил ужас. Во-первых, хватит ли мне наличных, а во-вторых, как я все это попру? Надорвусь ведь!

Корзину отнес мальчик, я дала ему два медяка, и он остался доволен. Наличных хватило, даже осталось немного. Но мой ужас не проходил: я за день прогуляла почти сто золотых! Я, скромная девушка, в месяц тратившая не более десяти гитов, из которых семь уходило на книги, алхимическую посуду и ингредиенты для зелий, просадила восемьдесят девять за одну прогулку. Сказать кому — не поверят. Осознав это, я вдруг зашаталась и чуть не упала. Образовавшаяся телесность моего домашнего духа подхватила мое ослабевшее тело у самой земли.

— Мели, детка, что с тобой?

— Ой, что-то мне нехорошо, — жалобно проблеяла я.

— Кажется, мы с тобой перестарались. Ну ничего, ты меня подкормила, я тебе помогу.

Дальше мы шли практически обнявшись. Я с трудом переставляла ватные ноги, а Гиаллен, обхватив меня за талию и повесив одну мою руку на шею своего бесплотного тела, волок меня вперед с упорством, достойном лучшего применения. Я бы уж наплевала на экономию и наняла экипаж, но к нам в городок попасть можно только пешком, для кареты требовалось специальное разрешение. Получить его ничего не стоило, но кто же знал заранее?! Хорошо, что уже стемнело, да и в сторону городка магов почти никто не шел, потому что картину я представляла более чем нелепую. Раскорячившаяся девица, задрав руку, куда-то плетется на полусогнутых. Гиаллена-то было не видно! В общем, намучилась я изрядно, да и духа приморила. Так что, когда Гиаллен наконец сгрузил меня в родной гостиной, я поняла: вот оно, счастье. Дом, милый дом! Никуда больше отсюда не пойду! Пусть не выманивает!

При переползании в спальню услышала голос:

— Да, детка, ты не пушинка, однако. Все, что набрал, уже спустил на твою доставку. Похоже, я переоценил твои возможности.

Я вяло зашипела:

— Сволочь! Раньше не мог прикинуть? Да, энергия идет тебе, а вот желудок все равно не резиновый. И пищеварительных ферментов на двоих не напасешься. Мог бы сообразить.

— Ты бы мне сказала.

— Ага, скажешь тебе. Ты же самый умный и лучше всех все знаешь. Все, я спать. А ты сначала думай головой, или что у тебя там вместо нее...

Глава 7. Мелисента становится аспиранткой Ригодона и получает предложение руки и сердца

Утром, еще не открыв глаз, я вспомнила вчерашний день и ужаснулась. На что я подписалась?! Если и дальше так пойдет, то Гиаллен, несомненно, обретет тело. А я потеряю голову. И не как-то там фигурально, как теряют влюбленные девицы, а вполне себе конкретно-практически: на плахе. Возвращение тела — черномагический ритуал. И пусть он будет предпринят с добрыми намерениями: их закон не учитывает. А вот сам факт... Я существо от природы законопослушное, если буду действовать сама, обязательно попадусь. И не так уж мне мешает этот дух, пусть и дальше болтается рядом. Все лучше, чем казнь. Отрубленная голова мне не пойдет, это я знаю точно. Так что смирюсь с наличием неугомонного духа. Пусть пользу приносит, в лаборатории помогает, учит, направляет, подсказывает. Даже спать со мной на кровати разрешу: пусть заодно поклонников отгоняет. Ну, схватит разок-другой за попу, от меня не убудет. Телесность-то у него ограниченная, сам сказал. Только не надо торопиться знакомить его с моими соображениями, пусть питается иллюзиями, а я пока найду средство держать его в ежовых рукавицах.

В метаниях и сомнениях прошли три дня. Наконец я приняла решение: с ритуалом не связываться, терпеть неугомонного духа и по возможности приучить его к более приемлемому поведению. Для начала стоит научиться контролировать его местонахождение.

Только я решила взять дух под строгий контроль, как у самого моего уха замурлыкало:

— Мели, сладкая моя, ты не забыла — тебе сегодня с Ригодоном встречаться?

— Да помню... Ты-то тут при чем?

— А я хочу с тобой условиться, как с ним договариваться. Что ты ему можешь пообещать, а что нет.

— Миленький мой, сначала надо узнать, что он скажет. А я ему ничего обещать не собираюсь, чай, не дура. Пусть он свои карты раскроет, а там подумаю.

— Ну ладно, поговорить ты не хочешь... Но все равно, подготовиться надо. Там, принять ванну, волосы вымыть, прическу...

— Ты меня к нему в постель уложить собираешься или на мой стриптиз в ванной полюбоваться? Кыш отсюда! Распылю!

Зря я его пугаю. Не распылю. Во-первых, не умею, а во-вторых... Привязалась я к этому духу бестелесному. Привыкла. И потом: от него польза есть. Большая. Но это не значит, что его не надо держать в рамках. Еще как надо! В результате нашей пикировки я встала, умылась, оделась и приготвилась к походу на архимага Ригодона. Что бы он ни замыслил, я должна выглядеть на «отлично» и быть во всеоружии.

Поначалу мое понимание отличного внешнего вида разошлось с пониманием духа.

— Ну вот, вырядилась как старуха. Мантия, как будто не в гости идешь, и волосы зачем-то зализала, а ведь они у тебя красивые, между прочим. Пучок этот: фи́га на макушке... Жуть в полосочку!

— А по-твоему, я должна к Ригодону в бальном платье отправиться? Зачем, не подскажешь?

— Где-то ты права... Но все равно, так нельзя. Ты красивая девушка, Мели, не стоит об этом забывать. Красота — тоже оружие.

— Которым я не умею пользоваться. Отстань, а? И без тебя голова пухнет.

С каких это пор меня в красивые записали? Думает, это он мне приятный комплимент сделал? Меня такие разговоры только раздражают.

Как ни странно, Гиаллен замолк и не возникал, пока я не дошла до апартаментов Ригодона. Но это случилось не скоро: он же меня на обед приглашал? Вот я на обед и пришла. До этого успела переделать кучу дел по хозяйству и посчитать коэффициенты для продолжения работы над эликсиром Молодости. Пока считала, слышала у самого уха сопение. Можете меня стукнуть, если дух не проверял мои расчеты. Наконец, настало время обеда, я припрятала свои записи, пригладила волосы, надела новую шелковую мантию поверх шелкового же платья и отправилась в гости к Архимагу.

Ригодон ждал меня на пороге своей квартиры, приветливо улыбаясь. Приглашая внутрь, поцеловал руку и попытался приобнять. От объятий я ловко увернулась, но вошла.

Н-да... Понятно, почему все так переживали из-за моих апартаментов. У Ригодона все то же самое, но в два раза меньше. По крайней мере гостиная на фоне моей выглядит убогой, и не из-за обстановки, а из-за размеров. Та же мебель на вдвое меньшей площади никакого вида не имеет, просто свалка. Держу пари, и все остальное в том же духе. Только ни в лабораторию, ни тем более в спальню я заглядывать не собираюсь.

В лабораторию я все же зашла на пути в ванную: надо было вымыть руки перед обедом. Что тут скажешь: все, как я и предполагала. Тесно, неудобно, вытяжной шкаф всего один, да и в остальном не развернешься. Но говорить об этом было бы нелюбезно. Так что я хвалила то, что стоило похвалы: блюда и сервировку.

Ригодон, как видно, заказал обед из ресторана. Не из самого лучшего: до того, что я ела в городе, всему поданному здесь было как до неба. Да и у меня аппетит пока не вернулся, так что удовольствия от еды получить не удалось. Сидела, из вежливости ковыряя в тарелке. Матильда нам прислуживала, но, подав второе, удалилась, поставив в известность, что у нее дела и она не вернется. Мол, с десертом сами справитесь.

Как только Матильда ушла, Ригодон, игравший до этого роль радушного хозяина-добряка, вдруг преобразился. До сих пор я не видела у него на физиономии такого хищного выражения. Не зря ли Гиаллен отвергает идею о его участии в зловещем ритуале? Такой тип способен на все, что угодно, зуб даю. Но это выражение мелькнуло лишь на секунду, после чего Ригодон взял себя в руки и снова надел на лицо приветливую улыбку.

— Дорогая Мелисента, я рад, что Вы нашли возможность посетить меня в моей холостяцкой берлоге. Конечно, обед, которым я могу угостить, это не божественное творение Ваших ручек...

— Ну что Вы, месье Ригодон, все было очень вкусно.

— Вижу я, как вкусно... Вы ничего не съели.

— Знаете, я недавно так пожадничала в трактире... До сих пор нет аппетита.

— Ну, надеюсь, Вы все же окажете внимание десерту. Специально для Вас выбирал. Ягодный мусс в вишневом желе. Но прежде я хотел с Вами поговорить.

— Я вся внимание.

— Мелисента, я понял, что Вы не можете найти записи Гиаллена, касающиеся его последней разработки, — я закивала в подтверждение, — Это ничего. Если у Вас получится восстановить любую из его старых разработок, мы можем считать это настоящим успехом. До сих пор повторить их никому не удавалось, а государи всех стран крайне в этом заинтересованы. Так что я не хочу Вас ограничивать... Кстати, Мартония Вами не очень

довольна, но это скорее придирки. Ей хочется всего и сразу, но я понимаю, так не бывает. Не думайте, что я сплавил Вас Мартонии и забыл. Я внимательно слежу за Вашими трудами и пока очень доволен Вашей добросовестностью.

Ну, раз уж разговор зашел о жабе...

— Я хотела попросить, мессир... Не могли бы Вы сменить мне научного руководителя?

— Вы недовольны Мартонией?

— Скорее она мной. Мы не нашли общий язык. Магистр Мартония меня все время ругает и подгоняет, но я не понимаю ее указаний. Вот если бы Вы сами...

Я картинно сложила руки на груди и глубоко вздохнула. Жабу дурить трудно, она въедливая, а тебя, голубчик, я в два счета вокруг пальца обведу.

Ригодон обрадовался. Он к тому и вел, или это мне кажется?

— То есть, Вы, дорогая, претендуете на мое научное руководство? Вообще-то я аспирантов не беру... Но для Вас готов сделать такое исключение. Вы девушка перспективная. Магия Гиаллена Вас признала, это о многом говорит. Да и Ваши результаты... Хорошо. Если Вы так просите, я забираю Вас от Мартонии. Будете моей личной аспиранткой.

— Спасибо, мессир Ригодон. Это такая честь... Я буду очень стараться.

— Надеюсь. А теперь десерт, моя милая.

Он достал из буфета две креманки с муссом, украшенным ягодами вишни. Пушистая нежно-розовая субстанция как будто плавала в темно-вишневом желе. Схватив ложечку, я отдала десерту должное. Вкуснятина! А главное, никакого мяса! После давешнего я на него еще год смотреть не смогу.

— Ну, раз уж ты теперь моя аспирантка, — весело перешел на «ты» Ригодон, — То позволь предложить тебе рюмочку моего фирменного ликера. Я его сам настаиваю на шести ягодах и тридцати четырех травах. Отлично сочетается с десертом.

Архимаг достал откуда-то бутылку их темного стекла и две ликерных рюмочки, налил в каждую и поднял тост:

— За наше плодотворное сотрудничество.

И я, как дура, опрокинула содержимое в рот. Ничего не скажу, ликер на ягодах и травах оказался вкусным и душистым, только, выпив его, я вдруг потеряла сознание.

Придя в себя, увидела, что лежу в незнакомой спальне. Чужой, не моей. Над головой синий бархатный балдахин, из-за свисающих с него занавесок ничего толком не разглядеть, зато на мне осталось только нижнее белье. Хорошо, кто-то догадался меня укрыть чем-то вроде камчатной скатерти. Может, это покрывало такое? Разрешите догадаться: я в спальне Ригодона.

Знакомый шепот раздался практически у меня в голове:

— Детка, ты вовремя очнулась. Пора делать ноги. Сейчас этот козел выйдет из ванной. Хватай мантию и беги!

Я не стала рассуждать и спорить. Вскочила, огляделась, увидела на стуле у кровати свои платье и мантию. Очевидно, что балахон надеть быстрее и проще. Чулки? Да плевать я на них хотела! Босиком добегу. Влезла в мантию, схватила туфли и бросилась к двери. Не тут-то было. Ригодон подстраховался и запер ее на ключ. Пока я лихорадочно перебирала в уме отпирающие заклятья, он вышел-таки из ванной в роскошном шитом золотом халате и застал меня за борьбой с замком. Неожиданно быстро пересек спальню и схватил меня:

— Куда это ты собралась, моя милая?

— Пустите! — жалобно пискнула я и замолчала, осознав всю бесполезность жалобных воплей.

Во-первых, их никто не услышит, а во-вторых, они показывают мою слабость. Надо изменить ситуацию, встать в более сильную позицию, только я пока не придумала как. Архимаг тем временем облапил меня и пытался отвлечь от моего занятия. Я же, вместо того, чтобы отбиваться, упорно возилась с замком. Ригодон, пользуясь случаем, тискал меня помаленьку, прижимался сзади и шарил своим длинным носом по моей шее. А мне еще казалось, что он довольно симпатичный. Фу, гадость! И как только я могла вообразить, что добровольно лягу с ним! Это же не мужик, а рвотный порошок!

Как только эти слова пришли мне в голову, замок наконец сдался. Я припустила из спальни на всех парах, забыв, что меня держат. В результате наверху оказались оба. Мне удалось довольно ловко вскочить и выбежать на середину гостиной. Тут Ригодон опять меня нагнал и попытался снова облапить.

— Ну куда же ты, сладкая моя, мы вроде договорились: ты теперь моя аспирантка. Моя! Моя...

От его воркования захотелось завизжать и начать драть все вокруг когтями, которых у меня нет. Не хватало мне этого козла в любовниках! Правильно Гиаллен говорил: не надо с ним связываться! А-ааааа!!! Орать бесполезно, тут звукоизоляция магическая отличного качества. Что делать? Что делать?!!!

Мелисента, прекрати паниковать!!! Пораскинь мозгами! Научному руководителю категорически запрещается принуждать аспиранток к сожителству! За это легко можно вылететь из Совета Магов. Свободная магичка потому и свободна, что ее никто не смеет против воли в койку тянуть! А этот гад тебя еще и опоил предварительно! Это же лет на десять лишения магии потянет! Только... Только нужен свидетель, а лучше два. И тогда ты его до глубокой старости сможешь шантажировать. Или подвести под монастырь, как получится. Где найти свидетелей? За дверью, разумеется. Зуб даю, Матильда там караулит, а может быть и из охраны кто-нибудь любопытный. Ребятки Форгарда не видны, не слышны, но дело свое знают и в свидетели годятся.

Я позволила Ригодону посильнее меня растрепать, а затем огрела по макушке туфлями, которые так и не выпустила из рук, и бросилась вон из его апартаментов.

Расчет оказался верным. Дверь в спальню он запер, а входную — нет. Ее все равно снаружи без ключа открыть нельзя. Так что я вылетела оттуда как пробка из бутылки с игристым вином и со всего маху наскочила... На кого? У нашей Матильды отродясь не было столько костей.

— Мелисента, Мелисента, что с тобой?!

Ой, батюшки, Юстин. С чего это он под дверью у архимага отирается? А, все равно, в свидетели годится, личной заинтересованности у него ни малейшей. Я обвела глазами коридор. Матильда! И она тут, милая моя! Да мне чертовски повезло! Два свидетеля лучше чем один. Кажется, я это уже говорила. А вот теперь пора орать и рыдать... Я упала на колени.

— Юс, спаси! Помоги! Он... Он меня опоил и пытался... Пытался...

— Мелисента! Он пытался тебя изнасиловать?! Это так?!

Юстин рычал как дикий дракон. По-моему, он очень разозлился. Я молча закивала, потом выдавила из себя несколько слезинок и картинно потеряла сознание, углом глаза заметив, что Матильда готова прийти на помощь парню.

Ригодон, кстати, так из дверей и не вылез. Показался, заметил народ в коридоре, и сразу назад. Хитрая сволочь.

Я пришла в себя тогда, когда Матильда с Юстином общими усилиями вытащили меня из здания и уложили на травку. Тетенька утирала со лба пот и жаловалась на то, что я не пушинка. Парень оказался догадливым: сунул ей монетку в два горта и предложил отдохнуть и выпить чаю. Она, не будь дура, схватила серебрушку и испарилась. Мы с Юстином остались одни. Вернее, это он так думал. Я-то знала: неподалеку ошивается дух Гиаллена. Пока он не влезал, но мало ли как дело пойдет. Лучше всего было бы продолжать прикидываться, но Юс может начать меня активно лечить, а этого я не выдержу. Лучше приду в себя помаленьку и попрошу отвести меня домой. Распахнула глаза, похлопала ресницами и спросила слабым голосом:

— Где я?

— Мелисента, какое счастье! Ты очнулась!

В огороде бузина, а в Элидиане Его Величество. Пришлось повторить вопрос.

— Где я?

— Не волнуйся, Мелисента, тебе стало нехорошо и я взял на себя смелость вынести тебя на свежий воздух.

— А-ааа... Я поняла. Мы около нашего здания, да? А где Ригодон? В смысле архимаг?

Юстин стал вдруг очень серьезным, в его голосе зазвучал металл:

— Мелисента, скажи, что он тебе сделал! Это очень важно! Он не имел права! Я этого так не оставлю!

— Юс, я не знаю... Правда... Сначала мы обедали и беседовали. Он предложил мне сменить руководителя: забрать от Мартонии себе. Я согласилась. Мартония у меня уже в печенках сидит.

Глядя на то, как он утвердительно кивает, поняла: не у меня одной.

— Затем он угостил меня десертом и предложил выпить ликер его собственного изобретения. Так, кажется. Вкусный, на ягодах и травах. Я выпила. А потом очнулась раздетая на его постели.

— Он тебя...

— Он был в ванной. Я собрала свои вещи и поспешила убраться. Босиком, только мантию сверху накинула. Туфли держала в руках. А Ригодон вышел из ванной и погнался за мной. Хватал за все части тела и говорил, что я теперь его... Но мне удалось вырваться и выбежать в коридор... Юс, какое счастье, что вы с Матильдой были там!

Услышав мои последние слова, Юстин просиял. Затем помог сесть и вручил собственный гребешок.

— Причешись, Мелисента, а потом я отведу тебя домой. Но мне надо с тобой серьезно поговорить.

— Хорошо, Юстин, ничего не имею против.

Он протянул мне руку и помог встать на ноги. То ли я так здорово перевоплотилась, то ли это остаточное действие ригодоновского ликера, но меня шатало и подташнивало. Так что я с благодарностью уцепилась за предложенную мне руку молодого аспиранта. А кто, кстати, его научный руководитель? Мне казалось, что Эдилиен, или я ошибаюсь? Только я об этом задумалась, как почувствовала на своей талии еще одну пару рук, на этот раз бесплотную. Гиаллен объявился наконец. Как он нужен, так его нет, а тут здрасьте пожалуйста. Чтобы не расшифровываться перед Юстином, пришлось терпеть. Наконец мы

дружно добрались до моей гостиной. Я в качестве хворой завалилась на диван, Юстин культурно устроился на стуле и начал меня допрашивать. Этому парню хотелось знать каждую мелочь, да вот беда, мне совершенно не хотелось эти мелочи обнародовать. Пободавшись с ним немного, я догадалась спросить:

— Юстин, а зачем тебе все это в таких мелких подробностях?

— Мелисента, ты знаешь, кто я?

— Аспирант, если не ошибаюсь, магистра Эдилиена.

— В том числе. А тебе не кажется странным, что в отделе Эликсиров так много молодых аспирантов?

А действительно, многовато. Юстин старше меня года на два, максимум на три, так часто аспирантов здесь не берут, маги все-таки. Я вытаращила глаза, показывая свою полную неосведомленность.

— Понятно, тебе ничего не сказали... Я восьмой ненаследный принц Кортала, мой будущий титул — Лорд-дознаватель. Моя задача — соблюдение магического правопорядка. Здесь я не занимаюсь научной работой, а учусь распознавать действие различных эликсиров. До этого я год отучился в отделе зельеварения, и еще год — в отделе ведовства. Мне предстоит учиться еще в трех отделах: менталистики, ну, и других. После этого я стану заместителем отца, а в перспективе займу его место. Несмотря на то, что я только учусь, у меня есть некоторые права и обязанности, связанные с моей должностью. Судя по тому, что ты рассказываешь, Ригодон нарушил закон. Конечно, здесь не Кортал, но если ты выдвинешь обвинение...

Ох, ни фиги себе я попала... Обвинение-то мне выдвигать невыгодно. Но если Юстин и впрямь законник, увильнуть он мне не даст. Или даст? Мозг уже кипел, так что тихий шепот Гиаллена был как бальзам на мои раны:

— Мели, сладкая, скажи ему, что тебе надо подумать. Здесь не Кортал, ты не принцесса. Ты больше всего боишься не закончить аспирантуру. Для тебя это жизненно важно.

Правильно он мне советует. Сейчас озвучу что-то в этом роде.

— Юстин, Ваше Высочество...

— Прекрати, Мелисента, я для тебя никакое не Высочество, мы не в Кортале и ты не его подданная.

— Вот именно. Извини, Юстин, я не буду выдвигать обвинений. Все обошлось, я жива-здоровая, и, надеюсь, Архимаг больше не будет ко мне приставать. Он тебя видел и знает, кто ты такой.

— Но твоя честь!

— А что с ней случилось? Ничего! Юстин, я не принцесса, а бедная девушка. Сирота. У меня ничего нет, кроме головы и рук, ни знатных родственников, ни сильных покровителей. Если я обвиню Ригодона в домогательствах, будет длинное расследование, в результате которого я пострадаю больше, чем он. Зато теперь он меня боится и не станет портить мне жизнь. А мне надо во что бы то ни стало закончить эту проклятую аспирантуру. От этого зависит мое будущее!

— Мели!

Голос Юстина дрожал. Он назвал меня точно как Гиаллен и взял за руку.

— Если ты захочешь, ты не будешь больше зависеть ни от Ригодона, ни от Совета Магов. Я женюсь на тебе, Мели, и ты станешь принцессой.

Еще один больной на мою голову! Только принца мне и не хватало для коллекции. Дух

архимага у меня уже есть, живой архимаг тоже. Что они тут, все с цепи посрывались? Но хамить принцу, хоть и не наследному, я не буду.

— Юстин, спасибо тебе, конечно, мне очень лестно такое от тебя услышать, но...

— Мелисента, ты мне отказываешь?

— Ну, как бы да..., — произнесла я осторожно. Мало ли, вдруг он неадекватно отреагирует.

Как в воду глядела. Ответ был... не такой, на какой я рассчитывала. Всю нежность, доброту, ласку Юстин мгновенно выключил, заговорил холодным, колючим тоном:

— Почему, хотелось бы мне знать? Разве я урод? Или ты сомневаешься в моих моральных качествах? По-моему, мы с тобой успели подружиться, разве не так?

— Так.

— Объясни мне, Мелисента, что тебя не устраивает в моей кандидатуре?

Вот поди ему объясни... Ну не знаю я! Только замуж за него не хочу, и все! Не готова я к такому повороту событий. А это идея.

— Прости, Юстин, в тебе меня все устраивает. Ты хороший, красивый, честный, порядочный, умный... Я к тебе очень хорошо отношусь. Дело во мне. Я не собираюсь замуж в ближайшее время.

— Хорошо. В ближайшее — это как?

На этот вопрос у меня есть отличный ответ:

— Пока не стану Магистром.

— А совместить?

— Ничего не получится. Сейчас я отдаю занятиям все свое время. Дала себе отдых на два дня, и смотри, что из этого вышло!

Юстин не сдавался.

— Но ты же каждый вечер кого-то угощаешь. Тратишь на это время и силы.

— Так я все равно ужинаю, а готовить на одного или двух — какая разница. Зато поддерживаю хорошие отношения с коллективом. Брак — другое дело. Вряд ли тебе нужна жена, которая весь день тебя игнорирует, а ночью засыпает сразу, как дотянется до подушки.

Мне казалось, я отлично выкрутилась, поэтому следующая реплика меня сильно удивила.

— И тебе все равно, что я принц?

— А меня должно это заботить? По-моему, этот вопрос полностью в твоей компетенции. Ах, да. Вопрос еще в том, как меня примут твои родители. Я нищая и безродная, не пара Вам, Ваше Высочество.

— Прекрати, Мелисента! Не кривляйся, тебе не идет. И я все равно не понимаю, почему ты не хочешь принять мою защиту и стать моей женой. Если только я тебе не противен.

Ну вот как такому объяснишь? Придется попотеть.

— Юстин, а можно я тебя спрошу?

— Спрашивай.

— А как тебе пришло в голову предложить мне выйти за тебя?

Парень страшно удивился, потом задумался. Все верно, он ответственный и старательный, сейчас будет вспоминать.

— Ты мне понравилась сразу, как появилась. Воспитанная, порядочная девушка, и умная, иначе бы ты в аспирантуру не попала. С тобой было интересно разговаривать, спорить, обсуждать разные вопросы... И ты всегда была рада меня видеть, угощала

вкусненьким... Не потому, что я принц, а просто так. С тобой легко и приятно, ты не выносишь мозг и ничего не пытаешься выгадать. Только у тебя в гостях я мог хоть ненадолго расслабиться, почувствовать себя человеком, а не функцией. А тут тетка Матильда прибегает и говорит, что Ригодон тебя к себе заманил. У Матильды о нем всегда было предвзятое мнение, но не скажу, что неправильное. Раньше я сомневался, а теперь я точно знаю, что он подлец. Опить девушку... Но не в этом дело. Я понял, что ты совсем беззащитная перед этим гадким жестоким миром. Я хочу тебя защищать, а для этого должен иметь такое право.

Красиво сказал. Только не знает он, что я совсем не так беззащитна, как он думает. Мы, выросшие в нищете и считавшие каждый медный гост, знаем, почему фунт лиха. У нас найдутся и когти, и клыки, только мы предпочитаем их не демонстрировать. Та защита, которую предлагает принц, мне не нужна. И кстати, о любви он так ничего и не сказал.

— Я благодарю за доброе мнение и желание защитить... Но... У меня с детства убеждение, что единственной верной причиной для брака может быть только любовь. Иначе счастье невозможно. Ты не любишь меня, Юстин, и я тебя не люблю.

— Мели! Не знаю, люблю ли я тебя, но ты мне нравишься гораздо больше всех знакомых девушек. Все еще может измениться, мы полюбим друг друга.

— Ну вот когда полюбим...

— Хорошо, я понял тебя. Я буду стараться.

Юстин встал, подошел ко мне, поднял с дивана, заключил в объятия и поцеловал. Не очень умело, зато от души. Затем отпустил, попрощался и вышел. Я осталась стоять столбом. Мне не было противно, как от ласк Ригодона, мне было... никак. Что в лоб, что по лбу. Хотя, конечно, сцена вышла очень трогательная.

Ветер прошел по комнате и по моему лицу скользнуло нечто неуловимое, но вполне осязаемое. Затем знакомый голос проворковал:

— Милая моя девочка. Как ты его... Вернее, как ты их! Я любовался.

— Любовался он! А на помощь кто должен бы прийти?!

— Во-первых, не должен. Со своими кавалерами сама разбирайся. А во-вторых... Кто тебе дверь из спальни Ригодона отпер?

— Так это...

— Ну да! Там такое приличное заклятие стояло, тебе бы ни в жизнь не справиться. А я еще ему подножку подставил, а то фиг бы ты сбежала! И Матильде нашептал тоже я!

— Что это ты ей нашептал?

— Что Ригодон на твою честь покушается! Тетка меня обожала, если ты не в курсе, а этого жулика только терпит, да и то с трудом. К моему нашептыванию относится не как ты: чуть что — в штыки! Нет, она меня уважает и слушается, хотя думает, что это ее внутренний голос. Вот я ей намекнул, а она Юстина привлекла. В отличие от тебя она знает, что тот принц. На других Ригодону плевать, а вот член королевской семьи страны, которая содержит наш научный центр... Ты в курсе, что шестьдесят процентов финансирования идут от Кортала? Это тебе не баран чихал. Ваша Элидиана обеспечивает только пятнадцать. Так что Юстин — лучший свидетель. Жалко только, я не знал, что он в тебя влюблен, а то пригнал бы магистра Эдилиана, этого нашему Архимагу тоже голыми руками не взять.

Про финансирование я поняла, но меня заинтересовало другое:

— Ты правда думаешь, что он в меня влюблен?

— Настолько, насколько он вообще может влюбиться. Лорд-дознаватель, что с него возьмешь. Понимаю, тебе хочется больше эмоций, но парень и так выдал практически все,

на что способен. И да, он будет стараться. Так что готовься.

— Ты издеваешься?!

— Конечно, детка. А как ты думала? Вообще этот Юстин — странный парень. Это я брал его в отдел год назад. Не хотел, но требования короля Домиана игнорировать не удастся никому.

— Наш Горан что, лучше?

Король Элидианы Горан Красавчик по умению достать подданных до печенок намного превосходит короля Кортала Домиана Решительного. Пока Домиан в тюрьму сажает и проводит следствие, Горан уже обезглавил и к стороне. Но у духа по этому вопросу свое мнение.

— Хуже, дорогая, гораздо хуже. Горан еще и глуп как пробка, а потому зол. Его можно так накрутить, что он свое мнение поменяет на диаметрально противоположное, и не заметит. А Домиан — мужик умный, но вредный и въедливый. Одно из его требований — чтобы никто не знал, кем является Юстин, кроме главы совета, меня и его научного руководителя. Правда, без толку — здесь ничего не удастся скрывать достаточно долго. После моего исчезновения об этом только ленивый не знает, да еще ты. А вообще-то рациональное зерно во всем этом есть. Королю потребовалось, чтобы за магическими преступлениями приглядывал кто-то из королевской семьи. Знаешь: все под контролем. И не ошибся с выбором: парень — фанат своего дела.

Все это очень хорошо, но мне-то зачем? Хотя... Юстин может быть очень даже полезен. И как специалист, и как принц.

— Ал, мне тут в голову пришло... Давай подключим Юса к расследованию, если уж это его специальность. А то я никогда твое тело не найду, у меня ум не под то заточен.

— А на каких условиях? В случае успеха ты скажешь ему «да»? Я не согласен.

— Это почему?

— Ему еще три года учиться. Вот закончит, женится на тебе и увезет в свой Кортал. А у нас с тобой работы непочатый край, если ты еще не передумала стать магистром.

Я поспешила успокоить разошедшегося духа:

— Нет, Ал, я не собираюсь за него. Думаю, он нам поможет просто из любви к своему делу. Ты ведь его не подозреваешь?

— Если бы он не был принцем Кортала, подозревал бы как любого другого. Но у него нет мотивов. Совсем.

— Вот и отлично. На декаде буду поить его чаем, заодно и поговорим.

Тут в дверь постучали и разговор прервался. Я вышла. На пороге стояла тетка Матильда с моим платьем и чулками. Выцарапала-таки у Ригодона. Я взяла вещи и пригласила женщину войти. Она уселась у стола и на меня уставилась. Пришлось поставить чайник и достать печенье. Тетенька стала мне жаловаться на начальника. Знаю, она и раньше его не жаловала, вечно губы поджимала, когда о нем шла речь. Но тут ее просто прорвало. И такой он, и сякой, гад и жулик. Ворует чужие идеи и обирает бедных аспирантов. А его клевет Мартония и того хуже. Попутно Матильда сравнивала нынешнее начальство с прошлым. Естественно, не в пользу нынешнего. В ее описании Гиаллен выходил просто ангелом во плоти. Ну, теперь он бесплотный, но на ангела не тянет даже в этом виде. Похоже, главной разницей между ним и Ригодонам является талант, которого у Ригодона нет и не будет. Как-то так я тетеньке и сказала. В ответ получила заверения, что Матильда точно знает: это Ригодон Гиаллена извел. В одну темную-темную ночь прокрался и убил, а тело спрятал. Ее

не смутило противоречие с предыдущим заявлением о том, что Гиаллен жив. Обе эти возможности существовали в сознании Матильды наравне.

Отличный момент, чтобы получить показания очевидца! Я не стала скрывать свой интерес, наоборот, стала умолять тетку рассказать все, что она знает об исчезновении Гиаллена. Оказалось, это Матильда первая сообразила, что начальство исчезло. Принесла ему утром завтрак, а его нет! Обошла все комнаты, везде заглянула — пропал, да и только! Сначала она подумала, что шеф куда-то вышел и вернется, но когда он не пришел ни на обед, ни на ужин, она доложила в Совет. Те поискали своими методами и сказали, что Гиаллен исчез из этого мира. Вот тогда-то и прислали Ригодона. А ночью...

— Какой ночью, Матильда?

— Той самой ночью. Когда Гиаллен пропал. Тогда Форгард вышел в коридор на вашем этаже...

Я не стала спрашивать, что человек, живущий на втором, делает на первом ночью, потому что знала точно: он шел к Матильде на свидание. Только ойкнула тихонько, показывая, как мне страшно и интересно.

— Так вот. Форгард и увидел... По коридору кто-то пробирался вдоль стеночки. Невысокий, в широченной мантии с капюшоном.

— А почему невысокий? И насколько, он не говорил?

— Ему примерно по плечо.

Это ниже меня ростом. Я-то довольно высокая, Форгарду до уха. Такой персонаж у нас один — Мартония. Мужики все меня хоть немного, да повыше. А если кто-то шел пригнувшись или в полуприседе?

— Матильда, а Форгард больше ничего не заметил? Ну, худой был этот незнакомец или толстый? Может, горбатый, или еще что-то странное?

— Если и было, мне он не рассказал. Можешь у него сама спросить.

— Хорошо, спрошу. И что было дальше?

— Дальше? Этот маленький вошел в покои мессира Гиаллена. Форгард остался стоять в тени. Решил подождать, он все-таки наш охранник. Так вот. Примерно через полчаса, может, минут через сорок этот низенький вышел и ушел в обратном направлении. Самое удивительное — Форгард его видел, но шагов не слышал. Абсолютно. Как если бы это было привидение.

Заклятие «кошачьи лапки». Весьма сложное в исполнении, зато магии на него идет чуть-чуть, даже я справлюсь. Наш враг — искусный маг, но о силе судить пока преждевременно. А что еще Форгард такого интересного увидел?

При дальнейшем опросе выяснилось: дверь магу никто не открывал, свет не горел, голосов не слышалось. То есть этот низенький проник внутрь а) беззвучно, б) беспрепятственно. Если бы не жила в этих покоях, меня бы это не напрягло. Но я-то знаю, какие у Ала на всех дверях охраны и запоры! Пройти их без содействия хозяина просто нереально!

— Матильда, а кто последний заходил в тот день к Гиаллену?

— Да я же и заходила. Покупки ему принесла, которые из города доставили. Еды целую тележку.

Ага, этой едой я до сих пор кормлюсь. Конечно, много свежих продуктов купила, но Гиалленовские регулярно добавляю. Тем более, он мне разрешил. Хорошо, а до Матильды кто заходил?

Полно народу. В тот день начальника отдела посетили все магистры, а еще два мага из Совета: глава и секретарь. Вспомнила! Заходила Мартония со своей подругой из другого отдела.

— Теодолиндой?

— Нет, эта пьявка уже тогда у нас работала. Она, кстати, приходила раньше, с утра. Еще грохнула большой стеклянный графин для воды. Графин огромный, а осколки вышли такие мелкие: все порезались

— Все?

Ну да. Сама Теодолинда, Гиаллен, который бросился ей на помощь, да и она, Матильда, когда пришла убирать. Кровищи было! Как будто не посуду кокнули, а дрались насмерть.

О чем-то это мне говорит, только не знаю, о чем. Похоже, обе наши красавицы в деле. Для темной магии нужна кровь — вот она. Пару окровавленных осколков в сумочку, и готово дело. Но... Теодолинда тощая и длинная, почти с Форгарда ростом. Маленькая у нас Мартония. Получается, эти две бабы спелись. Нет, не может быть! Они любят друг друга как кошка собаку. Если бы могли, удавили бы соперницу. Значит... Значит, был кто-то третий. Посредник. Ригодон? Нет, не сходится. В случае с Мартонией он годится, а Теодолинда всю картину путает.

Тут Матильда допила, наконец, свой чай и ушла. Я так от всего устала, что приняла ванну и улеглась в кровать с книжкой. Все равно в лаборатории работать нельзя: от пережитых волнений руки дрожат.

Не успела я уютненько улечься, как у самого уха услышала:

— Рыбка моя, что ты на все это скажешь?

Опять этот гад вперся в мою спальню! Убью! Уничтожу! Как только оживлю, сразу убью! И кол осиновый, чтобы не встал!

Примерно это я ему и сказала. Обиделся:

— Ну, маленькая, ты такая... Такая... Слов не подберу. Мне с тобой надо все обсудить, а ты...

— А мне надо отдохнуть! С каких это пор мои потребности стали по рангу ниже твоих?! У нас был уговор относительно моей спальни? Был?!

— Ты спишь одна. Но сейчас ты не спишь!

— Собираюсь. Вот, книжку взяла, чтобы успокоиться и заснуть.

— Интересную хоть? Так. Посмотрим. «Основы общей магии», раздел «основы магии крови». Ты спятила, девочка? Где ты взяла эту книгу?

— У тебя на полке! Что ты взвился? Это же обычный учебник.

— Это устаревший учебник, ему примерно семьсот лет. В новом нет той главы, которую ты читаешь. Магия крови запрещена.

— А я и не собиралась колдовать, я хочу понять, как к тебе вошел таинственный некто, и как вышел, если везде настроенные на тебя охранки понатыканы. Да и ритуал возвращения души тоже основан на магии крови, разве нет?

Внезапно меня погладили по голове, а потом Гиаллен тяжело вздохнул:

— Это то, почему я боюсь привлекать Юстина. И одновременно то, почему я хотел бы его привлечь.

— Что боишься, это мне понятно. А почему хочешь?

— Юстин может стать твоей защитой. Лорды-дознаватели имеют право на то, что категорически запрещено обычным магам. В интересах следствия он может применять

магию крови, и никто слова не скажет против. Так что, солнышко, он нам нужен.

— Хватит меня уже звать рыбками и солнышками! Ты что, так и будешь меня клеить? Мы же вроде договорились... Тогда зачем?

— Не зачем, а почему. Потому что я мужчина, душа моя. Есть тело, нет его — я все равно не могу перестать им быть. Понятно?!

— Понятно. Ты хочешь сказать, что мне придется это терпеть?

— Не зуди, сладкая, лучше давай по делу: Юстин нам нужен, но привлекать его придется очень осторожно.

— А ты его не подозреваешь?

— У него нет мотива. Наоборот. Ты же знаешь, я работал на короля. А не задавалась вопросом: на какого?

— То есть?

— Ну, не на твоего же элидианского государя я работал. Я с дураками вообще дела вести опасуюсь. Моим заказчиком был Юстинов дядя, король Кортала Домиан. Так что ты понимаешь...

— Против интересов собственного государства Юс не пойдет. Верно. Ты ему больше подошел бы живой, здоровый и на своем месте. И как ты его собираешься привлечь?

— Я? Никак. Это можешь сделать только ты.

— ???!!!

— Конечно. Ты ему нравишься и он тебе доверяет, разве нет? Расскажешь парню, что заинтересовалась моим исчезновением. Всю подноготную выкладывать не стоит, просто поделишься своими мыслями, опасениями, наблюдениями...

— Думаешь, дальше он сам подключится? Знаешь, если бы я собиралась за него замуж, так бы и сделала.

— Это именно то, чего я опасуюсь. Что он тебя у меня уведет. Я же собирался научить тебя всему, что знаю сам, а это дорога не на один год... Или ты уже передумала?

— Не передумала и предпочту любому замужеству.

— То есть, любовь, о которой ты так убежденно говорила Юстину, тебя не интересует.

— Любовь! Мои родители очень любили друг друга, но это им не помогло. Меня интересуют в первую очередь деньги. Они дают независимость. Я хочу сама решать, как мне жить, а не быть чьей-то игрушкой, даже обожаемой. Хотя это я загнула. Никакого обожания от вас не дожدهшься! Исползуете и в хвост и в гриву, и это называется любовь! Иногда даже неземная. Нет уж! Мне нужна профессия, деньги в банке, дом и свое дело, приносящее постоянный доход. Без всего остального я обойдусь.

— Любовь тебя не волнует? Совсем?

— То есть абсолютно. Так что кончай на ухо мурлыкать и клинья подбивать, и у нас вполне может получиться деловое взаимовыгодное сотрудничество.

Глава 8, в которой Мелисента подряжает Юстина на раскрытие преступления

Такое чувство, что, объявив о моей полной незаинтересованности в любви, я Гиаллена вконец разочаровала. После этого разговора на целую декаду он от меня отстал капитально. Не будил по утрам, не шептал на ухо в течение дня, даже советы по работе перестал давать. Обиделся, наверное. Но я сделала вид, что не обращаю внимание, тем более что после истории с Ригодоном декада выдалась напряженная. В первый же день меня вызвала в свой кабинет Мартония и зашипела:

— Ты отказалась от моего научного руководства, милочка? Как бы тебе об этом не пожалеть.

— Ну что Вы, мистрис Мартония, — пропела я сладко, — Я ни от чего не отказывалась. Это мессир Ригодон предложил мне свое научное руководство. Как я могла отказать архимагу? Вот только я не догадывалась, что он имеет в виду постель.

Жаба раздулась так, что я попяtilась. Еще лопнет и все тут забрызгает! Но вместо этого она велела мне заниматься моими делами, а сама поскакала к Ригодону. Разбираться. Ой, сейчас будет веселье, но лучше мне в нем не участвовать. Я быстренько собрала свои записи, покинула кабинет Мартонии и стала пробираться на выход. Где-то на середине пути меня поймали сразу двое: Эдилиен и Белон. Эдилиен был нахмурен и очень сердит, а на пастозном унылом лице Белона в кои-то веки появилось нечто вроде интереса и даже азарта. Но вопрос задал не он.

— Стой, стой, Мелисента. Это правда, что Ригодон пытался тебя опоить, чтобы затянуть в постель?

— Какая разница? Мессиры магистры, давайте не будем об этом. Жалобу я подавать не собираюсь, так что...

— Почему это не будешь? — грозно спросил Эдилиен и нахмурился еще сильнее.

— Не буду, и все.

Белон протянул лениво, но уверенно:

— Вы не правы, Мелисента, это Ваш долг.

— Не хочу, — уперлась я.

— Ну что ж... Скажите, Мелисента, а если Вас вызовут для дачи показаний, Вы не откажетесь их дать?

Откажусь, как же. Если вызывает Совет Магов, отвертеться не удастся.

— Насколько я знаю, у меня нет такой возможности — отказаться.

— Надо же, как хорошо нынче молодежь знает магический свод законов. Весьма приятно это слышать.

Тут уж я решила полюбопытствовать:

— А вам зачем, если не секрет?

Как ни странно, Белон мне ответил, и, похоже, чистую правду.

— Не секрет. Ригодон уже всех достал. Но только серьезное нарушение закона может нас от него избавить. Или с нашей стороны, или с его. Мы закон нарушать не собирались, дождались, пока он его нарушит.

Он внезапно схватил меня за руку, поцеловал запястье и быстро ушел. Я обернулась к Эдилиену.

— Может Вы, мессир Эдилиен, объясните, что происходит?

Вместо того, чтобы прямо ответить, магистр огляделся по сторонам и пробормотал.

— Мелисента, разрешите, я зайду к Вам сегодня вечером? Тогда и поговорим.

— Хорошо, мессир, буду ждать.

Кого это он вдруг испугался? Не Теодолинду же. Пиявка как раз показалась в конце коридора, видно, в туалет ходила.

Вернувшись в лабораторию, я открыла тетрадь там, где остановилась прошлый раз и попыталась работать. Дудки! Ничего не получалась. Через полчаса я поймала себя на том, что по пятнадцатому разу перечитываю одну и ту же фразу, и до сих пор не уяснила, о чем она. Эх, сейчас бы с Гиалленом посоветоваться, а он изображает обиженного. Был бы живой, нашла бы и придумала, как подъехать, а с этим духом... Нет у меня к нему подходов. Замолчал и стал недосыгаем. Не орать же извинения и кланяться пустому месту...

Я все-таки взяла себя в руки и пробилась через буквы к смыслу. Но вот обдумать прочитанное не получалось, хоть тресни. Тогда я решила заняться какой-нибудь рутинной работой. Все равно нужно что-то выпаривать, перегонять, экстрагировать и фильтровать. Дело простое, но требует сосредоточенности и внимания, а то до пожара недалеко. До вечера я трудилась, как встарь, в качестве простого подмастерья зельевара. Нудное занятие, но помогло мне взять себя в руки. Так что, когда пришел Эдилиен, его встретила не бестолочь во встрепанных чувствах, а вполне разумная женщина.

Расшаркавшись, он сразу перешел к делу. Оказывается, после исчезновения Гиаллена все магистры отдела стали бороться за то, чтобы стать его преемниками, и мало не передрались. Так что поначалу решение Совета о назначении на эту должность Ригодона была воспринята чуть ли не на ура: все-таки действующий архимаг с именем. Для начала наш красавец всех очаровал улыбками и сладкими речами. Затем он выжил из отдела двух очень грамотных магистров, а вместо них привел свою жабу.

Это он о Мартонии. А вторая наша дама-магистр?

Теодолинда работала здесь еще до Гиаллена, была любовницей предыдущего начальника, старого архимага Аминофраста. Ой, помню я его. Вернее, про него. Он еще учебник по эликсирам написал, мы по нему в Университете занимались. Так вот, о Теодолинде. Ее неоднократно пытались выжить, но в результате она так и сидит, а все пытавшиеся давно неизвестно где. Гиаллен, кстати, в том числе.

Интересная, скажу я вам, информация. Похоже, эту дылду не стоит сбрасывать со счетов.

Далее я прослушала о сагу о том, как за полгода Ригодон развалил один из лучших отделов Научного центра. Оказывается, я пришла как раз тогда, когда все стало совсем плохо. Разработки Гиаллена, которые приносили славу и деньги, накрылись медным тазом, попытки их реанимировать в отсутствие автора не увенчались успехом. Своих идей у Ригодона нет, да еще он и чужие зарубить норовит.

Это понятно, кому хочется смотреть на чужие успехи, когда своих нет, а живые магистры так просто своими разработками не поделятся. Мертвых и отсутствующих обирать проще.

Эдилиен долго рассказывал, как процветал отдел при Гиаллене и под конец предложил мне присоединиться к коалиции, ставившей задачу свержения неэффективного руководителя.

— Простите, мессир Эдилиен, я не могу. Понимаю Вас, всей душой разделяю Ваши

чувства, но... Ригодон сделал меня своей личной аспиранткой. Для меня выступать против него просто технически невозможно.

Он похлопал меня по плечу.

— Ладно, девочка, я не буду тебя заставлять. С точки зрения этики ты права. Но ты хотя бы можешь обещать нам не противодействовать?

— Это всегда пожалуйста. Найдете способ свалить архимага — буду только рада. Представляете: они с Мартонией требуют, чтобы я повторяла разработки Гиаллена по его лабораторным журналам!

— А ты?

— У меня есть свои идеи. Может, они не такие гениальные, но они мои!

Впервые с начала нашей беседы магистр по-доброму улыбнулся.

— Гиален бы тебя одобрил. Он ненавидел плагиат.

Я решила идти ва-банк.

— Жалко, что такой человек умер.

— Умер? Детка, кто тебе сказал?

— Ну как же... Его нет уже много времени... Все говорят...

Магистр сверкнул глазами из-под кустистых бровей и сказал ровно то же, что и Матильда:

— Тело-то не найдено! А у такого мага не могло не быть запасного выхода! Я предрекаю: год еще не закончится, а Гиаллен вернется!

— Ну, мне этому радоваться не стоит. Во-первых, из квартиры он меня выселит, а я к ней уже привыкла, а во-вторых... Говорят, он не брал на работу женщин.

— Ты права, девочка, не брал. Но для тебя, уверен, сделал бы исключение. Я тут случайно видел твой последний отчет для Мартонии...

— И что скажете?

— Эта старая интриганка не способна понять, насколько интересную работу ты делаешь. Она умеет только повторять старые прописи.

— Простите, месье Эдилиен, эта работа — заслуга архимага Гиаллена. Я делала ее по его журналам.

— Ерунда! Я хорошо знал как он работает. Ты только брала его записи за основу, но делала свое. И не надо изображать скромность: мы все основываемся на трудах предшественников, это путь науки. Мелисента, тебе нечего бояться возвращения Гиаллена. Если только квартира... Да на радостях я тебе свою уступлю, она немногим хуже!

Я рассмеялась, показывая, что оценила хорошую шутку. Мы поболтали еще немного, допили чай, и Эдилиен ушел. Столько информации! Мне бы сейчас с духом посоветоваться! А он, видите ли, обиделся. Вот не буду его искать...

Прошло еще два дня, и ко мне на вечерний чай наконец заскочил Юстин. Чмокнул в щечку и заявил:

— Мели, я все понял. Мне надо начать за тобой ухаживать. Я, конечно, не умею этого делать, но обещаю: буду стараться.

Не было печали, черти накачали. За что это мне? Не иначе, за все хорошее.

— Юс, дорогой, давай только не сегодня. Сейчас просто попьем чаю. Я булочек с корицей напекла.

Булочки оказали свое действие: парень забил рот выпечкой и перестал городить ерунду. А я попробовала подъехать насчет поиска тела. Для начала расспросила Юса, как он сюда

попал. Король заплатил неплохие деньги, чтобы будущий лорд-дознаватель тут обучился, как определять применение эликсиров, а заодно уже выучился их изготавливать. Следующий мой вопрос был о Гиаллене: каким он был. Тут мой гость открыл рот и заговорил... Дальше я только слушала да вставляла междометия: будущего лорда-дознавателя было не заткнуть. Знал он архимага давно, с тех пор как тот стал работать на Кортал, но плотно пообщаться сумел только здесь, да и то недолго.

Юстин Гиалленом восхищался. Искренне, самозабвенно. Для него архимаг был талантливым, гениальным ученым, почти что богом. За гений ему прощалось что угодно: не самый лучший характер, заносчивость, раздолбайство, любвеобильность и даже некоторая жуликоватость. Последнюю Юс прощал потому, что она имела отношение к денежным делам, но никогда не влияла на научную работу. В ней Гиаллен был кристально добросовестным и честным. В общем, я выслушала доклад о творческом пути моего домашнего духа, перемежаемый славословиями. Когда дело близилось к концу, ловко ввернула:

— Как ты думаешь, он от чего-то скрылся, или его убили?

Зацепило! У Юстина сверкнули глаза, он схватил меня за руку.

— Гипотезу случайной или естественной смерти ты не рассматриваешь?

Я прикинулась дурачком и повторила за Матильдой и Эдилиеном:

— Ну, тела-то нет... Если смерть случайная или тем более естественная, его бы нашли.

— Предположим, он применил некое заклинание, после которого и пепла не осталось...

Я сморщила нос, выражая сомнение.

— По глупости или незнанию? Сомневаюсь. Тот Гиаллен, о котором ты рассказываешь, не поступил бы так по-дурацки. И потом... У меня есть причины не доверять такой версии.

Парень тут же забыл про любовь и ухаживания, бросился на меня, схватил за плечи, потряс немножко и зашипел:

— Ты что-то знаешь? Говори!

— Юс, успокойся. Не тряси меня! Конечно, я скажу тебе все, что знаю.

Юстин отпустил мои многострадальные плечи, сел на соседний стул и взял обе мои руки в свои. Затем тяжело вздохнул и приступил к самому настоящему допросу:

— Что ты вообще знала о Гиаллене, когда сюда приехала?

Пришлось все ему рассказать, начав от Адама. Как я поступила в Университет, как Гиаллен читал у нас лекции и как портил жизнь моим соученицам. Далее я сообщила, что была уверена: еду в аспирантуру к нему, любимому и дорогому. В смысле гаденьшу.

— Ты знала, что он девушек в аспирантуру не берет?

— Откуда? Официальной информации не было, а слухи... Знаешь, я слухами не интересуюсь. Стараюсь пользоваться проверенной информацией.

— Иногда они как раз ею и являются. Хорошо. Дальше. Ты приехала сюда и обнаружила...

— Обнаружила, что меня поселили совсем не так, как подобает аспирантке. Бьюсь об заклад, ты живешь далеко не так шикарно.

— Если интересно, можешь зайти и посмотреть. Но ты права, это значительно лучшее помещение. У меня во дворце немногим хуже, а лаборатория так значительно уступает. Значит, твоя квартира навела тебя на мысли...

— Навела. Настолько, что я стала спрашивать Матильду, а за ней Форгарда.

— Мне оба говорили, что ничего не видели, не слышали, не знают.

Не стала я расстраивать лорда-дознателя, что к нему народ доверия не испытывает. Но не поленилась, пересказала все, что рассказывали мне и часть того, до чего я дошла собственным умом. Затем провела Юстина в лабораторию и между делом показала закрытый вытяжной шкаф. Не стала открывать, делая вид, что мне это недоступно, но обратила его внимание на лежащую там бумажку. Все, что нужно, Юс увидел.

— Что это? Не похоже на пропись. Скорее, описание обряда. Видишь: там что-то вроде пентаграммы?

— У тебя такое острое зрение? Мне все же кажется, что это очередная пропись, по которой Гиаллен делал опыт.

— И как ты это определила?

— По месторасположению. Я всегда туда кладу листочек с описанием, чтобы было с чем сверяться в процессе.

Юстин согласился с моей логикой, но заметил, что это не единственный вариант. Возможно, злоумышленник спрятал туда описание опасного колдовства, сгубившего гениального архимага, желая иметь его под рукой, но потом что-то пошло не так и он не сумел забрать листочек обратно.

Я-то в этом была уверена, но сделала вид, что восхищаюсь Юсовой проницательностью.

— Потрясающе! Как ты до этого додумался? И... Юстин, по-твоему, Гиаллена убили?

— Скорее всего.

— Магией?

— Очевидно да. Вряд ли он дал бы себя убить просто так. Во-первых, он был молодой сильный мужчина, прекрасный боец, а во-вторых... Если бы его убили обычным способом, то скажи, куда делось тело?

Он всегда теперь будет повторять мои доводы, выдавая за свои?

— И вот что еще меня смущает...

Юстин наморщил лоб и потер пальцем переносицу. Я преданно глядела на него в ожидании, когда он изречет очередную умную вещь.

— Что?

— Обычно колдовство развеивается со смертью своего автора. Но все охранки, поставленные Гиалленом, действуют!

— То есть, он жив?

— Нет, Мели, не сходится. Если бы он был жив... Должен был как-нибудь проявить себя. Или нет?

Тут уже я решила проявить сообразительность.

— Не знаю. А если артефакты? Ну, охранки, привязанные к материальным объектам? Такие веками не развеиваются.

— Тоже вариант. Ты умница, Мелисента. Голова у тебя варит. Я не я буду, если не распутая это таинственное убийство. Так что решено: я начинаю расследование. Для меня оно — дело чести, я все-таки будущий лорд-дознатель. Я с самого начала пытался выяснить, что случилось с нашим руководителем. До сих пор не мог толком ничего узнать, никто не хотел мне ничего рассказать, а титул мой здесь ничего не значит. Но с твоей помощью... Предлагаю заключить договор об обмене информацией. Все, что удастся разузнать, рассказываем друг другу и потом вместе обсуждаем.

Разве я могла от такого отказаться? Особенно если парень сам рвется помогать и

считает это для себя делом чести? Мы торжественно пожали друг другу руки, а затем он потянулся, чтобы скрепить его еще и поцелуем. Я увела губы с линии огня и сама клюнула Юстина в щеку в знак того, что договор заключен. Он был слегка разочарован, но понял меня правильно. Потребовал бумагу, чтобы записать все, что нам на сегодняшний день известно. Мы переместились в кабинет и там вспоминали и записывали часа три, пока я не выгнала нашего лорда-дознателя. Нечего ему делать в квартире одинокой девушки так поздно.

Глава 9, в которой Мелисента ведет расследование

И вот когда я с чувством выполненного долга завалилась наконец спать, откуда ни возьмись вылез неугомонный дух.

— Мели, Мели, ты молодец! Умница, светлая головушка. Привлекла-таки нашего лорда-дознателя, и при этом ничего лишнего ему не рассказала.

— Отстань, зануда. Дай поспать спокойно.

Нематериальная рука погладила меня по плечу, невидимые губы нежно поцеловали в щеку, легким ветерком прошел над ухом шепот:

— Спи, моя радость. Спи, девочка.

Приятно. Это он за свои глупые обидки извиняется. Конечно, я боюсь, ругаюсь, но дело делаю. Почему? Сама не знаю. Наверное, не приучена я людей в беде оставлять. А может ли быть большая беда, чем разлучение души с телом? Тут есть и еще одно соображение. Как бы я ни относилась к Гиаллену, но с ним поступили преступно, и, что очень может быть, эти самые преступники (или преступник?) сейчас нами командуют. Разоблачить их — мой долг. Эх, Мелисента, Мелисента! Долгов каких-то себе напридумывала. Для лорда-дознателя это так и есть, а для тебя?

Ну не смогу я спокойно жить, глядя на всех этих местных монстров и думая, кто же из них извел беднягу. Если убийца чувствует себя безнаказанным, он еще кого-нибудь может убить. Тебя, дуру, например, чтобы не лезла со своим расследованием. Другую это бы напугало и отвратило, а для меня вопрос так не стоит. Тут важно успеть первой. А с Юсом мы сила. Должны справиться. С этими мыслями я заснула.

Утречком пораньше Гиаллен уже зудел над ухом:

— Просыпайся, рыбка моя, пора за дело. Ты вчера весь день вола водила, сегодня придется поработать.

— Иду уже, отстань.

— Знаешь, я все обдумал. В ближайшее время откроешь Юстину мою тягу. Пусть полюбуется. Может, он сообразит, что за ритуал и где искать обратный.

— Ал, он может обо всем догадаться. Там моя кровь.

— Где?

— На бумажке.

— Глупости, птичка моя. Она вся израсходовалась на процесс привязки. Бумажка чистенькая, как новая. Так что показывай смело.

— А что я Юсу скажу? Вчера не открывалось, сегодня открылось? Не будет ли это слишком...

— Не будет. Надо же ему показать, что дух жив и действует? Так парень тело станет активнее искать. Ты же ему рассказывала, что все охранки тебя пропускают, а на других реагируют? Напомнила, как они тут к тебе все по-очереди приставали? Сообразит, парень он умный, я еще когда его принимал, обратил внимание.

Я согласилась с духом, умылась, позавтракала и отправилась в лабораторию. Теперь, когда Ал больше на меня не сердился, на душе стало легче, и я целиком погрузилась в эксперимент. Если заклинание завязать на руну, ее выплести из нужной травы, а уже из этой плетенки экстрагировать...

В общем, с обедом я опоздала, пришла тогда, когда практически все поели. За столиком

в нашей столовой сидел одинокий и очень недовольный Ригодон. Я налила себе супа и оглянулась в поисках места. Хотелось сесть подальше от начальника, но он поманил меня пальцем. Пришлось идти за го столик.

— Мелисента, сколько Вас ждать?

— Простите, заработалась. Пыталась повторить Гиалленовскую методику.

Заинтересовался:

— И как результат?

Нечего его радовать раньше времени.

— Пока нулевой. То ли я что-то делаю не так, то ли в журнале не все...

— Понятно. Но я о другом. Мелисента! Я слышал, эти шакалы подбивали тебя подать жалобу.

Выпад против магистров я проигнорировала, ответила просто.

— Если слышали, знаете — я отказалась.

— Почему?

— Мне нужно защитить диссертацию и получить звание магистра. Обязательно. Тогда то, за что мне сейчас платят гаст, станет стоить гит.

Ригодон прямо замурлыкал. Соблазняет:

— Остаться здесь, со временем стать архимагом и войти в Совет ты не планируешь?

— Думаю, нет. Архимаг — это еще и уровень силы. А он у меня самый что ни есть рядовой. После аспирантуры я вернусь в Элидиану. Ну, или поеду куда пригласят.

Взгляд Ригодона впивался в мое лицо, ища на нем признаки того, что я пытаюсь его обмануть. Но я в принципе не вру. Умалчиваю, но не вру. Даже Мартонии не врала. Делала то-то? Делала. Вот результат. А что я еще что-то делала, это уже другой разговор. Поэтому даже с ментальной магией меня не разоблачить. Тем более сейчас я говорю чистую правду.

— Мелисента, я теперь официально твой научный руководитель. Все бумаги подписаны. Мартонию я отстранил. Прошу тебя не отказываться от моей помощи. Я был неправ. Но... Ты мне очень нравишься, поверь. И я не хочу, чтобы у тебя были неприятности.

— Я все понимаю, мессир Ригодон.

Вот так, ничего не сказала, а он волен думать, как ему нравится.

— Мелисента, теперь по первым дням декады ты будешь сдавать отчеты мне. Если нужно что-то обсудить, я в твоём полном распоряжении. Твое задание — воссоздать методику Гиаллена, любую, на твое усмотрение. Сила, регенерация, невидимость — безразлично. Ты поняла меня?

— Да, конечно. Воссоздание любой из методик Гиаллена по его лабораторным тетрадам. А если я по ходу что-то свое придумаю?

— Меня это не интересует. Приоритет — методики Гиаллена.

Отлично. Он, сам не заметив, дал мне карт-бланш на собственные разработки и обещал на них не покушаться.

— Ты умная девушка, Мелисента, и все понимаешь. Если ты меня не предашь, я тебя защищу. Сделаю все, чтобы твои мечты сбылись. Ну, и ты мне поможешь по мере собственных сил. Я готов предложить тебе руку и сердце, но не стоит торопить события. Сейчас это было бы несколько преждевременно.

Он даже не представляет себе насколько. Боюсь, это время никогда не настанет. Я скромно потупила взор, вздохнула с грустью и заработала ложкой. С этими архимагами не поешь спокойно! Ригодон понял правильно:

— Приятного аппетита, Мелисента, не буду тебе мешать.

Что-то они все на меня слетелись как коршуны на дичь, и каждый тянет в свою сторону. Ну, Ригодоновы посулы меня не интересуют, а с Юсом и Алом я как-нибудь разберусь. Главное, чтобы налетали не одновременно.

Ну вот, сглазила. Стоило мне от супа перейти к жаркому, как тут услышала шепот духа:

— Ну как тебе, детка, Ригодон во всей красе? Правда, прелесть? Практически сделал тебе предложение, жених несчастный.

Я продолжала меланхолично жевать и глотать. А то начнешь трепаться со всеми встречными-поперечными — останешься голодной. Дух не унимался.

— Старый пердун возомнил, что может безнаказанно клеиться к свободной магичке. Совсем сбрендил. Испугался, как бы ты его не потащила в суд магов за домогательства и за то, что он тебя опоил. Пытался перетянуть на свою сторону. А ведь другие маги его готовы съесть без соли, заметила? А ты удачно ему ввернула про деньги, этот жмот только такую мотивацию и понимает.

Пришлось все-таки открыть рот:

— Ал, может, хватит уже констатировать факты? Я не слепая, не глухая и с памятью у меня все в порядке.

— Ну не сердись, Мели, мне так понравилось! Это было отличное представление. Полностью заморочила мужика. Он теперь думает, что купил тебя с потрохами.

Я наконец доела жаркое, а десерт в виде эклера завернула в салфетку и встала. Все равно поесть спокойно не удастся, а у себя я заварю хороший чай. Матильда, конечно, женщина славная, но ее бурду пить невозможно: пареный веник. Да и общаться с духом в общей столовой, куда в любую минуту могут войти, я не собиралась. Дома я поставила чайник, уселась и произнесла:

— Ну, давай, что ли, выкладывай свои соображения.

— Соображения будут у тебя. А у меня ценная информация. Я случайно слышал, как ругались Ригодон с Мартонией. Из-за тебя, между прочим. Жаба возмущалась, что он отнял у нее перспективную аспирантку и чуть ли не жениться на ней собрался, а сам обещал Мартонии совсем другое. Неужели он на ней жениться планировал? Во что не верю, в то не поверю никогда. Жалко, я не дослушал. Мы разошлись: они пошли в сторону хранилищ, а мне пришлось тащиться за тобой в столовую. Кстати, тебе надо больше есть: моя телесность опять почти на нуле.

— Ладно тебе. Вот съем сейчас эклер...

— Ну что такое один эклер! Было бы их хоть полдюжины...

— Уговорил, сейчас поставлю тесто и вечером напеку пирожков с яблоком.

— Ага, и скормишь их первому попавшемуся болвану, который заглянет к тебе на огонек! Да эти халявчики и обжоры просто повадились тебя объедать!

— Ну так попробуй их отогнать. Из всех меня сейчас волнует только Юстин.

— Ты влюбилась-таки в этого зануду?

— Если ты еще помнишь, у меня с ним соглашение. Тебе же хочется обратно в свое тело?

— Извини, забылся.

— Так вот. В свете вышеизложенного, мне бы сейчас очень не помешала беседа с нашим лордом-дознавателем. А еще я просила бы тебя подробно рассказать мне обо всех, кто сейчас здесь живет и трудится.

— Зачем?

— Есть идеи. Хочу составить список и проверить всю информацию перекрестным опросом.

— Опросом? Не допросом?

— Ну, я же не лорд-дознаватель. Просто если про одного и того же человека рассказывают разные люди...

— Можешь не продолжать. Отличная идея! Если найдутся противоречия и нестыковки...

— Их надо будет проверить. Еще меня интересуют слухи. Некромантский обряд просто так, без подготовки, не проведешь. Они, вон, годами учатся. прежде чем первую пентаграмму нарисуют. Не может быть, чтобы кто-то занимался запретными науками, и никто во всем свете ничего не заподозрил.

Ал живо подхватил:

— Про Мартонию и того же Ригодона можно узнать у их бывших коллег по зельеварению.

— Я об этом уже подумала. Нужен только благовидный предлог.

— Можно заказать у них в отделе стандартные основы для эликсиров. Это общепринятая практика. Да, знаю, ты все варишь сама и не доверяешь...

— Чушь. Я варю сама из экономии. Мне надо накопить на свою аптеку. Но если у тебя есть, на что сделать такой заказ...

— Найдем. Слушай сюда. Там есть трое, с кем стоит поболтать. Магистр Альцест, хранитель Зелим и Кисаор, не знаю, кем он там теперь работает. С Зелимом ты пообщаешься в любом случае, заказы принимает он. Если что-то сложное, то тебе позовут Альцеста. Кисаор... Не знаю, как на него выйти.

Мужики... Опять станут клинья подбивать, а ничего существенного из них не вытянешь.

— А женщин там нет?

— Мартония теперь у нас, а больше я никого не знаю. Хотя постой... Магали! Их сестра-хозяйка — отъявленная сплетница, хуже Матильды в тысячу раз. Она сама тебя не пропустит, стоит только намекнуть о давешнем скандале. Конечно, Магали не маг...

Так это даже лучше. Не маги очень интересуются жизнью магов и собирают про них всякие слухи и сплетни. А если этой Магали особенно поболтать не с кем...

— Какая разница: маг, не маг. Тогда фиг с ним, с Кисаором. Обойдемся Магали. Ее магия мне без разницы, наоборот, такая не сортирует слухи на правдивые и неправдоподобные.

— Зачем тебе ложные слухи?

— Знаешь, как говорила моя мама, всякий слух на чем-нибудь да основан. Например, наш сосед господин Герн каждый восьмой день декады уезжал в соседний городок и возвращался следующим утром. Из этого сочинили сплетню, что он там встречается с любовницей. Никакой любовницы не было, он ездил играть в карты, но тем не менее основа у сплетни была.

— Регулярные поездки.

— Именно. Примерно такие сплетни и слухи я хочу собрать и обработать: вычленив рациональную составляющую. Но прежде всего надо посоветоваться с Юстином.

— А со мной недостаточно?

— Опять двадцать пять. Ал, надоел. Если это ревность, то зря. Мне нужен совет

специалиста. Ты ученый, а Юстин следователь. Молодой, неопытный, так и я не выдавшая виды старушка, чтобы его этим попрекать. Мозги у парня есть, ты сам убедился. Вообще, тебе нужно твое тело? Не нужно, ты так и скажи!

— Мели, я пошутил!

— У меня твои шутки в печенках сидят. Ты лучше мне объясни, как ты намереваешься морочить голову Ригодону. Я имею в виду мою работу.

— Хорошо, пойдем в лабораторию.

Он заставил меня разгребать его многочисленные тетради, но наконец у меня на столе лежали три лабораторных журнала, два коричневых и один серый. Просмотрев их бегло, я поняла одно: они времен разработки эликсира регенерации. Дух тут же дал необходимые пояснения.

— Мели, это очень просто. Здесь журналы тех опытов по эликсиру регенерации, которые не дали результата. Я долго шел, пробовал, пытался, но почти три года пахал зря: тупиковая ветвь. Ничего из этого никогда не публиковалось. На этих материалах ты сможешь морочить голову своему Ригодону еще очень и очень долго.

— А то, что я до сих пор уродовалась с эликсиром силы?

— Ерунда. Он же сказал, что сгодится любая моя разработка. Скажешь, что с силой у тебя не пошло, зато ты нашла описание создания эликсира регенерации. Будешь повторять опыты, они несложные, даже особой кропотливости не требуется. Твоя работа с силой тебе еще пригодится, как я понял. С твоим эликсиром молодости я тебе помогу. Ты ведь хочешь довести его до совершенства?

— А как же! И еще у меня мелькнула идея...

Я задумалась, стоит ли озвучивать Алу, то, что пришло в голову буквально вчера, но он развеял мои сомнения.

— Запиши, потом и ее в дело пустим. Знаешь, у меня тоже вечно идеи в голове бродят, а я их на бумажку... Потом восемьдесят процентов отсеивается, а с оставшимися двадцатью я работаю. Думаю, у тебя то же самое. Так что записывай, записывай и еще раз записывай...

Не стала ему говорить, что я вообще-то так и делаю. Конечно, хотелось показать свои придумки мэтру, У меня там не одна идея, но он прав: сейчас не время. Вот соединится душа с телом, тут я на него и наеду.

Следующие две декады прошли в настолько плотном графике, что память не удерживала последовательность событий. Пришлось в авральном режиме трудиться в лаборатории, забросить вечерние посиделки с коллегами и регулярно докладывать Ригодону о свершениях. Хоть он и обещал сохранить сдачу отчета раз в декаду, как было при Мартонии, но в результате теребил меня через день. Раздражало страшно, потому что отрывало от дела. А оно наконец пошло. Я ставила опыт за опытом, и они удавались! Дух время от времени направлял меня, но в основном я все придумала сама. Как смешать, к чему привязать заклинание, на что опереть энергетический поток... Этот новый эликсир я назову Объединенным Эликсиром Здоровья и Молодости, а в продажу он пойдет как «Экстракт Мелисенть». Или лучше как-то покудрявее? «Идеальное здоровье»? «Чудо красоты»? Надо с Алом обсудить, он в этом лучше соображает. Конечно, работы там еще непочатый край, но в конечном результате я уверена.

То, что я выдавала за свои эксперименты по воссозданию гиалленовских эликсиров Ригодону, меня напрягало. Тут приходилось халтурить, потому что делать две научные работы параллельно просто невозможно. Половину опытов я тупо переписывала с тетради

Гиаллена, даже не попытавшись повторить. Это мучило, как незаживающая язва. Все-таки добросовестность — моя вторая натура. В результате я отправилась-таки к зельеварам и закупила несколько экстрактов и настоев. Попробую работать с ними, все-таки значительная экономия времени. Заодно познакомилась с тамошними специалистами и сестрой-хозяйкой.

Хранитель Зелим, заведующий складом трав и готовых форм, сразу ко мне проникся. Не знаю уж почему, наверное потому, что я сразу положила на стол готовый список того, что мне нужно, и выразила готовность ждать сколько потребуется. Меня усадили за крошечный столик, предложили чаю, и через полчаса большая часть заказа стояла передо мной.

Зелим подтвердил, что остальные экстракты и смеси на складе отсутствуют и предложил поговорить об этом с магистром Альцестом. Пока все идет по плану. Альцест оказался занят и предложил на выбор: подождать минут сорок или прийти в другой раз. Я решила подождать. Сказала, что день для работы и так пропал, лучше уж я все добыю сегодня, и осталась с Зелимом на складе. Этот симпатичный старичок явно был рад, что кто-то разделил его одиночество. Он принялся болтать обо всем понемногу, а я слушала, прихлебывая отменный чай из огромной кружки. К чаю подавались крошечные и невероятно вкусные пирожные с суфле и ягодами, я раньше таких никогда не ела.

Зелим оказался неудержимым сплетником, и тут, наконец найдя уши, готовые слушать, вылил на меня все сплетни отдела, по-моему, за последние сто лет. Практически не давая вставить слова. Он говорил, говорил и говорил. Сначала я даже не пыталась сопротивляться, а потом... Уловив паузу, взятую Зелимом для того, чтобы набрать в грудь воздуха, я произнесла задумчиво с вопросительной интонацией:

— А вот архимаг Ригодон...?

И понеслось. За десять минут мне доложили всю его подноготную. Что он действительно довольно сильный и талантливый маг, особенно в области менталистики. Но характер у него — полное дерьмо. У менталистов он делать карьеру не захотел, слишком много конкурентов. Вообще, Ригодон напрягаться не любит, предпочитает, чтобы за него это делали другие, а он только присваивает их результаты. Знакомая картина. Работая в отделе зельеварения, он занимался весьма предосудительным делом: обрабатывал аспирантов и молодых магистров, заставляя пахать на себя. Их результаты публиковал как свои собственные, а ребята потом не могли добиться справедливости, да и не добивались, по правде говоря. Да, еще девиц в постель укладывал теми же методами.

А вот это уже уголовщина. Девица должна идти в постель добровольно, а не под действием приворота, не важно, зелье это или ментальное подчинение. Вообще-то, по законам Элидианы, если девушка не магичка, то приворот не уголовщина, хотя тоже не приветствуется. Не знаю пока, как с этим обстоит здесь, в Валариэтане. Неужели никто не пожаловался? И как такой гад стал членом Совета? Но это все по большому счету ерунда. По словам Зелима выходило, что наш начальник говнюк, но это я и без него знала. О том, что Ригодона подозревали во владении запретной магией, я не услышала. Поэтому снова дождалась паузы в излияниях Зелима и ляпнула:

— Мой бывший научный руководитель магистр Мартония...

Хранитель молниеносно перестроился и понес уже про Мартонию. Про нее он мог сказать неизмеримо больше, чем про Ригодона. Мерзкое, подлое существо (полностью с ним согласна), выдвинувшееся и получившее звание магистра благодаря крепкой, извините за выражанс, жопе. Имеется в виду усидчивость? Бездарность (правильно, я угадала насчет усидчивости), ее диссертация прошла с трудом, в основном за счет формальных критериев.

Зато она всегда собирала на всех компромат и ловко шантажировала коллег. А еще была мастером выживания и подсиживания. Подсидела двух своих предшественников, выжила из отдела и того больше. Все истории выживания сотрудников и подсиживания начальства мне были рассказаны чуть ли не в лицах. Но, опять же, где связь с черной магией? Похоже, ничего такого за Мартонией не водилось.

Честно? Ничего не понимаю. Чувствую, тут без нее не обошлось, но ни единой зацепки, даже намек никакого...

Пришел магистр Альцест, высокий, статный, представительный господин среднего возраста, не худой, но и не толстый, скорее плотный, крепко сбитый. Красотой не блещет, но лицо приятное. Было бы, если бы не выражение: «ходят тут всякие, от работы отрывают». Это ничего, попробуем справиться. Сначала Альцест был со мной очень и очень официален, прочел список и поинтересовался, зачем мне все это нужно. Типа: «Дура ты, дура, куда ты полезла. Зельеварение и эликсиры — дело серьезное». Я не стала ничего из себя строить, а попросту все ему объяснила. Это — для этого, то — для того. После чего мужик сменил гнев на милость и мы очень плодотворно пообщались. Оказывается, он писал отзыв на мой диплом, они у нас анонимные. Отличный, между прочим, отзыв, я читала. Убедившись, что перед ним автор Улучшенного Эликсира Молодости, магистр Альцест повел меня в свой кабинет, где долго жаловался на бестолковое начальство, недостаток финансирования и происки врагов. После чего выставил мне счет и пообещал сделать все в ближайшее время. Попытка поговорить с ним о Ригодоне и Мартонии вылилась в короткий, но емкий монолог, не содержащий иных приличных слов, кроме предлогов. Ясно, дело иметь с ним можно, но информацию от него не получишь. С этими мыслями я вышла в коридор и устремилась к выходу. Кабинет Альцеста был на втором, так что пришлось спуститься по лестнице. На площадке между двух пролетов мне встретила немолодая крикливо одетая женщина. Раз она не в мантии, значит не маг, а Магали, та самая сестра-хозяйка. Я тут же упустила из рук бумажку со своим заказом и бросилась ее поднимать. Тетка сделала то же самое, в результате мы столкнулись лбами, да так, что искры из глаз посыпались. Лучше не придумаешь! Я тут же схватилась рукой за лоб и тихонько застонала. Магали, а это была она, потеряла рукой свой лбешник и стала горячо извиняться. Повела меня к себе. Дала лед, чтобы приложить к гипотетической шишке, сама сделала то же самое, села напротив и предложила чаю. Я уже обпилась его у Зелима, но от предложения сестры-хозяйки отказываться не стала. Лучше пострадать, но не пропустить крупницы информации.

Магали оказалась своей теткой, простой и веселой. У нее не было, как у Матильды, постоянного кавалера, поэтому она молодилась и носила яркие платья. Усадив меня за стол и налив чая, она осторожно стала спрашивать, кто я и откуда. Чтобы расположить ее к себе я тут же сообщила, что перед ней та самая аспирантка Ригодона, которая разработала эффективный Эликсир Молодости, а сюда пришла за ингредиентами.

Знаю я, чем потрафить молодящейся дамочке. Пообещала подарить флакончик, и после этого могла из Магали веревки вить.

Очень быстро разговор с ухода за собой перешел на местные сплетни, и я ни на минуту не пожалела, что приняла приглашение сестры-хозяйки. Магали проработала в отделе более тридцати лет, пришла юной девочкой-уборщицей и сделала карьеру, предельную для не мага. Она обладала цепким умом и потрясающей наблюдательностью. Ее рассказом я просто заслушалась. Излагала не только канву, но и подробности, а обычно в них вся соль. Истории, рассказанные Зелимом, представляли в другом свете.

Итак, Ригодон. О нем я не узнала особо нового, кроме некоторых пикантных и не очень подробностей. Единственное, что я поняла: этот козел трахал все, что шевелится, пользуясь для обольщения ментальной магией. Магали на заре своей карьеры прошла через его постель, но положительных воспоминаний у нее не осталось.

— Представляешь, дорогая, обычно любовник дарит женщине подарки, старается сделать приятное, а этот гад, наоборот, норовил тобой не только в постели попользоваться.

Мощная характеристика, ничего не скажешь.

В общем, все дамочки отдела (а на зельеварении их на порядок больше, чем на эликсирах) прошли через его койку. Кроме одной. Мартонии. Хотя она очень туда рвалась и готова была на все, лишь бы стать подругой архимага. В данном конкретном случае я Ригодона не осуждаю. Мартония — это рвотный порошок. Даже при дефиците женщин в нашем Научном центре на жабу никто не позарился. Уж Ригодон-то, с его любовью к красивому и шикарному... Зная нашу красотку, могу сказать: он ее тоже привлек не за красивые глаза. Увидела перспективного мужичка и решила через него делать карьеру. Только силы свои не рассчитала.

— И вот, милочка, архимаг послал ее куда подальше. Тогда она и еще две ее подружки что-то затеяли. Бегали, шушукались, запирались то в кабинете, то в лаборатории. А кончилось все тем, что Ригодон Мартонию сделал своим заместителем, а когда к вам на эликсиры уходил, взял с собой.

— О каких подружках речь, Магали? До сих пор не видела, чтобы Мартония с кем-то общалась, кроме Ригодона. Не видать у нее подружек.

— Так она, как только перешла на эликсиры, с ними рассорилась. Одна из них, Сосипатра, даже приходила мне жаловаться, мол, какая гадюка оказалась подруженька. Пока помощь была нужна, только что под ноги не стелилась, а тут и нос воротит. Потом, правда, помирились, видела я их вместе, гуляли тут по парку. Только это давно было, больше полугода прошло. А вторая ее подружка у вас работает. Теодолинда.

Ого, они подружки? А я полагала, что злейшие враги. Кто же первая?

— А эта Сосипатра, она кто?

— Ну. эта. Из темных, которые в черных мантиях ходят.

Ну вот мы и нашли некроманта.

Глава 10, в которой у Мелисенты рождаются идеи

Обратно домой я не шла — летела. Мою эйфорию поддерживал дух, мурлыкавший мне в ухо, что я талант, гений, потрясающая и необыкновенная. Он тоже обрадовался, узнав, из каких источников по его душу явилось не запылилось темное колдовство. По мнению Гиалена, это не могло быть что-то сверхсложное и энергоемкое. Он знал Сосипатру и уверял, что красотка файербол не изобретет. Посредственность, как и две других. Он имел в виду Теодолинду и Мартонию.

Зря он так. По опыту знаю: посредственности — самые страшные люди и маги. Ими движет ненависть и зависть к таланту, а это один из самых мощных двигателей. Вместо одной сложной изящной бяки они применяют сто тупых и простейших, но сразу, а это гораздо хуже. Так что рано радуетесь, архимаг Гиаллен, эти Мартония со своей Сосипатрой не так просты, как кажется. Тем более, они женщины, а значит, способны на изощренную гадость. И не говорите мне, что тупое не может быть изощренным. Может, еще как.

Вернувшись, я зашла в столовую, где народ доедал обед, вспомнила, сколько чая плещется у меня в животе, и есть не стала. Зато сделала знак Юстину: приходи вечером.

Узнать о Сосипатре это еще даже не полдела. А вот докопаться, что там на самом деле произошло... Для этого мне нужен следователь. А еще возвращающий душу обряд, да и тело найти необходимо... Гиаллен, гад, свое собственное тело искать не желает, предпочитает мое по мелочи тискать. К счастью, инструмент, чтобы сдерживать его порывы, есть и работает. У меня все еще зверский аппетит, но я стараюсь не переедать. Результат: телесности у моего духа сейчас хватает ровно на то, чтобы страницы в книгах перелистывать. Правда, я сама похудела и еле ноги таскаю, но в этом нет ничего страшного. Потом отъемся.

Отвлеклась я от мыслей о следователе, естественно, из-за духа, который увидел, что я не собираюсь обедать и начал зудеть. Я-де обещала его кормить и поддерживать телесность питанием, а теперь нарушаю договор. Как дите малое, а еще архимаг! Но не в моих правилах поддаваться на провокации. А еще чай стал настоятельно проситься наружу. Пришлось отмахнуться и ускорить шаг.

Добравшись до своей квартиры, я пулей бросилась в туалет: еще бы, столько воды выпить. И жутко разозлилась, когда это бестелесное несчастье стало приставать ко мне, сидящей на толчке. Ну не нахал?! Знала бы как — упокоила бы.

В общем, мы опять поругались. А я столько вопросов хотела задать Гиаллену. Не только по работе, но и по его делу тоже. Если он говорит, что знает Сосипатру, то что он о ней может сказать, кроме того, что она типичный середняк? Почему она дружила с Мартонией? Верно ли, что наша пьявка Теодолинда дружила с ней и с жабой? И что могло поссорить Мартонию с Теодолиндой? Потому что сейчас эти две язвы держат вооруженное перемирие, друг с другом не разговаривают, а при случае злобно зыркают и говорят гадости так, чтобы другая слышала.

Ничего, я Юстина поспрашиваю, он здесь уже больше года. Должен был хоть что-то слышать.

До вечера я копалась в лаборатории. Разбирала присланное от зельеваров, расставляла все по местам, записывала, что мне еще может понадобиться, в общем, не работала, но и не отдыхала. И думала, думала...

Около шести все оставила, достала из ларя готовое тесто (я его делаю сразу на пять-семь дней и бросаю в стазис) и накрутила булочек с корицей. Поставила тушиться овощи с мясом в горшочках и села дожидаться нашего лорда-дознателя.

Когда пришел Юстин, у меня было записано около двадцати вопросов, которые ему нужно задать. Но стоило мне рассказать про мой поход и его результаты, как выпрашивать больше не понадобилось. Он сам стал сыпать фактами и предположениями, как будто мешок прорвался.

Знает он эту Сосипатру. В начале года, когда еще жив был Гиаллен, она приходила несколько раз. В отличие от Мартонии и Теодолинды очень даже красивая дама. Высокая стройная брюнетка с роскошным бюстом, что при таком имени кажется удивительным. Но последний раз Юстин ее видел месяца за полтора до исчезновения архимага. Если она встречалась с Мартонией после этого, то где-то на нейтральной территории.

Это точно. К нам довольно часто заходят маги из других отделов, но роскошной брюнетки в черной некромантской мантии я среди них не замечала. До сих пор меня это никак не трогало. Некроманты не пользуются эликсирами, только зельями, к которым сами привязывают свои специфические заклятья, так что им у нас делать нечего. А теперь я задумалась. И задала непредусмотренный списком вопрос:

— Скажи, Юс, а как Сосипатра относилась к Гиаллену?

— Хороший вопрос. Не знаю, Мели... Думаю, он ей нравился, как и всем здешним дамам. Бюст свой она ему под нос регулярно совала. У нее даже мантия была для этого неуставная, с вырезом. Подойдет поближе, встанет прямо напротив, вся изогнется и спросит какую-нибудь глупость вроде: «А какой у нас сегодня день декады?».

— А она ему нравилась?

— Не особенно. На ее выходки он реагировал спокойно. Отвечал на вопросы по существу, так что она выглядела полной дурой. Но я не понимаю, Мели, почему ты в нее вцепилась.

— Потому что только некромант способен без прямого убийства отделить душу от тела!

Ой, кажется, я проговорила, и Юстин это понял. Глаза округлились. Он положил на место булочку с корицей и схватил меня за руку:

— Мели? Ты что-то не договариваешь. О каком отделении души от тела речь?

Пришлось срочно изобретать лапшу и вешать ему на уши. Я все еще храню верность нашему с Алом соглашению.

— Юс, но это же логично. Если тела нигде нет, а все охранки архимага действуют, как будто он жив, то можно предположить, что дух и тело существуют сейчас отдельно.

— Хочешь сказать, Гиаллен посещает тебя в виде призрака?

— Не хочу. Ничего подобного!

Караул! Юстин уже не сидел на своем стуле, а стоял около моего, нависая надо мной с видом грозного судьи.

— Мелисента, мы договорились обмениваться ВСЕЙ информацией. Я вижу, что ты недоговариваешь.

— Прсти, Юс, это не моя тайна. Я все тебе расскажу, как только получу на это разрешение.

— Интересно, чье разрешение тебе надо?

Тут уже я рассердилась.

— Сказали тебе: тайна не моя. На твоём месте я бы немного уважала напарницу, лорд-

дознатель.

Я так злобно сверкала глазами, что парень мгновенно сдулся. Сел на место и протянул примирительно:

— Ну извини, Мели. Я знаю, ты просто так меня обманывать не станешь. Но мне все же интересно...

— Обещаю, что как только можно будет, ты первый обо всем узнаешь. А теперь о некромантке. Она могла что-то сделать с Гиалленом? В принципе?

— Если он не защищался, спал, например, то да... Хотя, в его собственных комнатах, где на каждом предмете охранка стоит... Она должна была предварительно оглушить его или усыпить как следует, чтобы он потерял связь со своими артефактами. Нормальный сон этого не эффекта не дает.

— Здорово ты сечешь. Кто бы мне еще это объяснил? А некромант может как-то насрать такой сон?

— Нет, это дело ментала, такими способностями Сосипатра не обладает. — Ты откуда знаешь?

— У меня есть список тех, кто в этом центре работает с ментальной магией или хотя бы имеет такие задатки. Вопрос государственной безопасности, как ты понимаешь. Так вот, там нет никакой Сосипатры. А вот Ригодон имеется. Еще Теодолинда, но у нее дар слабенький, она его никогда не развивала.

— Понятно. А какое отношение имеет список менталов к государственной безопасности? Скорее там нужен список некромантов.

— Ты правда не понимаешь? Некроманты по большей части совершенно безопасные, наоборот, полезные маги. Они у нас в органах дознания и правопорядка работают. Ну, там, допросить покойника, упокоить нежить, развеять призрака... А менталист опасен тем может подчинить своей воле и заставить выполнять любые действия. Может наложить ложные воспоминания или заставить забыть важные сведения. Может внушить другому выгодные ему мысли и чувства. В конце концов может усыпить и лишит сознания на долгий срок. Контролировать их невероятно трудно.

Вот так живешь и ничего не знаешь. Закопалась я в своих эликсирах, совсем не представляю себе, чем живут другие специальности. А зря, как выяснилось. Надо будет заняться, расширить свой кругозор. Но усыпить Гиаллена можно было и зельем. Или эликсиром. Есть такой, эликсир Глубокого сна. Его для операций применяют: можно резать по живому, пациент ничего не почувствует. Я так Юсу и сообщила. Неужели он об этом снадобье не подумал?

— Подумал. Как ты себе представляешь попытку напоить архимага известным ему эликсиром? Насколько я помню, у него совсем не нейтральный вкус и очень специфический запах.

— Ментал мог бы и напоить. Слушай, ты не помнишь, Ригодон в тот вечер не заходил? А Теодолинда?

Юстин поднялся.

— Мели, спасибо за вкусный ужин и интересную беседу. Мне надо срочно посмотреть мои записи, а я их у себя оставил. Разреши, я еще раз попозже зайду?

— Конечно, заходи. Буду рада.

Он ушел, а я перебралась на диван и задумалась. Если бы Гиаллен был под действием эликсира... да нет, ерунда! Он бы не смог быстро среагировать, да и эликсир Невидимости с

Глубоким сном мог дать любые непредвиденные эффекты... Стоп! Непредвиденные эффекты! А если туда еще некромантский ритуал... Нет, все равно не получается.

Так, Мелисента, сосредоточься. Дано: Гиаллен находился в своей лабора тории, когда пришел злоумышленник. Он его впустил. Сам. Выходит, изначально он не спал, да и под принуждением не был. Значит... Да ничего это не значит! Не сходится, хоть убейся! Как его смогли так оглушить, чтобы он целый некромантский ритуал проворонил и только к самому концу заметил, что происходит? Так не бывает! А если по-другому?

Если предположить, что злоумышленник пришел, сел с Гиалленом чай пить, и подлил ему... синеоку, например? Ту, которую детям дают? Другие снотворные имеют специфический вкус, а она просто сладенькая. Ее в чае с медом или сахаром не почувствуешь, а через пару минут будешь спать, как младенец. Недолго, правда, зато от души.

Значит, вырисовывается картина. Некто тайно, под покровом ночи приходит к архимагу. Спонтанно или по договоренности? Думаю, второе. Вряд ли Гиаллен ни с того ни с сего постороннему ночью дверь открыл. Выходит, они сговорились заранее. В гостиной не остались, прошли в лабораторию, сиречь кухню. Логично, там чайник. Среди ночи затевать парадное чаепитие по меньшей мере странно. Если бы ко мне сейчас Юс заявился, я бы его на кухне принимала. Подлить что-то архимагу в таких условиях не проблема. Попросить печенья, вот он и отвлекся.

Значит, он выпивает чай со снотворным и падает со стула. Нет, так не пойдет. Надо провести следственный эксперимент, а для этого мне нужен подопытный. Юстин обещал вернуться? Подождем.

Юный лорд-дознаватель постучал в дверь тогда, когда я решила что сегодня он не вернется и приготовилась ко сну. Пришлось надевать халат и идти дверь открывать. Было уже около полуночи, и я готовилась сказать парню, что в это время неприлично являться к девушкам, но, увидев его круглые глаза и прижимаемую к животу объемную папку, решила все же узнать, что случилось. Впустила и пригласила присесть, но он почему-то стоял и таращился на меня.

— Юс, что-то случилось? Ты почему прибежал чуть не ночью? Поздно уже, неприлично разгуливать по гостям. Так что если у тебя важные известия, сообщи и можешь быть свободен.

Я наглая, конечно, но что делать, если парень на меня пялится и молчит?

— Прости, Мели, что я так вламываюсь, но я тебя увидел... Извини. Действительно, я раскопал кое-что. Сейчас отдышусь...

— Отдышись, а я пока спрошу: нет ли у тебя желания принять участие в следственном эксперименте?

— В каком? Ты что-то придумала? Я с радостью!

Ишь, как у него глазки загорелись. А только что такой смурной был. Я постаралась в двух словах пересказать ему то, что пришло мне в голову. Идея насчет снотворного вызвала удивление.

— Синеока, Мели? Но это же детское средство. Вряд ли им можно усыпить взрослого мужчину.

— Учи матчасть, лорд-дознаватель. Да, синеоку применяют для беспокойных детей, когда они плохо засыпают. В разведении один к двадцати, семь капель на чашку. А если неразведенного настоя подлить пол чайных ложечки в чай, за пару минут вырубит любого.

Заметить же ее сложно, особенно если чай сладкий. Синеоку можно было бы использовать вместо солодки, если бы не такой мощный снотворный эффект.

— Не знал. Я был уверен: детское средство всегда слабое. Беру свои слова назад. А ты откуда это знаешь?

— Юс, я с детских лет в аптеке помогаю. Уж что-что, а лекарственные растения помню все назубок. С методами приготовления, концентрациями и дозировками.

— Все, Мели, все вопросы сняты, рассказывай, что ты придумала.

Я изложила. Если неизвестный вошел к Гиаллену около полуночи, а вышел через полчаса, и после этого архимага никто не видел, то надо понять, как это могло произойти. Реконструировать ситуацию.

Для начала мы разыграли сцену. Вот злоумышленник входит, здоровается, проходит за хозяином в лабораторию, Предположим, чай уже вскипел. Но даже при таком раскладе чтобы усыпить Ала нужно на круг минут десять. Мы долго спорили, Юс даже готов был принять синеоку, чтобы я засекала время начала воздействия. Не хватало, чтобы у меня в квартире валялся спящий мужчина. Пришлось показать ему книжку по токсикологии, там время было указано в таблице. Но в конце концов мы сошлись на десяти минутах предварительных действий. Теперь встал вопрос: как долго длится черномAGICESКИЙ ритуал?

Тут Юстин открыл наконец свою папку и показал пару листочков с пентаграммами.

— Вот смотри. Это из моей коллекции. Заклинание и свечи — ерунда. Три-пять минут, не больше. Самое трудное здесь — правильно нарисовать пентаграмму. Без специальной подготовки это занимает уйму времени. Новичок может и два часа провозиться. Опытный некромант нарисует ее тебе, в зависимости от степени сложности минут за сорок — час. У нас не сходится. Да и следов мела или другой краски на полу не было.

Меня как что стукнуло:

— А нельзя было ее нарисовать заранее на большом листе бумаги и принести с собой готовую?

Юстин воззрился на меня как на чудо природы:

— Мели, а ведь правильно! Дома же можно нарисовать без ошибок, пользоваться чертежными инструментами, да и время не ограничено.

— Ага. А потом на месте раскатал, свечами в подсвечниках придавил, и работай себе на здоровье. А длинный тонкий рулон под мантией никто не заметит.

— В принципе да. А где злоумышленник взял такой большой лист бумаги?

— В лекционном зале.

— Точно! Если на такой положить человека, то...

— Весь не поместится, но свечи будет где расставить. Кстати, это объясняет отсутствие следов от воска. Бумагу потом просто скатали, а вместе с ней и все следы. Мели, ты гений!

Юстин вдруг подхватил меня на руки и закружил по лаборатории.

— Отпусти, безумный! Уронишь! Сломаешь что-нибудь!

А он, вместо того, чтобы поставить меня на пол, вдруг ринулся в ванную. Не успела я сообразить зачем, проскочил это замечательное помещение и ворвался в спальню. Там уронил меня на кровать и рухнул сверху. Все с ним ясно: обольщать будет. Явочным порядком, так сказать.

Глава 11, в которой Мелисента знакомит Юстина с Гиалленом и находит тело

Юстин действительно настроен был серьезно, по боевому. Одновременно целовал меня куда попало и пытался стащить халат. Так как еще приходилось меня придерживать, это у него не слишком хорошо получалось: руки-то всего две. По ходу он еще бормотать успевал: «Милая, хорошая, дорогая...». Я даже не отбивалась особо, ждала, когда у парня мозги снова включатся. Сейчас он меня не услышит, а и услышит — поймет неправильно. В такой ситуации только если в лоб дать. Сильно. А у меня руки несвободны, вон их как халатом спеленало. И где дух со своей частичной телесностью, хотелось бы мне знать?

Наконец Юстин стянул-таки с меня халат и сорвал рубашку. Приподнялся, чтобы самому освободиться от одежды, и тут наконец проявил себя Гиаллен.

Дал парню в лоб, точно как я хотела. Наш лорд-дознаватель покачнулся, закатил глаза и свалился с кровати. А Гиаллен злобно зашипел. На меня:

— Мне запрещаешь в твою спальню заходить, а сама?! Что этот щенок тут делает? Почему ты это ему позволяешь, хотел бы я знать?

Как прикажете отвечать? Оправдываться? Не виноватая я, он сам пришел? Глупо и неправильно. Была у меня соседка по комнате, она учила: никогда не оправдывайся. Лучшая защита — нападение. Надо сказать, ей все с рук сходило. Она умела сделать из любого обвинителя виноватого, а потом требовать компенсацию. Мы с ней почти что дружили, пока она внезапно не вышла замуж за богатого и красивого парня. Ее тактике я и последовала.

— Ты что, больной? Меня из-за тебя чуть не изнасиловали, и ты же на меня кричишь?!

Дух немного смутился. Это было слышно по интонации.

— Почему это из-за меня?

— А мы чье исчезновение расследуем? Если бы не следственный эксперимент, я в жизни не пустила бы в квартиру мужчину глубокой ночью. А ты, вместо помощи, претензии предъявляешь.

По ходу дела я завернулась в халат и ушла в ванную. Надо же целую рубашку надеть. Вернувшись, увидела, как кряхтя, охая и держась за голову, Юстин встает с пола. Мне его жалко стало. Совсем парень не умеет с девушками обращаться, а тоже туда же. Подошла, помогла ему подняться, усадила на стул.

— Что это было, Мели? — спросил Юс слабым голосом.

— Ну..., — протянула я, не зная, что сказать.

И тут раздался голос Гиаллена, мощный, как будто тот говорил в рупор.

— Не смей руки распускать! Еще раз тронешь мою женщину — голову оторву!

Юстин обвел взглядом комнату, с ужасом прошептал: «Гиаллен...», и, закатив глаза, начал медленно падать со стула. Надо же, по голосу узнал. Пришлось его подхватить и переложить на пол. Хорошо, что в спальне у меня ковер пушистый. Все-таки Юс высокий, крепкий парень, хоть и худой, до кровати мне его было не дотащить. Когда я отдышалась, то сказала громко, ни к кому не обращаясь:

— Я ничья женщина, и никакая сволочь, даже архимагическая, не имеет на меня никаких прав.

— Мели, ты обиделась? Мели, ты не права! Должен же был я тебя защитить?! А то этот

молокосос тебя чуть не изнасиловал! Прямо при мне! Это получается, мне нельзя даже пальчиком, а ему можно все? Мели?!

— Ал, я бы прекрасно справилась сама. Юстин приличный человек, он бы не стал меня насиловать.

— Ага, всю одежду посрывал...

Пока мы так пикировались, Юс пришел в себя и с ужасом на меня уставился. В его глазах медленно, но верно появлялось понимание... Я же продолжала цапаться с духом.

— Ничего, я бы ее назад надела. А теперь ты раскрыт, дорогой, и я очень этому рада.

Эти две реплики прозвучали вместе:

— Как раскрыт?

— Это Гиаллен?

Еще кому-то что-то надо объяснять? Я забралась с ногами на кровать и объявила:

— Можете общаться. Спрашивать, отвечать, да хоть драться. Только идите-ка в кабинет, а я спать.

Это решение было правильным. Утром Юстин вышел из кабинета и присоединился ко мне за завтраком. О своем давешнем поведении не заговаривал. Не извинился, но и не возобновил приставания. Вел себя так, как будто ничего не было. Я тоже сделала вид, что все нормально. Сейчас не время разбираться. Зато его слова меня порадовали:

— Мелисента, мы с Гиалленом все обсудили и пришли к согласию, то есть заключили соглашение. Я помогаю вам вернуть ему тело и найти злодея или злодеев.

— Очень рада. Мне так будет гораздо легче, не надо будет морочить тебе голову и что-то скрывать. Все-таки ты у нас следователь, а не я. Тебе и карты в руки.

Тут раздался голос духа:

— Мели, мы тут посоветовались и решили: тебе не надо связываться с некромантией и некромантами. Тем более с некромантками. Твоя задача искать тело. А выяснить, какой ритуал применили и есть ли обратный, эту задачу возложим на нашего друга Юстина.

Ого, они уже друзья? Отлично, я и сама это собиралась предложить. Ал же продолжил:

— По вечерам будем собираться у тебя и делиться всем, что удалось узнать или найти.

Это меня тоже устроило, я согласно закивала, допила чай и намекнула Юсу, что пора на работу. Ригодон требовал, чтобы по утрам все собирались в главной лаборатории, это давало ему ощущение собственной значимости. Не стоит злить начальство.

Эх, зря я согласилась на вечерние встречи у меня, особенно после того, как Юстин провел ночь в моей квартире. Народ понял, что я определилась с любовником и бросал на меня разнообразные взгляды, от завистливых (Теодолинда) и злобных (Мартония) до сочувственных (Форгард) и разочарованных (Белон). Последний не мог мне простить, что я выбрала не его. Но взгляды — не самое страшное. Хуже то, что я теперь никогда не буду для них своей, как ни старайся. Плюшки, чай, даже жаркое не помогут. Если бы я стала любовницей Ригодона, меня бы поняли. Это нормально. Но я выбрала мальчишку, и тем унизила всех остальных. Если все узнают, что Юстин не просто мальчик, а принц Кортала, лорд-дознаватель, это ничего не изменит. Наоборот, станет еще хуже. Получится, что я хитрая коварная дрянь, выведала секретную информацию и оболестила перспективного жениха. В общем, репутацию здесь я себе испортила окончательно и бесповоротно. Когда все закончится, Гиаллену вернут тело, а я защищу диссертацию, мне придется отсюда уехать. Может это и к лучшему. К тому времени скоплю денег и открою свое дело. Никто мне не запретит, магистр магии имеет особые права.

Первый результат ночевки Юстина в моем кабинете не заставил себя ждать. После утренней пятиминутки Ригодон пригласил меня в свой кабинет и сказал желчно:

— Мелисента, Вы, кажется, считаете себя на особом положении? Извольте работать в общем зале. Нечего ставить себя выше других в связи с тем, что Вам посчастливилось занять чужие апартаменты.

Это было настолько неожиданно, что я залепетала как полная дура:

— Но Вы же сами...

— Ничего не знаю. Порядок есть для всех, и нарушать его я никому не позволю. Извольте являться к началу рабочего дня и трудиться на общих основаниях. Я ясно выразился?

— Хорошо. Но тогда и воспроизведения эликсиров Гиаллена можете с меня не требовать.

— Я буду с Вас требовать как Ваш научный руководитель. Если не справитесь, что ж... Талантливые студентки в наших учебных заведениях не переводятся.

Спорить бесполезно. Он решил меня наказать, и накажет. Ничего, еще посмотрим, кто кого.

— Хорошо, мессир Ригодон, я буду работать в общей комнате.

Встала и пошла на выход. Мне в спину понеслось:

— Вы думаете, Мелисента, что этот мальчишка даст Вам больше, чем я? Ну-ну, тешьтесь иллюзиями. Посмотрим. Как Вы будете защищать свою диссертацию.

Я с трудом удержалась, чтобы не хлопнуть дверью.

Уже понял, гад, что жалобу я подавать не буду, и обрадовался. Думает, он на коне. Сволочь! Решил, что теперь сыграет на том, что у меня все списано. Несамостоятельная работа. Большого позора вообразить невозможно! Конечно, если бы я тупо воспроизводила опыты Гиаллена по его лабораторным тетрадям, мною можно было бы манипулировать. Тогда это я, а не он, была бы виновна в воровстве у великого мастера, и меня всегда можно было бы этим прижать.

Хорошо, что он ничего не знает о том, чем я на самом деле занимаюсь. Еще месяца два, максимум три, и первые флаконы с новым эликсиром можно будет тестировать на добровольцах. Надеюсь, к этому времени здесь будет царить не Ригодон.

Юстин подошел ко мне в обед и робко шепнул:

— Мели, они все тут считают, что я твой любовник. Но это же не так!

Я довольно злобно огрызнулась.

— А что ты от меня хочешь? Опровержения? Или чтобы это-таки было правдой? Допрыгался? Терпи теперь. Я вон молчу, а мне еще хуже.

— Почему?

Он правда такой наивный, или прикидывается?

— Неужели непонятно? Я женщина. Меня осуждают больше.

— Ты маг и имеешь право.

— А, это мы для обычных людей маги с расширенными правами, а среди своих... Гадюшник, он и есть гадюшник.

— Знаешь, Мели, я к такому не привык. Я принц, и вокруг всегда меня все уважали.

— А сейчас завидуют. Расслабься.

Надо же, мне плохо, а я еще этого красавчика утешаю, хотя самой хоть волком вой. После обеда я пошла к Ригодону и попытаться выпросить назад разрешение не работать в

общем зале, приходиться только на пятиминутку. Встретила его в коридоре. Подошла... Он посмотрел на меня как на стенку и прошел мимо. Блин, когда же я тело буду искать, если весь день придется торчать у всех на виду в большой лаборатории? А работать? Да у меня там и стола нет, а тяга пополам с Мартонией! Если она будет за мной наблюдать... Нет, так дело не пойдет. Придется что-то придумать. Самое простое и заманчивое — отравить жабу. К сожалению, абсолютно нереальное. Есть вариант с кем-нибудь поменяться и перекочевать в другой угол лаборатории. Только вот с кем? Юс бы на это пошел, но его место в соседней тяге, с другой стороны от Мартонии. А остальные... Никто не захочет иметь в соседках эту мерзкую бабу. Да и мне сейчас любой с удовольствием подгадит. У меня вопрос не в желании, а в безопасности, но это никому не объяснишь.

Следующие пять декад я мучилась. Вставала затемно, ложилась после полуночи. Спасла не больше четырех часов в сутки. Восемь часов рабочего времени отбывала на каторге, то бишь в общей лаборатории, делая ничего. Если вы думаете что делать ничего и ничего не делать — синонимы, то глубоко заблуждаетесь. Приходилось вкалывать, чтобы создать у жабы, да и остальных, иллюзию трудовой деятельности. Если учесть, что это само по себе мне глубоко противно... Официально пришлось объявить Ригодону что я выбрала для воспроизведения эликсир регенерации. Нашла подходящие прописи и буду их повторять. Должно быть архимаг сообщил об этом жабе и велел за мной приглядывать. Мартония чуть ли не с головой залезла в мои колбы и реторты, нюхала, даже лизала их содержимое... Какую часть тела она хотела регенерировать? Я умоляла ее быть осторожной, а в душе хохотала. Переписывала страницы из зеленых тетрадей Гиаллена и упорно воспроизводила его опыты, причем не по одному разу. Переписывать приходилось в свободное от работы время: тетради были зачарованы так, что вынести их не получалось. Снять защиту Гиаллен отказался: он их зачаровывал оптом, расколдовать одну-две тетради было невозможно. Зная, какую ценность представляют его записи, я не настаивала, но перед завтраком часа два тратила на то, чтобы переписать избранные места, а затем в лаборатории повторять по ним у всех на виду совершенно бесполезные эксперименты. Затем до глубокой ночи делала свою работу: модернизировала и перерабатывала собственный эликсир. Это занимало все мое время. Может быть, можно было наоборот, расслабиться и плыть по течению. Но я не могла себе этого позволить. Спасем мы Гиаллена или нет, через год у меня должна быть полностью готова экспериментальная часть, чтобы потом можно было сосредоточиться на тестировании эликсира и написании диссертации.

Я забросила все. Выбросила из головы проблемы моего духа. Не потому, что я такая сволочь, просто не хватало сил. Бытовые дела забросила полностью, удивляя Матильду. Перестала печь плюшки и угощать коллег. По первости они пытались попроситься ко мне на чай, но, не получив обычных к нему добавлений, быстро слиняли, тем более что не только по отделу, по всему Центру разнесся слух: я наконец выбрала себе мужчину и в обществе других не нуждаюсь. Стали говорить, что Юстин из очень богатой и влиятельной семьи, а я, гадюка такая, знала это заранее. Об этом Матильда болтала у входа с девчонками, приходившими сюда убираться под ее чутким руководством, а я слышала, случайно проходя мимо. Хорошо еще никто не знал, что он принц, а то бы сочинили версию повеселее. В другое время я бы оскорбилась и попыталась опровергнуть сплетню, но сейчас это было мне безразлично.

Юстин приходил ко мне через день. Приносил что-нибудь к чаю и рассказывал, что удалось узнать. Я смотрела на него мутными от усталости глазами и думала только об одном: «Спать хочу!».

Пару раз он меня спрашивал, как продвигаются поиски тела. Да никак! Ничего я не ищу! У меня на это нет ни времени, ни сил, ни идей. Но говорить об этом я не спешила. Отвечала: «Ищу», и все.

Единственный, кто поддерживал меня морально и физически, был дух. Да-да, можно смеяться, но без его поддержки я бы пропала. Он делал для меня все, что мог. Вовремя будил, подсказывал и поправлял во время работы, напоминал, что пора есть, не позволял заснуть и утонуть в ванне. От усталости я перестала возмущаться его присутствием в моей спальне или ванной, и неожиданно получила от этого несколько приятных бонусов.

Во-первых, получив доступ к телу, он стал невероятно мил. Терпел мое ворчание, не обижался, не язвил, не прятался, а старался помочь. Найти нужную книгу, достать с высокой полки банку с веществом или убрать разлитые реактивы, теперь мне не приходилось это делать самой. Подозреваю, он старался ради того, чтобы я не разнесла ненароком его любимую лабораторию. Все-таки от усталости у меня нарушилась координация движения и криворучность повысилась: я теперь гораздо чаще, чем раньше, что-то разливала, разбивала, роняла, обо что-то стучалась всеми частями тела. Подозреваю, это было связано не только с недосыпом, но и с необходимостью подкармливать Гиалленскую телесность. Жрать в три горла я так и не научилась. По-моему, он тоже это понимал и просто меня жалел.

Вторым бонусом стал, ни за что не догадаетесь, массаж. Да-да. Бесплотная сущность с частичной телесностью оказалась способна разминать мышцы. Первый раз он это сделал, наверное, в конце первой декады моих мук. Я тогда пришла в спальню, разделась, и, вместо того, чтобы принять ванну и надеть ночную рубашку, упала на кровать поперек ничком, не в силах подняться и лечь как следует. Лежала и думала о суициде. В тот момент я так устала, что это стало мне казаться хорошим выходом. И тут на мою спину опустились призрачные руки. Они гладили, разминали, оживляли каждую мышцу и меня целиком. Удовольствие запредельное! В этот момент мне было глубоко плевать, что я голая, а Гиаллен как-никак мужчина. Тело отзывалось радостью на его действия, усталость отступала и мое сознание растворялось в этих ощущениях. Забыв, что я запретила духу посещать меня в спальне, я выдохнула: «Спасибо!», и удостоилась ответа:

— Всегда пожалуйста. Мели, я могу делать тебе массаж регулярно. С твоим графиком работы это необходимо, иначе ты себя в гроб вгонишь. Скажи, ты хочешь?

Вместо того, чтобы начать ругаться, я простонала:

— Да! О да!

Слово — не пташка, вылетит — не поймаешь. Сказав «да», я не стала брать его обратно. В конце концов, это только массаж. Был бы архимаг живым, я бы подумала, а тут, в конце концов, бестелесная сущность. Его действия тоже понятны: ему надо дотянуть меня до счастливого дня обретения собственного тела. В общем... Я перестала возражать против его пребывания в моей спальне, а взамен получила регулярный массаж, который помогал мне держаться.

Был еще один феномен... Не помню, говорила ли я об этом... Так вот, с тех пор как я поселилась в покоях Гиаллена, меня преследовали необыкновенно яркие эротические сны. Лица своего любовника я не видела, но ощущения были настолько правдоподобные, хоть и отличные от имеющегося у меня опыта, что я зачастую вставала утром и не знала, было это или не было. Сны повторялись чуть ли не ежедневно, но после того как я пустила духа в свою спальню, это безобразие прекратилось. Мой сон был спокоен, как у младенца, а снились мне всякие невинные вещи, вроде цветущего луга или яблоневого сада. Не знаю, чему приписать,

но это было очень кстати. Ложась около трех и вставая в семь, я бы не выдержала, если бы и сон был выматывающим.

Дух ухитрялся общаться с Юстином отдельно от меня. Обсуждал найденные улики и полученную информацию во время обеда. Погода стояла теплая, Юс выходил с едой на улицу, а я пристраивалась за столиком у окна, чтобы дать им пообщаться. Конспирация, как-никак. Полученные известия радовали Ала, похоже, Юстин напал на верный след. Прямых доказательств пока не было, но лорд-дознаватель увлекся и теперь землю рыл, чтобы распутать это дело.

И тут я нашла тело. Оно, как и следовало ожидать, лежало на самом виду, просто мы упорно проходили мимо.

Если вы помните, у меня в кухне-лаборатории стоял гигантский ларь, защищенный стазисом, для хранения продуктов. Он был настолько длинен, что по идее туда можно было запихнуть двух человек. Одно «но»: внутри ларь был поделен на три части. Крышки у него было тоже три, каждая поднималась самостоятельно. Да что там крышки, заклинания стазиса и то три было на него наложено. В принципе, запихнуть тело в любое из отделений проблемы не составляло, придать позу эмбриона, и отлично войдет, но было одно «но»: ларь не был пустым. Два отделения были забиты продуктами, а в третьем хранились скоропортящиеся ингредиенты зелий и сырье к ним. Поэтому я, пощуровав в ларе и не найдя в нем ничего, кроме продуктов, исключила его из рассмотрения. Как оказалось, зря.

В тот вечер я решила взять к чаю варенья. Было у меня несколько банок, которые я привезла из Университета, но их уже благополучно съели мои гости. Последняя банка сиротливо ждала меня в стазис-ларе, и то потому, что я про нее забыла. А тут полезла доставать, оступилась и грохнула драгоценное варенье прямо об край ларя. Мое любимое, ежевичное! Густая темно-фиолетовая жидкость растеклась по всему, на что попала. Банки у меня большие, варенья много. Целая секция оказалась залита этой вкусной гадостью практически полностью.

Молодец, Мелисента! Теперь вместо работы будешь перебирать продукты и мыть их вместилище. Эх, если бы я разбила банку в любом другом месте, воспользовалась бы чистящим заклинанием, и вся недолга. А стазис-ларь придется драить ручками, он посторонней магии не любит.

Притащив три тастика с водой, я начала вынимать предметы, обмывать, вытирать и составлять на пол. Лук, зелень, овощи, коробочки с готовой едой, тесто в корчажке, окорок, колбасы трех сортов, разделанные куски туши барана, пара головок сыра... Хорошо, что я все храню в упаковках: лотках, банках, коробках. Практически ничего от моей криворукости не пострадало.

Пока я копалась с верхними предметами, гадское варенье протекло до самого дня. Оно было устлано бутылками с вином в несколько рядов. До них я до сих пор не дотрагивалась: практически не пью вина, так зачем? А тут пришлось вынуть их по одной, обмыть и вытереть. И вот когда от них в ларе осталась половина, я увидела...

Лицо. Выглядело это странно: как будто стеклянную скульптуру местами обмазали лиловым сиропом. Я хотела закричать, но смогла только просипеть:

— Ал, Ал...

Он сразу отозвался. Сначала я почувствовала легкий ветерок, обдувающий щеки, затем тихий шорох в ларе завершился возгласом:

— Мели, ты нашла! Нашла!

— Ага. И что теперь делать?

— Как что? Ты о чем?

— Я облила твое тело вареньем. Его бы помыть...

— Дурочка, зачем? Потом помоешь, когда вернешь душу. Так его лучше видно.

— Может, невидимость снять?

— Ни в коем случае. Она сама слетит, когда снимут стазис. А его снимать преждевременно.

— Да, ты прав, без стазиса оно не доживет до оживления.

Ал расхохотался.

— Ну. Ты сказала! Дожить до оживления! Отличный девиз! Рыбка моя, вытаскивай все бутылки, я тебе помогу. Посмотрим, как оно там располагается. Потом закроешь чем-нибудь, например, плащом непромокаемым, и сложишь все припасы на место.

— Теперь, когда тело найдено... А оживлять когда? И как?

— Понятия не имею. Будет ждать удобного случая. Мы же не хотим афишировать то, что ты его нашла. Достанешь, когда время придет.

Он был такой радостный и довольный, а на меня напал ступор. В голове тупо крутились, не желая уходить, всего две мысли. Теперь его надо будет оживлять, а как? И что будет, когда оживим? Придется для начала всем доказать, что это он собственной персоной. Потом начнется официальное расследование, а это страшная нервотрепка. Потом будут выгонять Ригодона и ставить Гиаллена на место... Я сидела на полу среди бутылок, припасов, тазиков с водой, грязных тряпок и чистых полотенец, и не могла пошевелиться. Затем вдруг сбросила оцепенение и развила бурную деятельность.

Для начала вытащила все бутылки и рассмотрела, как тело помещается в ларе. Оказалось, в нем не три отделения, а два с половиной. То, где хранятся ингредиенты для лаборатории, отделено полностью, а два других сообщаются. Перегородка идет не до самого низа. Так как я в чужие винные запасы никогда не лазила, то и понятия об этом не имела. Тот, кто размещал здесь Гиаллена, просунул его ноги под перегородкой и уложил тело на дно плашмя, а бутылками прикрыл сверху. Не удивлюсь, если раньше они стояли где-то в другом месте: стазис для хранения вина не нужен. Я слегка протерла потеки варенья на прозрачном лице, затем сбегала ко входу и принесла свой старый плащ. Если и пропадет, не жалко. Укрыла им тело архимага и навалила сверху все, что там раньше лежало. Спрятала. Дух зудел над ухом:

— Видишь, как я просчитался? Заклинание и амулет делают невидимым человека со всем, что на нем надето или лежит в карманах. Эликсир действует только на плоть.

— Да не оправдывайся, у тебя здорово получилось.

— Знаю, — подтвердил он гордо, — Но есть над чем работать.

Это он о чем? Что в ящик его запихали голого? Да какая разница, главное что нашелся. Завтра надо будет рассказать Юсу.

До глубокой ночи я суетилась. Варенье оказалось на редкость липким и въедливым, никак не хотело отмываться, а на уже отмытых предметах вдруг возникали лиловые пятна с характерным запахом. Это что, тоже магия? Чья, хотелось бы мне знать? Наконец около трех я волевым решением прекратила это безобразие и ушла спать. В жизни теперь ежевику в рот не возьму!

Хотела сказать, что утро прошло как обычно, но это было бы враньем. Моя находка так и стояла перед глазами, не хотела отпускать, превратив меня в феноменальную растяпу.

Задумавшись, я внезапно замирала в самый неподходящий момент. Результат не замедлил сказаться. За время до работы я столько начудила, что хватило бы на несколько лет. Облилась чаем, уронила тарелку с бутербродами, сожгла омлет, надела мантию задом наперед. Надо было остановиться и задуматься: а стоит ли в таком состоянии вообще идти в лабораторию? Но мои мысли все были рядом с невидимым телом. Так что ничто меня не удержало от дальнейшего, даже то, что я ничего нового из тетради Гиаллена не срисовала.

Со вчерашнего дня у меня под тягой стоял эксперимент. Я смешала ингредиенты, нагрела, кое-что добавила и поставила на восемнадцать часов в термостат. Сегодня к нему надо было добавить еще пару веществ и закрепить эффект заклинанием. Придя в общую лабораторию, я этим и занялась.

Почти до самого обеда все шло хорошо. Я всего лишь разлила концентрированную серную кислоту и разбила пару колб. Но вот подошел ответственный момент. Эликсирная основа была почти готова, оставалось прилить по каплям настой маннирии и произнести заклятье. Что я и сделала.

Раздался дикий грохот, меня швырнуло об стену и от всей души приложило головой.

Глава 12. Мелисента и несчастный случай

Очнулась я в свое постели. Точно в своей. Стену перед ней я всегда опознаю. Вон знакомая картина висит, а из под нее торчит хвост того пятна, которое она прикрывает. А вот голову повернуть не могу. И глаза открываются только до половины. Попыталась поднять руку. Облом! Руки забинтованы и засунуты под одеяло, а одеяло... Оно что, к кровати болтами прикручено? Почему держит, не отпускает? Я попыталась позвать на помощь, но раздался лишь сдавленный хрип.

Вдруг в поле моего зрения возникло лицо. Юстин! Живой, и здоровый! Почти: на щеке длинная царапина и глаз подбит. Но улыбается, как будто все в порядке.

— Мели, ты очнулась! Мели! Ты можешь говорить?

Хотела сказать «Могу» и снова нечленораздельно захрипела. Юстин погрузился.

— Ты здорово пострадала. Никто не понял, что произошло. Ты думаешь, это была диверсия? Тебя хотели убить?

Я попыталась отрицательно помотать головой и замычала. Блин! Во рту нечто невообразимое: язык раздулся и не ворочается, сухо, как в пустыне, и отчего-то горько и кисло одновременно. Пить дайте, потом будем разговоры разговаривать.

До Юса наконец дошло. Он подставил мне под самый нос кружку с водой и попытался напоить. Половина вылилась на постель, зато другая... Ох, мне сразу полегчало. Даже язык вроде стал поменьше и начал слушаться. Как только я это осознала, то задала вопрос:

— Что случилось?

— Ты не помнишь? Взрыв! Что-то взорвалось в твоей тяге.

Это я помню отлично. Тело не функционирует, но мозги, похоже, в полном порядке. Не было никакой диверсии. Я сама справилась, без посторонней помощи. Все взлетело на воздух как только я договорила последний слог заклинания. Значит, это была моя ошибка. То ли прилила не то, то ли... Нет, никакой неправильный ингредиент не мог заставить мою смесь взорваться. Заклинание... Похоже, я напортачила именно в нем. Не тот звук, придыхание не в том месте, и фиксирующее заклятие превращается в разрывающее. А в рецептуре у меня еще вытяжка на основе земляного масла... То-то оно так грохнуло.

Дура я, дура! Сто раз меня учили: чувствуешь себя не в своей тарелке — в лабораторию ни ногой! А я... Хорошо, что жива осталась.

Но бить себя в грудь и каяться я не буду. По крайней мере пока меня ни в чем не обвинили. Вот покажут пальцем и скажут: «Твоя работа», тогда я буду реветь и просить прощения.

К моему удивлению, обвинять меня никто не торопился. Это в Университете мой учитель, чуть что, начинал орать: «Мелисента, опять ты...», дальше можно выбирать: «не погасила огонь», «не выключила воду», «куда-то задевала что-то»... и так далее. Действительно, усталая я опасна для окружающих, тем более что, как слепая лошадь, вечно упорно продолжаю делать начатое. Но здесь о моей особенности никто не знал. Вместо упреков я слышала:

— Ты не волнуйся, я найду злоумышленника, это ему с рук не сойдет.

Юс, какой ты смешной! Вот же он, твой злоумышленник, лежит и глазами хлопает, хотела я ответить, но подумала и предпочла промолчать. Юстин собирался еще что-то сказать, но тут в комнату ввалились мои сослуживцы Герин и Келедар.

— Мелисента, ты пришла в себя!

Из их бестолковых воплей я уяснила одно: все живы, никто, кроме меня, серьезно не пострадал. Мою тягу разнесло на кусочки, Юстину, работавшему за соседней, щепкой расцарапало щеку, взрывной волной ударило крутившуюся рядом Мартонию и приложило об стену так, что она два дня встать не могла. Ничего, теперь ходит ковыляет, злая, как оса. Все остальные отделались легким испугом. Привезли новый вытяжной шкаф, монтируют, к следующей декаде все будет в полном порядке.

Мартония два дня встать не могла, но уже ковыляет... Сколько же я провалялась без сознания? И что со мной было?

Юстин поведал: сегодня шестой день. А диагноз пусть мне целитель сообщает, это его право и обязанность.

Понятно, меня чуть ли не с того света достали.

Тут и впрямь пришел целитель, важный седой старичок в белоснежной мантии, по виду чуть ли не архимаг. Он выгнал всех и спросил:

— Ну как, жива?

— Да вроде да. Только пошевелиться не могу.

— Это потому что у тебя был поврежден позвоночник. Хорошо, спинной мозг не затронут. Еще две декады как минимум будешь лежать. Я наложил поддерживающие чары, чтобы ты не вертелась и себе вреда не нанесла. Потом сниму, будешь как новая. Только придется тебе на массаж походить.

— Спасибо. А Вы кто? — нахально спросила я.

Старичок улыбнулся.

— Ну у нас и сотрудники пошли. Начальства в лицо не знают. Я архимаг Эбenezер Карданский, глава Совета Магов и отделения целительства в одном лице. Это о чем-то тебе говорит?

Ну еще бы не говорило! Кто же не знает Главу Совета Магов, да еще такого, как Эбenezер! Уникум! За всю историю Совета впервые целитель стал его главой. Обычно это или Высшие маги, или боевики, или менталисты, на худой конец пространственники. Ой, еще трижды Совет возглавляли ведьмы, но целителя на этот почетный пост не избирали. Наверное потому, что глава совета по большей части разбирает конфликты, а целителям это несвойственно, для них конфликты в принципе глупость. А этого выбрали, потому что он оказался единственным, кто был приемлемой кандидатурой для всех. Обыватели считают, что глава совета — самый сильный маг. Да ничего подобного! Для этой позиции важна не сила, а ум и порядочность. И избирают их не пожизненно, как многие думают, а на двадцать лет, и переизбрания не предусмотрено. Так что на эту должность никто особо не стремится: реальной власти не так уж много, а геморроя выше крыши. Чтобы ни случилось — идут к нему, а так как никогда не бывает так, чтобы все остались довольны, то ругают несчастного кому не лень. А о нынешнем Главе Совета отзывы самые лучшие, все его считают приличным человеком. Так что Эбenezера Карданского я знала и уважала, только в лицо никогда не видела, о чем и сообщила:

— Ой, извините. Говорит, еще как говорит. Простите, но я Вас никогда не видела, только на картинке. А там Вас непохоже рисуют.

Эбenezер засмеялся.

— Да, творчески подходят наши художники. Ну и как, в жизни я хуже?

Я подумала и честно сказала:

— Лучше. На картинке Вы такой надутый, а в жизни симпатичный.

— Ну надо же! Юные прекрасные собой особы говорят мне комплименты. Ладно, отдыхайте, прекрасная девица Мелисента. Уход за Вами хороший, выздоровление должно идти правильно. Дня через три опять зайду, побеседуем. А пока за Вами присмотрят Ваш лечащий целитель магистр Авентил Горренский и Ваш коллега Юстин. Парень, конечно, и близко не целитель, но так как он все равно от Вас не отходит, так пусть приносит пользу. Проверить пульс, корнеальный рефлекс и температуру, да влить чуточку силы каждый сможет. Так что лежите выздоравливайте. До встречи.

Я бы еще поговорила со славным архимагом, но он сразу взял и ушел. Зато вернулся Юстин с высоким красавцем-блондином в белой мантии целителя. Дали же боги мужику внешность, просто загляденье: синие глаза, брови вразлет, золотистые кудри, прямой нос, подбородок с ямочкой... Ему только крыльев за спиной не хватает, а так вылитый ангел. Похоже, это и есть Авентил Горренский, если я правильно запомнила имя.

На меня этот красавец посмотрел как на пустое место, быстренько объяснив Юстину, что теперь, когда я пришла в себя, беспокоиться обо мне особо не нужно. Есть, пить, на горшок и отвары три раза в день. Эликсир регенерации Гиаллена? Хорошо, конечно, но где ж его взять? В королевской аптеке? Ну, если у Юстина такие связи, то лично он, Авентил Горренский, ничего против не имеет. Вообще странно, что вокруг этой незначительной девицы такую шумиху подняли. И так бы не сдохла.

И это целитель называется? Внешность у него ангельская? Да это просто ангел смерти какой-то! Очень хотелось встать и дать ему в глаз, но поддерживающие заклинания Эбenezера не давали такой возможности. Оставалось скрипеть зубами и сверкать глазами.

Судя по всему, Юстину Авентил тоже не понравился, потому что он поспешил его выдворить, чему тот не сопротивлялся. Оставшись со мной наедине друг взял меня за руку и сказал проникновенно:

— Мели, не переживай. Я сегодня же выпишу для тебя эликсир. Дня через три...

— Юс, не надо. Пойди ко мне в лабораторию и возьми эликсир в шкафу рядом с тягой... В том, который не заперт. Синие флаконы с буквами ЭР. Принеси один, там полная доза. Надеюсь, мессир Гиаллен нас слышит и поможет тебе.

Последняя оговорка была не лишена смысла. Мало ли что духу в голову взбредет. Но Юстин не обратил внимания. Он радостно вскочил и бросился в лабораторию. Через пару минут он уже протягивал мне синий пузырек и стакан с водой. Все верно, этот эликсир — гадость порядочная. Если его сразу не запить, изо рта весь день будет тухлятиной вонять. Да и горький он как не знаю что.

Выяснилось, что он не только горький, но еще и чрезмерно эффективный. Меня выгнуло дугой, по всему телу прошли спазмы, мышцы взорвались болью... Этак трясло и корежило минуты три, в течение которых Юстин стоял рядом и смотрел на меня с жалостью, смешанной с ужасом. Затем я тряпочкой откинулась на подушки и замерла. Парень спросил осторожно:

— Мели, ты как?

— Вероятно, неплохо, но пока ничего сказать не могу. Сил совсем не осталось.

После этих слов я опять сомлела. Когда пришла в себя, а скорее просто проснулась после оздоравливающего сна, то поддерживающие чары куда-то делись: мне никто и ничто не мешало сесть и даже слезть с кровати, чем я и воспользовалась. Пошла в ванную, вымылась хорошенько, надела свежее белье и платье... Тут за мной влетел Юстин. Влетел,

остановился и покраснел. Хорошо, что я уже практически все надела и застегивала пуговички на груди. А если бы он застал меня в исподнем, а еще того пуще, голой? Наверное помер бы от смущения. Пришлось парня срочно отвлекать.

— Скажи, Юс, почему ты считаешь, что на меня было покушение?

Он вскинулся, как гончий пес:

— Мели, а как иначе? Ты расследуешь обстоятельства исчезновения Гиаллена. Лезешь во все дыры, вопросы задаешь... И тут взрыв в твоей тяге! О чем можно подумать?

— О моей глупости. Юстин, это я во всем виновата.

— В чем, Мели? В том, что тебя пытались убить?

— В том, что в состоянии нестояния полезла куда не надо. Это была полностью моя ошибка: от усталости неправильно произнесла заклинание, вместо долгой «Э» дала короткую «е». И получилось вместо связывающего разрывающее.

Юстин смотрел на меня круглыми глазами:

— Ты уверена?

— Процентом на восемьдесят, может даже больше. У меня от усталости вечно ошибочные действия вылезают и руки как решето.

Наш лорд-дознаватель пригорюнился.

— А я, дурак, расследование затеял. Запросил у отца полномочия, к Эбенезеру ходил, объяснял ситуацию. Получил от него разрешение на ведение следствия и все такое.

Так вот почему Эбенезер пришел меня лечить. Не потому, что ему жалко стало бедную девочку, а хотел посмотреть из-за кого весь сыр-бор. Интересно, про Гиаллена Юс ему рассказал? Я бы на его месте промолчала в тряпочку. Как говорят в нашей Элидиане: что знает один — знает один, что знает двое — знает каждая свинья. Юстин тем временем продолжал каяться и бить себя в грудь.

— Надо же было так подставиться! Рассекретился перед всем отделом. Теперь все знают, что с ним вместе работает лорд-дознаватель из Кортала. Злодей сейчас затаится, и правильно сделает. Как теперь Гиаллена искать, ума не приложу.

И тут я все вспомнила! Гиаллен! Правильно! Я же вчера тело нашла. Или не вчера, но все равно. Юс еще не знает! Я погладила его по плечу, пытаюсь успокоиться и его успокоить, а затем сказала тихим голосом:

— Юстин, я не успела тебе сообщить... Гиаллен нашелся. Тело в стазис-ларе под бутылками.

Он тут же схватил меня за руки и заглянул в глаза:

— Правда? Ты нашла? А когда?

— Накануне взрыва, вечером. Доставала ежевичное варенье, а банка случайно лопнула. Пришлось все из ларя вынимать и мыть, а там на дне... Он как стеклянный. Хотела тебе рассказать, но было поздно. Еще пришлось ларь до пяти утра отмывать, потом все обратно перекладывать... А в лаборатории, сам знаешь, такие разговоры не к месту. В общем, я хотела тебе вечером сообщить и показать, и тут этот взрыв, забери его нелегкая.

Юстин вывел меня в комнату и усадил на кровать.

— Отдохни, Мели. Сейчас я тебе поесть принесу.

— Ага, всего и побольше. После этого регенерирующего эликсира жрать хочется просто страшно.

— Мели, ты девушка, зачем же говорить так грубо: «жрать»?

— Ну что я могу поделать, если именно жрать хочу! Юс, я не бонтонная барышня, а маг-

зельевар. Выбираю слова не из светского жаргона, а те, что наиболее точно выражают суть.

— Да, моя мама будет в восторге. Подожди, я принесу что-нибудь.

Юстин убежал и загрохотал посудой на кухне. А меня дрожь пробрала. При чем тут его мама? Он меня что, собрался ей представить? Ой, кошмар какой, только этого мне и не хватало. Я не успела додумать мысль: наш принц вернулся с подносом, уставленным мисками и плошками, полными ЕДЫ! Кое-что я узнала, сама готовила и в ларь убирала, а кое-что явно принесли из ресторана. Далеко не все из этого я ем в здоровом состоянии, но сейчас мне было все равно. Не стала выпендриваться, а набросилась на угощение, как будто из голодного края приехала. Все верно, зверский аппетит — одно из побочных явлений эликсира регенерации, как и эликсира силы. И использованные резервы надо восполнять. Главное, не было бы как тогда, когда я жутко переела.

Юс полюбовался, как я убираю в себя продукты, и вышел. Решил не смущать девушку? Да в таком состоянии меня не смутит и король со всеми советниками и королевским духовым оркестром впридачу. Но его уход оказался своевременным. Я тут же услышала голос духа:

— Ну наконец-то! Вот зануда! Ни на минуту тебя не оставлял, как ты очнулась, не давал поговорить! Как ты умудрилась, подруга?

— Умудрилась что?

— Да взорваться, вот что! И главное, в самый ответственный момент, когда дело практически в шляпе!

Неблагодарный, я его тело нашла, а он ко мне со своими претензиями!

— Он меня еще критиковать будет, как будто не его телесность все мои силы съела и не его тело я от варенья полночи отмывала! Отстань, ради всего святого. Устала я, понял! Устала. Ты из меня все силы выпил.

— Я тебе говорил, Мели, надо лучше питаться. Есть за двоих. А ты пренебрегла.

— У меня не два желудка, между прочим! Сам мог бы поскромнее со своей телесностью, не выдаивать из меня последнее, раз уж я так тебе нужна.

— Ну прости. Я погорячился. Но признайся, мой эликсир тебя вылечил.

— Ага. Спасибо. Ощущения незабываемые.

— Зато организм в полном порядке. Вот наешься, и все вообще будет отлично. Ну, не дуйся, Мели, я же его делал не для очаровательных девушек, чтобы им удовольствие доставить, а для солдат, чтобы спасти их от смерти на поле боя.

Тут он прав, конечно, но все равно — боль ужасная. Солдаты люди, а не скот, да и скотину тоже жалко. Надо что-то с этим делать.

— Принято. Надо твой эликсир усовершенствовать. Пусть процесс будет немного растянут во времени, но и боль будет поменьше.

— Хорошая идея. Вот вернешь мне тело, займемся. А сейчас доедай и подумай: пора сказать Юстину чего мы от него ждем.

— Вот ты и скажи. Объясни, что не хочешь меня подставлять с некромантским ритуалом. Здесь за него казнят, даже не разбираясь, что и почему.

— Ты думаешь, это должен сделать я?

— А кто? Это в твоих интересах, напоминаю. Мне лишнее тело ни к чему. Своего хватает.

Кажется, дух задумался. Замолчал, и его присутствие перестало ощущаться. Кстати, я давно заметила, что чувствую его далеко не всегда, хотя он и уверяет, что не может отойти

от меня больше, чем на десять локтей. Может, врет? Я выпила последний стакан морса и отвалилась от стола. Регенерация сожжет съеденное в считанные часы, но пока я пошевелиться не могла. Заползла на кровать и угнездилась там, ожидая, когда станет полегче и я смогу ходить.

Не успела полежать с комфортом, как вернулся Юстин.

— Мели, я посмотрел на тело архимага. Действительно, прозрачное, как стекло. Получается, невидимость у него получилась! Только на одежду она не действует.

Он что, у меня там голый лежит? Ой, дура, можно подумать, только сейчас заметила. Когда протирала, видела же, что одежды на нем нет. Хорошо, что варенье только на голову и плечи попало.

— Юс, ты что, на Гиаллена ходил смотреть? И как?

— Здорово! Никогда такого не видел. Три заклинания сразу, и они так переплелись, что теперь фиг-два снимешь. Придется попотеть.

Я подозревала, что Юс, увидев тело, захочет сам снять заклятья, но боялась это сформулировать. Все вышло, как я ожидала. Просить не пришлось. Он сам горит желанием заняться. Но я что-то побаиваюсь. Все-таки Юстин еще аспирант, а он сам сказал: там сложнейшее сочетание заклятий.

— Там некромантия, Юс, ты справишься?

— Должен. Я ведь сильный маг, Мели, хоть и неопытный. Только я тебя умоляю: не встрейвай в это дело.

— В какое?

— Не пытайся сама расколдовать нашего архимага. Ты ведь не прошла специальной подготовки и сила твоя невелика, я правильно понял?

Защищает. А у меня силы действительно маловато.

— Совершенно верно, маг я довольно слабенький, поэтому с зельевареньем связалась, а не на боевку пошла. Я как раз тебя хотела попросить заняться нашим Гиалленом, но после твоих слов боюсь за тебя.

— Мне нравится, Мели, как ты говоришь «нашим». Ты нас объединяешь, и это приятно. А еще приятнее что ты за меня беспокоишься.

При этих его словах я почувствовала, как меня ущипнули за бок! Больно! Это что, Гиаллен меня ревновать вздумал? Я дернулась и зашипела. Юстин, который не мог знать, чем тут развлекается его соперник, очень удивился:

— Мели, что тебе не нравится?

— Да нет, Юс, все в порядке. Просто тут некоторые решили меня пощипать. Не знаю уж с какого бодуна.

У Юстина округлились глаза:

— Ты имеешь в виду?...

— Именно так. Мы тут на ушах стоим, придумываем, как его вытащить, как вернуть ему тело и нормальную жизнь, а он...

— Мели, не надо, я понял... — раздался вдруг густой баритон Гиаллена, — я был неправ.

Наш пижон публично признал, что был неправ, или у меня в ушах звенит?

Юстин сделал вид, что не заметил нашей перепалки, но продолжил говорить именно про спасение архимага, а не про наши с ним отношения. Разумный парень, мне в нем это нравится. И очень делом увлечен.

— У меня силы достаточно, чтобы снять заклятие, но вот опыта и знаний не хватает. С другой стороны, я в затруднении, не знаю, к кому обратиться. После того, как я получил кое-какую информацию, мне все в этом городке кажутся подозрительными, кроме, пожалуй, Эбenezера. Но он утверждает, что в черной магии несведущ еще более, чем я, и у меня нет оснований ему не верить.

— То есть Эбenezера на меня ты натравил? А он отбоярился, приставив в качестве целителя этого индюка надутого Авентила, как его там, Горренского... Понятненько...

— Мели, это не я, это отец... После того, как прогремел взрыв, мне пришлось ему все рассказать, а он уже связался с главой Совета и попросил... Понимаешь, его просьбу не выполнить...

— Понимаю. Невозможно. Но заодно он поставил Эбenezера в известность о том, что здесь происходит. Нашему расследованию хана. Зато появилась возможность все-таки расколдовать Гиаллена.

Дух не выдержал и влез:

— Ребята, я все понимаю, у вас тут интересный междусобойчик наметился. Но это ничего, что вы меня без моего ведома расколдовываете? Я все-таки архимаг и что-то во всем этом понимаю.

Это он удачненько переключил на себя внимание. Юстин сразу повелся и стал объяснять ситуацию. Ага, мне — вкратце, а этому призраку недоделанному подробно. Сначала про то, как испугался, что я погибла, и как поднял на уши весь Валариэтан и половину Кортала. Затем про своего папу, которого боятся все сопредельные страны. Он, оказывается, не в восторге от нашего общения, но полагает, что в истории со спасением Гиаллена я — ключевая фигура, поэтому меня надо беречь. Если бы я на самом деле погибла, Гиаллена вернуть не удалось бы, он навеки потерял бы связь с телом и остался призраком. Поэтому и был задействован Эбenezер. Еще бы, Кортал заинтересован в возвращении своего главного поставщика полезных эликсиров. А если их воспроизведут такие нечистые на руку личности, как Мартония и Ригодон, то неизвестно, кто этими эликсирами завладеет.

Следующим номером оказалась потрясающая информация: если тело найдут (нашли уже!), то для его расколдовывания Совет Магов обязался предоставить главный ритуальный зал и специалистов.

Все верно, отдел некромантии и противодействия черной магии у нас имеется, магистров там полно, должны помочь. У них лицензия имеется и разрешение на проведение всяких таких зловещих обрядов в стенах отдела. Но никто не гарантирует, что среди этих самых специалистов не скрывается тот, кто не заинтересован в возвращении нашего архимага. А если при проведении ритуала что-то пойдет не так... Поэтому такое решение Совета следует рассматривать скорее не как подмогу, а как трудность на пути. Специалист-то нужен, но желательно независимый и при этом заинтересованный в положительном результате.

Еще одну трудность Юстин обнаружил, когда осматривал тело. Черномагический ритуал, которым дух отделили от тела, наложил на невидимость и припечатался стазисом. А потом сверху все это обмоталось нашей с Гиалленом связью. В результате все четыре заклинания сплелись, их надо снимать не просто одновременно, а в комплексе. Как — никто не знает. Нет такого опыта и в книгах ничего подобного не описано.

Я все выслушала, но никаких идей у меня почему-то не возникло. Может, это

последствие травмы? А вот Гиаллен живо заинтересовался:

— Слушай, давай я тоже на тело взгляну? У меня сейчас есть особые возможности, которых не было раньше. Может, и пойму что-нибудь. Я же как-никак заинтересованное лицо, ладно, не лицо, но все-таки...

У меня эта идея вызвала скепсис, а Юстин обрадовался, как дитя. Интересно же посмотреть, как бестелесный архимаг работать будет. Мне, признаться, тоже, но я знаю точно: Гиаллен ни разу не некромант. Хотя... Он достаточно широко образован, да и личность творческая, глядишь, что-то интересное придумает.

Мы осторожно перебрались в лабораторию. Ларь стоял закрытый, зато все продукты были из него вынуты и рассредоточены по всему помещению. Ну, Юс, убью гада! Сам тут будешь убираться!

Крышка откинулась, вероятно, дух решил перейти на самообслуживание, и раздалось громкое и задумчивое:

— Мгмммм...

— Мессир Гиаллен, — заволновался Юстин, — Вы что-нибудь понимаете?

— Не сказал бы, что это так, но... Кое-что проклевывается. По крайней мере все небезнадежно. Мне так кажется.

Уфффф... Если уж Гиаллен не теряет надежду, то мне и подавно надо сохранять бодрость духа. Еще немного, и я от него избавлюсь. От духа, разумеется. Мне уже надоело кормить его телесность и выслушивать всяческий вздор в самые неподходящие для этого моменты. Конечно, я лишусь бесплатного массажа. Но это к лучшему. Он и так мне слишком дорого обходится. Хорошо бы еще попутно нашу с ним связь разорвать. Думаю, если это заклинание наложено сверху, то его придется снимать в первую очередь. Невозможно снять белье, не сняв платья.

Подтверждая мою мысль, дух громко заявил:

— Я думал, мы сначала меня оживим, а потом разорвем связь с Мелисентой, но ситуация вынуждает нас идти по другому пути. Все так сплелось, что придется это делать одновременно. Мели, ты готова? Не боишься?

— Чего, хотела бы я знать?

— Грядущего обряда. Снова потребуется твоя кровь.

— Надеюсь, не ведро? — горько пошутила я.

— Трех капель хватит, я думаю. Осталось решить, кто его проведет. Юстин, ты у нас маг широкого профиля?

Тут я испугалась за Юса, да и за Гиаллена, если честно. Черномагические ритуалы запрещены не просто так. Они опасные, как для того, над кем проводятся, так и для того, кто их проводит. А если что-то пойдет не так, неопытный Юстин может не справиться, и тогда мы получим трупы. Один, два, а может быть и три. Ну, со мной вряд ли что-то страшное случится, но Гиаллен вполне может окончательно и бесповоротно помереть. А если это произойдет в результате запретного ритуала, то Юстина никакой статус не спасет. Казнят и фамилию не спросят. Это победителей не судят, а побежденных судят, да еще как! Эбenezер не посмотрит, что Кортал дает деньги на существование Валариэтана. Есть закон, и он будет исполнен. Мне, кстати, тоже не поздоровится.

Вот если все пройдет гладко... Тогда примут во внимание, что у лорда-дознавателя есть лицензия на то, на се, он имеет право, и так далее. Меня вообще сочтут невинной жертвой, а искать будут тех, кто отделил дух от тела в первоначальном ритуале. Но для успеха нашего

предприятия нам нужен опытный некромант. Тот, кто не сделает ошибки. Примерно это я и высказала моим приятелям, телесному и бесплотному.

Они уставились на меня, как баран на новые ворота. Два барана! Почему-то такие простые соображения никому из них в голову не пришли. Ну да, мальчики увлеклись нестандартной задачей. О прозе жизни они не побеспокоились, для этого девочки существуют. Одна девочка, которой эти два красавчика все время пытаются сесть на шею.

— Мели, мы же получили разрешение на использование ритуального зала, — попытался мне напомнить Юстин.

— И что? Ритуальный зал еще ничего не гарантирует. Потом, как ты доставишь туда стазис-ларь с телом? Порталом не выйдет, на руках эту дырну с кухни не вытащить...

— Но тело можно ведь извлечь...

— Ага, стазис слетит и мы получим то, чего получить не хотим: труп. Ал, ты хочешь помереть окончательно?

— Жажду. Мели, ты действительно думаешь, что полчаса без стазиса мое тело не переживет? Не отвечай, вижу, что думаешь. И ты, раздери меня демоны, права на сто процентов. Оживление придется проводить на месте.

Выражение лица у Юстина стало такое, что я испугалась. Сейчас он куда-то побежит и напортачит. Либо наведет на нас силы магического правопорядка, либо попытается в реке утопиться. В общем, сделает что-то глупое и ужасное. Надо его остановить.

Я обняла своего друга за плечи и сказала ласково:

— Юс, нам надо посоветоваться с кем-нибудь, кто во всем этом разбирается и кому можно доверять. В ведомстве твоего отца ты никого подходящего не знаешь?

Кажется, мне удалось вернуть парня к конструктивному мышлению. Он похлопал меня по руке и ответил:

— Ты как всегда права, Мели. Для начала я посоветуюсь с папой. Не буду слать вестников, чтобы не перехватили, просто съезжу домой и поговорю. А Вы тут без меня ведите себя хорошо. Ничего не предпринимайте. Это тебя, Мелисента, касается в первую очередь. Наш злодей может активизироваться. Сегодня уехать не удастся, завтра тоже еще есть дела... Поеду через два дня. Надеюсь, вы потерпите.

Он обращался ко мне, но ответил Ал:

— Уж как-нибудь потерплю. И Мели потерпит, не развалится. Днем больше, днем меньше. А Злодей... Будем ждать, что он себя проявит, хотя я все больше склоняюсь к мысли, что это не злодей, а злодейка. Кстати, Мели, когда тебе разрешат покинуть кровать и выйти на работу?

Мне тоже хотелось бы знать. Но ответила я совсем другое.

— Если судить по самочувствию, то можно было бы уже сегодня. Твой эликсир действует просто отлично. Попрошу красавца-целителя, когда придет, чтобы отпустил. Я уже здорова.

И Юстин, и дух вдруг заволновались:

— Не торопись, отлежись, поешь как следует, наберись сил...

Поесть — это я всегда, а все остальное... Ну не люблю я просто так валяться. Скучно мне. Решено, завтра же выйду на работу, а там хоть трава не расти. Если же целитель не разрешит... Я в своей лаборатории найду чем заняться, тут мне никто не указ.

Глава 13. Мелисента воюет. Лорд-дознаватель

Наутро пришел Авентил, вытаращил глаза, увидев, как я лихо убираюсь в собственной комнате, и снова загнал меня в постель. Информация о том, что я воспользовалась регенерирующим эликсиром Гиаллена, на него не подействовала. Сказал, это для солдат, а я барышня, поэтому еще как минимум двое суток должна лежать тихо. Выпустить меня раньше под мою личную ответственность он не соглашался. Взятку в виде трех флаконов эликсира взял, а потом сказал, что все равно не выпустит раньше времени. Зануда.

Пришлось два дня сидеть в своей спальне. Компанию мне готовы были составить многие, но желания их видеть особого не было: мы с Алом совещались, рисуя схемы наложенных на него заклятий в поиске путей их снятия. Он диктовал и указывал, я водила карандашом и раскрашивала. Картина получилась впечатляющей и совершенно непонятной. Даже не представляю, с какой стороны за такое братья. Положительным результатом было то, что Гиаллен и сам уверился: без помощи специалиста нам это не снять, и с надеждой стал ждать поездки Юса.

Между тем Авентил вдруг к нам зачастил. Проверял, гад, насколько строго я следую его предписаниям, и регулярно загонял в кровать. Эбенезер его натравил, что ли? Так что я даже в квартире не убралась и ничего не сготовила. Ела, что Матильда принесет.

В общем, на работу я вышла тогда же, когда Юстин отправился советоваться с Кориоланом, лордом-дознавателем Кортала и своим собственным папашей по совместительству.

Почему-то у меня было убеждение, что наши магистры и аспиранты неплохо ко мне относятся и будут рады моему выздоровлению. Щаззз!!! Обломись!

Стоило мне войти в общую лабораторию, как все вдруг замолчали и отвернулись каждый к своему столу или к своей тяге. Никто даже не поздоровался. Нет, вру. Белон тухло улыбнулся и спросил:

— Вы уже здоровы, Мелисента? Ну-ну...

Как будто я ему в суп нагадила.

Ладно, от Мартонии и Теодолинды я добрых чувств не ждала, особенно если вспомнить, что Мартония больше других пострадала. Но Герион, Эдилиен, Арсент, Келедар и Семпроний... Они же меня навещали, желали здоровья, а тут... Но если они ждут, что я разрыдаюсь и убегу, пусть не надеются.

Я прошла через зал с высоко поднятой головой, улыбнулась каждому, села за стол, который к счастью при взрыве не пострадал, и вытащила свои записи. Буду работать несмотря ни на что.

Долго все сидели в полной тишине, только звякала посуда да шуршала бумага. Наконец молчание нарушила Мартония, обратившись к Теодолинде:

— Дорогая, Вы могли себе представить подобную наглость? Сидит себе, как ни в чем не бывало. А я могла погибнуть ради ее интриг!

— Не говорите, дорогая, эти плебейские девицы такие разнузданные! — она бросила на меня косой взгляд, — Интриганки до мозга костей.

Интересно, с каких это пор наша жаба разговаривает с пиявкой? Или они теперь против меня дружат? И о каких интригах речь? Спросить, что ли?

Но я не успела. Пришел Ригодон, взглянул на меня мельком и велел идти в его кабинет.

Есть разговор. Пришлось встать и тащиться за архимагом. Может, он мне расскажет, почему все смотрят на меня как на гадюку?

Он открыл дверь, на которой висела табличка «Заведующий отделом Архимаг Ригодон Эммеранский», пропустил меня вперед, велел садиться, вошел и запер ее за собой. Ого, разговор предстоит серьезный.

Ригодон сел напротив меня за стол и воззрился, как прокурор на бедного преступника, укравшего кусок хлеба.

— Мелисента, — начал он многозначительно, — во-первых, позвольте Вас поздравить с выздоровлением. Во-вторых, Юстин тут бегал с версией о покушении. Ни в какое покушение я не верю. Вам придется возместить ущерб. Надеюсь, это не будет для Вас слишком обременительно.

Не будет? Да он представляет, сколько стоит такая тяга? О чем это я... Прекрасно знает, вплоть до последней медяшки. Что я не богачка он знает тоже. Плакали все мои сбережения. Архимаг между тем не заткнулся, как я о том мечтала.

— А в-третьих... Ходят слухи, что Вы нас покидаете?

— Покидаю? Кто Вам сказал такую чушь?

— Почему чушь? Вы выходите замуж за ненаследного принца Кортала и становитесь принцессой, а принцессы не могут быть аспирантками в нашем Центре. Я и не предполагал, что Вы — такая хитрая и пройдошливая особа. Втерлись в доверие к принцу и окружили его просто со сказочной быстротой! Как только разузнали... Ах, да, Юстин — юноша наивный, поел Ваших знаменитых булочек с корицей и проболтался. Ну что ж, для любой девушки такой выгодный брак — просто находка. Жаль, жаль, я полагал Вас способной к научной работе.

Я сидела перед ним как обосранная и не могла даже слов найти для ответа. Сказать, что ни за кого я замуж не выхожу? Опровергнуть всю эту наглую ложь? Оправдываться? Глупо, он мне не поверит. Так вот, значит, о чем шепчутся сотрудники... Я — подлая интриганка, пробравшаяся в святая святых магической науки только затем, чтобы окружить принца и стать принцессой.

Пусть мне объяснят, откуда я заранее знала, что Юстин — принц. О том, что я ему уже пару раз отказала, вообще молчу. Ну, бабы это все развели от зависти, на них я даже не злюсь. А мужики? Потому что я им всем дала от ворот поворот? Никому не обломилось, вот они и завидуют Юстину, а на меня обижаются? Скоты. А я еще им булки пекла.

Ригодон все трындел что-то бессмысленное, а я молчала, только мысли металась в голове как белки. Что ни скажи, все будет против меня. Никому ничего не объяснишь. Демоны! Я никогда не оправдывалась, и сейчас оправдываться не буду! Хватит отсиживаться, пора наступать! Кажется, у меня есть идея, как умыть всю эту гоп-компанию.

— Уважаемый мессир Ригодон, о чем мы с Вами говорим, — произнесла я самым сладким голосом, на который в тот момент была способна, — Наша с Юстином свадьба — это вопрос времени. Длительного времени. Нечего сейчас о ней толковать. Он не может жениться на дочке провинциального аптекаря из другого государства, а на Магистре, полноправной гражданке магического Валариэтана, может. Все упирается в мою магистерскую диссертацию, Вы же понимаете? Так что нам с Вами рано прощаться.

Ну, раз я теперь в глазах общественности нареченная невеста принца, буду этим пользоваться. Пусть не я за ними, а они за мной бегают. Встала, попрощалась и направилась к двери.

— Куда Вы, Мелисента?

— Как куда, мессир Ригодон? Работать.

Он бросился вперед, распахнул передо мной дверь и придержал ее. Правильно, пусть боится, раз другие варианты отпадают.

Не успела я выйти в коридор, как в мои уши впился грозный шепот духа:

— Мелисента, что все это значит? Немедленно объяснись! Ты же говорила, что не собираешься замуж? Когда ты успела стовориться с Юстином?

Он что, принял все за чистую монету? Идиот!

— В прошлые выходные!

— Что? Но как? Ты же лежала в бессознательном состоянии...

— Я о том же! Если я сейчас пойду и всем стану рассказывать, что ты был любовником королевы Геладины...

Вдовствующую королеву Элидианы я назвала, потому что она, во-первых, стара как мир, во-вторых, страшна, как грех, а в-третьих, помешана на посмертной супружеской верности. Ал повелся.

— Но это же ложь!

— Это такая же правда как то, что я окрутила Юстина чтобы стать принцессой. Понятно?!

— У тебя еще более невыносимый характер, чем у меня, — констатировал Гиаллен.

— С вами вообще монстром станешь. А вообще-то я мягкая и пушистая.

Прошло три дня. Я продолжала работать, как ни в чем не бывало. Ходила с высоко поднятой головой и не обращала ни на кого внимания. Надо сказать, это поведение принесло свои плоды. Каждый счел своим долгом подловить меня в кулуарах и что-нибудь сказать или спросить.

От Мартонии я ничего доброго не ждала и не слышала, она просто прошипела, проходя мимо по коридору:

— Думаешь, окрутила принца и стала принцессой? Ты еще поплачешь, выскочка!

Теодолинда подседа ко мне в столовой во время обеда и лицемерно заахала:

— Деточка, нельзя же так! Здесь не брачное агентство. Сначала надо было диссертацию защитить, а потом уж романы разводить. А Вы не успели попасть в аспирантуру, и уже замуж собрались! Мы себе такого не позволяли!

Хотела я ей напомнить, что она и не могла себе ничего подобного позволить: за столько лет на нее никто не позарился, но промолчала. Ограничилась вполне людоедской улыбкой, от которой у пиявки вдруг пропал аппетит.

Магистр Белон поймал на выходе из здания, когда я отправилась подышать свежим воздухом.

— Милая, мне только одно интересно: когда Вы узнали, что наш бедняга Юстин — на самом деле принц?

Я облила магистра презрением:

— Для Вас, как я понимаю, это была секретная информация?

Белон — злостный сплетник, в этом я успела убедиться, а ничто не злит подобных типов больше, чем упрек в неинформированности.

Келедар с Семпронием притащились ко мне вечером на чай. Но я их не пустила. Встала в дверном проеме и задала вопрос:

— Зачем пришли, красавцы? Думаете, я вас после такого предательства плюшками угощу?

Келедар сразу стал просить прощения, уверяя, что ни минуты не верил дурному про меня, а что Юстин влюбился, так он сам виноват.

Семпроний же сообщил, что даже если все правда, то ничего плохого он лично в этом не видит. Если бы ему посчастливилось обратить на себя внимание принцессы, он бы ни минуты не сомневался.

Что же вы, мальчики, в лаборатории делали вид, что меня не знаете, а теперь еще хотите чтобы я вас привечала и угощала? Размечтались! Не будет этого!

Парней я выгнала. Потом прощу, но слуплю с них по меньшей мере торт, а лучше что-то посущественней, вроде окорока или головки сыра.

Герион, видно, тоже вспомнил, где вкусеньким можно разжиться. Наш балагур не стал долго раздумывать, в своей обычной манере хлопнул меня по заднице и возвестил:

— Не обращай внимания, эти придурки просто завидуют, и мужики, и бабы. Я и сам завидую мальцу, такую девчонку себе оторвал: умница, красавица, а как готовит! Чем не принцесса!

Я стукнула весельчака по руке и сердито прошипела:

— Ведите себя прилично. Если есть желание шлепать дам по филейной части, предлагаю Мартонию: у нее желе долго дрожать будет.

Вместо того, чтобы обидеться, Герион развеселился:

— Желе! Желе! Ну, ты скажешь, однако, подружка! Желе! Я в восторге!

Присутствовавшие при этом Белон и Арсент засмеялись, но как-то натужно, после чего красавчик магистр, поймав меня в библиотеке, заставил сесть рядом с собой и горячо зашептал:

— Мелисента, прошу Вас, не сердитесь! Никто не верит сплетне, я первый считаю, что Вы ни в чем не виноваты. Но наши дамы жаждут крови. Вы же знаете, идти против Мартонии с Теодолиндой — все равно что плевать против ветра.

Что ему нужно? То всегда был тише воды, ниже травы, а тут прямо глава тайной оппозиции.

Эдилиен подошел последним. Поймал у входа в столовую и извинился:

— Прости, девочка, я не подумал, как нелепо выглядит мое поведение. Ты имеешь право выходить за кого угодно, меня это не касается. Просто обидно стало, что такой талантливый ученый уходит из науки.

Тут он, положим, покривил душой, но на него у меня никак не получается долго злиться, хотя, не скрою, его поведение обидело меня больше всего. Так я ему и сказала.

— Знаете, Магистр, от Вас я не ожидала, что Вы пойдете на поводу у наших каракатиц. На остальных мне, по большому счету, наплевать, но Вас я всегда уважала и думала, что и Вы меня уважаете хоть немного. То, что Вы вдруг от меня отвернулись, мне было действительно очень обидно.

— Прости меня, старого дурака. Я к тебе, ну, не как к дочери, но как к племяннице относился. А когда любимая племянница вдруг решает замуж выскочить, глупый дядька ревнует. Простишь?

— Прощу, куда денусь, — вздохнула я, — Только давайте эту конференцию прикроем, мне неприятно.

Надеюсь, когда Юстин вернется, он мне поможет расставить все по местам, а то от

этого дурдома уже тошнит. Еще хотелось бы знать, кто эти сплетни распускает? А главное зачем?

Надо сказать, на общее положение вещей все эти встречи и признания не повлияли, я все еще находилась в показной изоляции. Теперь, когда я успокоилась относительно некоторых субъектов, меня это даже устраивало. Никто не пристаёт, не лезет с разговорами, не отвлекает от работы, да и думать в одиночестве значительно удобнее. Я так свыклась за три дня со своим особым положением, что, когда меня внезапно остановили, оказалась к этому совершенно не готова.

— Мистрис Мелисента!

Это я «мистрис»? Вот дура, а кто же? Для любого не мага называть так магичку естественно. Я обернулась.

Этого парня я уже видела: один из подчиненных Форгарда, из тех, кто красит, чинит, прибывает. Чуть повыше меня ростом, тощий, нескладный и совсем юный. Смотрит на меня голодным взглядом. Это я ему так нравлюсь, или и впрямь есть хочет? Лучше предположу второе, так спокойнее.

— Да, молодой человек, Вы что-то хотели мне сказать?

Он всем телом подался вперед, явно желая приблизиться к моему уху, но не решаясь.

— Мистрис Мелисента, а Вы правда невеста молодого лорда-дознателя?

А это уже наглость? Кто ему позволил к магичке ввязаться? Но я все же сдержалась и ответила вопросом на вопрос:

— А Вам, извините, зачем? Из любопытства?

— Ну что Вы, мистрис, и в мыслях не держал такого. Просто... Если это так, то у меня есть для Вас информация...

— А почему для меня, а не для лорда-дознателя?

— Так он же уехал!

Если у него и правда есть интересные сведения, то надо его не спугнуть, а сведения вытянуть. Я открыла дверь своих апартаментов.

— Как Вас зовут, юноша?

— Мико.

— Заходите. Мико. Рассказывайте.

Я усадила парня за стол и выставила тарелку с печевом. Он смотрел на меня, не зная, за что приняться: есть или рассказывать. Пришлось успокоить. Пусть поест, сытый, он расслабится и больше расскажет.

— Мико, не волнуйтесь Вы так. Угощайтесь. Сейчас чаю принесу, колбаски, сыра... Я же вижу: Вы голодный.

— Вы добрая, мистрис Мелисента, я боялся, что Вы меня слушать не станете, а Вы меня угощаете., чаем поите..

Он ел и с лица уходило несчастное голодное выражение. Затем парень заговорил:

— Мистрис, Вас интересует то, как исчез наш бывший заведующий архимаг Гиаллен?

— Пожалуй да.

— Я все мучился, никак не мог решиться... Не знал сказать — не сказать, а если сказать, то кому. А тут узнал, что мессир Юстин — сын лорда Кориолана и сам будущий лорд-дознатель... А Вы с ним, ну, дружны... Ну вот мне и пришло в голову... Я ведь родом из Кортала, за него душой болею.

— Похвальный патриотизм. Так что там с Гиалленом?

— Знаете, в ту ночь, когда исчез архимаг, я кое-что видел...

У Мико сделалось гордое и очень загадочное выражение лица. Я насторожилась. То, что он сейчас скажет... Это может быть чистой правдой, а может быть плодом воображения незначительного человека, желающего почувствовать свою важность. Определить степень правдивости имеющимся у меня амулетом не удастся: если он придумал это не вчера, то давно сросся с этой картиной и верит, что все было на самом деле. Придется судить по косвенным признакам.

— Что именно, Мико?

— Кто-то в мантии с капюшоном вошел в комнаты Гиаллена.

Так, это мы уже слышали от Форгарда. Может, из этого парня удастся вытянуть больше подробностей?

— Очень хорошо, Мико. Как он выглядел?

— Мантия не черная, но в сумерках я не разобрал, какого цвета. Вполне могла быть здешняя, пурпурная или фиолетовая, но может быть и коричневая. Не зеленая точно, я хорошо себе представляю, как выглядит зелень в темноте, несколько лет садовником работал. Довольно высокий, телосложение не разберешь,

Ни фига себе! Высокий? Это у парня что-то со зрением, наш Форгард путает или из было двое?

— Мико, Вы сказали «высокий». А насколько высокий? Выше Вас?

Парень задумался.

— Если и выше, то ненамного. Примерно того же роста. Но я-то не низенький. Да плечи, пожалуй, пошире чем мои будут

Ну, это ни о чем не говорит, сам Мико довольно узкогрудый и разворотом плеч не впечатлит никого.

— А в руках у этого неизвестного что-то было?

— Рук я не видел, они были скрыты под мантией. Он постучался и мессир Гиаллен ему открыл.

— Сам? Лично?

— Ну да. Я его видел и слышал голос. Он сказал: «Заходите» или что-то вроде. Его голос ни с чьим не спутаешь, Вы уж поверьте.

Да уж, баритон Ала и я ни с кем не спутаю. Красивый голос. Значит, в тот момент архимаг был в полном порядке. Тут мне пришел на ум еще один вопрос, и я поспешила его задать, пока не ушел:

— Мико, а когда это было? Когда Вы видели этого человека и где при этом находились сами?

— Когда? — задумался парень, — так вечером же. Я в тот день в дальнем конце коридора стены и дверь перекрашивал. Стемнело уже часа два как, а я замешкался с работой и доделывал ее уже после того, как все разошлись.

Дело было осенью, значит, он видел типа в капюшоне вовсе не ночью. Два часа как стемнело... Прибавим еще минут сорок, ну ладно, час на его колебания. Не больше половины десятого. А Форгард видел человека около полуночи.

Мико меж тем продолжал рассказывать.

— Закончил я, значит, красить, только домой собрался, как вдруг свет в коридоре погас. На лестнице остался, а коридор весь темный.

Моя квартира как раз напротив лестницы, около двери должно было быть светло, а все

остальное тонуть в темноте.

— Бывает, что магические светильники гаснут, но ненадолго. Пройдет какой-нибудь маг и снова засветит. Ну, я не стал торопиться. В темноте да с лестницей, да с ведром, долго ли навернуться. Стою, жду. Тут с лестницы кто-то как раз и вошел. Как я рассказывал: в мантии с капюшоном, и постучал к архимагу нашему. У меня к тому времени глаза привыкли, а этот тип, он на светлом месте был, поэтому я его рассмотрел. Меня он не заметил, я в темноте стоял, к тому же далеко.

Да, если со света войти в темное помещение, то ничего не видно. Мог и не заметить.

— Когда он вошел и дверь закрылась, тут же свет засиял. Ну, мало ли кто мессир у в гости зайдет... Дождаться мне было нечего, я домой пошел.

Пока все логично, похоже, парень не врет. Ну, и последний вопрос. Остальное пусть из него Юстин вытаскивает, это его профессия, а не моя.

— Мико, а когда Вы домой вернулись? Вообще, Вы где живете?

Он заморгал, не понимая вопроса, затем лицо прояснилось:

— А, Вы время хотите уточнить. У моста я живу, на улице Полуденной. Отсюда полчаса ходу. Вернулся я домой в тот день... Как раз когда мост перешел, на башне часы били. Половина одиннадцатого.

Если посчитать... Дело было около десяти, плюс-минус пять-семь минут. Значит... Может быть и ничего не значит, а может значить очень многое. Мы давали нашему злодею на все полчаса, но если их было двое и первый пришел на два часа раньше... А когда ушел? Мико этого не видел, надеяться, что еще свидетели найдутся, бессмысленно.

— Мико, спасибо большое, Вы нам очень помогли. Вы готовы повторить все, что мне сейчас рассказали, перед мессиром Юстином? Он скоро вернется и я ему про Вас расскажу.

— Да, конечно, мистрис Мелисента! Я этого и хотел! Нашим, кортальским, я доверяю. А тогда... Тут эти из магической службы расследования шмыгали... Боюсь я их.

— Хорошо, Мико. Где мне Вас искать?

— А у господина Форгарда спросите. Если моя смена, я тут где-нибудь. Если нет, то адрес Вы знаете: правый берег, Полуденная улица пять. Спасибо Вам, мистрис. Выслушали простого парня, не стали насмехаться, разговаривали вежливо да еще и накормили до отвала. Вы добрая, не то, что другие.

Он ушел окрыленный. Бедняга. Знаю, многие маги имеют обыкновение третировать простых людей как тупых животных. Мол, мы выше. Глупая манера. Для таких работают неохотно, делают некачественно, а берут дорого. Вежливость с приветливостью не стоят ничего, зато мне все всегда рады услужить, да и на покупках я экономлю. Сама видела, как Мартония платила за редис втрое дороже меня.

На нас здесь, в этом самом здании работает несколько человек, у Форгарда, кажется, пятеро, да у Матильды шесть девушек. Я всегда им улыбаюсь и здороваюсь. Мало ли что мне от них понадобится. А вот та же Мартония, Теодолинда, Белон, сам мессир Ригодон, да почти все маги смотрят на них как на мебель. Герион, правда, девиц за попы щиплет, но мужчин тоже игнорирует. Мико не просто так ко мне пришел, а не к Юсу. Меня он не боится. Вот и пригодилась моя манера, которую тут считают панибратской и презирают.

Что меня в Мико насторожило, так это его несуразный аппетит. Можно подумать, его голодом морят. Неужели здешние работники получают так мало, что недоедают? Надо спросить. У кого? Проще всего у Матильды.

Вечером она мне попалась у входа вместе со своим мужчиной. Я решила совместить:

сделать вид, что Мико заходил по делу, а заодно узнать, почему он такой голодный.

Обратилась к Форгарду, все-таки Мико — его работник:

— Господин Форгард, я тут попросила одного из Ваших служащих мне помочь. У меня дверь в кабинет скрипела и плохо закрывалась. Скажите, я должна была ему платить, или нет?

Завхоз пристально на меня посмотрел:

— А он просил?

— Нет, не просто не просил, отказался взять. Сказал, за такую ерунду ничего не надо.

— А ты?

— Чаем его угостила.

— Помог?

— Да, спасибо, с дверью все в порядке.

Лицо Форгарда разгладилось. Видимо, платить не следовало. Тут вступила Матильда:

— Это кто был? Рем? Нет? Мико? Он тебя объел, наверное. Такой проглот, как только в него влезает?!

— Он показался мне голодным и я его накормила.

— Добрая девочка. Парень на нашей Труде жениться собрался, дом купил, вот, долги раздает, а сам живет впроголодь. Мы его все подкармливаем, жалеем, но больно у него аппетит хороший. Не прокормить. Труда уже задумываться начала.

Я бы на ее месте тоже задумалась. Парень жрет как не в себя, а сам худющий.

Надо его к целителям послать, пусть проверят на предмет глистов. А я дура. Слушала-слушала, а записать показания не удосужилась. Ну ничего, Юстину будет повторять, тогда и запишем. Что-то он не возвращается, а обещал не задерживаться.

Юстин появился через два дня. Таким встрепанным я его ни разу не видела. Мантия скосбочилась, от прически одни перья в разные стороны, глаза дикие. Он поджидал под дверью, когда я утром выйду из квартиры, и тут же схватил за руку и утянул на лестницу.

— Мели, Мели, ты только не волнуйся.

Ну вот, отличное начало. Если до этого я была совершенно спокойна, то тут начала вибрировать. Хотела спросить, что стряслось, но он сам сказал:

— Отец приехал. Хочет с тобой говорить.

О чем ему со мной разговаривать? Я думала, такие люди до нас, смертных, снисходят по большим праздникам. Конечно, во время ритуала ему придется со мной взаимодействовать, но и только. Личная беседа не нужна ни мне, ни ему. Или он меня в чем-то подозревает?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Со мной? Я так поняла, что лорд Кориолан приехал чтобы принять участие в оживлении Гиаллена. Ты же за этим ездил.

— Ну да, ну да, — замялся Юстин, — Но... Папа очень своеобразный. Ты его только не бойся.

С чего мне его бояться? Лорд-дознаватель и брат короля — дело, конечно, серьезное, но вряд ли он может мне сделать что-то плохое. Я гражданка другого государства, а находимся мы вообще в третьем. Никаких законов я пока не нарушала. Так что пусть Юстин беспокоится, это его папаша.

Так себя уговаривая, я дошла до общей лаборатории, села за стол, открыла журнал... Только собралась поработать, как распахнулись двери и на пороге показался мессир Ригодон в сопровождении такого красавца, по сравнению с которым мой целитель Авентил —

просто ноль без палочки.

Густые русые волосы волной падали на широкие плечи, ярко-синие глаза смотрели внимательно из-под черных ресниц, густые брови вразлет были как нарисованные. Довольно крупный нос благородной лепки с раздувающимися от внутреннего огня ноздрями добавлял значительности, изящно вырезанные темно-красные губы говорили о твердом характере и чувственности, а чуть тяжеловатый подбородок с ямочкой... Нет, пусть другие воспевают красоту лорда Кориолана, я молчу.

А еще от него кругами расходилась аура силы и власти. Рядом с ним благообразный Ригодон смотрелся жалко, он даже стал уже в плечах и ниже ростом. Видно было, что больше всего он сейчас хочет уйти и переждать визит высокого (действительно высокого, на ладонь выше архимага) гостя где-нибудь подальше отсюда. Но положение обязывало, так что Ригодон собрал силы в кулак и, натужно улыбаясь, объявил:

— Уважаемые коллеги, разрешите Вам представить нашего гостя, пятого наследного принца Кортала Кориолана. Он хотел бы пообщаться с некоторыми из Вас приватно.

Лорд выслушал эти слова, не двинув ни единым мускулом. За его плечом вдруг мелькнула голова Юстина и пропала. Ригодон вынужден был продолжить:

— Я уступил Его Высочеству свой кабинет. Те, кого пригласят на беседу, должны будут пройти туда. Сам я расположусь пока в комнате секретариата.

Была у нас такая комната, хотя секретариата никакого не было. Этот кабинет рядом с каморкой Форгарда вечно стоял запертый, но молва уверяла, что там нет ничего интересного: стол, стул и шкаф с архивами. Если в отдел приходила комиссия с проверкой, ее сажали там. Прикол был в том, что из секретариата было отлично слышно все, что происходило в кабинете Ригодона. Эти две комнаты сообщались через вентиляционный ход. Об этом мне как-то рассказал Келедар. Для своих это не было секретом. А для чужих?

Выходит, Ригодон боится лорда-дознавателя настолько, что решается подслушивать?

Подслушать, видно, хотела и Мартония. Тут же низко поклонилась высокому гостю и попросила разрешения обратиться к собственному начальству. Ей нужно срочно с ним поговорить.

Лорд Кориолан понимающе сверкнул своим синим глазом и ответил тихим, спокойным голосом, от которого кровь стыла в жилах:

— Простите меня, уважаемая мистрис Мартония, но я тоже желал бы с Вами пообщаться. Прямо сейчас. Прошу.

Провожаемая изумленными взглядами коллег Мартония выплыла из лаборатории, лорд-дознаватель улыбнулся хищно всем присутствующим, развернулся и вышел за ней, сказав:

— Не прощаюсь, уважаемые.

За ним ушел Ригодон.

Работа на сегодня завершилась, не начавшись. Кто же может думать о каких-то травах и отварах в такой ситуации? Зачем сюда притащился лорд-дознаватель? Что ему нужно? Почему-то народ пялился на меня, как будто я знала ответ. Они что, думают, брат короля приперся в такую даль чтобы полюбоваться на потенциальную невесту сына? Ну-ну, пусть пребывают в приятном заблуждении. Я-то знала: лорд-дознаватель прибыл из-за дела Гиаллена.

Через некоторое время пришел Форгард и велел Белону идти в кабинет, но Мартония так и не вернулась. За Белоном ушел Арсент, за ним Герион, за Герионом Эдилиен... Все уходило, но никто не возвращался. Обед нам принесли прямо в лабораторию, никого из нее

не выпустив. Последним из магистров пригласили Теодолинду, за нею ушли по очереди Келедар и Семпроний, я осталась в лаборатории одна-одинешенька.

От не черта делать пересчитала коэффициенты для моего нового эликсира молодости и красоты, нашла ошибку и обрадовалась: день прошел не впустую. Наконец, когда я решила, что уже не понадобится, вошел Форгард и сказал устало:

— Иди, детка, зовут. Ты не очень там...

К чему относились последние слова, я не поняла, но решила лишнего не говорить и вести себя скромно.

У дверей кабинета Ригодона я остановилась и тихонько постучала. Мне ответили:

— Войдите.

Да этот красавец здесь всю мебель переставил! Раньше было уютно, неформально. Сбоку письменный стол, а прямо перед дверью два кресла у камина и столик. Там Ригодон принимал своих подчиненных, и только если собирался устроить разнос, встречал их сидя за письменным столом. Тогда даже стул не предлагал, распекаемый стоял перед ним как нашкодивший пацан. А тут..

Письменный стол переехал в центр комнаты. Кориолан сидел за ним спиной к камину, лицом к двери. Кресла куда-то исчезли, напротив стола стоял жесткий деревянный стул, из тех, на которых долго не усидишь: очень уж неудобные, да и низкие.

Лорд решил подавить всех своим величием. Наехать с позиций доминирования. Не пойму только зачем. Если ему нужна информация, это бессмысленно. Здесь нет арестованных и подозреваемых, которых можно прижать. Даже если он думает на кого-нибудь, у него должны быть неопровержимые улики, чтобы ему разрешили проводить официальное следствие. Да и подданных Кортала среди магов нет, я знаю точно. Магистры — граждане Валариэтана, Келедар — мой соотечественник, а Семпроний из Мангры. Но я никогда не поверю, что у этого человека нет причин так поступать. Не зря же его считают одним из умнейших людей во всех сопредельных государствах.

— Мистрис Мелисента из Элидианы? — я кивнула, — Садитесь.

Села и молча уставилась на лорда. Не буду облегчать ему задачу. Пусть сам скажет, что ему нужно.

— Ну же, мистрис Мелисента, я жду!

Я вылупилась на него как солдат на вошь. Он ждет? Чего, хотела бы я знать. Ишь, глядит, лицо перекошилось. Сейчас я бы его не назвала красивым. Страшный как демон, глаза горят нехорошим светом, губы кривятся и дергаются, такое чувство, что еще минута, и меня начнут разделять и есть сырьем. Успокойся, дурища, он тебя не съест, по крайней мере сейчас. Права не имеет. Так как я продолжала молчать, лорд Кориолан заговорил:

— Мелисента Мери, дочь Теофила Мери, аптекаря из Арнера. С отличием закончила университет Элидианы и поступила в аспирантуру Совета магов по специальности Эликсиры. Создательница Улучшенного Эликсира молодости и красоты. Все верно?

Я кивнула.

— Ни знатности, ни богатства, ни особой красоты, ничего кроме толики способностей и удивительной наглости.

Я в удивлении подняла на него глаза. Это тут при чем? Зачем ему мои красота и богатство?

— Все еще делаешь вид, что не понимаешь? — Он приподнялся на кресле и навис надо мной, — Тебе повезло, глупая девчонка, что ты не кортальская гражданка. Иначе сейчас тут

бы не сидела с нахальным видом. Но я найду способ до тебя добраться.

Он схватил со стола и бросил мне на колени мятый и уже вскрытый конверт. На нем стояло его имя.

— Прекрати делать вид, что ты ничего не понимаешь. Лучше прочитай и ответь, в каких ты отношениях с моим сыном и что собираешься предпринять.

Я послушно достала из конверта бумагу и прочитала... В общем, все то же, в чем меня пытались обвинить Мартония со товарищи: обманула, соблазнила, заставляет жениться... Папа примчался спасать свое чадо. А я-то думала... Но вот кое-что меня действительно заинтересовало. Автор письма. Кориолан зря не зачитал его мне, а дал в руки. Дело в том, что я узнала почерк. Видела его не далее как сегодня утром в лабораторной тетради уважаемого магистра. Я бы еще поняла, если бы это были круглые расплывающиеся каракули Мартонии, вихлястые червячки Теодолинды или даже унылые ровные треугольные буквы Белона... Нет, это был бисерный аккуратнейший почерк Арсента. Он-то чего в это полез? Чем я ему поперек встала?

Ладно, об этом после. Сейчас надо отвечать на обвинения лорда-дознателя. Оправдываться? Никогда! Моя позиция: сам дурак, поверил навету.

Я гордо подняла голову и прямо посмотрела в глаза человеку, для которого явно была хуже грязи под ногами. Выдержала паузу и спокойно сказала:

— Фи, Ваше Высочество. Я думала, Вы по делу. Прибыли расследовать заговор против Кортала и спасти архимага Гиаллена. Готова была с Вами сотрудничать, помогать всем, чем могу. А Вы за своего сыночка испугались. На Вашем месте мне было бы стыдно.

Мужчина аж зашипел, как вода на раскаленной сковородке:

— Ты еще пока не на моем месте.

— Надеюсь никогда там не оказаться. Завидного мало.

Тут вдруг лорд-дознатель опомнился и сообразил, что я сказала. Да если бы я его сковородкой по голове отоварила, он бы меньше удивился.

— Ты хочешь сказать, что в письме все ложь? Ты не претендуешь на моего сына?

— Это он на меня претендует, с ним и разбирайтесь. Для меня он друг.

Лорд Кориолан произнес с угрозой:

— Девочка, ты мне лгать не боишься?

Очень он меня этим разозлил. Не люблю когда не по делу угрожают. Как бы ему не попробовать эликсир, улучшающий перистальтику кишечника.

— А с чего Вы взяли, что я Вам солгала?. Я не вру, поэтому и не боюсь. В общем, если это все, то я пошла.

Встала и направилась к двери.

— Стоять!

Ой, он так заорал, что я чуть не описалась. Едва удержалась на подкашивающихся ногах, остановилась, обернулась:

— Что еще?

— Я тебя не отпускал.

— Я себя отпустила. Если Вы не хотите разговаривать о деле, не надо. Я подожду у себя дома, когда у Вас в голове прояснеет. Тогда приходите и поговорим.

Выскочила в коридор и опрометью бросилась к себе. Забежала в квартиру, заперла все двери и забилась в ванную. Видят боги, как я боялась! Внутри тряслась, как осиновый лист, просто умирала от страха, но держала себя в руках и, кажется, этот раунд выиграла. Попытка

меня обвинить бездарно провалилась. Лорд-дознаватель остался при своем пиковом интересе.

Гиаллен, который никак себя не проявлял, пока меня терзал Кориолан, вдруг вылез и заявил:

— Мели, ты была великолепна. Этот мерзавец в кои-то веки получил по носу. Я в восторге! Даже не ожидал, что ты так можешь. Он же пытался давить на тебя ментально, а ты не просто выдержала, ты его на место поставила.

Ни фига себе! Как это я так?!

Дух пояснил:

— Понимаешь, ты, вместо того, чтобы оправдываться, во-первых, с ним спорила, а во-вторых сумела его удивить. Он выпал из образа, а в таком виде он уже не менталист, а растерянный мужик. Да, что ты там болтала про заговор против Кортала?

— Я несколько дней подряд придумывала, как нам привлечь Юстина и структуру отца на нашу сторону. Среди прочих была мысль внушить, что твое исчезновение, очень невыгодное Корталу, это заговор против него. А тут это показалось мне уместным, вот я и ляпнула.

— Молодец, крошка! Интуиция у тебя фантастическая, а ты еще жаловалась на ее отсутствие. Представить себе не можешь, как нужно королевской семье Кортала мое возвращение. Ты знаешь, что кроме эликсиров силы и регенерации для армии я поставлял королеве Энике эликсир Манор?

Тут мне стало нехорошо. Эликсир Манор? Он же запрещенный! Да, штука сильная, омолаживает глобально, но... Если об этом станет известно, и Гиаллена, и короля порвут разгневанные маги. Я пролепетала заплетающимся от ужаса языком:

— Ал, ты в своем уме? Какой эликсир Манор? О чем ты? Это же черная магия.

— Рыбка моя, никогда я ею не занимался. Эликсир делал, но только четыре порции в год и только для Эники.

— А кровь девственниц где брал? Или, скажешь, без нее обходился?

Все ритуалы и зелья, в которых использовалась кровь девственниц, были запрещены Советом абсолютно и безусловно более тысячи лет назад, когда ради этого ингредиента погибло множество девушек. Список запрещенных зелий каждый маг знал наизусть. Одним из них был омолаживающий эликсир Манор, названный по имени изобретательницы. Надо сказать, мой новый эликсир по эффективности должен быть не хуже. Да что я, он будет гораздо лучше, потому что его не за что будет запрещать!

Значит, королева Кортала пользовалась запретным зельем, а Гиаллен ей его поставлял. Великий архимаг не просто неприятный человек. Он еще и преступник. А я спасти его собралась! Да что там, за последнее время я просто прониклась к нему добрыми чувствами, и от знания, что он нарушал наиболее незыблемый закон, мне стало невыносимо грустно. Он это заметил:

— Мели, ты что? Думаешь, я резал девственниц? Да никогда в жизни!

— А кровь их тогда где брал?

Дух вдруг засмутился.

— Ну, Мели, ты не девочка. Должна понимать. Они мне ее сами отдавали. Добровольно. На ложе страсти, так сказать. Понимаешь, единственная кровь, которая может называться кровью девственницы, это та, которую они теряют при дефлорации. Великие черные маги прошлого были просто маньяки-убийцы. А ведь все так просто...

И тут до меня дошло:

— Так ты выбирал в толпе студенток девственниц и добывал нужный ингредиент, обольщая их? Да, если прикинуть рецепт... Семи красоток тебе хватало на одну порцию. Как только определял? Ментально воздействовал? Ты подонок, Гиаллен. Я тебя расколдовать помогу, раз уж обещала, но с этой минуты не хочу иметь с тобой ничего общего. Сгинь!

Ушла в спальню, легла и долго не могла пошевелиться. В груди стоял ком. Хотелось плакать, но слез не было, одна злость.

Глава 14. Мелисента заключает договор

Через три часа начался концерт под дверью. Ко мне рвался Юстин.

Надо сказать, в свое время Гиаллен наложил на свое жилище очень интересные чары. Снаружи невозможно было услышать, что творится внутри, а вот происходящее под дверью транслировалось во все комнаты, кроме ванной. Так что Юс бушевал практически у меня в ушах.

Полчаса я терпела, затем встала и открыла ему. Пока он просто ревет: «Мели, открой, я знаю, что ты там», это ничего. Но если он вдруг начнет через дверь выяснять отношения... Скандалы мне ни к чему, у меня и так репутация ни к черту.

Он ворвался и, не дожидаясь, когда я закрою дверь, бухнулся передо мной на колени:

— Прости, Мели, я даже подумать не мог...

— Встаньте, Ваше Высочество, Вам не к лицу.

Я заперла за ним дверь, замкнув этим самым заклинание от подслушивания, затем предложила парню сесть и изложить дело, по которому он пришел. От моего официального тона Юстин для начала оторопел, затем у него сделалось такое жалобное лицо... Ну прям бедняга сейчас расплачется.

Но разжалобить меня не так-то просто. Я села за стол напротив Юса и уставилась на него, как прокурор. Между делом рассматривала лицо моего коллеги (не решаюсь больше звать его другом).

На первый взгляд он совсем не похож на отца. На второй... Лепка лица, форма носа, разрез глаз... Сходство есть, и значительное. Все это помягче, потоньше, что объясняется разницей в возрасте. Да, ямочка на подбородке отсутствует, но сам подбородок такой же твердый.

Основная разница в колористике. Папа весь яркий и (или) золотистый, как драгоценность. Темное золото волос и золотисто-медный загар, сапфировые глаза... Юстин же темноволосый, темноглазый и бледный. На маму похож, наверное. А еще у лорда Кориолана широченные плечи, Юс же весь тонкий-звонкий. Так и хочется пожалеть и накормить вкусненьким.

Я сидела напротив него за столом, не выставляя, как обычно, угощения, и рассматривала мальчика, как насекомое через лупу. Думаю, он испытывал при этом не самые приятные чувства. Наконец он не выдержал:

— Мели, не смотри на меня так. Да, я виноват. По моей вине тебе пришлось испытать несколько не слишком приятных минут. Я прошу у тебя прощения.

Вот как тут поступить? Больше всего хотелось выгнать парня и велеть ему больше никогда сюда не возвращаться. Но тогда я навеки останусь с этим духом несчастным, а он мне уже надоел хуже горькой редьки. Особенно в свете моих последних открытий... Придется взаимодействовать с папой-дознавателем, а это возможно только при посредничестве сына. Наедине с лордом Кориоланом я теперь ни за что не останусь. Но сначала с сыночком разберусь. Расставляю всех по местам, а то совсем жизни не стало.

Юстин, зачем ты натравил на меня своего отца?

Честные глаза щенка, который просит косточку:

— Я не натравливал! Ему анонимку прислали, так что, когда я приехал, он уже знал о тебе.

— А ты?

— Ну, он меня спросил, какие у нас с тобой отношения. Я сказал честно, Мели! Я ответил, что мы друзья, но я тебя люблю и хочу на тебе жениться.

Чтобы ты честностью своей подавился! Кутенок глупый! Вместо того, чтобы о деле говорить, сдал меня папашке с потрохами.

— А про то, что я за тебя замуж не собираюсь, ты ему сказать забыл?

Юстин понурился.

— Он меня и слушать не стал. Велел собираться и сюда поехал. Вот только после разговора с тобой нормально выслушал. Сказал, ты крепкий орешек. Теперь он готов обсудить с тобой воскрешение Гиаллена.

Спасибо, лорд-дознаватель. Он готов, видите ли. А мне бы его красивую морду век не видеть. Как вспомню, от злости аж дрожать начинаю.

— Юстин, надеюсь, ты понимаешь, что я согласна сотрудничать дальше только в одном случае.

Парень заволновался:

— В каком?

— Если будут приняты мои условия. Принять их должен не ты, а твой отец.

— Мели, какие условия? Скажи, я передам.

— Их три. Первое: мы с лордом Кориоланом больше не общаемся наедине. Только в присутствии третьего лица, и это лицо — ты. Я бы выбрала другого, но его, к сожалению, взять неоткуда. Дух Гиаллена в качестве лица не рассматривается.

Тут дух не выдержал и влез:

— Почему, Мели? Почему я не рассматриваюсь?

А он что, разве лицо? Я продолжала его игнорировать и вместо ответа на этот выпад озвучила Юстину второе требование:

— Я согласна рассматривать только один вопрос: возвращение духа в тело.

— А вопрос о том, кто это сделал?

— Хорошо, два вопроса. О моих личных делах требую даже не заговаривать.

Юстин тяжело вздохнул. Кажется, не он один, или мне послышалось?

— А третье условие, Мели?

Я задумалась. В свете последней полученной информации мой договор с Гиалленом нужно пересматривать в вопросе вознаграждения. То, на чем мы сошлись в прошлый раз, подразумевало его широкое присутствие в моей жизни. Теперь я его видеть не желаю, но благотворительностью не занимаюсь принципиально. Всякий труд должен быть оплачен, особенно мой. Вот тут лорд Кориолан мне поможет. Вытрясет из Гиаллена как можно больше, и лучше деньгами. А магистерскую диссертацию я в родном университете допишу, здесь в любом случае не останусь. Эти соображения я озвучивать не стала, сказала коротко:

— Твой уважаемый отец выступит посредником между мной и архимагом Гиалленом по вопросу о моем вознаграждении за участие в его воскрешении.

У Юстина глаза на лоб полезли:

— А разве вы не договорились?

— Знаете, Ваше Высочество, пришла пора кое-что поменять.

Почему парень вдруг обрадовался? Вроде не с чего, но я же вижу: его отпустило, расслабился, на лице робкая улыбка появилась. У него тоже претензии к нашему архимагу?

Юстин встал, поклонился мне придворным поклоном, как королеве, и сказал:

— Мистрис Мелисента, все Ваши пожелания я передам Его Высочеству принцу Кориолану. Надеюсь увидеть Вас завтра в добром здравии.

Он ушел, а я осталась. Что значили его последние слова? Ничего? Просто вежливый оборот? Или это намек? А если да, то на что?

Ни до чего не додумавшись, я отправилась спать, поздно уже. Когда легла, вспомнила, что не ужинала. Надо же, все эти переживания так мне мозги затуманили, что поесть забыла.

Еще забыла сказать Юстину, что вместо гиалленова запрещенного эликсира Манор, может предложить мой эликсир Молодости и Красоты. Он, конечно, еще не сертифицирован Советом Магов, но эффективный, это точно, а еще его можно применять, не нарушая закон. Пока пропись еще не окончательная, да и есть у меня только два флакончика, но королеве хватит: он дает эффект на полгода примерно. А к тому времени окончательный вариант должен быть готов.

Думала, после такого разговора я не засну, но к моему удивлению, внутри что-то отпустило, и сон пришел, не успела ухо до подушки дотянуть. Ужинать я не стала, лень было с постели вставать, зато утром позавтракала с большим аппетитом.

В главной лаборатории нас ждал Ригодон. Ни Юстина, ни, тем паче, лорда Кориолана видно не было. Начальник милостиво всех оглядел и сообщил:

— Его Высочество отбыл на родину. Он очень доволен тем, как его сын овладел нашей специальностью. В связи с этим он предлагает нам расширить лабораторию и сделать ремонт в корпусе.

Теодолинда тут же вылезла:

— Что именно будут ремонтировать?

Меня это тоже интересовало. Если прямо сейчас, то не связано ли это с нашим делом? Ой, связано, зуб даю! Кориолан хочет всех отсюда удалить по-тихому и ищет предлог.

Ригодон величаво произнес:

— Уважаемая Теодолинда, не беспокойтесь Ваши покои не тронут. Реконструировать будут лабораторный корпус, после чего сотрудники перестанут ютиться по двое у одной тяги. Также лорд Кориолан предложил переоснастить нашу кухню, сделать встроенные стазис-лари, новые печи и систему водоснабжения. Как Вы понимаете, от такого щедрого предложения не отказываются. Наше здание вообще последний раз ремонтировалось более двухсот лет назад, тогда в отделе было всего три магистра. Сейчас мы работаем на пределе возможностей нашего помещения, а тем временем эликсиры становятся все более популярны. Так что давайте не будем сопротивляться собственной удаче. Правильно я говорю, Мелисента?

— Совершенно верно, мессир Ригодон.

Я выпалила это как солдат. Белон протянул своим тусклым голосом:

— А где мы все это время будем работать? Или отдел закрывается на реконструкцию?

— Все, у кого есть собственные лаборатории, будут трудиться у себя, это я, Теодолинда, Эдилиен, Мартония и Мелисента, остальным временно будет предоставлено место в отделе зельеварения.

Ого, оказывается, не у всех магистров есть тяги на собственной кухне. Может, предложить всем оставшимся переоборудовать их квартиры, а на это время выселить всех в город, например? Меньше народа — больше кислорода, или, в данной ситуации, секретности.

За Белоном вылез наш красавчик Арсент:

— А почему это Мелисента на привилегированном положении? Она даже не магистр.

Потому, мой дорогой, что ты в покоях Гиаллена не ужился. Сам отказался от такого счастья. Только я тебе этого говорить не буду. Вон, пусть Ригодон скажет:

— Мессир Арсент, Вы претендуете на квартиру Мелисенты? Не Вас ли оттуда на носилках вынесли? Если ловушки терпят ее, это не значит, что они станут терпеть Вас.

Правильный вопрос наконец-то задал Эдилиен:

— Когда начинается реконструкция?

— Она уже началась! Завтра придут рабочие. Посмотрите в окно: в этих ящиках наше оборудование. Только что доставили! Лучшая в трех королевствах фирма «Гидеон и Порем»!

Знаю я эту фирму. Действительно лучшая. А лорд Кориолан молодец, оперативно действует.

Поднялась Мартония:

— Если тут будет ремонт, я уезжаю. У меня аллергия на строительную пыль и еще две декады неиспользованного отпуска за прошлый год остались.

Вот почему она решила уехать? Ремонт ее квартиры не коснется. Может, она боится присутствия лорда-дознавателя? Но он тут вряд ли останется, у него в Кортале дел полно. А даже если не так, откуда ей об этом знать? Или ей есть чего бояться?

К моему удивлению за Мартонией потянулись остальные. В основном те, у кого в квартире не было оборудовано рабочего места, но пиявка присоединилась к жабе в этом вопросе, хотя у нее тяга на кухне имеется. Желаящие уехать на время ремонта довольно быстро перегнали Ригодона из лаборатории в его собственный кабинет. У большинства нашлись неотгулянные дни, остальные взяли то, что полагалось за текущий год. Архимаг с ними торговался, но заявления безропотно подписывал.

К обеду сформировались две группы сотрудников. Одна, большая, дружной толпой шла в отпуск. Во второй осталось четверо: я, Эдилиен (ему некуда было ехать, а собственная лаборатория была), сам Ригодон (конечно, кто еще присмотрит за реконструкцией) и, к моему удивлению, Семпроний. Хотя чему я удивляюсь? У него, небось, опять ни гаста, продулся в карты. Единственный, про кого не было известно, остается он, или уходит в отпуск, был Юстин. Но у него год заканчивается, так что, возможно, срок его стажировки уже истек.

Больше всего радовало то, что я снова могу трудиться, не выходя из квартиры. Не знаю, почему, но мне легче работается одной. Может быть, это детские воспоминания, когда я вертелась в ногах у отца в нашей маленькой аптеке? Или я просто мизантропка? Как бы то ни было, присутствие посторонних меня отвлекает, мешает мыслительному процессу. Поэтому свое возвращение на собственную кухню я не могла не приветствовать, пусть даже это было ненадолго.

У меня осталось два вопроса. Первый: как лорду Кориолану удалось так быстро все организовать? Второй: что Ригодон подслушал вчера во время допроса сотрудников? Или ушлый лорд догадался и защитил себя от прослушивания? Узнать это можно было только при личной встрече с лордом-дознавателем.

Встреча не заставила себя долго ждать. Вечером ко мне постучался Юстин. Так как никто уже не сомневался, что парень — мой любовник, я спокойно его впустила. С чем он ко мне пришел? Принял ли его папаша мои условия? А если принял, то какие выставил в свою очередь?

Я не стала спрашивать Юстина до того, как закрыла за ним дверь, а он не торопился

начинать разговор по существу. Доложил только текущую обстановку, как адъютант своему генералу.

— Мели, почти все, кто собирался в отпуск, разъехались. Эдилиен ушел к своей любовнице на правый берег. Семпроний в игорном доме. Сейчас кроме нас и Форгарда с Матильдой здесь никого нет. Ригодон проводил моего отца до портального зала Совета и отправился в ресторан на левом берегу. За ним следит один из людей отца.

— А он сам? Уехал, оставив здесь тебя и своих людей?

Он ответил вопросом на вопрос:

— У тебя в кабинете окно открывается?

Конечно, как бы я там проветривала? А зачем...

Юстин прижал палец к губам:

— Тс-ссс...

И на цыпочках пошел в мой кабинет. Открыл окно. В ту же секунду оттуда выпрыгнул Его Высочество Кориолан собственной персоной.

— Ох, и неудобно у Вас окно расположено, любезная мистрис! Юс, закрывай окно и представь меня своей подружке как следует.

Я поджала губы. Не хватало, чтобы этот тип ко мне в окно лазил. Но если другого безопасного пути для него нет, то пусть хотя бы ведет себя пристойно. Надо сразу все расставить по местам, а то потом он мне на голову сядет и погонять начнет. Мелисента, бери себя в руки и начинай давить сама, пока тебя не задавили. Сделав вид, что не расслышала реплику лорда-дознателя, я обратилась к его сыну:

— Юстин, Я озвучила тебе мои требования. Прежде чем будет сказано хоть одно слово, я хочу узнать, приняты ли они.

— Ну, Мели, я...

— Тогда проводи, пожалуйста, Его Высочество обратно в окно. Если мои условия не будут приняты, то разговаривать нам не о чем.

Ответил мне Лорд Кориолан лично:

— Милая моя, не торопитесь меня гнать. Мой сын мог мне передать Ваши условия, но права говорить за меня у него нет. Так что на этот вопрос я отвечу сам.

— Каков же будет Ваш ответ?

— Условия приемлемые, не вижу причин Вам отказывать. Но в свою очередь хочу выставить свои.

— Прошу Вас, лорд Кориолан, я вся внимание.

— Сначала повторим Ваши требования. Мне нужны разъяснения. Первое — общение с мной в присутствии третьего лица. Возможно, нам с Вами надо будет посекретничать...

— Не вижу проблемы. Накроете нас пологом тишины. Юстин будет нас видеть, но не слышать.

— Понятно. Посекретничать не удастся. Но это меня мало волнует, скорее, трудности могут возникнуть у Вас. Следующий пункт: обсуждать только то, что связано с делом Гиаллена. Личных вопросов не касаться. А если они окажутся связаны с этим делом?

— Я готова их обсуждать ровно в том аспекте и объеме, который необходим в интересах дела. Аспект и объем определяю сама.

Лорд понимающе кивнул и продолжил:

— Принято. Ну, и третий пункт. Помочь Вам пересмотреть вопрос о награждении. У Вас с Гиалленом было соглашение?

— Да, с его духом. Но с ним самим соглашения не было, а дух — это совсем не то, что живой человек, да и мои первоначальные планы изменились. Гиаллен — хитрый и изворотливый тип, так что мне понадобится Ваша помощь.

— Хорошо, я присмотрю, чтобы Ваши интересы не пострадали. Если Вам, к тому же, удастся доказать то, что Вы мне сказали на нашей первой встрече, получите еще и вознаграждение от моего короля. Гиаллен в нашем раскладе человек и маг не последний, так что можете претендовать на почетное гражданство Кортала и дом в столице или адекватное возмещение в золоте. Не скрою, вариант с домом для меня предпочтительнее.

Я поклонилась, выражая удовлетворение тем, что мои требования приняты, затем предложила:

— Давайте пройдем в гостиную и сядем. Переговоры продолжаются. Мои условия Вы приняли, теперь я хочу услышать, каковы будут Ваши?

Лорд прижал руку к сердцу, слегка поклонился и быстро прошел из кабинета в гостиную, даже не спрашивая, куда нужно идти. Похоже, он здесь бывал, и не раз, во времена Гиаллена. Я тронулась вслед за ним, Юстин замыкал. Все уселись вокруг стола, и я порадовалась. Что он у меня круглый: доминирующее положение никому занять не удастся по определению. Круглый стол — стол равных. Лорд-дознаватель это явно понимал, потому что вдруг улыбнулся мне совершенно по-мальчишески.

— Ну, дорогая Мелисента, раз с Вашими условиями определились, то слушайте мои. Их тоже три. Первое: Вы, не скрывая, делитесь всей имеющейся у Вас информацией по делу.

— Принято. Не скрою от Вас ни информации, ни своих соображений. Это в моих интересах.

— Даже так? Отлично! Второе: на время проведения ритуала и расследования мы — одна команда. Я привык со своими сотрудниками церемоний не разводить. На «ты» и по именам. Идет?

— Вы можете меня называть Мелисента и на «ты», но я не сумею. Привыкла уважать старших.

— Хорошо, «Вы» и Кориолан. Только без всяких там Высочеств, пожалуйста.

— Договорились.

Это мне привычно, маги всегда так общаются.

— Третий пункт я озвучу после небольшого вступления. Ты заметила, Мелисента, что я довольно ловко сплавил большую часть сотрудников в отпуск?

— Это чтобы расчистить поле деятельности?

— Примерно. Кроме того, никто не знает, что я здесь. Для всех Его Высочество отбыл в Кортал через портал Совета. Ваш Ригодон, этот скользкий тип, лично меня проводил. Просто у меня есть свой личный портал в Валариэтан. Где он, тебе знать не надо.

Можно подумать, я его спрашивала.

— Сегодня я пришел сюда через окно, но каждый день так лазать... На время подготовки и проведения ритуала мне придется находиться здесь. Исходя из этого, я прошу твоего гостеприимства. Я неприхотлив, меня устроит диван в кабинете.

Вот только постояльца мне для счастья не хватало. Диван в кабинете отличный, он кого хочешь устроит, но... Я взглянула на Юса: у него был несчастный вид. Боится, что папочка за мной волочиться станет? Я ждала, что приятель вмешается, но он не произнес ни звука. Тогда я спросила сама:

— А не проще было бы остановиться у Юстина?

— Не проще. Во-первых, у него квартира крошечная, спальня и кухонька, в ней нет никакого кабинета. А во-вторых, мне лучше не шнырять по коридорам, где меня могут увидеть, а находиться как можно ближе к месту действия.

Ой, что-то мне это не нравится.

— Вы на этом настаиваете из соображений секретности? Не знаю, как оно будет сочетаться с моим первым требованием. Втроем мы тут жить не сможем.

Лорд как-то очень загадочно улыбнулся.

— Юстин будет жить у себя. Не волнуйся, Мелисента, Обещаю в его отсутствие общаться только на бытовые темы. На твою честь я никоим образом не покушаюсь, а постой и питание будут достойно оплачены. Говорят, ты божественно готовишь.

Знает, собака, чем меня взять. Мелкая лесть и обещание денег... Вообще он на обещания не скупится. Думаю, на деньги тоже, говорят, он — один из богатейших людей своей страны. Наградой манит. В случае успеха гражданство и дом в столице... Мне бы аптеку в моей родной Элидиане, только не в нашем захолустном Арнере, а где-нибудь поближе к столице. Ладно, Мелисента, не зарывайся. Если он готов платить за диван в кабинете и еду, пусть платит.

— Хорошо, мессир Кориолан, я согласна.

Он рассмеялся.

— Оказывается, с тобой легко иметь дело. Кстати, как ты меня назвала?

— Мессир Кориолан.

— Как мага, да? А почему?

— Мне кажется, это логично. Вы ведь не только принц и сановник, Вы еще и маг неслабый, насколько я знаю, иначе бы не руководили магическим правопорядком. Вот я и общаюсь с Вами как со старшим коллегой.

— Умница. Похоже, мы обо всем договорились, можно приступать к работе. Но я бы хотел сначала поужинать.

Я поднялась, достала из буфета посуду и корзинку с булочками, расставила все на столе и вышла в лабораторию, чтобы поставить чай и собрать всем перекусить. Знаю не понаслышке: работа мозга требует усиленного питания, как и дружеская атмосфера.

Юстин оставил отца одного и вышел за мной.

— Мели, ты на меня сердишься? Я не ожидал...

— Юс, я не сержусь, правда. Только... Все это неожиданно. Он так просто принял мои условия.

— Ну, не так просто... Я вчера полночи его уговаривал, рассказывал, объяснял, убеждал. Он сказал, что все только под мою ответственность, а сейчас получается, что это его план. Он с тобой договаривается, а я так. Пешка.

Да, парень, ты пешка. Для такого, как твой отец, мы все — шахматные фигуры на доске, и отнюдь не ферзи. Но как ловко Кориолан все повернул. Он просто душа всего дела, идейный руководитель и вдохновитель, а мы его верные помощники. Если бы я была его сыном, обиделась бы на фиг. Но мне все равно, кто тут главный и все придумал, у меня другие приоритеты. Скорей бы уж Гиаллену вернули тело и освободили меня от этого упыря, то есть духа.

— Юстин, не бери в голову. Он твой отец и привык быть главным. А сейчас без его помощи нам никак. Лучше достань из ларя ветчину и сыр. Масло не забудь. И не переживай, это шанс для тебя показать себя в деле.

— А ты?

— А я наконец освобожусь от Гиаллена, не будет он из меня больше соки тянуть. Пойми, я не лорд-дознаватель, мне эти лавры даром не нужны. У меня есть, чем заняться. Все, чайник вскипел, пошли твоего отца чаем напоим.

Когда мы вернулись, Кориолан ходил по комнате, прицельно разглядывая то, что сюда привнесла я. Если он бывал здесь при Гиаллене, то легко мог вычленить мое вмешательство в интерьер, как бы ни было оно незначительно. Пара книг, лупа, большая квадратная корзина в углу и небольшой кожаный сундучок с разными хозяйственными разностями, начиная от иголок и ниток и кончая довольно большим кинжалом, единственное, что осталось мне от родного дома. Еще здесь лежали мои тетради и письменные принадлежности. Вообще-то писать положено в кабинете, но я им почти не пользовалась. Интересно, какие выводы сделал этот ас мирового магического сыска, разглядывая мои вещички? Он же, не успели мы с Юстином войти, все бросил и устремился к столу:

— О, у нас шикарный ужин! А я тут осматривал комнату: со времен Гиаллена почти ничего не изменилось. Почему ты не стала ничего переделывать, Мелисента?

— Потому что меня все устраивает. Поначалу разговоры о предыдущем хозяине и о том, что в этой квартире никто не мог прожить и двух дней, пугали, а потом привыкла. Здесь удобно и симпатично.

— Но стиль... Это совершенно мужская комната.

— Ну и что? Мне нравится. Давайте прекратим пустую болтовню. Вам как удобнее: сначала поесть, потом говорить, или общаться в процессе еды?

Голос Кориолана стал вдруг вкрадчивым:

— Все зависит от тебя, Мелисента. Ты ведь будешь рассказывать.

Глава 15, в которой Мелисента разговоры разговаривает

Здорово придумал. Он есть будет, а я его развлекать. Нет уж, придется ему подождать, пока я наемся.

— Мессир Кориолан, я хотела бы сначала поужинать, меня мама учила, что говорить с полным ртом нехорошо. Так воспитанные девушки себя не ведут.

— Отлично, воспитанная девушка. Но после ужина ты расскажешь все, что знаешь.

Это его заявление испортило мне аппетит, хотя с чего бы, кажется? Так что я выпила чаю, а единственный бутерброд запихала в себя волевым усилием. Юстин, низко склонив голову и стараясь ни на кого не смотреть, убирал еду в себя, как в сундук. Один лорд-дознаватель получал удовольствие. Ел ветчину и сыр, мазал булки маслом и вареньем, выпил две чашки чая и все нахваливал. Можно подумать, он у себя во дворце ветчины и варенья годами не видит.

Наконец ужин закончился и я приступила к рассказу. Начала с самого начала: как я сюда приехала и обратила внимание, что в моей новой квартире живет чья-то бестелесная сущность. Лорд слушал очень внимательно, делал записи и время от времени задавал уточняющие вопросы по существу. Я пыталась рассказать все, включая то, что узнала от других, но он меня остановил. Сейчас он хочет услышать только то, чему я была непосредственным свидетелем.

Затем, когда я изложила, как случайно привязала к себе дух Гиаллена, потребовал, чтобы ему продемонстрировали место действия. Пришлось вести его в лабораторию и там чуть ли не следственный эксперимент производить. Затем Кориолан меня спросил:

— Мелисента, ты можешь сейчас призвать дух архимага?

Ответил ему Гиаллен:

— Дружище, зачем меня призывать, я всегда тут, рядом с Мели. Она меня игнорирует, но это ничего не меняет.

У нашего лорда глаза на лоб полезли, чем доставили мне ни с чем не сравнимое удовольствие.

— То есть, Ал, ты хочешь сказать, что мы можем с тобой общаться напрямую?

— Совершенно верно. Мели тебе для этого не нужна. Правда, я не могу от нее отойти дальше чем на десять локтей...

Кориолан сразу все понял.

— Если Мелисента в спальне, ты можешь находиться в кабинете? Тогда давай отпустим девушку и поговорим. Пусть только она покажет мне твое тело.

Я показала на ларь:

— Тело там, на дне пищевых отделений, заложено продуктами и бутылками с вином. В крайнем правом голова, в среднем ноги.

В глазах лорда полыхнул настоящий ужас:

— Как? По частям?

— Да нет, целиком. Там внизу перегородка до дна не достает. Просто если Вы голову хотите увидеть, открывайте правый ящик. Только... Он грязный немножко, я его случайно вареньем облила.

Не ожидала, что великий лорд Кориолан будет так непристойно, нет, даже не хохотать,

ржать как целая конюшня жеребцов. Что такое смешное я сказала?

Юстин засуетился, открыл ларь и начал вытаскивать из него все подряд. К тому моменту, как он добрался до тела, лорд как раз отсмеялся и готов был знакомиться с очередной уликой. Я подошла поближе вместе с ним и удостоилась лицезреть уникальную картину.

Кориолан поводит руками, пару раз щелкнул пальцами и пропел какую-то фразу. Сразу вслед за этим на прозрачном, заляпанном вареньем теле архимага проступили цветные светящиеся полосы, окружности, прямые, кривые и завитушки. Высшая магия в действии: весь рисунок заклятий как на ладони. Я такого не смогу никогда, для этого нужен другой уровень дара. А впрочем... Если задействовать эликсир...

Тут я задумалась, и напрасно. Следующее действие было не менее впечатляющим. Кориолан создал объемную копию того, что лежало в ларе, вместе со всем рисунком заклинаний, которую вытащил и положил на пол. Казалось, тело под невидимостью лежит здесь, между тягой и очагом, но точно такое тело оставалось на месте. Мы с Юстином рты разинули. Довольный Кориолан снисходительно пояснил:

— Это муляж, один из видов иллюзии. Этот бесплотный и трогать его нельзя: развеется. На нем мы разберем, что произошло и как с этим теперь работать. Не знаю, правда, куда пока поместить, чтобы не испортить... Разве что на ларь сверху. Но тогда до еды не доберешься...

— На шкаф, — предложила я. Там пыльно, но пусто. Муляж никому не помешает и никто до него не доберется. Да и видно его с пола не будет: шкаф глубокий, для того, чтобы заглянуть на него, надо быть повыше Юстина ростом.

Лорд поднял руки, и вслед за его движением муляж поднялся с пола и поплыл прямо на шкаф, где и улегся. По крайней мере я так думаю. Стоя на полу то, что там творится, и впрямь не разглядеть.

Кориолан с довольным видом встряхнул руками, как будто желая удалить с них пыль, и все продукты снова вернулись в ларь на свои места. Захлопнув крышку, он заявил:

— Ну что ж, друзья, мы сегодня отлично поработали. Пора и отдохнуть. Юстин, ты можешь быть свободен, а Мелисенту я попрошу устроить меня на ночлег.

Хитрый какой! Сначала сделает из меня горничную, а потом постельную принадлежность? Фигушки! Сказала, что наедине с ним не останусь, так и буду за это держаться.

— Юстин, не уходи, пожалуйста. Я хочу тебя попросить мне помочь. Надо достать с антресолей одеяло, подушки и постельное белье для твоего отца.

— Развернулась и пошла в кабинет. Растерянный Юс обрадовался и побежал за мной. По дороге шепнул:

— Мели, ты молодец. Отец тебя проверяет, и пока ты все проверки проходишь.

Не знаю, на что он там меня проверяет, может, на вшивость, но сынок у него, даром что головастый парень, но наивный до жути. Как говаривала моя бабка: «умный-умный, аж дурак». Ясно же, лорд Кориолан хочет одним выстрелом подбить даже не двух, а минимум трех уток. Вернуть нужного его стране Гиаллена, решить вопрос с тем, кто правит бал на острове магов и отвадить сыночка от неподходящей партии. И, чует мое сердце, для решения последней задачи он не погнушается никакими средствами. Если решит, что для этого ему нужно уложить меня к себе в постель, то постарается этого добиться. Он не побоится испортить с сыном отношения или сделать ему больно.

Но это его точка зрения. Мне это никаким боком не нужно. Поначалу красота лорда Кориолана произвела на меня некоторое впечатление, но он сам все испортил при нашем первом разговоре. Теперь, как ни старается он быть милым и очаровательным, на меня это больше не действует.

А Юстина мне жалко. Папочка готовит его себе на смену, но совершенно не любит. Вообще, мое отношение к Юсу можно назвать странным. Он меня года на три постарше, а я к нему отношусь как к младшему братишке. Чудесному, умному, любимому, но младшему. Наверное потому, что я рано осталась одна и все решения должна была принимать самостоятельно. Мои учителя помогали, направляли, но и только. А Юстин родился чтобы стать лордом-дознавателем. Его по жизни вели под белы ручки по узкому коридорчику. Сейчас он только учится принимать решения, а присутствие отца делает его слабым.

Размышляя об этом, я раскладывала и стелила диван, в то время как Юстин доставал с верхней полки все необходимое. Кориолан вошел за нами и встал в дверном проеме. Вдруг подумалось, что он тут раньше ночевал. Моя мысль подтвердилась.

— Мелисента, как ванной будем пользоваться? Вход туда из твоей спальни.

Дуру нашел.

— Вход туда из лаборатории. Нетрудно обойти через гостиную, Вы не находите? А со стороны спальни я дверь запру. Да, в ванной под раковиной в шкафчике есть ночной горшок. Можете взять, я им не пользуюсь.

Вот так. Теперь тебе незачем ко мне ломиться. Теперь попрощаться и проводить Юса:

— Спокойной ночи! Юс, пойдём, я тебя провожу.

Мы вышли с Юстином в гостиную, Кориолан за нами не поперся. Там мальчик взял меня за руки и, заглядывая в глаза, прошептал:

— Мели, ты ничего не думай. Он хороший, только... Ты ему понравилась, а я...

— Успокойся, Юстин, то, что я ему понравилась, ровным счетом ничего не значит. Ты помнишь мои условия? Так вот, я от них не откажусь. Спи спокойно и утром приходи завтракать, я оладушков напеку.

Я чмокнула парня в щеку и вытолкнула его в коридор. Уф, кажется, на сегодня все.

Размечталась! На пути в спальню меня ждал лорд Кориолан. Стоял в дверях кабинета, выставив в проход ногу. Ненарочито так, как будто просто устал стоять на прямой и согнул ее в колене. Я остановилась. Не прыгать же мне через нее, как козе! В мантии у меня есть все шансы навернуться. Да и выглядеть буду глупо в любом случае. А он вдруг произнес тягуче-лениво, совсем не так, как разговаривал о деле:

— Милая Мелисента, мне совсем не хочется спать. Давай поболтаем.

От звуков его голоса колени вдруг начали подгибаться, во всем теле образовалась томность... Это он меня ментальной магией опять решил обработать? Ну уж нет! Не дамся. Я собрала все силы и ответила жестко:

— Вам спать не хочется, вот и не спите. А я устала. Кстати, у нас договор: не общаться наедине. Прошу его придерживаться, а то вылетите в окно в два счета. Спокойной ночи.

Он посмотрел на меня удивленно, но промолчал и ногу убрал. Я с гордо поднятой головой прошла мимо, а вслед мне полетело:

— И кто же тебя учил ментальному воздействию сопротивляться?

Сделала вид, что не слышала, зашла в спальню и дверь заперла. Хорошо бы душ принять, но не буду: в ванной с той стороны дверь хлипкая, гад может вломиться в самый неподходящий момент. Утром помоюсь.

Спала я плохо и встала рано. Насадил мне Гиаллен на шею эту обузу, своих спасителей, а лорд Кориолан вместо того чтобы архимага спасти, ко мне клеится. К счастью, утром удалось спокойно принять душ и вымыть волосы, никто ко мне не ломился. Юстин пришел раненько, так что когда из кабинета выплыл сонный лорд, мы с ним дружно уплетали олады.

Кориолан сделал вид, что вечернего происшествия не было, я тоже. Нам с ним еще работать и работать, не хватало в первый же день поцапаться. Вместо этого я предложила мужчинам после завтрака заняться делом: изучить вязь заклятий на муляже. Мне этот уровень недоступен, пусть лучше потом сами все расскажут и покажут. А я своим эликсиром займусь, пока все в отпуске и нет необходимости каждые пять минут докладывать Ригодону или Мартонию.

Мы все расположились в лаборатории. Муляж разложили на ларе, а я заняла место у тяги и углубилась в работу. До меня доносились отдельные слова и возгласы, несколько раз Юстин бегал то к себе, то в гостиную, приносил тетради и что-то показывал отцу. Наши листы с жалкими попытками негодными средствами разгадать, что же случилось с архимагом, тоже пошли в дело. По довольному кошачьему урчанию Кориолана я поняла, что не такие уж мы дураки. От работы меня отвлек голос Ригодона. Архимаг маялся под дверью и требовал впустить.

Сообразила я моментально. Велела Кориолану сидеть тихо (его тут нет), схватила за руку Юстина и потащила за собой в гостиную, куда открывалась наружная дверь. В другой руке у меня была одна из зеленых тетрадей, с помощью которых я водила начальство за нос.

Шепнув «Юс, ничему не удивляйся, все подтверждай», я открыла дверь. На пороге стоял Ригодон с благостной миной. Прямо отец родной зашел проведать непутевую дочку.

— Мелисента, добрый день. Знаешь, у нас из-за ремонта столовая не работает, вот я и зашел к тебе. У тебя всегда есть что-то вкусненькое.

Ну надо, какой наглец! Корми его теперь! Кориолан хоть питание оплатить обещает.

— Мессир Ригодон... Хорошо, что напомнили, а то я совсем про обед забыла. Мы вот с Юстином работаем, занимаемся. Без рабочего места ему все равно делать нечего. Так что он мне помогает разбирать записи Гиаллена. Ой, Вы же обедать пришли... А у меня ничего нет. Не готовила, Вы уж извините. Да и продукты кончаются... Как Вы думаете, их сейчас можно будет заказать, или лучше самой на рынок смотаться?

Ригодон волком глядел на Юстина, сердито — на меня, но сделать ничего не мог. Я действительно не готовила, и это легко подтверждалось: вкусных запахов по комнатам не витало. Пришлось давать задний ход:

— Хорошо, девочка, сегодня схожу в ресторан. Но ты же понимаешь: мне некогда. Завтра, прошу, обеспечь обедом всех, кто здесь остался: меня, Эдилиена. Семпрония и м. ммм... Юстина. Я тебе денег выделю, закажешь продукты через Матильду, как обычно.

Я прикинулась, что не понимаю ничего:

— А почему Матильда нам обед не приготовит? Она же ест сама и кормит господина Форгарда. Это ее работа.

— Общую кухню разорили, а своя у Матильды маленькая. А ты прекрасно готовишь и кухня у тебя просторная, вот я тебя и прошу.

Архимаг полез в карман и достал кошелек:

— Вот, десять золотых. Пять на продукты и пять возьми себе за труды. Закончатся — скажешь. Но чтобы завтра и во все последующие дни декады был обед.

Тут он обратился к жавшемуся у меня за спиной юному принцу:

— А Вы, Юстин, раз уж через две недели все равно нас покидаете... Нового задания я Вам не даю. Помогите коллеге. Вам тоже нужно питаться.

Повернулся и ушел. Я закрыла дверь, сунула деньги в карман и рассмеялась:

— Вот мы и с прибылью. Он прав: пора обедать.

— Ты же сказала, что у тебя ничего нет?

— Кому я сказала? Ригодону? Для него действительно ничего. А нас в стазисе суп дожидается, жаркое, я сейчас еще салат нарежу и пирожки в печь поставлю. А завтра, так и быть, закажу продуктов побольше. Придется Ригодона кормить, иначе он не отвяжется.

Из лаборатории вышел Кориолан и сказал:

— Вношу предложение. Завтра ты готовишь на всех, вызываешь Матильду и вручаешь ей судки с едой для этих ваших, как их там... Пусть разнесет по комнатам, а сюда никого не пускай. Я люблю есть в комфорте.

С одной стороны он прав, а с другой... так бы и стукнула.

За столом я вдруг вспомнила слова Ригодона о том, что Юстин через две недели покинет наш отдел. Он ничего подобного мне не говорил, так что я решила спросить:

— Юстин, тут Ригодон сказал...

— Что я через две недели уезжаю? Так и есть. Еще через две вернусь, но в другой отдел. Я тебе, кажется, как-то говорил о том, на каких условиях я тут обучаюсь.

— А не проще ли было выбрать одну специальность и в ней совершенствоваться? Получить по ней степень магистра, а по остальным специальностям взял дополнительный курс? Тебе же вроде нравится тут учиться?

Я что-то не то спросила? Как-то странно смотрят на меня оба мужчины. Я даже думала, что ответит мне папочка, но слово взял сын:

— Мели, взгляни на моего отца. Как ты думаешь, каков его уровень как мага?

Я задумалась. То представление, которое он устроил в моей лаборатории, тянуло на архимага Высшей магии. Так я и сказала. Тут уже рот открыл великий и ужасный лорд-дознаватель.

— Bravo, прелестная мистрис! В самую точку. Но, как видите, не я архимаг и даже не магистр, хотя, не скрою, в молодости было у меня такое желание: плюнуть на все и пойти по этой заманчивой стезе. Но я четвертый наследный принц государства Кортал, а мы по закону не можем себе это позволить, не лишившись прав на трон. А знаете еще что? Все мои потомки тоже потеряли бы это право.

— Но... Это Вы, а мы сейчас говорим о Вашем сыне. Насколько я знаю, Юстин ненаследный принц. Права на трон у него нет.

Кориолан ядовито усмехнулся.

— Пока, милая девушка, пока нет. Но если он заключит брак, который устроит корону, то займет место в нашей очереди. Восьмое. Не призовое, но достаточно близкое к началу.

Понятно, почему Кориолан вдруг так всполошился. Как же, сыночек решил совершить ужасный мезальянс. Кто он и кто я! Принц и аптекарша! Прямо сказку можно сочинять! А то, что мне не нужны ни он, ни его титул, никому и в голову не пришло. Кориолан нашел-таки способ указать мне мое место. А главное, я сама виновата! Черт меня дернул заговорить об отъезде Юса и магистратуре. Вот лорд и воспользовался случаем. А что? О моих личных делах речи не было, только об их семейных.

Пришлось сдать назад и сделать вид, что я поняла только про учебу. Я же изначально

именно ее имела в виду.

— Ну, если дело обстоит так, то тут никуда не денешься. Против закона не попрешь. Но учиться-то никто при этом не мешает? Нельзя только звания получать?

— Все верно. Мы, принцы Кортала, не можем принимать никаких званий или знаков отличия от государственных органов других государств, кроме отдельных, оговоренных законом случаев.

Это была фраза, сказанная прожженным законником. А еще милашкой прикидывается. Я посмотрела на Юстина: во время всего выступления своего отца он сидел с видом который склонны принимать малыши, когда обкакаются и хотят скрыть это от нянюшки, не соображая, что запах их выдает. Правильно: я вела себя образцово, что бы там ни казалось сторонним наблюдателям, а вот он проявлял безответственность, ухаживая за мной как за невестой. Только вот мне действительно было все равно, а паренька зацепило, и, похоже, именно моим безразличием.

Значит, я во всем виновата. Если бы он мне действительно нравился как мужчина, я бы вела себя с ним гораздо глупее, и уж никак не позволила бы себе непринужденный тон и манеру общения. Хотя... Нет, не знаю, не могу точно сказать, как бы я держала себя с тем, к кому была бы неравнодушна. Миккель — не показатель, тогда я вела себя как полная дура. Но лет мне было... Никакого жизненного опыта.

К счастью, Кориолан сказал все, что хотел сказать, и больше к этой теме не возвращался. Сразу после обеда он затеял опрос: кто что знает, кто что слышал, у кого есть какие сведения. Я пересказала слова Матильды и Форгарда. и по ассоциации вспомнила: Мико! Только вчера Мико мне рассказал о том, что видел, а я не нашла времени передать это все Юстину. Хорошо, что я сделала записи.

Достала свой блокнот и передала мужчинам то, что услышала от рабочего. Там и адрес нашелся: Правый берег, Полуденная улица пять. Кориолан сразу же отреагировал: вытащил из кармана небольшую плоскую коробочку. Раскрыл, достал оттуда палочку, похожую на стило, нацарапал что-то на внутренней поверхности и закрыл крышку. Затем снизошел до объяснений:

— Последняя разработка пространственников. Пишешь на специальной подложке, а тот, у кого парное устройство, читает. В его устройстве тут же возникает все, что я напишу. Так что к твоему Мико уже спешит мой агент. Ничего плохого он ему не сделает, только присмотрит, чтобы парень никуда не пропал. Кстати, надо будет тебе дать такую же штучку. Я не смогу безвылазно тут сидеть, а из другого места может возникнуть потребность в связи.

Он достал из кармана точно такую же по размеру. Но несколько другую на вид коробочку и передал ее мне. Я поблагодарила и задала вопрос, который вертелся на языке:

— А на каком расстоянии оно действует?

— На любом. Расстояние значения не имеет. Если завтра я уеду в Кортал, то записку от меня ты получишь, как только я ее напишу. Коробочка при получении сообщения слегка нагревается, чтобы ты не прозевала.

Интересно, сколько у него таких устройств? Лучше бы иметь одно, которое могло бы связываться со всеми... Что-то я размечталась. Вернувшись с облаков на грешную землю, я продолжила свой рассказ, передав все, что смогла вспомнить на тот момент. Юстин и Кориолан строчили за мной как безумные. Непонятно только, зачем это Юсу, он все слышал не по одному разу. Разве только для сравнения?

Когда я выдохлась, слово взял Кориолан:

— У нас две проблемы. Первая — это возвращение к жизни архимага Гиаллена. Вторая — поиск тех, кто его этой жизни лишил. Первый вопрос я практически решил, хотя правильнее будет сказать: решил теоретически. Практически мы его решим общими усилиями. Второй вопрос остается открытым. Я думал, ваши данные наведут на мысль, но пока ничего не складывается. Версий слишком много. Боюсь, без активной помощи пострадавшего мы ничего не сделаем.

В воздухе зазвучал язвительный смех духа, затем слова:

— Какую помощь хочет от меня получить четвертый наследный принц лорд-дознаватель Кортала?

Кориолан ничуть не смутился.

— Разнообразную. В основном мне потребуется информация. Но мы подождем, помощь получим от тебя живого. Ты же не откажешь в ней своим спасителям?

— Дурак буду, если откажу, а я глупостью никогда не отличался. Рассказывай лучше, что придумал? У меня есть одна идея, подброшу, если зайдете в тупик.

Этот выпад Кориолан проигнорировал и продолжал в своей обычной уверенной властной манере:

— Так как воскресить Гиаллена нам под силу, с этого и начнем. Но! Придется сохранять полную секретность даже тогда, он в тело вернется. Иначе мы можем спровоцировать повторное покушение, уже с целью убить. Мы с Юстином согласно закивали.

— Поняли? Ну и отлично. Даже возрожденный Гиаллен не покинет этой квартиры до тех пор, пока мы не поймаем мага, на него покусившегося. Ой, еще один постоялец на мою голову. Видно, у меня сделался такой несчастный вид, что лорд добавил:

— Не бойся, Мелисента. К тому времени я от тебя съеду. Да, хотел тебя спросить: почему при нашей первой встрече ты сказала, что это заговор против Кортала?

— Ну. мне так это представлялось. А что, неверно?

— Не знаю, как по сути, но формально так и есть. Хорошо соображаешь, девочка. Все вы тут маги без гражданства, но каждый из вас — сын или дочь своей страны. Гиаллен работал на Кортал, об этом все знали. Кроме своих коронных эликсиров делал для нас много всего. Сейчас к власти в вашем отделе пришли Ригодон и Мартония. Насколько я знаю, они старались получить гиалленовские прописи и повторить их. Оба твои соотечественники, Мелисента. Если бы его разработки уплыли в Элидиану, для Кортала это стало бы серьезным ударом, но ты отказалась им помогать. Мне не очень понятна твоя позиция.

Я пожалала плечами. Мне ему объяснять, что наука и магия границ не знают и странам не принадлежат? Что воровать чужие результаты — свинство, которому имени нет? Что сказать тому, кто рассматривает мир с совершенно другой точки зрения? Помог, как ни странно, Юстин.

— А мне абсолютно понятны мотивы Мелисенты. Она человек совестливый и порядочный, воровство и убийство для нее неприемлемы в принципе, она никогда не встанет на сторону воров и убийц!

Спасибо тебе, дружочек! Самой себя хвалить стыдно, а так можно мимо ушей пропустить. Я промолчала, только покраснела как свекла. Хоть и не видела себя в зеркало, но чувствовала: уши горели адски. Чтобы отвлечь от себя внимание, постаралась перевести разговор:

— Мессир Кориолан, Вы сказали, что знаете, как вернуть Гиаллена к жизни.

Глава 15. Мелисента готовится спасти архимага

Сработало! Он тут же переключился.

— В общем, это довольно сложно. Придется повторить все в обратном порядке, распутывая рисунок заклятий. План я наметил, должно получиться. Нам потребуется пара капель твоей крови, Мелисента, и полноценная жертва. Преступник взял для этого голубя, мы тоже можем так поступить.

— Голубя можно на базаре купить, а парой капель крови я поделюсь.

— Только...

Интонация лорда говорила сама за себя. Он уткнулся в проблему, решить которую ему не под силу, но надеется придумать, как это сделать. У нас говорят «Ум хорошо, а два лучше», особенно если это действительно два ума, пара пустых горшков. Так что пусть лучше озвучит, в чем затык.

— Мессир Кориолан, а что только?

— Ты знаешь, Мелисента, что, когда заклинание распутываешь, оно норовит опять свернуться как было...

— Да, и чтобы этого не происходило, существует эликсир Тэй.

Вот откуда это у меня выскочило? Знать-то я знала, но ни минуты про это зелье не думала. А тут прямо как на экзамене, нужное знание выскакивает само.

— Я о нем подумал, но как его применить? Погрузить в него тело? Это сколько его понадобится? А куда налить? В ванну?

Я сделала то, за что меня всегда ругала матушка: почесала затылок. Говорят, это неприлично, но думать помогает. Да, тут так просто не разберешься... Эликсир Тэй это зелье Тэй, усиленное парочкой заклятий. Довольно редкая штука, но ничего особо сложного. В основном его применяют артефакторы, когда на один амулет надо наложить несколько заклинаний так, чтобы они друг с другом не переплелись. Погружают в эликсир и работают спокойно. Для обратного действия он тоже годится. Если, например, на артефакте пятнадцать заклятий, а нужно снять второе, седьмое и четырнадцатое, не потревожив остальные. В эликсире Тэй подобное возможно, но как туда погрузить нашего архимага? Ванна нужна. А если вместо ванны использовать ларь? Он изнутри керамический, не протечет. Испортится? Ну и фиг с ним, заранее договорюсь с Кориоланом, он мне новый купит. Чтобы наполнить ларь длиной столько-то, шириной столько-то и высотой... Доверху наливаться не стоит... А, померить надо.

Я поднялась, чтобы взять мерную ленту в своем сундучке. Мужчины смотрели на меня как на нечто сверхъестественное. Юстин первый пришел в себя:

— Мели, что ты собираешься делать?

— Надо померить ларь, чтобы понять, сколько эликсира Тэй готовить. Вынимать-то тело нежелательно.

Кориолан тоже отмерз и ласково так спросил:

— Ты понимаешь, что после всего... твой ларь потеряет стазис, причем безвозвратно?

— Понимаю, но надеюсь, Вы мне его возместите.

— А если нет?

— Тогда с Гиаллена стрясу. Его же спасали. Он, хоть и гад, но мужик нежадный.

— Ларь большой. Ты сможешь приготовить столько эликсира?

— А у меня есть выбор? Если бы просто зелье требовалось, то вообще никаких трудностей: залить воду и добавлять ингредиенты по прописи, а в конце один общий стабилизатор... Тэй — простое зелье, на солях, а не на травах. А эликсир придется готовить порционно, сразу больше чем четверть ведра заговорить не получится. В одиночку я несколько дней провожусь, но если будете помогать, быстрее управимся. Только составляющие надо будет в городе закупить, у меня в таких количествах ничего нету.

По моему, я не сказала ничего особенного. Простое изложение профессионального умения и план моих действий. Почему они на меня смотрят как на чудо-птицу или возродившегося дракона? Первым отмер Кориолан.

— Я поражен. Не знаю, сколько человек найдется, кто хотя бы слышал об этом эликсире, если они, конечно, не высококлассные артефакторы, а ты готова его наделать целую ванну. Мелисента, мы тебе, конечно, поможем. Пиши список, что нужно закупить, и научи моего сына заговаривать эликсир Тэй.

Я взяла бумажку и стала считать. Не надо мелочиться, лучше заказать с запасом. Соли — соединения стойкие, не пропадут. Юстин пристроился рядом, чтобы заглядывать через плечо и задавать вопросы. Он, оказывается, об эликсире Тэй и не слыхивал. Странно. Университетской аптеке отделение артефакторики заказывало этот эликсир регулярно, так что я наострилась его делать в любых количествах, могу научить кого угодно. А Юс толковый, ему пропись дашь, он что угодно повторит. Я составляла список, попутно излагая, что надо будет делать и в какой последовательности. Утром парню придется за всем этим сгонять в город и закупить по частям в мелких лавочках. У наших зельеваров можно приобрести оптом все сразу, но лучше этого не делать, а то догадаются.

За всем этим я чуть не прохлопала время ужина. Спасибо, Кориолан напомнил. Пришлось идти готовить. Переслоила тонкие лепешки разными начинками: ветчиной, сыром, овощами, грибами, залила яйцом и запекла. Быстро и вкусно. Блюдо простецкое, во дворцах не подают, но я же не подряжалась королевским поваром работать? Главное, что принцы у меня не голодные.

После ужина Кориолан показывал нам схемы заклятий и то, как он собирается их расплетать. Поняла одно: привязку ко мне снимут первой, она самая свежая. Тут-то и понадобится кровь. А еще Кориолан сказал интересную вещь:

— Заклятия накладывали двое. Мужчина и женщина.

Знаю, что некоторые по заклинанию находят автора, но чтобы просто половую принадлежность определить? Может, он нам имена скажет или хотя бы приметы какие-нибудь? Юстин тоже заинтересовался и спросил:

— Отец, а как ты это определил?

— Точно не скажу, но я так чувствую. Это приходит с опытом. Поработаешь с мое, сам на автомате такое видеть будешь.

Я тут же встряла:

— А я слыхала, что по заклинанию, как по почерку, можно автора определить. Нас этому, правда, не учили, но на лекции вскользь говорили.

— Ты права. Сразу после наложения заклинание несет на себе информацию об авторе, и довольно подробную: след ауры. Но он довольно быстро развеивается. Сутки, двое, и все. Есть еще признаки, но из по одному заклинанию не определишь. Все равно как по одной букве идентифицировать почерк.

Я задумалась, и, кажется, в задумчивости сказала больше, чем хотела.

— Ага, поняла. А в анонимке не одна буква была...

— И ты узнала, кто ее писал?

— Ну, Вы же мне письмо показали. Что я, почерков наших сотрудников никогда не видела? Магистр Арсент на меня накапал. Не пойму только, зачем? Где я ему дорогу перешла?

Кориолан вдруг расхохотался:

— Ты его не оценила. Не пала к ногам. Арсент весь такой красивый, обаятельный, он должен нравиться всем женщинам, а тут ходит такая, и ни в одном глазу. Вот он и решил, что ты мерзкая расчетливая тварь, и, как верный сын Кортала, постарался эту мысль до меня донести.

— Вот козел! — не сдержалась я.

Вечером Юстин ушел спать к себе. А я приготовилась к новой серии осадных маневров со стороны его папаша. Ни фига. Кориолан вежливо попрощался и ушел в кабинет, даже не пытаясь ко мне пристать.

Хвала Богам! Я приняла душ и улеглась, размышляя, к чему бы это. Не иначе к дождю. Только я погасила свет, как над ухом стал зудеть дух.

— Мели, Мели, как ты? Все в порядке? Все хорошо? Я сказал этому царственному мерзавцу, чтобы он тебя не трогал. Пообещал, что если он тебя обидит, будет иметь дело со мной.

Вот что он зудит, как комар? Знает же, что я не жажду его общества.

— Избавь меня от своего присутствия.

— Мели, я не могу! Куда я без тебя?

— Куда хочешь.

Боги, еще три, максимум четыре дня, эликсир Тай будет готов в нужном количестве и мы проведем ритуал! А там... Он налево, я направо.

Но пока избавиться от него не удастся.

— Мели, я не дам этому хлыщу тебя в обиду. Пусть не надеется уложить тебя в постель. Юстина я еще как-то терпел, он парень приличный, но его папаша — форменный мерзавец, даром что красавчик.

Можно подумать, я этого не заметила. Сам-то не лучше. Но говорить Гиаллену я этого не стала. Сообщила коротко:

— Раз уж я не могу тебя выгнать, то хотя бы не шуми. Я устала, хочу спать.

Он замолчал, но прошло минут двадцать, и я снова слышала:

— Мели, Мели, ты его здорово на место поставила. Идея выдвинуть три условия была гениальная. Он теперь бесится, но сделать ничего не может: слово дал. Если бы ты просто девушкой была, он бы свое слово сорок раз нарушил, не поморщившись. А ты маг...

Ох, он меня и разозлил.

— Слушай, заткнись! А то я сейчас пойду к Кориолану и попрошу меня от тебя оградить. Как думаешь, что он сделает?

Дух, видно, представил себе, что получится, и аж завизжал от гнева:

— Мели, не смей!

— А ты молчи и спать не мешай.

Повернулась на бочок, натянула одеяло на голову... Сплю.

За завтраком Кориолан вдруг полез в карман и достал давешнюю коробочку для связи. Открыл, посмотрел и задумался. Потом обратился ко мне:

— Мелисента, мой агент не нашел этого твоего Мико. Адрес правильный, он там живет, по крайней мере жил два дня назад. А тут исчез. Почти сразу после разговора с тобой, вернее, после того, как я всех тут опрашивал. О деле Гиаллена разговор не шел, можешь мне поверить. Что ты об этом думаешь?

Что я думаю? Фигово это. С парнем что-то случилось. Преступники, околдовавшие архимага простого парня могли и убить, их совесть не зазрит. А вот почему его убрали?

— У меня две версии. Первая самая очевидная: преступники поняли, что появился новый свидетель и поспешили его убрать. Простого парня здесь, в Валариэтане, никто искать не будет. Он не гражданин.

— А вторая версия?

— Вторая мне нравится меньше...

— Почему?

— Потому что по второй версии меня использовали как дуру, подсовывая Вам ложную информацию.

— Почему через тебя?

Я снова при всех почесала репу и созналась в своем несовершенстве.

— Логика такая: Вы связаны с Юстином. Юстин со мной, а я — слабое звено. Маг посредственный, менталист вообще никакой. Если парень был под подчинением или внушением, Вы бы это увидели, Юстин тоже, а я...

Лорд-дознаватель вздохнул.

— Ну что же. Мой сын прав, ты до смешного честная и порядочная. Даже себе не врешь. Мои люди этого вашего Мико ищут и найдут, не беспокойся, живого или мертвого. А когда найдут, допросят. Почему-то мне кажется, что он правду говорил. По крайней мере это сходится с тем, что я знаю точно: работали двое. Так, Юстин, доел? Ну-ка марш за покупками! На тебе еда и вещества для эликсира.

Юс вдруг решил поартачиться.

— А вы тут без меня как общаться собираетесь?

Ему сурово ответила я.

— Никак. Мы не будем общаться, мы будем работать. Готовить эликсир из того, что есть. Ведро к твоему приходу как-нибудь сделаем.

Юстин надулся, но понял, что ничего этим не добьется, и попросил его проводить хоть до крыльца. Я проверила наличие списков, едового и ингредиентов, и согласилась. Невозможно сидеть все время взаперти. Заодно с Матильдой перекинувшись парой слов, договорюсь, чтобы она обеда по комнатам разнесла.

На крыльце я отпустила Юса, чмокнув на прощание в щечку: надо поддерживать у народа представление, что мы любовники. Сразу не ушла, огляделась вокруг. Все как всегда: погода, природа, солнышко светит, птички поют... Вдруг мимо меня прошел рабочий. В обеих руках он тащил по огромной пустой бутылки. Меня как молнией шарахнуло! Мы с Кориоланом сейчас эликсира море наготовим, а куда его девать будем? Сразу в ларь? Не пойдет. Мне нужны эти бутылки, и не две, а как можно больше! Я остановила мужика:

— Послушай, любезный, куда ты это тащишь?

— А на помойку! — радостно скалясь, объявил он, — мистрис Матильда сказала, что они никому не нужны, можно выбрасывать.

Никому не нужны бутылки объемом по четыре ведра? Они нужны мне!

— Милейший, Матильда ошиблась. Это лабораторное оборудование, его нельзя выбрасывать. Идемте за мной.

Рабочему было все равно, что и куда тащить. Он кротко развернулся и почапал за мной. У дверей своей квартиры я задержалась на минутку и обратилась к мужику с какой-то репликой, чтобы находящийся внутри Кориолан услышал и спрятался.

Когда я открыла дверь, в гостиной было пусто. Велела тудяге поставить бутылки в угол и тут догадалась спросить:

— А еще есть?

— Есть, как не быть. Их там восемь штук было.

Восемь? Здорово. Восьми должно хватить.

— Отлично, любезнейший. Неси их все сюда. После ремонта я их верну в лабораторию, а сейчас готова взять на хранение. Так что тащи, буду ждать.

— А...э... Мистрис, а на чаек бы?

Блин, вымогатели! Ладно, пусть Кориолан оплачивает.

— Вот все принесешь, будет тебе чаек.

— Сейчас, мистрис, я мигом!

Работяга убежал, а я зашла в лабораторию. Кориолан сидел там и отмерял нужные вещества на моих любимых весах. При виде меня улыбнулся неожиданно тепло и заявил:

— Мелисента, мы идиоты. Не подумали, где будем держать всю эту прорву эликсира. Я нашел только три полуведерные бутылки.

— Это Вы не подумали, мессир, а я позаботилась. Можете заглянуть в гостиную. Только подождите, сейчас придут принесут еще.

— Что принесут? Ты хочешь, чтобы я от любопытства сторел?

— Десять минут, и Вы все узнаете.

Я оставила его и пошла в гостиную, так как слышала шум у двери. Работяга вернулся.

— Вот, мистрис, еще две. Вы дверь-то не закрывайте, а то неудобно, они стеклянные, еще разобьются.

Хотела я ему сказать, что это стекло хоть молотком бей, но не стала. Пообещала оставить дверь открытой. Стоило ему уйти, как я сунулась к нашему принцу.

— У Вас нескольких гостей не найдется?

— Девочка, я не таскаю в карманах такую мелочь. Вот пара гортов. Хватит?

— Вполне, спасибо.

Я зажала монеты в кулаке и ринулась обратно. Как раз успела. Рабочий занес еще две бутылки и убежал за последней партией. Быстро они тут работают. У нас в Арнере он бы полдня ползал.

За последние две бутылки мужик получил свои два горта и расплылся в улыбке.

— Спасибо, мистрис, счастья вам, денег, мужа хорошего! Всегда рад услужить такой хорошенькой мистрис. Меня Нор зовут. Ежели надо чего, Вы только скажите.

— Спасибо за помощь, Нор. До свидания.

Я заперла дверь и плюхнулась на стул. Кориолан вошел и присвистнул:

— Неплохо! Довольно редкий товар. Где ты ими разжилась, Мелисента?

— На лабораторном складе. Матильда их выбросить велела.

— Больная! — вынес он свой вердикт, — такие роскошные бутылки Восемь штук. Стекло магической закалки. Восемь штук по четыре ведра, тридцать шесть ведер... Этак мы ларь до краев нальем.

— Не до краев, а только до половины. В нем шестьдесят четыре ведра, я считала.

— А для тела нам двадцати четырех ведер хватит, это уже я считал. Пошли работать, время не ждет.

Мы перетасили пару бутылей в лабораторию, я их вымыла и поставила в углу. До возвращения Юстина никто больше слова не произнес, если не считать заклинаний, которые Кориолан пел, а не произносил речитативом, как нас учили. Интересно, они так сильнее или просто петь легче, чем говорить? И откуда он берет мелодии?

Вскоре от Юстина начали приходиться посылные с продуктами. Среди них удачно затерялись те, кто принес реактивы. Когда я, стоя у дверей своей квартиры, принимала очередного, из лавки зеленщика, мимо прошествовал Ригодон. Увидел меня и подошел поговорить.

— О, Мелисента, надеюсь, у нас будет вкусный обед. Вижу, ты стараешься. А где твой приятель?

— Юстин? По лавкам бегает. Я дала ему список.

Посыльный как раз выложил все, что принес, на стол. Я сунула ему пару гасов из собственных загашников и мальчишка. Довольный, убежал. Ригодон же стал наступать на меня всем корпусом и довольно ловко затолкал в собственную гостиную. Увидел бутылки и остановился.

— Это что такое?

Я стала изображать энтузиазм хозяйственной особы.

— Представьте, Матильда велела это выбросить, я чудом успела спасти. Роскошные небьющиеся бутылки из магически закаленного стекла. Ригодон скептически поджал губы.

— Зачем они нам? Мы ничего не делаем в таких объемах.

Это возражение я отмела с жаром.

— Продадим! Они по пять золотых стоят! Не коллеги-зельевары, так виноторговцы их у нас с руками оторвут.

— Ты практичная девушка, Мелисента, не ожидал. Но я хотел тебя спросить: ты знаешь, что Юстин уедет через две декады?

— Да, он мне сказал. Но потом он вернется, правда, уже не в наш отдел.

Архимаг посмотрел на меня свысока.

— У меня другая информация. Его отец мне сообщил, что принц Юстиниан больше не будет стажироваться в нашем центре. Ты огорчена?

Юстиниан? Ого! Но меня это не должно касаться. Я ответила максимально честно.

— Не знаю. В конце концов на мои планы это никак не влияет. Я должна стать магистром и я им стану.

— Ну-ну, советую тебе почитать законодательство Кортала...

Ригодон отечески потрепал меня по волосам и вышел. А что, собственно, он имел в виду? Что не так с этим законодательством?

Стоило Ригодону уйти, как вернулся Юстин. Я с гордостью продемонстрировала ему бутылки.

— Молодец, Мели! А я и не задумался, куда эликсир сливать будем. Но зато все купил, что ты велела. Почти весь правый берег обежал.

Хотела я его спросить, правда ли то, что сказал Ригодон, но решила не затевать дискуссий. Уедет, не уедет, не мое это дело. Так что мы собрали все необходимое и друженько проследовали в лабораторию, где нас ждал недовольный Кориолан.

— Ну сколько можно ходить? Юстин, вот пропись, начинай работу. А ты, Мелисента, займись обедом и отправь его этим обжорам поскорее. Не хватало, чтобы Ригодон сюда каждую минуту бегал. Я обещал не комментировать твою личную жизнь, но этот козел просто выводит меня из себя.

— Если Вы думаете, что я питаю к нему более теплые чувства, то, уверяю, Вы заблуждаетесь. Буду счастлива, когда Гиаллен займет свое место, а этот придурок вылетит отсюда как пробка из бутылки.

Кориолан посмотрел на меня оценивающе:

— Девочка, ты уверена, что, как только Гиаллен воскреснет и заявит свои права, ему вернут отдел? Ну да, в результате так и будет, я нажму, где следует, Эбенезер меня поддержит... Но процесс будет долгий и непростой. Такие, как Ригодон, так просто не сдаются.

Так, Мелисента. Быстро соображай, что ты там наобещала духу? Вернуть все как было? Ты попала, девочка. А думала вот оно! Сейчас Гиаллена оживим, злодеев найдем и райу тебя в кармане? Не тут-то было. Значит, от последней стадии, возвращения Гиаллену всего, что у него было отнято, надо отказываться. Как раз Кориолан тебе клятвенно обещал с этим помочь: разрулить ваши с Алом договоренности. Как только закончится расследование и Гиаллен выберется из своего заточения, надо будет переводиться обратно в родной университет.

Видно, я очень уж старательно молчала, раз лорд-дознаватель обратил внимание:

— О чем задумалась, Мелисента? У тебя по лицу видно, что что-то замышляешь.

Пойти, что-ли, ва-банк?

— Мессир Кориолан, а Вы мне можете помочь перевестись в аспирантуру Элидианского университета?

— Нет, дорогая. Только в Кортальскую Академию. А почему ты спрашиваешь?

Объяснить ему ситуацию? Нет, погожу все карты раскрывать.

— Да так, задумалась. Если в Кортальскую, тогда не надо.

— Что, по родине соскучилась?

— Можно и так сказать. Так, нечего болтать, давайте работать!

Мужчины принялись с новой силой за производство эликсира Тэй, а я стала обед готовить, попутно приглядывая за Юстином. Он не зельевар все-таки, больше полагается на магию, чем на собственные руки, а тут нужна филигранная точность, и не важно, делаешь ты глоток зелья или ведро.

Но парень старался от души, его можно было только похвалить.

Когда обед был готов, я сделала так, как советовал Кориолан: разлила по зачарованным судкам, где все сохраняется горячим (на общей кухне позаимствовала), нашла Матильду и мы вместе с ней разнесли обед всем, кто оставался здесь из наших. Наготовила я на полк солдат, так что досталось и самой Матильде с Форгардом. Осчастливила тетеньку: после вчерашних бутылей ее Ригодон запряг делать инвентаризацию, так что бедняжка даже простого супчика сварить не успела.

После обеда я присоединилась к Юсу с папашей, после чего скорость производства увеличилась почти вдвое. Я отвешивала, отмеряла и смешивала. А мужчины колдовали. Юстин, кстати, поет точно так же, как Кориолан.

К вечеру мы заполнили две бутылки и расползлись по местам еле волоча ноги. Зато приобрели навык: завтра дело пойдет быстрее, да и отвлекаться будем меньше.

Глава 16, в которой Мелисента подслушивает не по своей воле

Стоило мне забраться под одеяло, как дух снова возник с разговорами:

— Мели, еще три дня, и вы сможете провести ритуал.

— Сможем, сможем, отстань.

— Я хотел поговорить. Условиться, как теперь все будет. Нет! Я хотел сказать, что меня не устраивает то, как мы договорились.

— Могу тебя поздравить, меня тоже. Только новый договор мы будем заключать, когда ты оживешь.

— Мелисента, ты на меня сердишься?

Сержусь? Сердиться я могу на кого-то другого. На Юстина, например, или на Ригодона. А здесь... Я даже не могу сформулировать... Знание о том, что Гиаллен подонок, меня очень сильно ранило, оказывается. Все-таки я к нему за это время привязалась. Не к нему — мужчине, а к его неугомонному духу. Я и раньше знала, что он гад, но объясняла его поведение какими-то непонятными мне мужскими мотивами, вроде спортивного интереса. Все не так противно. А теперь я знаю точно: он так поступал просто из корысти. Если бы он убивал девственниц, это было бы злодейство, а так — грязь. Со злодеями можно бороться, а в грязь просто не хочется вляпываться.

— Нет, Ал, я на тебя не сержусь, просто не хочу больше иметь с тобой дела.

— Мели, ты считаешь, что я...

— Не надо лишних слов. Да, я так считаю. И закончим на этом.

Забралась под одеяло поглубже и на голову его натянула. По-моему, дух все понял и унялся.

Следующий день напоминал предыдущий тем, что мы трудились аки пчелки без продыху. Для обеда я использовала вчерашние заготовки, так что к ужину полными стояли уже пять бутылей. Я бы и еще зелья наделала, но мои маги замаялись чары наводить. Сил уже ни у кого не осталось.

Так что поели и сели у круглого стола языками почесать и пораскинуть мозгами. На роль злодеев примерили всех. Ригодона, кстати, отмели сразу: он тогда к эликсирщикам даже вхож не был, а вот Мартония казалась одной из самых подозрительных. Хоть тут и не работала, но дружила с Теодолиндой и нередко приходила к ней в гости. В тот самый день была у Гиаллена на приеме, могла договориться о встрече. Эдилиена никто не подозревал, я — потому что магистр всегда казался мне приличным человеком, Кориолан — потому что он корталец, а Юстин — потому что это его учитель. Герийон мог принять участие в деле просто по приколу, а потом испугаться и затихнуть, Белон тоже мог, нравственности у него как у воробья, зато он лентяй и трус. Арсент анонимщик, у таких для настоящего преступления кишка тонка. Теодолинда? Она тоже могла и мотив у нее был: Гиаллен все время пытался от нее избавиться.

В общем, женщины в этой компании самые подозрительные.

Мы практически не рассматривали аспирантов, потому что им исчезновение начальника отдела явно было не на руку, они от него ничего не выигрывали, а в перспективе даже проиграли.

Из Гиаллена научные идеи сыпались как горох из худого мешка, а для тех, кто сам

ничего придумать не может, это сродни дарам богов. Бери и пользуйся. А у Ригодона своих идей нет, он чужие тырить горазд.

Ног кто сказал, что злодей был один? Если Мико не солгал, их было как минимум двое, а могло быть и больше, если, например, идейный вдохновитель сам в деле не участвовал, а послал к Алу своих клеветов.

Тут мне вспомнилась Сосипатра и ее ссора с Мартонией. Могла ли она иметь какое-то отношение к делу?

Ее имя, прозвучав, вызвало у Кориолана оживление:

— Сосипатра? Такая роскошная брюнетка с умопомрачительным бюстом? Помню ее, как же. Если бы она не скрылась здесь, в Валариэтане, я бы ее засадил за решетку.

— За некромантию?

— За мошенничество с применением магии! Приехала в нашу столицу из своей заштатной Мангры вся такая красивая и начала обирать законопослушных граждан, опаивая и внушая отдать ей все свои сбережения.

Ни фига себе! А здесь ее все считают магистром некромантии.

— Она тогда уже была магистром?

— Магистром? Я сомневаюсь, что она сейчас магистр. Вечная аспирантка отдела некромантии. Дала тогдашнему главе Совета, он ее и пристроил. Дар у нее нашел, хоть и неразвитый. Я пытался ее выщарапать, но мне отказали. Некроманты, в отличие от других специальностей, сразу по поступлении становятся гражданами Валариэтана, чтобы обезопасить их от преследований. Только я эту сучку не за некромантию преследовал, как вы понимаете.

Как интересно... Вот так случайно и узнаешь много нового. Но если это все было много лет назад, Сосипатра могла за это время стать настоящим магистром черной магии.

— Это было давно?

— Еще до рождения вот этого молодого человека.

Ого! Сколько же ей лет? И кстати, сколько лет самому Кориолану? А Гиаллену? Но спрашивать об этом не стоит, а то красавца опять поведет на личные темы, а я буду виновата. Давайте лучше о Сосипатре.

— Ну, сейчас-то она свой дар развила, имела время. Может, она теперь настоящий магистр некромантии. Не зря же с ней Теодолинда с Мартонией дружили.

Кориолан так и подскочил:

— Дружили?!

А что, в его донесениях этого нет? Я же Юстину рассказывала и записи свои давала...

— Да, дружили, были не разлей вода до конца прошлого года. Поссорились незадолго до исчезновения Гиаллена. Так мне Магали сказала, тетка из отдела зельеварения.

— Знаю я Магали, сплетница, но не врушка.

Да он со всеми тут знаком, я тогда ему зачем? Сам бы всех опрашивал.

Кориолан задумался, помрачнел и вдруг поднялся:

— Мне надо кое-что проверить. Мелисента, выпусти меня через окно, а когда я пришлю тебе послание, снова впустишь.

Мне не трудно. Пара минут — и лорд-дознаватель, закутанный в темно-синий плащ с капюшоном, исчез в темноте. Мы с Юстином остались наедине. Хотя это только так говорится: я ни с кем наедине остаться не могу, дух караулит.

Юного принца уход отца несколько озадачил:

— Мели, что это он пошел на ночь глядя?... Ведь устал. Ему бы полежать отдохнуть...

— Не знаю, Его Высочество сам разберется, что надо, а что лишнее. Раз побежал, значит, дело срочное.

Следующего вопроса я не ожидала:

— Мели, скажи, он тебе нравится?

— Кто? Лорд Кориолан? Твой отец? Юс, а почему ты спрашиваешь?

Парень сделался мрачный, как на похоронах.

— Ты ему не нравишься, Мели, он только вид делает, а сам терпеть тебя не может. Я поклялся не передавать тебе, о чем мы с ним говорили, иначе...

Аг, в мое отсутствие меня чихвостили на все корки. Можно было догадаться. Плевать. Ничего знать не хочу. Отвечу честно:

— Юстин, если ты поклялся, то даже намекать не стоило. Расслабься, твой отец мне нравится не больше, чем я ему. Я восхищаюсь его профессионализмом, это все. Давай не будем об этом говорить, лучше ты мне еще раз повторишь, как мы будем снимать заклятия. Завтра уже эликсира будет достаточно.

Не успели мы повторить еще раз порядок действий, как вернулся Кориолан. Действительно, коробочка в моем кармане ощутимо нагрелась, напоминая, что от него пришло послание, и я рванулась в кабинет. Он стоял прямо за окном и, стоило его открыть, шагнул в комнату.

— Все в порядке, Мелисента. Жив твой Мико и здоров, только не вполне благополучен. Сидит для безопасности в погребе довольно далеко отсюда. Как только Гиаллен придет в себя, я туда съезжу, допрошу и освобожу.

Так он Мико ходил искать? Ничего не понимаю!

Я поблагодарила лорда и отправилась спать: они с Юстином и без меня справятся.

На следующий день уже после обеда но задолго до ужина мы закончили заготовку эликсира. Юстин хотел тут же начать ритуал, но отец его остановил:

— Сейчас у нас у всех вместе на него сил не хватит. Давайте разойдемся и хорошенько отдохнем.

Меня такая перспектива более чем устроила. Пусть идут. Я пока тут кое-что перегоню и кое-куда добавлю. А потом спать! Перед таким ответственным днем надо хорошенько выспаться и быть свежей, как майская роза.

Отдохнула одна такая!

Стоило прилечь, как неугомонный дух тут же стал зудеть в уши.

— Мели, неужели ты настолько на меня злишься? По-твоему, я самый плохой на свете человек?

Я не отвечала. Бесплезно объяснять. Полно людей гораздо хуже, но я их не знаю, знать не хочу и имею полную возможность игнорировать их существование. А этот гад мне в душу влезть старался, и почти что влез. Я не могу воспринимать его как чужого, и от этого больно. Пусть бы отвязался, я бы забыла, и все. А он все не унимался:

— Ну скажи, что мне сделать, чтобы ты меня простила? Я готов на коленях у всех этих девиц, чьих лиц я даже не помню, прощения просить. Между прочим, ни одной из них не было ни больно, ни страшно.

Ага, только потом повеситься хотелось.

— Поклянусь тебе чем хочешь, что больше никогда не стану так делать. Пойми: я изменился. Мели, я прошел через такое... Практически умер и живу загробной жизнью.

Даже не представляешь, как сильно на меня это подействовало, дало возможность взглянуть на все с другого ракурса. Завтра я буду рожден заново. Неужели ты даже ради этого не сменишь гнев на милость?

— Может, и так. Хотелось бы в это верить.

— Мели, поверь, я отношусь к тебе так, как никогда не относился ни к кому другому. Ты для меня сейчас самый важный человек. Что мне делать, если ты от меня отвернешься?

Этот гад умеет-таки найти слова, чтобы за сердце зацепило. Мне уже плакать хочется.

Дух вдруг замолчал, а затем вдруг объявил:

— Слушай! И не говори потом, что я самый гадский гад.

В первую минуту я даже не поняла. Слушай! Что я должна слушать? А потом в моей спальне раздался четкий стальной голос Кориолана. Ал активировал какую-то свою подслушку и я стала свидетельницей разговора отца с сыном.

В первый момент хотелось потребовать немедленного прекращения, но разговор вышел настолько интересным, что я промолчала. Лежала, вцепившись в подушку, и слушала.

— ...если бы еще она была красива. А то одевается как чучело, кукиш этот вечный, мантия. Лицо самое обычное. Конечно, на фоне Мартоники красавица, но на фоне жабы и лягушка — принцесса. Сын, на тебя просто подействовала обстановка.

— Отец, я, думаю, достаточно насмотрелся на красавиц при дворе, чтобы отличать истинное от ложного. Для них всех я был и буду никому не интересный мальчик. Единственное мое преимущество — я твой сын. Принц, хоть и ненаследный. А Мелисента... Она не знала что я принц. Просто разговаривала со мной о том, что составляет содержание моей жизни. Ее никто не заставлял, я был интересен ей сам по себе. Не то, что в кармане, а то что в душе и в голове. Она всегда была ко мне добра, хотя я тут считался младшим, а значит никому не нужным, приглашала в гости, угощала вкусным, смеялась и шутила со мной, а не надо мной...

— Да, у девочки редкий уровень коммуникативных навыков. Она умна и талантлива, не спорю. Но неужели ты не видишь, что по большому счету она — обычная плебейка?! Ее в этой жизни волнуют деньги. Деньги, и больше ничего.

— Отец, тогда почему же она мне отказывает? У меня денег достаточно.

— Дурак! Потому что это твои деньги, а не ее. Додумался предложить ей брак! Зачем ей это? Она прекрасно понимает, что в качестве твоей жены ее не примут. Предложил бы стать твоей любовницей с хорошим содержанием, она бы с радостью согласилась.

— Ты считаешь ее продажной?

— А ты нет? Не думал, почему она работает против интересов собственной страны?

— Думаешь, за деньги?

— А за что же еще? За деньги и возможность повысить свой статус. Гиаллен за свое спасение ей все даст, да и я не поскоплюсь. Хоть и не переносю этого типа, но он нам нужен. Девочка поймала попутный ветер и в ее раскладе ты лишний.

— Отец, ты ошибаешься. Ты ничего в ней не понял. Она мне нужна. И нужна как близкий человек, как жена, а не как наложница.

Кориолан тяжело вздохнул.

— И в кого ты такой упрямый?! Ну вот как мне тебя убедить? О матери подумай. Она от такой невестки в ужас придет.

— Можно подумать, тебя так беспокоят чувства моей матери. Тебе на нее всегда было плевать.

— Ты неправ, сын. Да, я равнодушен к ней как к женщине, но как к своей жене относился всегда с большим пиететом. Она ни в чем не знала отказа. Никогда.

— Только ты всегда веселился с другими женщинами. У тебя любовниц... У короля столько нет.

— Мы будем обсуждать моих любовниц или твою Мелисенту? Кстати, у твоей матери любовников было не меньше, просто об этом мало кто знает. Я лично прикрывал ее похождения.

— Ты хочешь сказать?...

— Да, мы с ней давно договорились. Практически сразу после твоего рождения. Я не мешаю ей, она — мне. Главное — не плодить бастардов. Так что личной жизни твоей матери я не мешаю. А вот ее желание дать тебе подходящую супругу поддерживаю. И если ты будешь упираться насчет своей Мелисенты, живо поедешь в столицу под маменькино крылышко.

— У нее уже есть для меня невеста?

— Естественно. Такая, как нужно. Знатная и богатая, с великолепными связями. А еще красивая, здоровая, хозяйственная, не полная дура но и не светоч мысли. Отличная жена.

— Знаешь, отец, я, пожалуй, домой не поеду.

— Будешь тут своей Мелисенты домогаться? Да пойми, она тебе не пара, вернее, ты ей! Она тебя скрутит и раздавит! У девчонки характера хватит на целый кабинет министров да еще на парочку генералов останется, а ты пока сопляк, прости за грубость. Не стоит хвататься за то, что тебе не по зубам.

— Отец, что-то ты стал из стороны в сторону метаться. То она ничтожество и плебейка, то она мне не по зубам. Ты уж выбрал бы одну какую-нибудь линию, и ее придерживался.

— Я бы побился с тобой об заклад, что уложу ее в постель меньше чем за неделю, но боюсь...

— Что проиграешь?

— Что ты мне этого не простишь. В таких делах я не проигрываю, сынок.

А ведь он Юса подначивает! Ну, парень, только не поведись.

— Я и сам с тобой не стану спорить. Не потому, что боюсь проиграть, а потому что это грязно. Нечестно по отношению к Мели. Так что хватит меня уговаривать, я имею право добиваться любимой девушки и не отступлюсь.

Ой, молодец парень, не взял наживку! Умница моя!

— А если она опять тебе откажет?

— Она откажет, а не ты заставишь!

На этих словах все стихло. Дух решил, что развлечение оказалось немного слишком драматичным. Через пару минут тишины я услышала его задумчивый голос:

— Не думал, что этот прыщ такой приличный парень. Кориолан — жуткая скотина, ничего святого, да и маменька у него та еще шгучка. А сынок у них... Достоин уважения. Конечно, тебе, Мели, он не подходит, но тем не менее...

Он еще рассуждает! А мне после всего этого захотелось вымыться. Самое обидное, что не все, что сказал Кориолан — ложь. По большому счету это правда. Я плебейка. Не графиня и не герцогиня. Меня в этой жизни интересуют деньги, и характер у меня не сахар. И про предложение брака верно: если бы с самого начала Юстин ухаживал с целью уложить меня в койку, он бы своего давно добился. Но не за деньги, просто он из всех тут самый симпатичный.

Своим телом я не торгую. У меня есть руки, мозги и знания, вот за них я хочу получить наивысшую цену. Его гордая супруга за флакон моего эликсира готова будет на что угодно, да и королева тоже. Причем любая, хоть наша элидианская, хоть кортальская, а хоть правительница островов. А дамы... Они всегда своих мужчин нагнуть сумеют, того же Кориолана в том числе. Так что за мою уникальную разработку я возьму с них по полной. Я не хочу, чтобы мне кто-то дал все просто так, за то, что я ноги раздвину. Мои деньги должны быть чистыми, чтобы никто никогда не смог меня ими попрекнуть.

А теперь Вы очень сильно обидели меня, мессир Кориолан, и за это я заставлю Вас заплатить. Так будет честно.

Единственное, что немного грело душу, это поведение Юстина. Он меня не предал даже под таким давлением. Даже жалко, что я воспринимаю его всего лишь как любимого братишку.

Ради него, а также ради собственной свободы я спрятала в кулак все свои обиды. Завтра важный день, и он должен пройти образцово.

Глава 17, в которой Мелисента участвует в некромантском ритуале

Утром меня разбудил не пришедший к завтраку Юстин, а Ригодон собственной персоной.

— Мелисента, можете сегодня на меня обед не готовить. Я на пару дней уеду. Вызывают в столицу, лично Его Величество меня требует.

Это он хвастается? Похоже на то. А зачем он Величеству? Но нам это на руку, еще одного опасного свидетеля не будет.

Я кивнула с сонным видом и сказала:

— Счастливого пути!

В душе присовокупив: «Скатертью дорожка!».

Стоило Ригодону исчезнуть в темноте коридора, как из своего убежища вылез Кориолан.

— Чистая работа! Маленькая диверсия с применением эликсира правды в столице Элидианы, и наш архимаг поскакал туда как ошпаренный. Будет научную экспертизу проводить.

— То есть это Вы...

— Естественно. Кроме него никто сюда не сунется, а он очень уж назойливый. Пусть лучше выясняет, почему вдруг парочка придворных стала каяться во всех грехах. Обратила внимание: он был счастлив? Не так часто король хочет его видеть.

Я закрыла дверь, повернулась и пошла на кухню. Завтрак надо готовить. А с Кориоланом я теперь наедине точно ни на секунду не останусь.

Не прошло и пяти минут, как прибыл Юстин. На лице у парня была написана такая решимость, что впору было испугаться. Но разбираться, что она означает, я не буду. Сейчас у нас другое на повестке дня.

После плотного завтрака, куда входили каша, омлет, сыр, ветчина, блинчики с яблоком и море кофе, мы перебрались в лабораторию. Первая задача — самая сложная: нарисовать правильную пентаграмму и поместить в нее ларь. Сделать это при том, что место очень и очень ограничено, непросто. Кориолан вытащил из кармана справочник и сверялся по нему, а бедный Юс ползал по полу с огромной линейкой. Я подавала ему разноцветные восковые мелки. Больше всего мешала моя плита, не давая расположить пентаграмму, правильно ориентируя ее по сторонам света. Но Гиаллен — везунчик. Не зря себе такую огромную кухню отгрохал. Когда из нее вытащили почти всю мебель, у нас получилось!

Следующим номером было перемещение ларя. Вот тут я узнала, что ничего не понимаю в собственной кухонной утвари. Оказывается, мой стагис-ларь — сборно-разборный. Когда я вытащила оттуда все продукты, мужчины на пару сняли обшивку и отделили часть с алхимическим добром. Без верхнего деревянного кожуха оба отделения напоминали ванны без ножек, большую и маленькую.

Естественно, после такого вмешательства стагис там больше не ночевал, заклинание разрушилось. Но, пока ритуал не был завершен, Кориолан запретил спасать продукты. Мало ли, может быть нам силы не хватит.

Теперь практически невидимое прозрачное тело Гиаллена лежало в большой керамической ванне и ждало своего часа. Ванну следовало поместить в пентаграмму.

Для начала мужчины попытались ее поднять просто так. Ха! Не тут-то было. Затем Кориолан задумался и начал бормотать: «Левитация? Облегчение? Микро портал?» Юстин предложил:

— Отец, просто добавь нам силы. Руками мы сможем достичь нужной точности, а все твои заклинания — только перевод энергии.

Кориолан кивнул, соглашаясь, после чего мужики подняли тяжеленную ванну как пушинку и поставили ее точнехонько туда, куда планировали. Я проверила по меткам:

— Отлично. Стоит где надо. Можно заливать.

Действительно, двадцать четыре ведра эликсира Тэй аккуратно покрыли тело. Хватило ровно-ровно. Просторный у меня ларь был. В голубоватой опалесцирующей жидкости прозрачное тело смотрелось как глыба льда или стекла.

После этого мы с Юстином расставили свечи и зажгли их для первой части ритуала. Сейчас наша связь с Гиалленом будет наконец разорвана! Кориолан поставил меня у тела в головах, велел протянуть вперед руки, чиркнул по обеим ножом так, что в ванну капнула кровь, и запел.

Ой, я даже вижу, как лента темного дыма сначала протягивается между мной, телом и чем-то невидимым над ним, затем она светлеет, истончается, тает...

Легкая вспышка, и я падаю как подкошенная.

Не ударила головой только потому, что Юстин успел меня подхватить. Оттащил в сторонку, усадил на пол (больше не на что), дал стакан с теплым травяным отваром. Укрепляющее зелье. Молодец, что запасся.

Мне дали прийти в себя прежде чем начинать второе действие этого спектакля. Сейчас Кориолану придется непросто. Надо снять заклятия в том порядке, в каком они были наложены. Отделение души от тела одновременно с невидимостью, а затем стазис. Да еще проявляющее магию заклинание применять нельзя. Тут от меня пользы ноль, я могу что-то подать или убрать, зажечь свечи, и все. Магию такого уровня я просто не вижу. Юстину в этом смысле лучше, он как раз на это способен. Ему придется заняться невидимостью, пока папочка снимает некромантские чары. Да, еще жертва...

Оказывается, Кориолан и об этом позаботился. Принес из кабинета клетку, в которой сидели три голубя. На вопрос, зачем нам три, ответил:

— С запасом брал. Вдруг что-то пойдет не так.

— А откуда...

— Вчера мой агент принес и в окно передал. Ты спала уже.

Ага, спала я! Так, переключаемся. Думаем только о деле.

Кориолан разложил все причиндалы: жертвенный нож, каменную чашу для крови, свечи, мелки и соль, затем поправил пентаграмму, нарисовал несколько новых знаков, а кое-какие старые стер, после чего с видом жреца древнего культа расположился там, где в прошлый раз стояла я. Юстин встал напротив. Оба картинно вскинули руки, после чего принялись мною командовать:

— Большие белые свечи туда!

— Черную свечу сюда!

— Лиловые свечи по бокам!

— Пять желтых свечей вокруг изголовья!

— Маленькие белые свечи в ногах!

— Большую красную свечу напротив сердца, вторую — с другой стороны!

Вы поняли, что они мне командовали? Я ничего не понимала, но, судя по тому, что мужчины одобрительно кивали, делала все верно. Принципы построения и работы пентаграмм мы проходили, а я хорошо помню все, чему училась.

Наконец я расставила и зажгла свечи в нужном порядке.

— Нож!

— Жертва!

Нож подать ничего не стоило, а вот вытащить голубя из клетки... Он же стал отбиваться, а товарищи ему помогали! Наконец я его слегка придушила и вручила Кориолану.

— Держи чашу!

Держу, держу...

Он снова запел, запел и Юстин, причем пели они хором, но разное. Молодцы, я бы сбилась. Наконец на особо высокой ноте Кориолан одним движением отхватил голубью голову, которая повисла на тонкой полоске кожи. Кровь струей ударила в чашу.

Тут и Юстин выдал фиоритуру, после которой тело в ванне перестало быть прозрачным. С каждым мгновением оно темнело, становилось плотным, живым, настоящим. Молодец Юс. Его работу я видела воочию, а вот как справился со своей частью Кориолан будет ясно только после снятия стазиса.

Мужчины еще немного попели и замолкли. Кориолан вылил кровь в ванну нагнулся к телу. Запустив руки почти по плечи в неаппетитную жидкость, он вытащил на поверхность голову Гиаллена.

— Вот теперь и стазис можно снимать, не захлебнется.

Снятие стазиса — самая простая процедура на свете, но даже ее я бы не решилась сегодня произвести. За нее взялся Юстин, позаимствовав у меня немного силы, для чего обнял крепче и поцеловал. Контактный метод — самый действенный. В этот раз поцелуй произвел-таки на меня впечатление. Не знаю почему, может быть, повлиял подслушанный вчера разговор?

Но раздумывать об этом времени не было. Юстин тут же повернулся к телу архимага и несколько раз резко взмахнул рукой, как будто прогонял кого-то. Тело забилося в конвульсиях: прогнулось назад, затем скорчилось, опять выгнулось и забилося в бешеном приступе кашля. Живой! Осталось убедиться, что сознание тоже вернулось.

Когда Гиаллен прокашлялся, мужчины вытащили несчастного архимага из бывшего ларя и отнесли в настоящую ванну, куда напустили теплой воды. Отмыли от эликсира и варенья, завернули в банную простыню и уложили в мою постель. Поначалу я пыталась помогать, но меня прогнали: нечего приличной девице на голого мужчину любоваться. Когда же я стала возмущаться, зачем этой приличной девице голый мужчина в собственной постели, на меня посмотрели, как на полную дуру.

— А куда? Между прочим, это его квартира и его постель.

Ага, а я тут так, погулять вышла. Но вслух спросила:

— А что это он без сознания? Так и должно быть?

— Я привязал душу к телу, но ей еще надо привыкнуть, обжиться. Ты же помнишь, он был сразу под тремя заклятиями? Они выпили его силы. Теперь будем ждать, когда восстановится. Ясно, что это произойдет не сразу. Или ты думала, что как только чары снимут, он вскочит и заговорит как по писаному?

Я вздохнула. Он прав, это только в сказках героям все нипочем.

— Но он же может как-то проявить себя? Например, пить попросить?

— Мысль у тебя в правильном русле. Пить он скоро попросит, поэтому сварика ты ему общеукрепляющего отвара побольше. Вода тоже понадобится. Кружка с носиком есть?

— Есть маленький чайничек, пойдет?

— Отлично, это даже удобнее. Тащи сюда.

Я вернулась в свою любимую кухню и чуть не заплакала. Такое чувство, что здесь ураган прошел. Посередине стоит керамическая ванна с испоганенным кровью зельем, вокруг прогоревшие поломанные свечи, полустертая пентаграмма... К очагу не подойдешь. Если сейчас сюда зайдут работники магического правопорядка, нас тут же в тюрьму и голову долой. Меня первую: квартира-то моя?

Я достала спиртовку и водрузила на нее большой котелок. Пока он нагреется, пойду обсужу уборку в кухне с Кориоланом. Мне с этими ваннами не справиться.

Пришла, пересказала в чем проблема. Он въехал не сразу, привык к безнаказанности у себя в Кортале. Но когда сообразил... Его же тоже по головке не погладят: запрещенное колдовство на территории чужого государства. Эбenezеру тоже своим место терять не хочется, а в Совете такие орлы... Могут потребовать немедленной казни, а уж потом разбираться.

От кооптировал Юстина и мы все вместе пошли на кухню, бросив бедного Ала одного. Я бы могла с ним остаться, но хотелось же посмотреть!

Через час кухня была чистая, как новенькая. Мои маги даже ларь обратно собрали, только стазис не вернули: не хватило сил. Смотреть на процесс было интересно, особенно когда Кориолан отправил весь эликсир в канализацию. Тонкая струйка поднималась вверх дугой и устремлялась прямо в слив раковины.

На мою долю досталось все протереть и вымыть полы. Пришлось делать это вручную, отчищать пентаграмму заклинанием опасно, может случиться незапланированное взаимодействие, и прости-прощай половина здания. Так что я упахалась, как вол, но между делом укрепляющее и восстанавливающее питье сварила.

Вернулись мы к Алу очень вовремя: он как раз начал метаться и просить пить. Сначала ему дали немного воды, а затем я выпоила ему целый чайничек зелья. Несмотря на то, что напиток вышел довольно горький, он захлеб высосал все содержимое чайника, а он у меня на две чашки. Видимо, организм сам понимает, что ему полезно.

После чего Кориолан нас выгнал. Сказал, что надо установить дежурство и сидеть с Гиалленом пока тот не придет в себя. Он в очереди первый, а мы с Юсом можем пока отдохнуть и заняться обедом для всех.

Отдохнуть, как же! Пришлось вернуться на кухню и взяться за труды. От Юса помощи не было никакой: он сидел рядом на табуретке и пялился на меня грустными глазами. Сразу видно: хочет поговорить. Но я не торопилась: здесь нас может услышать его папаша, а его делать свидетелем нашей беседы нет ни малейшего желания. Пусть лучше объяснит, почему они с отцом заклинания поют, а не проговаривают. Так что я резала овощи, разделявала мясо, солила, перчила, приправляла, варила, жарила и тушила, а Юстин читал мне лекцию по Высшей магии. Оказывается, пение не обязательно, важен правильный ритм. Про ритм я, кстати, знаю. Если подобрать мелодию, легче заклинание запомнить и потом не сбиться, воспроизвести его до конца в верном режиме. Естественно, для коротких бытовых это не актуально, а для сложных некромантических самое то.

Что-то я не помню, чтобы наши некроманты песни распевали. Может, это кортальский

местный обычай? Или их семейная методика? А что, есть магические семьи, в каждой из которых свои прибабахи. Но смысл понятен. Жаль, что мне это по большому счету без надобности: эликсиры длинными заклинаниями практически не обрабатывают. Хотя петь я люблю, можно будет попробовать.

После обеда, который прошел над бессознательным телом Гиаллена, Кориолан нас снова выпер. Сказал, что пока подежурит он, после ужина будет черед Юстина, а с трех часов ночи наступит моя смена. Мне этот расклад не слишком понравился, но спорить я не стала, другие варианты казались ничуть не лучше.

Предложение поспать сейчас я отвергла, не могу дрыхнуть белым днем. Решила выйти прогуляться, потому что сидеть в четырех стенах уже не могла.

Теперь, когда моя связь с Гиалленом разорвана, я должна чувствовать колоссальное облегчение, но ничего такого я не ощущаю. Есть легкое чувство утраты, и все. Как будто кончилось приключение, и наступают будни. Мне надо побыть одной и подумать.

Недалеко от нашего корпуса есть прелестное местечко: круглый водоем со старыми ивами по берегам и разбросанными там и сям в их тени скамеечками. Близ этого замечательного водоема никогда никого не бывает, можно посидеть и отдохнуть, а вид воды всегда меня успокаивал. Было и еще одно соображение: если даже я решу прилечь на скамейке и подремать, это никого не удивит и мешать мне никто не станет.

Глава 18, в которой Мелисента выслушивает исповедь и признание

Просидела я там в одиночестве недолго. Внезапно на меня упала тень и знакомый голос Юстина на удивление робко произнес:

— Мели, ты меня не прогонишь? Я хотел с тобой поговорить.

Только я все силы отдала на воскрешение, а меня собираются донимать выяснением отношений... Ненавижу это дело: бесцельная трата времени и душевного покоя. Но отбояриться больше не удастся.

— Юстин, я согласна тебя выслушать. Отвечу я тебе или нет, заранее сказать не могу. Если устраивает, пожалуйста. Если нет, давай в другой раз.

— Боюсь, другого раза не будет. Если ты согласна слушать, я буду говорить.

И он заговорил. Эта исповедь стоит того, чтобы привести ее полностью.

«Мели, я обещал Гиаллену, что не буду добиваться твоей благосклонности, пока вы с ним связаны магическими узами. Но теперь связь разорвана, ты свободна, и я хочу... Да, я хочу снова попробовать сделать тебе предложение.

Подожди, не отвечай сразу.

Тогда ты мне практически отказала, но, думаю, за это время кое-что изменилось». «Мы через многое прошли вместе, ты лучше меня узнала, мы стали гораздо ближе, я это чувствую. Если ты сейчас скажешь, что нужно подождать еще, я подожду, Мели. В конце концов ты поймешь, как сильно я тебя люблю, и мы будем счастливы, я в это верю».

«Я не хочу повторить судьбу моих отца и матери. Они не любят друг друга, от этого несчастливы. Отец, как ты понимаешь, прилетел сюда не Гиаллена спасать. Его прислала мама, чтобы он нас разлучил. Ее я как-то могу понять: она тебя не знает». «А отец... Ему кажется, что все это игра, в которой он может расставлять нас, как фишки на поле. Он не верит в то, что я могу испытывать к тебе чувства. Он не верит в твою искренность. Даже теперь, когда провел с тобой столько времени, говорил с тобой, вместе работал, он все равно тебе не доверяет, считает, что ты низкая интриганка и хочешь меня окрутить. При этом восхищается твоим умом и талантом, силой духа и знаниями. Я его не понимаю, а он не понимает меня».

А я понимаю вас обоих, но толку?

«Мои родители поженились, потому что так приказал король. У Домиана трое братьев, мой отец младший из них. Когда король вступил на престол, он женился сам и нашел подходящих невест всем, чтобы обеспечить династию наследниками. Тогда шла война, все участвовали в сражениях, и он боялся, что род прервется».

«Мой отец, как младший, долго увивал, но все же женился на моей матери. Его ты видела, он и сейчас очень красив, а тогда... Ты можешь себе представить. Моя мать в него влюбилась, а он... Ему было на нее плевать. Женился потому, что приказали. После моего рождения они разошлись. Неофициально, конечно. Это была инициатива лорда Кориолана, а моя мать была слишком горда, чтобы домогаться того, кто ее не любит. Она растила меня в своем доме лет до двенадцати. Всегда была добра и ласкова, хоть и не потакала моим капризам. Следила за моей учебой и радовалась успехам. Я очень ее люблю, хотя в последние годы мы отдалились».

Да ты и в детстве видел ее пару раз в день, а сейчас ей совсем не до сыночка —

занудного заучки.

«В двенадцать лет прорезался мой дар. О нем знали с самого начала. Но в этом возрасте он вдруг заявил о себе со значительной силой. Мать с этим справиться не могла, пришлось звать отца. Он меня забрал и стал учить и воспитывать сам. Принцев не отдают в школы и университеты. Мне кажется, это неправильно, но пока изменить это не в моей власти. Возможно, для своих детей я смогу добиться более разумного воспитания, чтобы они лучше знали не только учебники, но людей и жизнь».

Ты еще заведи сначала этих детей, а потом уже будешь думать, как их воспитывать.

«Но меня самого растили в отдалении от других детей. Мне разрешали играть и общаться только с теми, кто равен мне по рождению, а таких ребят моего возраста в Кортале не было. У короля двое сыновей, у его братьев тоже есть дети, но все они меня или старше, или младше. А еще никто в семье не унаследовал магический дар в полной мере, кроме меня и еще одной принцессы, но она пока маленькая».

Ого, а я слышала, что магический дар в кортальской королевской семье довольно сильный, и это дает Корталу преимущество.

«Отец с самого начала растил из меня преемника. Так уж повелось: первый брат короля — главнокомандующий, второй — глава казначейства, а третий руководит всеми службами правопорядка, магического в том числе. Отец не собирается складывать полномочия, он хочет, чтобы я взял на себя магический сыск, а он бы оставил за собой общее руководство всей системой».

«К чему это я рассказываю? Я хочу, чтобы ты понимала, как я рос».

«Мне всегда было интересно получать новые знания, мне нравилась магия. Я с удовольствием учился. Когда подошло время первого совершеннолетия, моя мать приехала, чтобы подготовить меня к представлению ко двору. При дворе я бывал и раньше, но это государственный ритуал, через который нужно пройти. После него ты считаешься взрослым и можешь претендовать на должности и невесту».

Это он сейчас о чем?

«Мама поговорила со мной, тогда мне ее разговор показался странным. В тот же день она устроила моему отцу грандиозный скандал. Обычно юные принцы получают свой первый опыт со служанками, но они меня не особо интересовали. Не настолько, чтобы их домогаться. Из нашего разговора мама поняла, что я не знаю, что делать с женщинами. В результате отец выписал мне очень дорогую шлюху, чтобы она меня всему научила. Если честно, не скажу, что мне сильно понравилось. Но после этого меня сочли готовым для того, чтобы появиться при дворе».

Ах, мальчику помогли расстаться с невинностью, шлюху наняли. Думаю, это неременное условие для успешной придворной жизни.

«Мне там не нравилось. Я искал любой предлог, чтобы улизнуть от светских обязанностей. Ушел с головой в работу отдела магического правопорядка, ездил на обыски и задержания, нанял себе учителей по разным отраслям магии, забил свое время до отказа».

«Но все равно минимум три раза в декаду я обязан был появляться на балах и приемах. А там... Там ужасно. Все всем врут и не краснеют. Думают одно, говорят другое, делают третье. Поговорить не с кем, ни о чем интересном говорить просто не принято. А женщины! О девицах я вообще не говорю: они делают то, что маменьки приказала. Просто их научили, что надо быть глупенькими, так легче найти жениха. Их выпустили на охоту и ловлю, вот они и стараются. Но взрослые дамы еще хуже. Казалось бы, муж уже есть, можно дать себе

волю и быть самой собой. Но нет. Ни одного естественного жеста, ни одного искреннего слова. Даже моя любимая мама, попадая туда, становилась картонной. Раскрашенной куклой в модном наряде».

«Больше, чем другие, позволяет себе королева Эника, она далеко не дура. но ее интересует только ее красота. Если хочешь ей понравиться, скажи, как молодо она выглядит, и ты будешь принят как друг. Королева действительно кажется неправдоподобно юной. Она ровесница Домиана, но выглядит не старше тебя, Мели. Не знаю, как она этого добивается».

Я знаю, но молчу.

«А еще... Все подряд тащили меня в постель, и не всегда от этого получалось уклониться. Наши замужние дамы любят молоденьких мальчиков, и не дамы тоже. Я боролся, как мог. Пожаловался отцу, он сказал: разбирайся сам. После того как я выскочил из окна одной графини прямо на лысину ее мужа, своротил скулу парочке знатных негодяев и спровоцировал еще один скандал, о котором не хочу говорить, отец призвал меня, чтобы сделать важное объявление. Это было три года назад».

Ага, тогда-то тебя и сослали на Остров магов.

«В общем, моя матушка решила меня женить, чтобы прекратить безобразия. Выбрала пятерых по ее мнению подходящих девиц и объявила мне, что я должен сделать выбор. Дала мне на него полгода. Они все красивые, Мели, даже очень. Только либо дуры, либо стервы, а одна из них — и то, и другое. Ни на одной из них жениться мне не хотелось. Тогда я придумал план, как этого избежать, и буквально заставил отца отправить меня сюда повышать квалификацию. Отец сначала и слышать не хотел, но я ему напомнил, как он сам стремился избежать брака. Тогда он все устроил и уговорил маму погодить с моей женитьбой. Она не очень сопротивлялась, потому что здесь, на Острове Магов, вообще мало женщин, а молодых и вовсе нет. Никто же не знал, что сюда пришлют тебя, а я как раз буду в этом отделе».

Да я сама удивилась.

«Когда ты появилась, я о тебе знал только одно: ты автор эликсира молодости и красоты. Абсолютно неинтересная для меня тема. Ты меня и не заинтересовала при первой встрече. Но потом все стали ходить к тебе пить чай и пить дифирамбы».

«Я тоже пошел. Меня поразило, что ты сумела как-то выжить и угнездиться в квартире Гиаллена, откуда все вылетали как пробка из бутылки. Я сам... На меня в первый же час пребывания упал огромный перегонный куб, а потом из-под ног поехал ковер и я решил тогда не гневить судьбу. А ты ни на что не жаловалась, и я видел: это правда. У тебя действительно дела обстояли великолепно. Это было так удивительно».

А чего мне стоило с Гиалленом договориться!

«Ну вот, я и пошел посмотреть что да как, и был поражен. Покои Гиаллена, где мне было плохо, тягостно, страшно, где, казалось, из каждого угла грозила опасность, в твоём присутствии преобразились. В них вдруг стало хорошо, приятно, спокойно». «Я сразу почувствовал себя уютно, но не сразу понял почему. А это просто ты.

Никогда не забуду наше первое чаепитие. Чай душистый, булочки и пироги вкусные, а ты сидишь напротив и слушаешь. По-настоящему слушаешь, не прикидываешься. Вопросы задаешь, соображения высказываешь, тебе интересно. С тобой и посоветоваться можно, и поговорить, и просто помолчать. Я всегда, с тех пор как мне исполнилось пятнадцать, чувствовал себя лишним, Мели. До этого хотя бы родители мною интересовались. Мама заботилась, отец обучал. А потом... «Отдали чужим людям, учителям и воспитателям,

прекрасным специалистам, которые научили меня всему, что я умею и знаю. Они не дали мне только одного: душевного тепла. Для них для всех я был объектом труда, но не человеком. Они не были привязаны ко мне и я ни к кому из них душой не привязался. Ни с кем из родных я тоже не сблизился. Среди моих многочисленных двоюродных и троюродных братьев у меня нет близкого человека. Даже здесь, на Острове Магов, у меня не появилось друзей. С Келедаром сложились неплохие отношения, но они у него со всеми хорошие. Но сблизиться с ним и дружить... То, что его забавляет, у меня вызывает скуку».

«А ты... Ты на меня очень похожа. Тоже любишь науку, стремишься к знаниям и мечтаешь о том, чтобы стать кем-то, проложить свою дорогу в жизни. Ты тоже одиночка, как и я, та, которая проходит свой путь без оглядки на окружающих. И в то же время ты другая. Во-первых, ты женщина, а во-вторых... Другой жизненный опыт. Ты пробилась из низов. Мне дали прочитать твое досье, я знаю, что тебе пришлось пережить. Отец прав, ты сильнее меня хотя бы потому, что сумела подняться там, где большинство утонуло бы безвозвратно».

Тут он не совсем прав. Магички в таких ситуациях имеют массу преимуществ, им не надо идти ни в прислуги, ни на панель. Даже с начальным обучением они могут найти работу по изготовлению зелий, бытовых амулетов или удачно выйти замуж. Хотя для Юстина такая судьба может представляться болотом. Что греха таить, для меня, по большому счету, тоже.

«Я сказал про то, что ты вышла из простой семьи, но в этом, мне кажется, твоя сила. Твои корни дали тебе очень много, даже если ты сейчас этого не осознаешь. Ты была любимым долгожданным ребенком у твоих папы с мамой. Они были готовы отдать тебе все, лишь бы ты осуществила свои мечты. Они и отдали. А еще твои родители любили друг друга, поэтому в тебе столько любви и тепла. Ты их не осознаешь, но со стороны они видны, как солнце. Не для того, чтобы налопаться вкусных булок, а чтобы погреться у очага твоего сердца. Ведь мы все здесь одиночки, Мели, а где ты — там дом, тепло и уют».

Зачем он о моих родителях... Я не выдержала, из глаз впервые за много лет потекли слезы. Они не были горькими, наоборот, как будто вместе с ними из души уходило что-то мучительно-холодное.

Юстин же, вместо того, чтобы замолчать, увидев мои слезы, не обратил на них внимания и продолжил:

«Мели, столько декад подряд я приходил к тебе в гости, пил чай, ел твои замечательные пироги и пышки, разговаривал с тобой обо всем на свете. Ты выслушивала меня, помогала советом и делом. Я привык считать тебя другом. Единственным другом, который у меня когда-либо был. Даже не думал о тебе, как о девушке. А потом эта скотина Ригодон»...

Да уж, никогда не забуду...

«Когда я увидел, как ты выбегаешь из его дверей растрепанная, босая, в растерзанной мантии, тут и понял, что за тебя порву на клочки любого. Как я тогда удержался и не изувечил мерзавца, сам не пойму. Наверное мне тогда было важнее помочь тебе. Ты прижалась ко мне, такая незащищенная, нежная, и при этом гордая... После этого уже не стоило скрывать от самого себя, что ты не просто мой друг, ты моя любимая девушка».

«Да, я неромантичный зануда. Красоты во мне нет. Я не умею ухаживать, не знаю, как говорить красивые слова и при этом не смущаться. Я даже цветок не могу подарить, потому что не знаю, куда девать руки и глаза. Я знаю, для девушек это важно, но ты ведь не обычная девушка. Может быть мы сможем обойтись без этих ритуальных танцев и ты просто

ответишь мне»...

«Не сейчас, я понимаю, ты слишком утомлена. Мели, я приму любой ответ. Нет, значит нет. Но если ты скажешь да... Я пойду на все, чтобы быть с тобой. Трон мне все равно не светит, так что теряю я немного. А дать тебе смогу не так уж мало, поверь. Во-первых, мою любовь, и все, что я имею, во-вторых».

Я с трудом поднялась с лавочки. Погладила Юстина по руке и тихо произнесла:

— Юс, ты мой самый лучший и дорогой друг. Это так, и это уже не изменится.

Он восторженно, пытаясь заключить меня в объятия, я же продолжала:

— Я понимаю, тебе этого недостаточно. Но я не могу сейчас дать однозначный ответ.

Мне надо подумать и спросить себя, могу ли я дать тебе то, что ты от меня ждешь.

Он стоял, держа меня за руку и смотрел глазами побитой собаки. Просто сердце кровью обливается. Ну что тут сделаешь? Пришлось сказать кое-что еще.

— Юстин, я могу хоть сейчас пойти и лечь с тобой в постель если ты этого хочешь.

Меня ничто не сдерживает. Только нужно ли тебе это? Сможем ли мы завтра взглянуть друг на друга? Даст ли тебе это счастье?

Говоря это, я смотрела парню прямо в глаза. В какой-то момент он отвел взгляд и глухо пробормотал.

— Ты права, Мели, я подожду. Но поцеловать-то тебя можно?

Я сама закинула руки ему на шею и приблизила свои губы к его губам. Руки Юстина сомкнулись у меня за спиной, затем одна из них легла мне на затылок, и мы поцеловались. В этот раз получилось впечатляюще. Видно, он вложил в это душу. Я просто плавилась в его руках и уже готова была забыть то, что говорила минуту назад и плавно перевести процесс в партер, но тут вспомнила, что надо идти! Сейчас очередь Юстина караулить нашего воскрешенного.

Так что я постаралась аккуратно прервать страстный поцелуй и вернуть Юстина с небес на землю.

— Юс, вспомни, один поцелуй. Теперь тебе надо идти сменить на посту отца.

Он с трудом отдышался. Глаза были шальные и счастливые.

— Да, Мели, я помню, я иду. Только не говори, что тебе не понравилось.

— Не буду. Мне понравилось. Правда.

В моих комнатах нас ждал Кориолан. Вместо того, чтобы сидеть тихо у постели больного, он метался как лев в клетке. Как только мы появились, тут же начал всех гонять и распоряжаться.

— Так, Юс, ты немедленно идешь и заступаешь на вахту. Мелисента, свари еще полный котел укрепляющего отвара, налей в кувшин и отнеси больному. Он уже выпил все, что было. Затем ложись и отдыхай, времени до трех часов ночи осталось немного. Я сейчас отбываю, вернусь завтра утром.

— Какое счастье, а то я гадала, где же мне отдыхать? Идти в квартиру к Юстину, пока они с отцом мою оккупировали? Нет, можно будет поспать в кабинете.

Дождавшись, когда я принесу в спальню, где Гиаллен продолжал лежать без сознания, кувшин зелья, которое я усилила парочкой заклинаний и добавлением моего любимого эликсира здоровья, Кориолан попрощался и вышел, как всегда, через окно. Надо сказать, кабинет для этого выбран идеально, под ним находится крыша сарая, а еще там никогда никто не ходит, так что увидеть вылезавшего в окно лорда некому даже днем, не то, что в темноте.

Я закрыла за Кориоланом окно и легла, но сна не было ни в одном глазу. Столько всего за один день... Я чувствовала себя одновременно измотанной и взбудораженной. Воскрешение Гиаллена, признание Юстина и я посреди всего этого... Впору умом тронуться. Я перебирала в памяти все слова, все моменты прошедшего дня пока за мной не пришел Юстин.

— Прости, Мели, уже половина четвертого, и я подумал...

— Ах, да, надо было в три меня будить.

— Ты же не спала, Мели. Я вижу. Если бы спала, я не стал бы тебя поднимать, тебе нужно отдохнуть. Но так как ты все равно не спишь...

Ему было очень неудобно, но парень просто засыпал на ходу. Я не стала спорить.

— Правильно, Юс, пусть спит тот, кто может. Иди ложись, я подежурю. Зелье там еще осталось?

— Больше половины. Сейчас Гиаллен крепко спит и пить не просит.

Я поднялась и поплелась в собственную спальню. Долила в чайничек зелья, поправила сбившуюся простыню, осмотрела пациента. Выглядел он уже значительно лучше. Синева сошла, осталась бледность, но она не недостаток. Губы могли бы быть не такими фиолетовыми, а так ничего, жить будет.

Видно, мое хождение потревожило Гиаллена и он, не открывая глаз, заныл тихонько: «Пить, пить»... Я тут же сунула носик чайничка ему в рот. Он жадно зачмокал, втягивая жидкость. Выпив все, отвалился и снова впал в небытие, а может быть заснул.

Я села в кресло у кровати и приготовилась бдить. Через некоторое время он снова завозился и я снова дала ему пить, для чего присела на край кровати. Дальше не помню.

Глава 19, в которой Мелисента превращается в сиделку и няньку

Утром я проснулась от того, что солнечный лучик нагло залез мне в глаз. Поэтому я его открывать не торопилась, для начала постаралась определиться, основываясь на тактильном чувстве. Лежу я определенно в кровати, это раз. Полностью одетая, это два. И на талии у меня лежит чья-то чужая и очень тяжелая рука, это три.

Постаралась из-под этой руки выползти и все-таки открыть глаза. Блин, все верно. Кровать моя, спали мы на ней вместе с архимагом, он под одеялом, я на одеяле, он раздетый, я в полной выкладке, и его рука нагло обнимала меня за талию. Надо сказать, в себя он так и не пришел, хотя набок повернулся. Обниматься, видимо, полез машинально.

Я нашла под кроватью пустой чайничек (значит, он все выпил), подошла к столику и налила следующую порцию. Пить пациент пока не просит, но надо быть наготове.

Пока он так сладко спит, схожу-ка я в ванную, а то чувствую себя разбитой. В случае чего выскочу оттуда в халате.

Самая большая моя радость жизни на Острове Магов — это собственная ванна. Напустишь горячей воды, добавишь зелья, залезешь — и все проблемы отступают. Полежишь так полчаса, вылезешь новым человеком. Здоровым, сильным, бодрым. Так и в этот раз. Вошла я в ванну такая, как будто меня всю ночь ногами пинали, а вышла свежая и полная сил, забыв про все болячки.

Еще и голову помыла: не люблю с грязными волосами ходить. Хоть в моем пучке с виду и не разберешь, грязные они или чистые, зато я это очень даже чувствую.

И вот выхожу я из ванной в халате и полотенце, намотанном на голове, вся из себя такая чистая, и встречаю внимательный взгляд архимага. Пришел в себя, паршивец, пока я мылась.

Я замерла, не зная, что сказать, как поступить. Поить, кормить, за кем-то бежать? И вдруг он улыбнулся. Одними глазами, представляете? Я слышала о таком, но увидела в первый раз. Затем Гиаллен раскрыл рот и хрипло прошептал:

— Мели, успокойся. Сядь рядом. Все хорошо, я жив.

На ватных ногах я подошла к кровати и села на краешек. Он протянул руку, ту самую, которой обнимал меня во сне, и слегка сжал ею мое запястье.

— Теплая. Твоя рука теплая, Мели. Я все чувствую. Ты меня спасла.

Глаза закрылись, рука разжалась... Заснул. Да, сил у него сейчас... У новорожденного котенка больше. Пусть спит, я пока сварю новое зелье и сделаю его на меду. Раз пришел в себя один раз, придет и второй, и тут ему нужно будет усиленное питание. Бульоном, что ли, его кормить?

Кориолан сложил все мои припасы под лишнюю тягу и наложил на нее общее заклинание стазиса. Там есть все, что нужно. Но если оттуда что-то достать, стазис придется накладывать снова.

Разбужу-ка я Юстина и пошлю его за курицей, овощами, молоком и хлебом. Пусть пользу приносит.

Я вытерла и расчесала волосы, оделась для разнообразия в домашнее платье и потопала в соседнюю комнату, где Юс спал сном праведника. Постояла полюбовалась. Красивый мальчик. Во сне лицо у него делалось совсем детским и беззащитным. Длинные темные ресницы (мне бы такие) отбрасывали тень на щеку. Рот чуть приоткрыт, из уголка стекает

слюнка.

Он почувал мой взгляд: ресницы затрепетали, темные глаза распахнулись.

— Мели!

— Доброе утро! Как спалось?

— Утро доброе. Я выспался, спасибо.

Ничего он не выспался, вон как глаза трет. Но я этим тоже похвастаться не могу.

— А Гиаллен только что в сознание пришел.

Юстин вскочил.

— Он... где?

— Да в постели. Спит. Два слова сказал и умаялся. Сил у него меньше, чем у цыпленка.

Так что никуда бежать не надо. Ты лучше меня послушай.

— Слушаю, Мели.

— Сейчас я тебе предлагаю пойти и принять ванну или душ, как пожелаешь. Можешь, здесь, можешь к себе сходить.

— Я... к себе схожу. Там у меня чистая одежда.

Он сделал пару шагов на выход, я сказала вслед:

— И заодно подумай вот о чем. Ларя-то продуктового больше нет. У меня под стазисом в тяге лежат все мои припасы. Если оттуда что-то брать...

Он живо обернулся и подключился:

— Стазис нужно будет по-новой накладывать. Знаю. Бери, Мели, не стесняйся. Я наложу. К вечеру привезут новый ларь, отец заказал. А этот отнесут на помойку.

Отлично, я и не знала. Поход на рынок отменяется.

— Юстин, тогда я сейчас приготовлю нам завтрак и поставлю варить легкую еду для нашего пациента. А ты давай мойся и возвращайся.

Юс ушел, я вернулась в кухню-лабораторию через спальню и еще раз глянула на моего подопечного. Он за это время даже не шелохнулся. Ну и пусть спит, сил набирается.

На кухне я тут же разожгла очаг и поставила вариться куру, а для нас с Юстином спроворила омлет с ветчиной, сыром и зеленым луком. Он вернулся как раз, когда я снимала его с огня.

— Мели, я встретил Матильду, она сказала, что сегодня обед на всех готовить не нужно. Ригодон еще не вернулся, Эдилиен еще вчера вечером ушел в город и предупредил, что до завтра не вернется, Семпроний... его тоже нет.

Отлично. Баба с возу...

— Она с Форгардом тоже собирается обедать в городе. Сегодня в лаборатории будут ломать стены, будет шум и гром, пыль и грязь. Так что Матильда и нам советовала уйти или уж носа не высовывать.

Уйдешь тут, как же.

— Мы будем носа не высовывать. Это самая дальняя от лаборатории часть здания, да еще и окна в большинстве своем на торец выходят. Сюда ни грохот не донесется, ни пыль не долетит. Ты садись ешь, будет время поговорить.

Но поговорить нам не дали. В кармане нагрелась кориоланова коробочка и я поспешила в кабинет. Красавец лорд влетел в окошко подобно большой хищной птице, плащ развевался за его спиной.

— У вас все в порядке, Мелисента? Гиаллен в себя пришел?

— Пришел и опять ушел, то есть заснул.

— Но он хоть соображает?

— Соображает и все понимает. Только слабый очень.

Кориолан сразу расслабился и перестал напоминать орла на охоте.

— Ну вот и отлично. Сегодня я еще за ним послезу, затем это будет уже излишним. Ты и сама прекрасно справишься.

Хотела я спросить, как идет следствие, но он не дал мне и слова сказать.

— Завтрак есть? Я голоден.

— Вы на кухню проходите. Я сейчас что-нибудь приготовлю.

Туда мы прошли через спальню, где Кориолан внимательно осмотрел спящего архимага и удовлетворенно кивнул:

— Отлично! Все идет просто великолепно! Сейчас поедем и можешь отдыхать. А вечером мы наконец тебя оставим. Я же вижу, ты устала оказывать мне гостеприимство.

Знает, что надоел мне хуже горькой редьки.

— Но заботу о Гиаллене, уж извини, пока снять с тебя не могу. Придется тебе дожидаться, когда он наберется сил, а там вы сами решите, что дальше делать.

Я это и без него знала, поэтому задала другой вполне насущный вопрос:

— А о ходе следствия Вы нас будете ставить в известность?

— До определенного предела. Могу только сказать, что главный подозреваемый уже известен. Ты можешь назвать его имя?

— Мартония?

Ответом мне была сияющая, но не вполне искренняя улыбка.

— Совершенно верно.

— Как то это слишком просто, по-моему.

— А преступники, девочка, обычно довольно примитивные существа.

Ну-ну, поверим лорду-дознавателю на слово. Только вот омлета он не получит, пусть кашей довольствуется. Манной.

Через несколько минут каша уже булькала в кастрюльке, а Кориолан ездил сыну по ушам. Мол, следствие идет, колеса крутятся, а Юстину надо срочно ехать домой, в Кортал. Его Величество король Домиан собирается представить парня к награде за дело с оживлением Гиаллена. Больше всех ликует не король, а королева Эника. Она счастлива, что архимаг снова с ними.

Он не с ними, он с нами. Вон, в спальне валяется. А оживлял его не Юстин, а сам Кориолан лично. За что же парню награду? Ах, за то, что нашел тело и раскопал дело? Это мне надо орден давать. Но я не отношусь к кортальскому королевскому дому, так что мне ничего не светит.

Юстин попытался препираться с отцом, говорил, что домой не поедет, но кто его слушать станет?! Кориолан велел ему собираться и быть готовым на закате отбыть вместе с ним порталом.

Накормив лорда кашей, я собралась снова дежурить у больного, но меня отправили прогуляться. Кориолан лично его осмотрит и с ним побудет до обеда. А обед, естественно, должна обеспечить одна милая девушка.

Не знаю, кто такая?

В общем осталась я кухарничать, Юстин пошел к себе собираться, а Кориолан — к нашему архимагу.

Помня о том, что вечером принесут новый ларь, я расстаралась. Наготовила на декаду

вперед, чтобы потом этим не заниматься. Пока я буду с Гиалленом возиться, мне будет не до этого, а он минимум дней десять с постели не встанет. У него и физическое и магическое истощение, заклятья-то силу не из воздуха тянули.

На целительстве нас учили: чем маг сильнее, тем он быстрее восстанавливается. Канал, что ли, шире. Мне бы в его состоянии месяц пришлось в лежку лежать и еще три месяца по стеночке ходить. Этот, думаю, весь цикл провернет за три декады. Но и это немало. Как я их вынесу, одним богам известно. Тут столько факторов... Его кормить-поить, за ним чистить-убирать, мыть, готовить, а еще конспирацию блюсти, и вдобавок работать... И это если он приставать попутно не будет, а он будет, я же знаю. На что-нибудь физическое его еще долго не потянет, но мозги полоскать у него сил хватит. А на это тоже время тратится. Время моей жизни.

С другой стороны, я же его не брошу. Подрядилась, значит, дело надо довести до конца.

Перед обедом я вышла-таки на улицу, вернее, на крыльцо, исполняя повеление «прогуляться». Встретила Матильду. Та выглядела недовольной: рабочие всюду шмыгают с грязными ногами, за собой не убирают, везде беспорядок, работы ведутся преступно медленно. А теперь еще Ригодона нет, чтобы этих лентяев к порядку призвать. Пришлось пройти с ней к бригадиру и немного с ним поругаться. Что-то там не завезли? Другую работу делайте, тут ее достаточно. Хотя бы уберите за собой, вам за это заплачено. Хотите, чтобы я на вас лорда Кориолана натравила? Его сын, между прочим, тут учится, так что не проблема довести все до его сведения.

Имя Кориолана подействовало: мужик пошел гонять своих работников. Матильда чуть не рыдала от счастья: у нее, оказывается, непереносимость строительной пыли. Ригодон дал ей зелье, но помогает слабо: нос так и чешется и сопли текут.

Выяснив, что за зелье дал Ригодон и пообещав, что вернусь и посмотрю, чем можно помочь, я решила прошвырнуться до отдела зельеварения и прикупить там мое любимое средство от простуды. Я бы сама сварила, но некогда. Готовое тоже годится. Над ним немного поколдовать, и от непереносимости будет помогать в лучшем виде.

Недалеко от нужного мне здания я встретила Магали. Она бросилась ко мне как к родной. Еще бы, я ей три флакона моего эликсира отвалила. Отлично, сейчас насчет зелья для Матильды спрошу.

Спросила. Она радостно схватила меня за руку и потащила к себе, приговаривая, что нужного мне средства у нее море, она мне сейчас отошьет. Затем принялась нахваливать мою разработку, мол, чувствует себя как двадцатилетняя, а выглядит и того лучше.

Ну, на двадцатилетнюю она не тянет, но теперь ее никто не назовет немолодой и увядшей. Кожа подтянулась, морщины ушли, складок нет и цвет лица ровный. Цветущая женщина. Если она себя и чувствовать лучше стала... Я сделала ей комплимент и пообещала, что из следующей партии, которую я сварю, она получит флакончик в подарок. Таким, как эта Магали, стоит делать подобные презенты: никто лучше не разнесет весть о твоём волшебном эликсире.

Нужное зелье у нее действительно было в избытке, так что мне она налила стандартную винную бутылку. По глотку разлить в маленькие флакончики... Это двадцать пять пузырьков понадобится. И на Матильду хватит, и мне останется.

Раздумывая об этом я вдруг краем уха уловила имя «Сосипатра».

— Магали, а что там с Сосипатрой?

— Ну, я же только что рассказывала. Видела ее тут с мужчиной. У вас, кстати, работает.

Магистр, пожилой, но интересный. Глаза такие черные, прямо как я люблю.

Пожилкой с черными глазами? Эдилиен? А он-то тут при чем? Или это случайность? Магали между тем лопотала:

— Да я его с ней не первый раз вижу. Сиськи свои ему под нос засунет и что-то на ухо поет, а у него от удовольствия прямо вся физиономия лосниться начинает. Но на самом деле он ей даром не нужен, у нее другой есть, помоложе и из этих, как их... Членов Совета. Какие уж там у них члены, не знаю, старичье одно, хоть и выглядят не старыми. Но ее хахаль из свеженьких. А этот ваш магистр прямо губищи раскатал, на других и не смотрит. Обидно: чем я хуже? Сама бы с удовольствием охмурила, но против некромантки идти боязно. От них только гадости и жди. А она-то, она-то...

Дальше слушать я не стала. Извинилась, пообещала принести ей эликсир как только, так сразу, и рванула домой. Скорее все рассказать Кориолану.

Чем ближе я подходила к нашему корпусу, тем медленнее двигалась. Меня одолевали сомнения: а стоит ли рассказывать все лорду-дознавателю? На моей ли стороне он играет? Но я вроде обещала давать полную информацию...

Когда я, уже немного выдохшись, добралась до нашего здания, то увидела поджидавшую меня на крыльце Матильду. Пришлось идти с ней и на глазах у почтенной женщины зачаровывать зелье. Хорошо хоть она удосужилась найти заранее пять флакончиков. Нос и глаза у нее действительно были красные и распухшие, так что с помощью медлитель не следовало. Пока лила и наводила чары, она зудела над ухом не переставая, так что выходя от нее я уже плохо соображала.

Закончив с Матильдой, вернулась к себе, а там на меня как вихрь налетел Кориолан.

Куда я делась, и скорее-скорее-скорее, ему надо срочно поесть и отдохнуть, он всю ночь не спал, а вечером еще портал строить. Погнал на кухню и велел подавать, Юстин подтянется. Надо сказать, он меня так закрутил, что я потеряла ориентацию и обо всем забыла.

Быстро выставила на стол готовый обед для папы и сына, забрала свою порцию, бульон и отвар для Гиаллена, и пошла в спальню. Там, может, не едят, но там спокойно. Пришедший Юстин кротко остался с отцом. Надо сказать, неправильные принцы мне попали: не требуют, чтобы я им в столовой накрывала, питаются для конспирации на кухне, и вообще, готовы деревянной ложкой из миски лопать, как крестьяне.

Я же расположилась у столика в изголовье и спокойно поела впервые за несколько дней. Видимо, запах пищи раздражил обоняние архимага, так что тот начал крутить головой, не открывая глаз. Я тут же сунула ему в рот носик чайника с зельем, которое на этот раз сдобрила медом. Он допил жидкость и открыл глаза:

— Как хорошо, Мели.

— Что хорошо?

— Хорошо видеть тебя, а не этого засранца.

То есть, в мое отсутствие он просыпался, увидел Кориолана, и это ему не понравилось. Чем тот успел досадить пациенту?

— Теперь ты будешь видеть только меня. Лорд Кориолан возвращается домой.

— Я рад, Мели. Я тебе доверяю.

Он закрыл глаза, но не заснул сразу, так что я успела сообщить: в следующий раз будем есть куриный бульон. Он промычал в ответ что-то неразборчивое, которое я приняла за согласие, и наконец отбыл в царство бога сна.

Я подождала полчаса, затем сложила посуду и отправилась на кухню ее мыть. Юстина не было. Кориолан сидел там и что-то строчил в блокнот. Зыркнул на меня недовольно, но ничего не сказал.

Я вымыла посуду и вернулась к Гиаллену. Как бы мне тут устроиться поудобнее? Красавцы вечером оставят меня одну, надо будет как-то справляться.

Я перетащила из кабинета большое удобное кресло и установила в головах, подвинула столик поудобнее. Потом осмотрела лежащего мужчину.

Ну, раз уж мне выпало быть сиделкой, придется быть еще и лежалкой. Кровать у меня большая, места много. Пусть спит на правой стороне, я буду на левой. Не раздеваясь и под своим отдельным одеялом. Так выйдет безопасно для меня и для него. Ели с ним что-то случится, я буду спать рядом — услышу.

А если кто-то волнуется насчет моей репутации... Так нет ее давно. Здешние жабы и пиявки из нее фарш сделали и по земле растерли. Значит, незачем и заморачиваться. Будем исходить из удобства, а сейчас мне удобнее всего спать с этой мужчиной в одной постели, тем более что такой он совершенно безопасен. Я его в случае чего одной левой скручу.

Только наряды для сна надо подобрать поудобнее, чтобы нигде не тянуло, не впивалось и не сдавливало. Старые мантии отлично пойдут. Ну а пока посидим в кресле, почитаем. Вернее, поработаем.

Я достала собственные записи и пару старых конспектов (они у меня всегда в тумбочке у кровати прячутся), достала карандаш и принялась перечитывать то, что писала декаду назад.

Надо же, свои собственные строчки по прошествии времени читаются как чужие и их получается адекватно оценивать. В целом неплохо. Да что я, неплохо! Очень хорошо! Отлично! Вот тут и тут мелкие неувязочки, их продумать, поправить, сделать экспериментальную партию, и вперед!

Испытаем на Магали, она же на это подписалась.

Я подобрала под себя ноги и стала прикидывать, как развязать мои неувязки. Можно так, но лучше мы пойдем другим путем. Вместо бересклета возьмем ясновицу и на ней завяжем заклинание спрямления пути. Это должно прочистить желчные ходы и наладить пищеварение.

На этой мысли меня прервали. Аж два раза. Сначала проснулся Гиаллен и жалобно попросил бульона. Кувшин у меня сохраняет температуру, так что тепленький бульончик архимаг получил в ту же секунду. В этот раз я не стала поить его из чайника, тем более что тот занят под зелье, а покормила мужчину с ложечки.

Он, оказывается, такой трогательный, когда разевает рот и смотрит на меня умильными глазами. Такое чувство, что ест он не бульон, а что-то совсем другое, не имеющее отношение к пище телесной. Но целую миску слопал и не поперхнулся.

Когда я практически его докормила, вдруг влетел Кориолан. Сверкнул своими синими глазами, сказал: «Вижу, у вас все хорошо», и умчался назад в кухню, попути крикнув:

— Там ларь привезли и устанавливают, я велю старый на помойку вынести.

Ничего не понимаю. Я не слышала, чтобы что-нибудь привозили или хотя бы кто-то приходил. Он что, портал им открыл? Не может быть, на Острове Магов такое в принципе невозможно. Глаза мне отвел и уши? Вот в это я поверю.

Велев Гиаллену меня подождать, встала и поперлась на кухню. Два мужика, в одном из которых я узнала того, кто таскал мне бутылки, устанавливали новый ларь. Та же модель,

немного другое оформление. В стене действительно был открыт портал на улицу, и через него шестеро других волокли останки моего прежнего кухонного оборудования. Причем получалось, что они сразу оказывались на земле, а у меня второй этаж. Значит, порталы тут все же возможны?

Увидев вопрос на моем лице Кориолан снизошел до объяснения:

— В пределах Острова Магов, сиречь вашего научного центра, портал открыть можно, но только местный. Тащить такую тяжесть и привлекать к нам всеобщее внимание? Я открыл портал отсюда до свалки, а туда ребята подвезли новый ларь. Им удобно, нам хорошо, и никто не заметит. Это мои люди, Мелисента, можешь не беспокоиться.

Это он хорошо придумал. Свалка здесь есть, туда вываливают все ненужное и сломавшееся. Раз в три декады приходят артефакторы и отбирают остатки энергии, после чего все превращается в труху, которую можно не убирать, за людей это сделают дождь и ветер. А в порталах я не очень хорошо разбираюсь. Выстроить по координатам смогу, нас учили, но вот энергией напитать... На это меня не хватит. Теперь буду знать про местные особенности.

Тут меня опять отвлекли: у дверей стал скрестись Юстин. Пошла ему открывать.

Парень стоял передо мной мрачный, как похоронная процессия. Стоило мне сделать шаг назад, чтобы он смог войти, как он прижал меня к себе и погрузил лицо в мои волосы. Затем отпустил и сказал:

— Мели, я должен отправиться с отцом. Это приказ короля, а их не обсуждают. Но я вернусь, слышишь? Я обязательно к тебе вернусь и тогда ты дашь мне ответ.

В его голосе слышалась такая неподдельная боль, что я не могла это терпеть. Немного высвободилась, подняла голову, взяла лицо Юстина двумя руками и поцеловала от всей души. Он ответил яростно и страстно, так, что у меня дух захватило. Но вдруг его руки разжались и бессильно упали, поцелуй прервался. Лорд Кориолан, чтоб ему сдохнуть!

— Помнится, ты меня убеждал, что у тебя с Мелисентой чисто дружеские отношения. Я тоже не прочь так с ней дружить.

Думаете, я стала краснеть, мяться и говорить: «Ах, это не то, что Вы подумали, я сейчас все объясню»? Вспомните мое главное правило: не оправдываться! Я и сейчас не стала это делать, да и готовому что-то жалобное заблеять Юстину не позволила. Задвинула его за спину, что он, к моему удивлению, дал проделать с легкостью, и заявила первое, что в голову пришло:

— Мы прощались. И мы действительно друзья. Вы же настолько испугались наших отношений, что готовы испортить сыну жизнь, только бы от меня отвадить.

— Ну, если это дружеский поцелуй, то, может, ты и меня так поцелуешь?

— Вас? Вы мне не друг, Ваше Высочество. А я как хочу, так и целуюсь. И с кем хочу. Вас целовать не буду ни за какие коврижки.

Кориолан уставился на меня, взгляд его синих глаз из злобно-насмешливого стал тяжелым и манящим. Ментальным посылом обрабатывает. Знал бы он, как на нас менталисты тренировались, и как мы учились им не поддаваться! Да он же принц, никогда в университете не учился, не знает, на что бывшие студенты способны!

Я внаглую рассмеялась ему в лицо.

— Дорогой лорд Кориолан, это не сработает. У меня хорошая защита.

— Амулет?

— Нет, встроенная. Вы не первый менталист в моей жизни, ваши штучки я за милую

чую. Давайте расстанемся по-хорошему.

Мужчина подошел ко мне вплотную.

— Ты все еще собираешься морочить голову моему сыну?

Отводить взгляд я не стала. Наоборот, выпалила все в лицо могущественному господину. Пусть знает: я его не боюсь.

— Я собираюсь делать совсем другое. Жить, учиться, работать, стать наконец магистром, создать свой эликсир, а возможно и не один, открыть собственную аптеку и заработать кучу денег. Так понятно?

Кориолан ответил презрительно:

— Тогда Юстин тебе не подходит. Он принц.

— Я знаю, примерно это я ему и сказала. Но Вы могли бы отнестись к нему с большим пониманием, как я поняла, это первая любовь в его жизни?

— А в твоей?

Вот кто меня дернул за язык? Открыла рот и сказала чистую правду.

— Я пока, как мне кажется, еще никого не любила.

Реакция лорда на эти слова была странная. Он наклонился и впился поцелуем мне в губы. Никакого удовольствия: в этом поцелуе была агрессия в чистом виде. Стоявший до этого у меня за спиной Юстин вдруг рванулся и врезал собственному папаше по уху. Судя по всему, Кориолан этого не ожидал, так как свалился на пол. Я тоже не устояла на ногах и плюхнулась на попу. Затем встала и заявила грозно:

— Выметайтесь! Оба! Валите в свой Кортал, и чтоб я больше вас не видела! Все дела расследования, эликсиры, что там еще — через Гиаллена, когда он поправится. А меня оставьте в покое!

Юстин умоляюще протянул ко мне руки:

— Мели, за что?

Кориолан удовлетворенно улыбнулся и посмотрел на сына с нескрываемым презрением. Нарочно спровоцировал гад, знал, как я отреагирую. Да, менталистика — это не только магия, а еще и умение просчитывать чужую реакцию.

Но я свое слово уже сказала и менять его ни с того ни с сего не буду. Поэтому на реплику юного принца ответила гордым молчанием.

Юстин поднял с пола свою сумку, которую он туда бросил, как вошел, и с бесконечно подавленным видом поплелся в кабинет. Как я теперь понимаю, из окна у Кориолана местный портал куда-нибудь к мосту поближе. А в городе другой, прямо домой. Ну и скатертью дорожка!

Глава 20, в которой Мелисента отказывается выяснять отношения, зато узнает много нового

Когда через пару минут я зашла в кабинет, там никого не было, мне оставалось только закрыть окно. И тут я услышала слабый, но вполне узнаваемый голос:

— Мели, что-то случилось? Мели?!

Гиаллен проснулся. Я подхватила и бегом в спальню. Он полусидел на кровати, ухитрившись подпихнуть под спину подушки. Если так пойдет, он через три дня бегать примется! Я прикинулась рассерженной:

— На минутку отойти нельзя! Ляг как следует!

Он откинулся назад и засмеялся, вернее, изобразил тихий смешок.

— Ты такая забавная когда сердисься. Ты не умеешь по-настоящему сердиться, Мели.

— Еще как умею. И не дай тебе боги это увидеть. Зрелище не для слабонервных. Так что лежи спокойно, тебе пока нельзя двигаться.

Я вытянула у него из-под спины лишнюю подушку. Он кротко улегся, но глаза не закрыл, а все смотрел на меня.

— Я слышал шум и ругань в гостиной. Ты кричала, Мели. Что это было?

Мне не хотелось посвящать его в произошедшее, поэтому я сказала коротко.

— А, ерунда, Кориолана с сыночком выгнала, а то они драться надумали.

— Ты их прогнала, Мели?! Молодец! Ты умница у меня.

Я у себя умница, а в этой ситуации была круглой дурой, но Гиаллену этого говорить не стала. Перевела тему:

— Это ты сейчас будешь умником и выпьешь еще укрепляющего зелья. — С медом?

— С медом.

— А поесть?

— Могу дать еще бульону.

— Э, нет, бульон — это попить. Но можно и его, только с булочкой.

Ой, ну прямо пусечка-лялечка. Глазки такие просящие, отказать невозможно. Пришлось принести булочку, покрошить ее в бульон и покормить красавчика с ложки. Съев последнюю, он взял меня за руку и поцеловал ее сальными от куриного жира губами. Пришлось тут же идти на кухню и мыть руку вместе с посудой. Заодно я взяла кое-что перекусить для себя.

Вернулась. Архимаг лежал в той же позе, в которой я его оставила, но, когда я села за столик и разложила свои припасы, встрепенулся:

— Мели, ты обещала мне напиток.

Вот как! Напиток! Не питье, не зелье... Что же я ему обещала? Вино или настойку?

— Обещала. Сейчас поем и напою. Тебе в чашку налить или из чайничка удобнее?

— Обижает, Мели, я уже не бессознательный больной. Вполне могу пить из чашки.

— Ну и отлично.

Я принялась за свой ужин, который состоял на этот раз из творожка с зеленью и пары булочек с луком. Это только мужчины вокруг обожают сладкое, я его практически не ем, для гостей готовлю. В смысле напитков предпочла на этот раз присоединиться к моему пациенту: укрепляющее питье и мне не повредит. Он посмотрел, как я наливаю из кувшина в две чашки:

— Мелисента, ты будешь пить то же, что и я?

— Ну да. Это тебя удивляет?

— Это меня радует. Мне приятно, моя девочка. Это как поцелуй.

Вот только поцелуев мне и не хватало. Этот тоже туда же.

— Ал, не надо, не серди меня.

— Ты так мило сердишься...

Откуда ушли, туда и пришли. Я рыкнула:

— Не прекратишь, уйду и сяду тут один!

Глаза стали круглыми от удивления. Такого он от меня не ожидал. Я вообще-то довольно стержовная особа, почему все вокруг считают меня ангелом с крыльшками? Кроме Кориолана, разумеется, он-то уверен, что я низкая интриганка.

— Не уходи, Мели, я ничего плохого не хотел сказать.

Вот то-то!

Главное — поставить на своем, а смысл... Что нам в смысле! Зато Ал затих и ждет, когда я ему дам попить. Послушный больной — радость целителя.

Поужинав и напоив моего подопечного, я решила немного позаниматься перед сном, но на удивление робкий голос Гиаллена заставил меня переменить намерение.

— Мели, я не знаю... Придется просить тебя о помощи... Кориолан мне помог, но теперь его нету...

Блин, до меня дошло. Он писать захотел! И что прикажете делать? Могу тазик принести. Я так и сказала и удостоилась новой порции круглых глаз.

— Мели, мне неудобно...

— В смысле ты стесняешься, или трудно писать в тазик?

Он вдруг глупо захихикал:

— Да нет, в общем нетрудно. Я скорее стесняюсь. Ты видишь меня таким беспомощным...

— Ты не стесняйся, а двигайся на край кровати, тазик я тебе сейчас принесу.

Следующие полчаса мы писали, затем я обтерла его влажным полотенцем и переменяла нижнее белье, которое на него, видимо, надел Кориолан. В моем ларе Ал лежал голышом.

Я к таким процедурам отношусь совершенно спокойно, как и к наготу. Наши практические занятия у целителей и работа аптекаря приучили меня не рассматривать пациента как мужчину. Это объект, и так к нему надо подходить. Но Алу-то это в голову не приходило. Он краснел и бледнел, начинал тяжело дышать и вдруг замирал вообще без дыхания, отводил глаза, а затем искал у меня на лице признаки смущения.

Взрослый мужчина, старше меня гораздо, не то, что Юс, а ведет себя как глупый мальчишка.

Потом я подумала: а если бы я была пациенткой, а он меня лечил... Я бы так же подурячки себя вела? Нет, наверное. Или да, но только в одном случае: если бы сама была влюблена в своего целителя.

Наконец когда с гигиеническими процедурами было покончено, мы так устали оба, что заснули. Ал сразу, как только я укрыла его одеялом, а мне пришлось еще убираться и переодеваться.

Но свой план с использованием собственной кровати я в жизнь воплотила. Притащила второе одеяло, пару подушек, и свила себе гнездо. Даже если Гиаллен проснется и меня увидит, шансов добраться до тела у него никаких.

Утро застало меня крепко спящей. За вчерашний день я так утомилась, что спала, спала и спала. Даже чувство долга не могло меня добудиться.

Проснулась же от того, что кто-то ласково гладил меня по волосам, время от времени цепляя уши. Они-то и просигнализировали о чужом вторжении в мое личное пространство.

Открыла глаз и увидела еще один, только не мой. Как интересно! Я всегда была уверена, что глаза у Гиаллена карие, а они у него темно-темно серые. Красивые.

Я приподняла голову и открыла второй глаз. Никто на меня не покушается, Ал лежит тихо и только смотрит на меня внимательно.

— Мели, ты уже не спишь? Я бы хотел позавтракать, ты не возражаешь?

Нахал! Позавтракать? Что ему можно дать, чтобы не навредить? Молока? У меня есть еще пара кувшинов. Омлетик? Тоже пойдет.

Я поднялась с постели, порадовавшись моей выдумке одеться в мантию. Предложила молоко, булку и омлет на завтрак и получила радостное согласие.

Ну, раз он у нас такой герой, сейчас я его умывать буду. Неумытых завтраком не кормят. Усадила его обложив подушками, принесла таз и кувшин, хотела уже умывать, но он отказался:

— Мели, не надо. Я сам. Мне уже гораздо лучше. Только... Ты мне потом, после еды, тазик подставь. А завтра я уже сам смогу встать.

Ну, если он у нас такой орел, что я могу возразить?

Умылись, поели, слили лишнюю воду из системы... Я тоже привела себя в порядок и позавтракала. Надо бы чем-нибудь полезным заняться, ан нет. Стоило мне попытаться уйти, как Гиаллен протянул руку и схватил меня за одежду.

— Мели, можно с тобой поговорить?

Какие все вокруг разговорчивые! Но сейчас его лучше не волновать, поэтому я сказала без энтузиазма:

— Поговори, если тебе так надо.

— Тогда сядь рядом, а лучше ляг.

Заметив, какое неприятно удивление вызвали эти слова, пояснил:

— Это чтобы у нас глаза были на одном уровне.

Ложиться я не собиралась, а сесть — села, после чего меня взяли за руку и повели разговор:

— Мелисента, Юстин уже тебя замуж звал?

— Звал.

— В любви признавался?

— Ага.

— А ты?

— А что я? Он принц, я аптекарша. Здоровье дороже.

Он вдруг рассмеялся странным смешком, в котором перемешались недоверие с удовлетворением.

— Ты удивительное создание, Мели. На редкость холодное и циничное, и в то же время фантастически доброе и душевное. Как в тебе все это уживается?

— Не знаю. А в чем ты видишь мою такую потрясающую доброту?

Он отпустил мою руку, затем снова дотронулся до моих пальцев.

— Да хоть в том, как ты со мной поступила. Не бросила, не уничтожила, вытащила и спасла, вернула жизнь, а теперь стараешься вернуть здоровье. А могла поступить

совершенно иначе.

— Ой ли?

— У тебя была куча вариантов. Например, найти тело и сжечь его.

Больше делать мне было нечего.

— А дух бы меня преследовал всю оставшуюся жизнь.

— Не факт. Скорее всего, он бы развеялся, ведь это был не настоящий призрак. Он был очень привязан к своей телесности.

— Жаль, что это не пришло мне в голову раньше. Возможно, я бы так и поступила.

— Неправда. Это ты только так говоришь. Ты не сожгла мое тело, не развеяла мой дух, не сдала меня Ригодону, а ведь могла. Большой любви ты ко мне не испытывала, но губить не стала.

Зачем мне было его губить, когда я планировала страсти с него вознаграждение?

— Мы с тобой договор заключили, ты забыл? Взаимовыгодный.

— Об этом договоре я и хочу с тобой поговорить. Внести в него некоторую правку.

— Я помню. Сама хотела его пересмотреть. Но пока ты во мне так сильно нуждаешься, готова подождать с обсуждением.

— Мели, ты думаешь, впоследствии я перестану в тебе нуждаться?

Я пожала плечами:

— Это естественно. Ты окрепнешь, и тебе не нужна станет сиделка и нянька.

— Мели, разве нуждаться можно только в сиделке или няньке? Сколько времени мы провели с тобою вместе пока я был духом?

Я уже счет времени потеряла. Работаю здесь не сказать чтобы давно, а кажется — всю жизнь.

— Да порядочно.

— Вот видишь. Времени у меня было достаточно, чтобы понять, как ты мне нужна, Мелисента! Такая, какая ты есть: добрая и вредная, ласковая и ворчливая, умная, циничная и одновременно по-детски наивная.

— Не морочь мне голову, Ал.

— Ты мне не веришь. Хочешь, я расскажу, как все было?

Можно подумать, я прямо-таки ничего не знаю.

— Все — это что?

— Все — это все. С того момента, как я осознал себя духом. Это случилось не сразу, пару дней меня как бы не существовало, но потом туман рассеялся и оказалось, что где плоть моя неизвестно. Зато я могу перемещаться по собственной квартире безвозбранно и даже залетать в соседние помещения. Как я потерял тело, вспомнить не удавалось тогда, не могу я этого и сейчас. Зато все остальное я постепенно вспомнил, как раз к тому моменту, как в отдел прислали нового начальника.

Обрадовался, наверное.

— Когда я увидел Ригодона... было бы лицо, меня бы перекосило. Он — последний, кого я хотел видеть на своем месте. Подонок, интригами выбившийся наверх, подлый и низкий тип.

Да, на его фоне ты у нас просто цветочек-одуванчик.

Он как будто подслушал мою мысль:

— Мели, я себя не оправдываю. Но уверяю тебя, если бы все те барышни, за которых ты так радуешься, встретили бы на своем пути не меня, а его, они расстались бы не только с

невинностью, но еще и со всеми своими ценностями и сбережениями.

В этом у меня сомнений не было. Ригодон — он такой.

Едва появившись, он вселился в мою квартиру, но не стал раскладывать вещи по шкафам и испытывать кровать на мягкость, а бросился искать мои бумаги. К счастью, они у меня неплохо защищены. Дверцей шкафчика под тягой ему отбило все пальцы, так что потом ногти сошли напрочь, на него все падало и он падал сам: ковер несколько раз выдергивался у него из-под ног.

Ого, какие штуки! Оказывается, я видела далеко не весь репертуар.

— Наконец мне удалось его основательно приложить. Уронить так, что он ударился головой и потерял сознание на несколько часов. После чего Ригодон решил временно прекратить поиски и лечь в постель. Я вспомнил, что духи могут пробираться в сны, и решил попробовать. Сначала получалось плохо, Ригодон просто вскакивал от жуткой головной боли, и все. Но на следующую ночь я ему устроил развлечение. Все ужасы, какие я когда-либо слышал или наблюдал, были к его услугам. При этом мне удалось привязать их к теме поиска моих записей. Что-то вроде: «Что будет с тобой, если ты не отступишься». Утром он встал весь измочаленный и съехал, но вместо себя прислал следующего кандидата.

У меня родился закономерный вопрос:

— Неужели среди них не нашлось ни одного порядочного? Всех их ты целенаправленно выживал. Интересно, почему меня тогда не стал?

— Да они все, не успеют в дверь войти, бросались искать мои записи! Просто мародеры какие-то. Один, не буду говорить кто, так просто сгреб мои книги и попытался вынести. В общем, выйти ему не удалось, да и шишка на затылке была знатная. Твоей приятельнице Мартонии я, как Ригодону, все пальцы отбил. Еще мороками всех пугал. Внедрялся в сны, там тоже будил все их тайные страхи. Так продолжалось декады четыре. Затем все прекратилось, и много месяцев никто мой покой не тревожил. К счастью, духи не требуют еды и питья и могут впадать в состояние, похожее на сон. Это ожидание.

— Чего же ты ждал?

— Не чего, а кого! Я ждал тебя! И дождался.

— Меня?

Я скорчила гримасу: очень в этом сомневаюсь.

— Ну, не тебя конкретно, но кого-то вроде. Того, кому я смог бы довериться.

— И как же ты определил, что я тебе подхожу?

— Элементарно. По поведению. Сначала я увидел милую девушку из очень мне знакомой категории «отличница». Не стал гнать сразу, во-первых, потому что соскучился по людям, а во-вторых, решил посмотреть, может, с ней можно будет договориться. Полагал что, в случае чего, всегда смогу напугать тебя до заикания.

Напугать? Меня? Я осторожная, но не пугливая, это точно.

— До сих пор так думаешь?

— Э, нет, это ты скорее всех до этого самого доведешь, а еще до пупырышков и синих чертей. Но это я теперь знаю, а тогда ты мне понравилась своим поведением. Не бросилась шарить по ящикам и полкам, а стала обживаться. Убралась, навела чистоту, разложила свои вещи... Стало ясно, что ты не грабить меня пришла, а жить и работать. При этом ты делала все так деликатно, не нарушая заведенный мной порядок... Вопреки себе я почувствовал к тебе благодарность. А когда ты попросила разрешения взять из ларя пирожные, то тронула меня до глубины души. Сказал бы «до слез», но какие слезы у духа?!

Надо же, я и не подозревала в нем таких чувств.

— Я просто пыталась быть вежливой. Матильда своим рассказом настолько меня впечатлила: я не сомневалась, что в квартире живет некая сущность и хотела ее задобрить.

— Тебе это блестяще удалось. Вечером ты пошла принять ванну и тут я увидел, что ты по-настоящему прекрасна. Передо мной была не отличница-заучка, а воплощенная женственность.

Знаю, знаю, сейчас заведет про грудь и бедра.

— Это можно пропустить.

— Нельзя, Мели. Я тогда совершил не слишком красивый поступок, но просто не мог от этого отказаться.

— Ты имеешь в виду что внедрил в мой сон и занялся со мной любовью?

Темно-серые глаза опустились, скрытые ресницами.

— Ты давно это поняла?

— Давненько. Но что я могла с этим поделать? Орать и топтать ногами? Какой смысл, если я все равно не могу тебя контролировать. Да и во сне все было очень мило.

— Только мило, Мели?

— Ты хочешь, чтобы я сказала, что сгорала от страсти? Обломись, не было такого.

— Жестокая девочка. Но все же: тебе было хорошо?

Все ему расскажи да покажи... Совсем обнаглел, гад.

— Не плохо. Давай рассказывай дальше.

— В общем, после этого я очень захотел чтобы ты осталась. Надеялся, что с тобой мы поладим, найдем общий язык и точки соприкосновения. Но не торопился: если бы ты сдала меня тому же Ригодону, то дни мои даже в виде духа были бы сочтены. С одним магом, вторгнувшимся в мой дом, я справлялся, тем более, что все приходившие были слабее меня. А если сюда пришел бы десяток...

Да, с десятком сильных магов целой армии не справиться. Но за его записями они гурьбой бы не отправились: такое каждый хочет для себя любимого.

— Я поняла.

— Потом ты пошла на встречу со своим новым начальством и получила задание. Но не ринулась его выполнять, а громко оповестила меня о случившемся и пообещала, что Ригодону с Мартонией моих результатов не видать, как своих ушей. В ответ я снял невидимость с голубой тетради. Не то, чтобы я хотел заставить тебя повторить мою работу, просто чтобы показать доверие. И ты его оправдала на сто процентов.

Еще бы. Для Ригодона с Мартонией я бы пальцем не пошевелила.

— Ты стала жить в моей квартире, и мне это нравилось. Ты работала, а по вечерам к тебе приходили сослуживцы, ты их поила чаем и кормила всякими вкусностями, готовить которые такая мастерица. Я ждал и боялся, что ты заведешь разговор обо мне и моих тетрадях, но ничего такого не происходило. А ведь каждый, кто к тебе шел, шел именно за этим, а не за вкусными плюшками.

А тебе почем знать, может, и за плюшками. Ты же их еще не ел. Да и не заметила я в ребятах особой злонамеренности. Или мне это просто кажется?

— Но ты даже не давала им возможности свернуть разговор на эту тропинку. Сама его вела, интересуясь делами своего гостя и ничего не рассказывая о своих. В общем, я долго тебя наблюдал, а затем решил. Снял запор с той тяги, где все было приготовлено для моего связывания. Дальше все было вопросом времени и моего умения делать намеки во сне. Ты

полезла в тягу и взяла в руки листок. Порезалась им случайно, но этого было достаточно.

— А если бы не порезалась?

— Тогда обязательно расшифровала бы надпись и сделала это уже сознательно. У тебя любознательность повышенная.

Вот как он меня себе представляет!

— Настолько, чтобы нарушить закон и стать участницей темного ритуала?

— Я бы нашел способ тебя к этому подтолкнуть.

Он бы что-нибудь придумал, не сомневаюсь. Талантливый, гад!

— Все остальное ты знаешь.

— Надеюсь. Если все, что ты мне до этого говорил, было правдой.

В ответ — совершенно искреннее возмущение.

— Ты думаешь, мои слова — ложь? Да я столько правды подряд за всю жизнь не произнес! Тьфу, аж в горле пересохло!

Я тут же вскочила и налила ему еще одну чашку отвара. Он торопливо выхлебал напиток и заметил:

— Ты сама подтверждаешь мои слова. Сердишься, не хочешь доверять, но заботишься как о родном.

— Не хватало еще чтобы ты тут загибаться начал, не успев воскреснуть!

Гиаллен приподнялся на локте, а потом снова откинулся на подушку.

— У тебя сейчас так глаза сверкали, Мели! В тысячу раз лучше бриллиантов в кортальской короне. Знаешь, что меня больше всего обрадовало, когда я сегодня проснулся?

— Ну и что же?

— То, что я наконец узнал, как пахнут твои волосы. Сдобой, корицей, травами, медом, немного полынью и почему-то дождем.

Весь запал у меня прошел. Когда тебе вдруг такое говорят, ругаться дальше просто не получается. Ответить? Получится либо заигрывание, либо глупость. Лучше промолчать и сделать вид, что не слышала.

Мне вспомнились мои сны, где этот гаденыш играл главную роль... Если он в них внедрялся и делал так, чтобы мы вместе это переживали, значит, мне передавались его чувства? Или, скорее, тени его чувств?

Ал некоторое время ждал моей реакции, но когда ее не последовало, снова взял меня за руку:

— Мелисента, скажи, я тебе совсем безразличен? Или неприятен?

Вот зачем он? Хочет все-таки выяснить отношения?

— Знаешь, Ал, давай о чем-нибудь другом. Вот например: вчера я не успела рассказать Кориолану о том, что узнала от Магали. Оказывается, наш Эдилиен встречается с Сосипатрой, но в то же время у нее есть любовник среди членов Совета Магов.

Он живо переключился, но спросил меня не то, что я ожидала:

— Мели, а ты полностью доверяешь Кориолану?

— Нет конечно. У нас с ним разные цели и задачи. Но в деле твоего воскрешения он очень даже помог, без него бы мы с Юсом не справились. Думаю, в его интересах вернуть тебя, ведь ты работаешь на благо Кортала.

— Девочка моя, ты такая наивная, хоть и умненькая. Неужели ты веришь всей этой кориолановой пурге про то, что каждый маг — патриот той страны, где он родился? По договору с Корталом, который дал мне деньги на разработку моих эликсиров, я пятнадцать

лет не имею право открывать никому секрет их изготовления. А сейчас эти пятнадцать лет истекли.

Вот это новость! Слышу первый раз.

— Когда?

— Примерно тогда, когда ты поступила сюда аспиранткой. Неделей раньше — неделей позже, какая к демонам разница?

Это получается, что Гиаллен имел полное право раскрыть свой секрет всем и продавать свой эликсир любой стране, которая заплатила бы деньги? Это было бы правильно, сила и особенно регенерация — не боевые эликсиры, скорее лечебные. Только Кортал смог сделать из них военную тайну.

Тогда я не просто дура, а совсем глупая телятина. В этой ситуации Кориолану наплевать на Ала с высокой горки, наоборот, ему было бы выгодно, чтобы тот никогда не вернулся, а все его разработки остались бы у лорда-дознателя. Найти эликсирщика для повторения чужих работ несложно, не у всех, как у меня, есть личные научные амбиции. Мартония, вон, описалась бы от счастья.

— Ал, ты собирался обнародовать свои работы?

— Ну, не совсем так. Я собирался сделать производство здесь, в Валариэтане, на Острове Магов. Продавал бы Регенерацию всем желающим, Силу... Придумал бы что-нибудь. Для нее есть и медицинские показания. Налоги шли бы в казну Совета.

— А невидимость?

— Невидимость — особая статья. На нее я денег не брал, своими обошелся. Торговался и с Корталом, и с твоей Элидианой, еще с Мангррой и Таримтой... Да все наши девять государств Союза интересовались. Все спецслужбы желали приобрести в эксклюзивное пользование.

Ну да, тогда им казалось, что это идеальное средство для шпионов. Поглядели бы они на эту стеклянную глыбу... Прозрачность — да, но никакая не невидимость. Ал, кажется, разделяет мои опасения в ценности его новой разработки.

— Но я, как видно, рано радовался и торопился с переговорами. Практика показала, что результат далек от совершенства. Думаю, над ней еще работать и работать, чтобы до ума довести. Но я разочаровался. Твой подход мне понравился гораздо больше моего. Общеупотребительное средство. Не для вояк, а для граждан.

Это он на мой Эликсир Красоты и Молодости намекает? Но что-то мы далеко ушли от нашей темы.

— Все это хорошо и прекрасно, но мы уклонились. Я тебе рассказывала про Эдилиена.

— Нет, радость моя, все по теме. Ты знаешь, что Эдилиен — мой соотечественник? Корталец?

— Да. И очень его уважаю.

Гиаллен пожал плечами.

— Не спорю, он очень хороший человек. Неглупый, прекрасный профессионал, а еще совестливый и порядочный, гораздо лучше меня. У него только один недостаток: им очень легко манипулировать.

— Это почему же?

— Именно потому, что он чересчур честный и порядочный. Ему не хватает здорового цинизма чтобы рассматривать предметы и явления в том виде, в каком они существуют на самом деле. Для Эдилиена всякие красивые слов затмевают истинный смысл. Его можно

заставить сделать любую гадость, и он с восторгом ее сделает, если только внушить что-нибудь вроде: ты делаешь это во имя своей родины, Великого Кортала.

Интересное рассуждение... Я задумалась:

— А во имя великой любви?

— Можно рассмотреть как вариант. Но одна женщина и целая страна... Масштабы, как ты понимаешь, несопоставимы. Это я к тому, что ради той же Сосипатры он пойдет на многое, но своей страны не предаст. А вот если лорд Кориолан укажет, в чем именно заключено блага Кортала... Ну, ты меня поняла.

Получается, по мнению Ала, Эдилиен, хоть уже не молод и опыт у него большой, все равно поддается на идеалистические вопли и Кориолан может им крутить как вздумает. А обо мне он такого же мнения?

— А я? Я такая же наивная?

— Ты? Нет, ты совсем другая. Я знаю, что ты любишь свою родину, но судишь обо всем здраво. Тебе красивыми словами голову не заморочишь. Просто по молодости лет и в связи с отшельническим образом жизни тебе не хватает информации. А если тебе ее дать в достатке... Выводы ты делать умеешь, я убедился.

Ну, хоть так. Не считает за дуру, за что отдельное спасибо. Кстати, мог про Кориолана заранее сказать, я бы с ним и связываться не стала.

— А что ты меня не предупредил? Я же не знала про твои дела с Корталом. Вот Кориолана на нашу голову привлекла.

Гиаллен ответил как-то грустно и задумчиво.

— Мели, если бы я видел другой выход... На тот момент это было наименьшее из зол. Кориолан — сильный маг, универсал, имеет право на некромантские ритуалы. Только он мог помочь, вы с Юстином не справились бы. А его человеческие качества...

— Это ты сейчас о чем?

— О том, что гад он, каких мало. Ты меня подонком считаешь, но по сравнению с лордом...

Сейчас он будет ругать Кориолана чтобы обелить себя? Не стоит, я и так знаю, что глава спецслужб отдельно взятому магу всегда сто очков вперед даст.

— Так все, тебе пора отдохнуть. Нечего тут языком трепать и волноваться. Потом все скажешь, в другой раз.

Я вручила архимагу кружку с зельем, в которое на этот раз было добавлено снотворное. Ему действительно надо поспать, чтобы силы накопить, а мне — подумать. Архимаг мой выпил все без разговора, попытался что-то еще сказать, затем откинулся на подушки и вырубился. А как вы хотели: мои зелья осечки не дают!

Я перебралась в кабинет, принеся себе из кухни немного припасов: колбасы, копченой рыбы, хлеба и зелени. Дверь оставила открытой: если Ал проснется, я услышу и прибегу.

Устроилась на диване, взяла по привычке блокнот и карандаш и принялась размышлять о том, что узнала.

Конечно, можно считать, что Ал на Кориолана по старой памяти наговаривает, но, если честно, мне так не показалось. Вспомнилось, как лорд вел себя со мной и что при этом говорил у меня за спиной. В лицо — ну просто ангел небесный, любит меня и уважает, а Юстину на меня всякие гадости наговаривает. Причем по-умному: не врал напрямую, но выворачивал все наизнанку. А если принять во внимание что он мне говорил о Кортале и своих взаимоотношениях с Гиалленом... Это уж настоящая ложь, и получалась она у него

легко и естественно, он лгал как дышал.

По сравнению с ним Гиаллен — почти простак. Я, конечно, утрирую, но архимаг мне практически не лгал. Умалчивал, но не врал напрямую.

Глава 21, в которой Мелисенте делают очередное предложение, а она понимает, что зря расслабилась

Гиаллен спал, а я размышляла. Сначала о нем, затем о себе, а под конец о том, о чем следовало подумать с самого начала.

Если принять на веру то, что он мне сказал и сложить с тем, что я и сама знаю, то история лишения архимага тела и возвращения ему одного смотрится совсем по-новому. С одной стороны это было выгодно Ригодону и Мартонии, из которых жаба имела еще и возможность осуществления. Но тому же Кориолану и его службе это тоже было выгодно! Мог он использовать Мартонию втемную? Мог, например через ту же Сосипатру и Эдилиена, которого тоже припряг с помощью обмана и высокой риторики. А мог он заставить того же магистра действовать самостоятельно? Это тоже возможно, и тогда получается... Получается что было не просто два злоумышленника, а две группы злоумышленников, действовавшие либо в сговоре, либо порознь.

А я во всей этой петрушке сыграла роль «свежий дурак с мороза». Юстин... Боюсь, он был со мной в одной команде. Два придурка, считающие, что игра ведется по-честному... Понятно, Юс верит Кориолану потому, что тот его отец. А я-то с какой радости?

Прав Гиаллен, с моей осведомленностью надо дома сидеть, на кухне. Да я в сущности не высывалась, плыла практически по течению, все произошло само собой, и все равно... Подставилась я знатно.

Теперь, когда у меня на руках живой, но еще очень слабый архимаг, нас вдвоем можно легко и непринужденно с кашей съесть.

Мелисента, соберись. Юстин тебе не помощник. Он у папочки из повиновения на секунду вышел, так его теперь к порядку призовут. Да и нет его рядом, укатил в свой Кортал и вернется, надо думать, не скоро. Значит, есть два пути: ждать, когда Ал придет в себя и восстановит не только здоровье, но и магические способности, или искать союзников.

Первый вариант для меня предпочтительнее, потому что где они могут быть, эти союзники, представления не имею. Но как минимум месяц скрывать архимага в квартире, ничем себя не выдав... Это нужно железные нервы иметь, а они у меня за последнее время совсем раздергались.

Есть еще одно соображение.

Ал скоро станет гораздо лучше себя чувствовать, это развяжет ему руки. Мне уже почти объяснились в любви, а тогда он перейдет от слов к действиям, и вряд ли я буду в состоянии что-то ему противопоставить. Может, напроситься к Эбенезеру на прием и честно рассказать о случившемся? Воспользоваться своим положением «свежего дурака», то есть дуры? Или это выйдет мне боком?

Да, дилемма... Куда ни кинь, везде клин.

Хорошо, зайдем с другой стороны. Сейчас весь мир будет против меня, кроме влюбленного Юстина, но его можно не учитывать. Помочь он ничем не сможет. Единственный, кто со мной в одной лодке — это Ал. Он, хоть и слаб сейчас, но телом, а не головой. И он жизненно заинтересован в том, чтобы со мной все было в порядке: кто его будет кормить, поить, купать и обслуживать, пока он сам не в состоянии о себе позаботиться? Не может быть, чтобы у него, кроме врагов, не было бы друзей, или хотя бы тех, для кого он важен.

Так что выбраться из этой муки без потерь я смогу только с его помощью.

К этому этапу моих раздумий наступило время обеда. Я пошла проверила подопечного: он уже начал ворочаться, скоро проснется. Ну вот и отлично, теперь я знаю, о чем с ним надо поговорить. Но прежде всего покормить гада, ему надо сил набираться.

Давешнюю курочку я измельчила в пыль одним примитивным аптекарским заклинанием, взбила со сливками и посыпала тертым сыром. Этакое суфле из птицы, прошу любить и жаловать. К нему подала бульон в чашке и свежую булку. На запах еды Ал открыл глаза и обрадовался:

— Мели, родная моя, ты мне обед принесла...

Сделала вид, что не услышала, помогла сесть и поставила перед ним поднос.

— Ешь давай, тебе надо сил набираться как можно скорее.

Он попытался что-то сказать, но уже сунул себе в рот первую ложку, так что вышло неразборчиво, то ли «очень вкусно», то ли «я постараюсь».

И суфле и бульон исчезли с рекордной скоростью.

— Спасибо, Мели, все было очень вкусно. Никогда не думал, что диетическая еда может быть такой восхитительной.

Приятно, когда тебя хвалят, даже за такую ерунду. Но я все еще демонстрировала суровость.

— Руки должны из правильного места расти, и все.

— Сладкая моя девочка... А у тебя что на обед?

Я показала: рагу с тушеными овощами и салат. Этого рагу я полтонны заготовила и разложила по горшочкам, теперь дней пять буду им питаться. Больше невозможно, надоест.

— Как вкусно пахнет! А когда мне будет можно такое?

— Через декаду, не раньше. Сейчас тебе подойдут только творожки, кашки, бульоны и суфле.

— А сыр?

Любитель сыра выискался. Прямо мой брат-близнец. Я тоже все норовлю с сыром съесть.

— Ал, я тебе в суфле тертого насыпала, неужели не заметил?

— Заметил, потому и спрашиваю.

— Будет тебе сыр. Поняла уже.

Он опять поднял на меня глаза больного щенка, но в глубине их посверкивала хитринка:

— Мели, посиди со мной. Пожалуйста. Мне лучше, когда ты рядом.

Вы бы могли отказать? Вот и я нет. Села в кресло, устроила свою еду на столике, после чего мы полчаса тихо сидели рядышком. Ели.

Когда я наконец составила в сторону грязную посуду, Ал снова завел:

— Не уходи. Побудь со мною.

Когда он так жалобно смотрит, невозможно противиться. Ну, не можем справиться с этим занудой, заставим его работать на нас. Я решила воспользоваться ситуацией и выпросить архимага как следует, чем мне может грозить его нахождение в моей спальне. Не в смысле физическом, а если его здесь найдут. А еще — к кому он может обратиться за помощью в случае чего.

Разговор должен был выйти доверительный, поэтому я не стала чиниться: разулась, забралась на кровать, села поудобнее поверх одеяла, подобрала ноги под себя, и завела речь издалека:

— Ал, сколько, по-твоему, понадобится времени, чтобы ты пришел в относительную норму?

С первого раза он меня просто не расслышал: уставился так, как будто не человек рядом сидит, а по меньшей мере дракон или птица-феникс. Затем осторожно вытянул руку, нащупал под подолом мою пятку, и расплылся в счастливой улыбке.

— Но-но! Пятки не щекотать!

— Не буду, Мели. Просто у тебя такие круглые аккуратные пяточки... Ты же не возражаешь, если я просто буду за нее держаться?

Фиг с ним, пусть держится. Может, внимательнее будет слушать.

— Держись, но руки не распускай! И не вздумай щекотаться, а то отделию душу от тела окончательно и бесповоротно! Ты помнишь мой вопрос? Отвечай-ка поскорее, а то у меня их много накопилось.

Он поморгал, вспоминая:

— Ты про норму? Не знаю, Мели, думаю, декады три-четыре, это если говорить о полном выздоровлении и восстановлении моего магического резерва. Физически я буду в порядке значительно быстрее: декада-полторы. Я уже сейчас гораздо лучше себя чувствую, чем вчера и даже чем утром.

Ого, какие он себе темпы планирует! Я на такое не рассчитывала.

— Это хорошо. Тогда давай обсудим такой вопрос: как ты предполагаешь возвращаться? Ты же хочешь вернуться и вернуть себе все, я правильно поняла?

Гиаллен задумался, затем заговорил медленно:

— Знаешь, когда я был духом, мне казалось, что, стоит снова попасть в собственное тело, и все вопросы решатся сами собой. Глупо было так думать. Сейчас я стал гораздо более уязвим, чем в бестелесном состоянии, особенно пока не вернулись все мои способности. Кстати, ты знаешь, что они должны усилиться и расшириться после моего пребывания на грани между жизнью и смертью?

Это, конечно, замечательно, но пока толку с того ноль. Пусть сначала в себя придет.

— Поздравляю. Но, пока они не вернулись даже в старом объеме, я бы на твоём месте подумала, как себя обезопасить. Раз уж не получилось разоблачить твоих врагов.

Острый и немного обиженный взгляд искоса и вопрос:

— Как я понимаю, держать меня у себя до полного выздоровления ты не хочешь?

— Ал, не обижайся. Не в этом дело. Просто, по-моему, здесь не безопасно. Если в деле замешан Кориолан... Он точно знает, где ты находишься.

Архимаг покачал головой:

— Ага, и ты боишься, что он может ударить по мне через тебя а по тебе через меня.

— Это ты к чему?

— Полагаю, ты не зря боишься, Мелисента. Насколько я понял, сын для него сейчас главный приоритет. Он не должен на тебе жениться. Если бы ты была гражданкой Кортала, у него нашлись бы простые и понятные рычаги, а так... Приходится изворачиваться.

Я представила себе все варианты борьбы Кориолана с браком собственного сына... Не нравится мне это.

— Думаешь, он бы мог меня убить?

Ал пожал плечами:

— Не своими руками? С превеликим удовольствием. Но сейчас твоя смерть сыграла бы против него, слишком нарочито, а Юстин еще не остыл. С другой стороны, если бы его

нельзя было бы заподозрить... Кориолан мастер на такие интриги. А что ты не влюблена в принца и не пытаешься его окружить, в это его мозги просто не способны поверить.

— Да я уж поняла.

После этих моих слов он немного помолчал, а затем заговорил каким-то новым, взволнованным и хрипловатым голосом:

— Есть одно средство, Мели...

— Какое?

— Чтобы успокоить Кориолана тебе нужно выйти замуж. За меня.

Вот еще! Жених выискался! Сам стоять не может, лежит с трудом, а еще вздумал свататься!

Ал тем временем вполне серьезно продолжал:

— Обдумай, моя хорошая. Для тебя это со всех сторон отличный вариант. Кориолан от тебя отвяжется.

Хорошенькое дело!

— Он-то отвяжется, зато ты привяжешься, причем на всю оставшуюся жизнь.

— А чем я не подхожу? Думаешь, буду тебе плохим мужем? Конечно, я старше тебя, но для мага я довольно молод, это не недостаток. Ты получишь все, что хотела и немножко больше: относительную свободу, звание магистра, свое дело и столько денег, сколько тебе за всю жизнь не потратить. А главное, Мели, у меня есть перед Юстином огромное преимущество: он никогда не позволит тебе осуществить свою мечту, а я сделаю все, чтобы она осуществилась.

Красиво звучит. Он прав: став принцессой, я должна буду распрощаться с мыслью о своей аптеке и амбициозными планами прославиться в качестве создателя «Эликсира Мелисенть». По большому счету, если бы ко всему тому, о чем Ал говорит, не прилагался бы он сам, взяла бы не глядя. Хотя и его бы кооптировала, но в качестве учителя и компаньона. Но мужа?

— Ал, зачем тебе это?

— Что зачем? Зачем я делаю тебе предложение? Станный вопрос: чтобы ты стала моей женой.

У меня это в голове не укладывается. Может, есть тайные мотивы, о которых я даже не догадываюсь?

— Ал, этот брак никак и ничем тебе не поможет. Не защитит от врагов, не даст ровно никакого преимущества. Кроме себя самой и связанных с этим неприятностей, я не принесу тебе ничего. Глупо как-то. Не вижу никакого практического смысла. Поэтому я хочу знать твою цель.

— Мели, я не Кориолан. Моя цель проста. Я хочу, чтобы ты никуда не делась из моей жизни, чтобы по моей подушке рассыпались твои волосы, чтобы обнимали меня твои руки, чтобы к обеду звал меня твой голос, чтобы за столом я видел перед собой твое лицо и твое тело сжимал в объятьях по ночам. В общем, чтобы быть с тобой, как говорится, в горе и радости, в богатстве и бедности, в здоровье и болезни. Горе и болезнь мы уже пережили, хорошо бы попробовать разделить на двоих также здоровье и радость.

Это он мне в любви признался? Старый прожженный циник Гиаллен, у которого ничего святого? Не верю, хоть дерись. Хотя звучит фантастически приятно. Нравится он мне? Конечно нравится. А если вспомнить, что я к нему просто привыкла, прикипела... Ну ладно, не к нему, к его духу, но все равно. Пусть это разные субстанции, но что-то общее в них есть.

Я смотрела на него, не зная, что ответить. Он увидел, должно быть, сомнение на моем лице, и заговорил снова:

— Мелисента, девочка, я не собираюсь тебя обманывать. Я говорю то, что есть. Когда-то я, образно говоря, порхал как мотылек, собирая пыльцу с каждого цветка.

Мотылек ты наш! Мотыль! Я фыркнула, сдерживая смех.

— Ты можешь смеяться, но когда-то у меня была дурацкая идея. Мне думалось, что, пока я молод, надо наслаждаться жизнью, а потом, когда-нибудь, я почувствую потребность продолжить себя в детях. Тогда я выберу себе красивую, здоровую, кроткую нравом и хорошо воспитанную девушку среди студенток, женюсь на ней, и мы произведем на свет многочисленное потомство, наделенное даром. Бред!

Да уж, бредятина порядочная. Хотя имела все шансы воплотиться в жизнь. Не знаю только, кто кому в таком браке жизнь ломает и испортит. Скорее всего пострадали бы оба.

— К счастью и к несчастью, но все повернулось иначе той самой ночью, когда неизвестный или неизвестные отняли у меня тело. Остался дух, который прожил бок о бок с тобой достаточно времени, чтобы понять: мне не нужна другая женщина. Я не собираюсь никого выбирать. Я хочу, чтобы всю мою оставшуюся жизнь рядом была ты и только ты. Если мне суждено увидеть моих детей, я хочу, чтобы ты была их матерью. Наверное, глупо звучит, но я люблю тебя, Мелисента. Ох, не думал, что смогу это произнести.

Он с надеждой уставился на меня, а я не знала, куда глаза прятать. Наверное, очень приятно услышать признание от любимого. Но когда сама не знаешь, какие чувства испытываешь, такое заявление в лоб выслушивать тяжело. Как ответить, если слова отказываются идти на язык?

Возникла длинная неловкая пауза, которую я прервала, соскочив с кровати. Чуть не упала: Ал крепко держал меня за пятку и не сразу отпустил. Зато следующие его слова показали, что он меня правильно понял.

— Ты полагаешь, что у тебя нет ко мне особого чувства, девочка. У меня есть причины думать, что это не так, но сейчас оно и не важно. Существенно то, что, выйдя замуж, ты станешь неинтересным объектом для Кориолана. Это вопрос безопасности. А со всем остальным мы не будем торопиться. Юстин же обещал тебе, что будет ждать? Я тоже могу. Ну как, согласна?!

Вот откуда он знает, что Юстин обещал? Ведь тогда он уже не был духом и не мог подслушивать. Насчет безопасности он прав, конечно, но, когда опасность пройдет, как от него самого отделяться прикажете? Брак-то придется заключать не шаляй-валяй, настоящий магический, а его разорвать может только смерть. Да и не решает брак стоящих перед нами задач, а только запутывает. Мы же не можем сейчас ни в храм бежать, ни документы составить: Гиаллена юридически не существует.

— Ал, все, что ты сказал, прекрасно, и, если бы это действительно могло нам помочь, я бы согласилась наверное.

— Наверное?

— Даже наверняка. Но как ты себе это представляешь? Действовать надо срочно, а ты пока — юридический нонсенс: человек, которого не существует. Вряд ли ты можешь жениться.

— Демоны, об этом я не подумал!

Ага, так торопился Юстину дорогу перебежать, что о главном забыл. Глаза Гиаллена забегали по сторонам, затем снова успокоились на созерцании меня любимой.

— Мели, тогда мы можем составить частный договор и заверить его магически.

Договор? Составить-то его надо, вот только что там будет написано и чем это нам поможет?

— И какого же содержания?

— Ну, ты меня спасаешь, я обязуюсь разделить с тобой все мои знания, а также движимое и недвижимое имущество и в благодарность жениться.

Ему кажется, что он хорошо придумал? Мне кажется, у него еще от слабости мозги плоховато работают.

— Чудненько. А в чем смысл? Что это дает? По-моему, ничего. С моей стороны Кориолана устроит только крепкий нерушимый брачный союз, а с твоей... Если он и тебе хочет насолить, то так мы еще сильнее подставляем. Так что будем сидеть тихо до того счастливого момента, когда сможем объявить о твоём возвращении во всеуслышание. Еще бы тебя отсюда куда-то сбегать...

— Мели, я без твоей заботы не выживу.

— Да знаю, а то бы ты уже давно ехал куда-нибудь в провинцию к какой-нибудь знакомой ведьме под крыло.

Гиаллен страшно удивился:

— Какой знакомой ведьме?

— Понятия не имею, но подозреваю, что у тебя таких не одна и не две наберется. А если нет... Со мной училась целая куча и, о счастье! С ними у меня всегда были отличные отношения. Ведьмы вообще отличаются повышенной женской солидарностью, иначе им не выжить. В твоём положении, при магическом и физическом истощении, лучше других тебе помогли бы именно они.

Маги от ведьм отличаются одним, но принципиальным свойством: источником своей силы. Если маг имеет так называемый резерв, который пополняется сам собой из окружающей среды, как яма песке водой. Ведьмы же собственного резерва не имеют, они берут то, что разлито в природе и пропускают через себя, трансформируя под задачу момента. Декан нашего ведьминского факультета как-то у меня на глазах обратила в пыль приличного размера валун для того, чтобы излечить ребенка от серьезного наследственного заболевания. Все связи в кристаллах она обратила в целительную силу.

Поэтому, кстати, говорить о силе ведьмы некорректно: тут речь идет скорее о навыке работы с ней, умениях и опыте.

Если маги с трудом делятся силой, предпочитая сливать ее не друг другу, а в зелья или артефакты, то ведьмы себя в этом не ограничивают: все равно про запас не оставишь. Поэтому, кстати, ведьму практически невозможно определить в тот момент, когда она не творит волшебство. Еще одно полезное свойство ведьм — возможность сливать силы и работать совместно, творя то, что ни один маг в одиночку повторить не в состоянии.

Я серьезно подумывала о том, чтобы попросить одну из бывших соучениц взять Ала на излечение. Если он какое-то время побудет далеко отсюда, а потом вернется, то сможет настаивать на признании его личности. Мол, у вас не было доказательств моей смерти, зачем же вы меня в покойники записали? Те, кто знают, как дело было, при таком раскладе вынуждены будут молчать, или выдадут себя. За некромантию у нас по головке не гладят.

Пока я так рассуждала, Ал смотрел на меня заинтересованно:

— А ты, случаем, не ведьма?

— Увы! Сим полезным даром природа меня обделила. Я всего-навсего третьесортная

магичка.

— Не прибедряйся! Ты первосортный зельевар-эликсирщик!

— Я от этого не отказываюсь. Но магической силы у меня кот наплакал, а тебе ведь именно ее в первую очередь надо восстанавливать. Тут ведьмы незаменимы.

— Твое укрепляющее зелье меня вполне устраивает. Смотри, как я на нем улучшил здоровье всего за пару дней! О! Давай я встану и ты меня проводишь в ванную. Хорошо?

— Может, подождем?

— Чего ждать? Давай попробуем! Кажется, я уже способен на такой подвиг. А чем скорее я начну ходить, тем лучше.

С этим доводом трудно было спорить. Так что я помогла ему спустить ноги на пол и надеть тапочки, затем уложила его руку на свой загривок и мы дружно, хоть и медленно, встали. Затем в том же темпе добрались до ванной, где я для начала растерялась.

Что тут делать? Мыть? А как, если подопечный на ногах держится весьма условно и бросить его, чтобы хотя бы воду включить, не представляется возможным?

В общем, прикинула я, и поступила не очень прилично, зато разумно и практично. Усадила архимага на стульчак, стянула с него всю одежду (он попробовал было отбиваться, но у меня не забалуешь), затем налила в ведро и в таз теплой воды, намылила мочалку и вымыла красавчика с мылом. Не беда, что вода на пол прольется, потом подотру и высушу.

Гигиенические мероприятия пошли архимагу на пользу. Он сразу похорошел: из серосизюлевого стал просто бледным. Сложен он изначально отлично, так, что даже излишняя худоба ему не вредит, скорее, подчеркивает достоинства. Когда высохнут волосы, будет вообще глаз не оторвать.

Гиаллен кротко терпел всю процедуру, до тех пор пока я не сделала шаг назад для того, чтобы обозреть результат собственных трудов. Я получила от этого еле живого задохлика, который сам стоять не может, такую улыбку...

Да он со мной заигрывает! Мелисента, ты круглая дура! Можно было догадаться, что он всю дорогу не страдал, а наслаждался.

Я почти грубо закутала его в большую банную простыню, из которой только глаза торчали. Ал замычал, пришлось ослабить хватку и освободить ему рот.

— Что не так?

— Все так, Мели, спасибо, ты замечательно меня помыла. Оказывается, я об этом мечтал все время, пока был духом. Скажи, тебе было противно?

Нашел, что спросить. А вот не стану отвечать! Я хмыкнула и отправилась в спальню за чистым бельем. Наш разговор мы продолжили, когда Гиаллен был вытерт, переодет и доставлен обратно на постель. Удивительно, но после мытья сил у него, кажется, прибавилось. Обратно он шел гораздо лучше, не так сильно на меня наваливался. Когда же я его уложила, укрыла одеялом и собралась пойти на кухню за едой, он поймал меня за рукав:

— Подожди, Мели, успеешь нам еду соорудить. Мы не договорили.

Ой, сейчас я опять его усыплю, а то он опять что-нибудь придумает. Гиаллен будто прочитал мои мысли:

— И не торопись поить меня снотворным. Я хочу сказать всего пару слов.

— Ну ладно, говори, только коротенько, мне еще еду тебе готовить, да и тебе пора отдохнуть.

— Рыбонька моя, ты же помнишь, что я внедрялся в твои сны.

Забудешь это, как же! Я посмотрела на него сердито.

— Не злись Мели, тогда же ты не злилась?! Понимаешь, сны — это сны. Там мы настоящие, даже если обстоятельства фантастические. Я не обладал твоим телом, у меня у самого тело отсутствовало. Сливались наши сущности. Если бы твое сознание и подсознание меня отвергали, ты бы просто просыпалась. Но у меня раз за разом получалось доставлять тебе удовольствие во сне. Там же я узнал тебя настоящую: ты нежная и страстная, живая и пылкая, вовсе не такая зануда, какую ты из себя строишь. И я тебе не противен. Ведь правда же?

— Иди на фиг, Гиаллен, на твоём месте я бы не стала это вспоминать, чтобы не получить по мозгам сковородкой.

— Ты же не будешь бить бедного беззащитного больного, Мелисента?

Не буду, тут и спорить нечего. В общем и целом я не могу не признать его правоты. Не противен он мне, совсем не противен. К духу его, вредному, заносчивому, самодовольному, но умному и незлому, я привыкла настолько, что он стал неотъемлемой частью моей жизни. Может ли занять это место живой человек? Настоящий Гиаллен из плоти и крови? Пока я не была готова ответить на этот вопрос, а время поджимало.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Пришлось сказать:

— Ал, конечно, ты мне не противен, скорее приятен. Я к тебе привыкла, и, хоть мне не нравятся многие стороны твоей личности, но с большинством твоих недостатков я согласилась бы мириться. Кроме невинных девиц, разумеется.

Он тихо рассмеялся:

— Мелисента, на этот счет можешь быть совершенно спокойна: в свое время я заставил Энику поклясться, что, когда найду свою женщину, то она перестанет с меня требовать свое любимое зелье. Теперь мы сможем продать ей твою разработку вместо запрещенного товара. Тысяча гитов за порцию.

Я прикинула:

— Боюсь, по этой цене не выйдет, королева не согласится так дорого платить. У твоего зелья одна доза в год, у моего — одна на месяц, да еще для начала стоит пропить короткий курс для оздоровления. Десять флаконов, каждый день новый.

Гиаллен радостно рассмеялся:

— Так это еще лучше, Мели. Десять флаконов за тысячу, остальные — еще тысяча на весь год. Итого две. Твой эликсир, как я понимаю, оздоравливает, возвращая молодость и продлевая жизнь естественным путем. Ну, почти естественным. А эликсир Манор омолаживает лишь внешне. Так что королева внутри почти старушка, ей твоя разработка как нельзя лучше придется.

Видно, я что-то не понимаю в торговле. Но такой расчет нравится мне гораздо больше моего, где за курс я планировала выручать всего сто гитов. Это если снабжать эликсиром Мелисенты только королеву. Но если посчитать... В той же Элидиане живет примерно десять тысяч женщин, достаточно состоятельных, чтобы раз в год заплатить сто гитов за красоту и молодость. Десять тысяч на сто... Это миллион! При себестоимости два золотых... И даже если половину придется отдать в казну, все равно! Полмиллиона золотом — это гораздо больше, чем две или даже три тысячи. А если продавать эликсир не только в моей родной стране... Это какие деньжищи можно заработать без всяких королей! Гиаллену с его госзаказом и не снились.

Но излагать свои соображения я не торопилась. Мало ли что, лучше придержать их до

лучших времен. Возможно, придется торговаться за наши жизнь и здоровье, тогда, если я смогу предложить королеве интересный вариант, это может сыграть нам на плюс.

Но сейчас вопрос в другом: выходить мне в результате за архимага или не выходить? Если он оставит барышень в покое, то, получается, выходить. С ним у меня интересное будущее вырисовывается, гораздо интереснее, чем с тем же Юстином.

Правильно сказал Кориолан: я плебейка, и нечего мне во дворцы лезть, все равно ничего хорошего для меня там не припасли. А архимаг...

— Ал, я не хочу после получения звания магистра оставаться здесь, на Острове магов. Валариэтан, конечно, местечко престижное, но я бы предпочла частную жизнь вместо здешнего политического гадюшника. А ты — член Совета Магов...

— Мели, да я с удовольствием пошлю весь Совет куда подальше, если ты согласишься уехать.

— Но сначала мне нужно звание магистра.

— Будет тебе магистр. Так ты согласна?

Я опять сделала шаг назад:

— Давай не будем торопиться. Давай ты сначала хоть немного выздоровеешь. А там... Я дам тебе ответ.

— Положительный?

И я твердо сказала:

— ДА!

Сказала и не соврала. Если я дам тебе ответ, дорогой, то только потому, что деваться мне некуда. Тогда уж он точно будет положительным.

Гиаллен со счастливым лицом откинулся на подушки. Кажется, снотворное давать не придется. Он так умаялся, бодаясь со мной, что теперь проспит до самого ужина.

Я выбралась в кабинет и решила прилечь там на диван. Готовить я ничего не собиралась: взбить творог со сливками и ягодами — одна минута, зелья у меня еще пара кувшинов. Так что я со спокойной совестью могу отдохнуть. Но сначала...

Я достала все свои последние записи, которые не были сделаны на зачарованных тетрадах, и сожгла их в камине. Жалко? Еще как! Но так я точно буду уверена. Что они ни при каких обстоятельствах не попадут в чужие злонамеренные руки. Мои же лабораторные журналы были в безопасности, их я могла оставить где угодно и не бояться, что кто-то прочтет их секреты.

Еще в университете одна ушлая ведьмочка по имени Люсинда за десять золотых зачаровала мне десять тетрадей. На сегодня я исписала не больше половины. Прочитать, что там написано, могла только я. Если же кто-то другой пытался снять это колдовство, тетрадь осыпалась белым пеплом. Это довольно распространенный прием, но Люсинда не поленилась: обычно зачаровывают всю тетрадь и заклятие снимают тоже со всей, а тут каждый лист был зачарован отдельно, за то и заплатила золотом, а не серебром. До такого извращения ни один маг не додумается, а значит, злоумышленник сможет прочесть максимум одну страницу.

Не то, чтобы я не доверяла Гиаллену, или кому-то конкретно, я просто не доверяла никому. Даже себе не очень: ведь я практически согласилась на предложение архимага без особой внутренней борьбы. Вот в таком параноидальном настроении я уничтожила все мои текущие записи, половина которых относилась к расследованию, а другая — к созданию моего эликсира. Не то, чтобы по ним можно было восстановить ход моих мыслей, я просто

не хотела давать гипотетическому врагу ни малейшей зацепки. Ничего, если понадобится, восстановлю. Уж факты и ход собственных рассуждений как-нибудь вспомню, память у меня хорошая.

Выполнив то, что сочла долгом перед самой собой, я все же улеглась и часочек-другой подремала. Затем поднялась, прошла на кухню, приготовила ужин для двоих и решительно разбудила Гиаллена.

— Ал, проснись, я тебе творожок принесла.

Он тут же открыл глаза и одарил меня той сияющей улыбкой, с которой начинались все его лекции. Но сейчас все это сияние предназначалось мне одной. Покормить себя с ложечки он мне не позволил, но вот вытереть обляпанные щеки и рот разрешил. Ужин прошел так, как будто мы давно женаты, и я выхаживаю своего дорогого мужа после тяжелой болезни. Убрала посуду, я решила вернуться в кабинет и лечь спать там. Гиаллену ночная сиделка, на мой взгляд, уже не требовалась. Но он ухватил меня за руку и так жалобно упрашивал остаться, мотивируя тем, что все равно сделать мне ничего не сможет, я в безопасности, а ему приятно... В конце концов я сдалась.

Знаю я этого типа: с него станется устроить мне веселую ночку и начать помирать просто назло. Зато теперь он доволен, а я смогу спокойно выспаться. Завернулась в отдельное одеяло и до утра...

Утро настало как-то внезапно. Разбудило меня непривычное чувство, что кто-то на меня смотрит. Открыла глаза и увидела, что Ал уже не лежит на боку тихонько, а приподнялся, опирается на локоть и смотрит на меня сверху вниз. Хотела вскочить и начать суетиться, а потом подумала: зачем? Мне и так хорошо, ему тоже. Сейчас еще полежу, потом встану и пойду готовить завтрак. Но Ал не захотел ждать, когда я соизволю подняться:

— Мели, ты мне поможешь? Сегодня я чувствую себя гораздо лучше, думаю, сам дойду до туалета. Ты только подстрахуй.

Не станешь в таком отказывать. Пришлось встать, привести себя в порядок и отконвоировать Ала в ванную. На этот раз шел он сам, только пошатывался, но я вовремя подставляла плечо. Там попросил сначала его оставить, затем позвал:

— Мели, ты мне не поможешь принять ванну?

Помогу, куда денусь. Налила воды, подогрела, помогла мужчине туда залезть. Он стыдливо не стал снимать белье. Можно подумать, я чего-то там не видела. Зато когда я взбила пену, он выбросил на поверхность грязные вещи.

Чистюля, по два дня в одном не ходит. По мне, так это плюс, причем огромный. Ненавижу грязных вонючих мужиков, которые благоухают помойкой но при этом считают себя подарками.

И вот, когда одетый в чистое и уложенный в кровать Гиаллен пытался удержать меня еще минутку, чтобы сказать что-то, по его мнению очень важное, в лаборатории послышался грохот.

Я рванулась туда, надеясь, что не случилось ничего особо страшного. Но меня опередили. Двери ванной распахнулись и в них возникла толпа народа. Впереди шел здоровенный мужик в синего цвета мантии охранных магов. Морда у него была... Как будто он надел когда-то шлем от древних доспехов, да так и не снял. За его плечами стояли другие, и было их много, большинство незнакомые. Но двоих я узнала: белую бороду Эбenezера и голубые глазки Ригодона. Оба смотрели на меня из-за широченных плеч мага в синем, и препротивно улыбались. Особенно гнусно выглядел Ригодон.

Охранец вытащил из кармана свиток и произнес, глядя на меня оловянными пуговицами глаз:

— Девушка Мелисента, аспирант отдела эликсиров! Ты обвиняешься в запретной черной волшбе!

Глава 22, в которой Мелисента попадает в тюрьму и узнает на опыте, что значит женская солидарность

Сразу после этих слов в спальню вбежали шесть молодых парней в синих мантиях, местные силовики. Они окружили меня и кровать с Гиалленом. Бежать я не могла, да и архимага не бросишь.

Вот и случилось то, чего я боялась больше всего на свете. Если бы не обессиленный большой Гиаллен у меня за спиной, я бы упала духом. А так...

— Ерунда и глупость! Я эликсирщик, маг третьего уровня! Для черной волшбы, которую Вы мне приписываете, нужен хотя бы пятый! Ваше обвинение несостоятельно!

Из толпы вывинтился другой маг, уже в изумрудно-зеленом. Если мне не изменяет память, отдела с такой униформой на Острове Магов нет. Это валариэтанские служащие магического правопорядка, юристы. Жидкий невыразительный блондинчик сиял от сознания своей власти.

— Девица Мелисента, мы не уполномочены разбирать Ваше дело, мы должны лишь доставить Вас в место, где Вы будете содержаться до суда. Ордер на Ваш арест оформлен верно. Протяните руки.

Он тряхнул тем, что вытащил из кармана: это были кандалы, да не простые, а блокирующие магию. Они перекрывают каналы и магическая энергия, до того свободно циркулировавшая, устремляется к своему источнику, выжигая все на своем пути. Для сильного мага это страшная пытка, для такой, как я — практически убийство. Несколько часов в этих наручниках — и меня можно будет хоронить, причем умру я в страшных мучениях.

Наверное, по мнению этих красавцев, я должна была испугаться, упасть им в ноги и молить о пощаде. Не на ту напали!

Вместо ужаса меня охватило холодное бешенство, а оно делает меня способной на многое. Моя соседка по общежитию всегда мне завидовала: разозлившись, я умудрялась вспомнить даже то, чего никогда не знала. Она же в подобном состоянии забывала даже то, что выучила наизусть. Так что кому-то не повезло: мне тут же полезли в голову параграфы законодательства, которые я принялась цитировать с невозмутимым видом:

— Статья номер тридцать шесть, пункт б. К магам, вина которых не доказана по суду, с уровнем дара ниже пятого, блокирующие магию наручники не применяются. В этом случае их применение приравнивается к пыткам и наказывается по статье сорок седьмой «О превышении служебных полномочий и применении недозволенных методов следствия». От десяти лет запрета до блокирования магии.

Блондинчик дернулся, но не отступил:

— Ничего не знаю. Приказано доставить Вас в кандалах, блокирующих магию.

— Приказано? Кем именно? Объявите это при всех, пожалуйста, чтобы они могли свидетельствовать перед судом, когда будет разбираться дело о пытках и убийстве ни в чем не повинной свободной магички.

Я вопила во все горло, делая вид, что просто говорю. Ну вот, голос у меня такой громкий. И крики мои свое действие оказали: количество народа за спиной у законника постепенно росло. Судя по всему, они открыли в лабораторию прямой портал с улицы, и маги потянулись на шум, привлеченные непривычным зрелищем. Грубо нарушать закон на

глазах у почтеннейшей публики не каждый решится.

Если мой голос привлекал независимых свидетелей, то содержание речей неожиданно оказало воздействие на молодых ребят в синих мантиях. Один из них вдруг покраснел, как свекла, а другой тихо проговорил:

— Мы не договаривались, что это будет сделано незаконными методами.

— Она некромантка! Какие еще законные методы? — завопил шкафандр в синей мантии.

Но парень стоял на своем.

— Это пока не доказано, а уровень у нее третий, я амулетом проверил. Мы согласны подчиниться приказу, но он должен быть законным. Мы свободные маги, а не убийцы. В тюрьму так и быть отведем.

В тюрьму? А как же Ал? Я его не успела покормить и напоить зельем. Да и оставят его на растерзание этим стервятникам...

Я обернулась, чтобы глянуть, как там мой подопечный, и чуть с ума не сошла. Пока я тут с синим мордоворотом препираюсь, блондинчик успел зайти мне за спину и уже запер наручники на запястьях Гиаллена. А его-то за что? Я завопила как ужаленная:

— Прекратить немедленно! Вы что, совсем с ума сошли?

— А что, — нагло возразил мне изумрудный гад, — архимаг как раз выше пятого уровня.

— Если уж вы тут некромантов ловите, то он — жертва! Пострадавший! У него налицо симптомы магического истощения! С каких пор на пострадавших надевают наручники, да еще при таком диагнозе?

— А кто этот диагноз поставил? Вы? Так Вы не целитель, он недействителен.

С каким удовольствием я бы выцарапала подонку глаза и повыдергала все волосенки! Но приходилось держать себя в руках и действовать исключительно горлом.

— Эй, есть тут целители? Архимаг Эбенезер, откликнитесь! Только что Вас тут видела!

Фигушки! Благообразная физия, окаймленная белой бородой, пропала, как будто его тут и не было. Я увидела золотые волосы и белую мантию другого целителя, и стала выкликать его:

— Авентил! Авентил Горренский, не уходи, я тебя уже заметила! Двигай сюда, будешь ставить диагноз.

По сути, это было уже излишне: такой диагноз мог поставить любой первый встречный маг. Гиаллену хватило пары минут в кандалах: он уже не сидел, а лежал без сознания со свинцово-серым лицом и тяжело со свистом дышал. Еще полчаса, и можно хоронить. Но от меня требовали формальное подтверждение от дипломированного целителя.

Авентил явно разрывался между нежеланием во всем этом участвовать и долгом целителя. Наконец последний возобладал: парень подошел, положил руку на яремную ямку, нащупал пульс и объявил:

— У пострадавшего тяжелое физическое и магическое истощение, а Вы своими действиями вогнали его в магическую кому. Немедленно снимите с него кандалы, иначе мне придется выдвинуть обвинение в предумышленном убийстве.

Солнышко мое, хороший ты парень! Все тебе прощаю за эти самые слова.

Блондинчик зашипел что-то невразумительное и стал возиться с ключами. Он их терял, ронял и никак не мог с ними справиться еще несколько томительных минут. Наконец расстегнул кандалы, но свое дело они сделали: все, чего я добилась лечением, правильным

питанием и уходом, пошло прахом. Передо мной лежал полутруп.

Наверное из-за этого я перестала бороться и дала меня отвести под белы ручки туда, куда своей волей никогда бы не пошла — в тюрьму Валариэтана.

Она была выдолблена в скале, на которой гордо возвышалось здание Совета Магов и предназначалась для тех, кто нарушил закон. Естественно, простых людей туда не сажали, их просто выпроваживали за пределы Валариэтана и передавали властям их родных государств вместе с доказательствами вины. А вот магов сажали в камеры подземной темницы.

Когда-то там было многолюдно, но сейчас суровость закона и неотвратимость наказания сделали свое дело: тюрьма уже давно стояла пустой.

Не так уж много преступлений, за которые маги считают необходимым карать себе подобных, да и видов наказания всего три. За нетяжелые правонарушения в тюрьму не сажают, сразу надевают ограничивающий браслет сроком от трех до десяти лет и запрещают на этот срок заниматься магией. Сурово, но терпимо. Браслет с магией ничего не делает, только сигнализирует о нарушении.

За то, что считается тяжким преступлением, есть всего два наказания: смертная казнь или запираение магии теми самыми магическими кандалами. Почему-то считается, что смертная казнь — наказание более тяжелое. Ерунда. Голову отрубят, и вся недолга. А когда запирают твой магический резерв... Это долгий ад, страшные мучения, которые все равно заканчиваются смертью, просто не сразу, а через некоторое время, в зависимости от размеров этого самого резерва.

Так что если никто не поможет и меня приговорят, буду просить, чтобы отрубили голову: это значительно гуманней.

По дороге меня нарочно провели через мою ставшую родной лабораторию, в которую был открыт знакомый до дрожи портал. Привет от Кориолана: он сделал все, чтобы меня сдать, и все, чтобы я об этом узнала. Под тягой копался какой-то полицейский чин, доставая оттуда свечи, чашу и перья участвовавшей в обряде птицы. Следов лабораторных журналов Гиаллена не было. Затем меня провели мимо помойки, на которой тоже крутились маги в изумрудном: они изучали останки моего бывшего стазис-ларя.

Кольнуло запоздалое понимание: Кориолан вывез в нем бумаги Галлена, а я даже ничего не заподозрила. Нет бы еще вчера посмотреть, как там его тетради. Хотя что бы это изменило? Он все равно еще нетранспортабельный, по крайней мере моими силами.

Или изменило бы? Я могла уничтожить бумаги Ала так же, как свои.

От этих мыслей ноги мои начали подгибаться, так что моим конвоирам пришлось тащить меня чуть не волоком. За мной на одеяле четыре парня в синих мантиях несли бессознательное тело архимага.

Вся наша процессия преодолела мост на остров, затем нас провели вовнутрь по какому-то боковому ходу, заставили спуститься на три этажа и запихнули в камеру. Ала вместе с одеялом бросили на убогий топчан, а меня так и оставили стоять посередине.

Лязгнули запоры на окованных железом дверях, и мы остались одни в полумраке. Я заметалась, как пойманная мышь, между четырех серых каменных стен. Даже окошка нет! Только дверь, топчан с тонким тюфячком, на котором лежит Ал, привинченная к стене столешница размером с носовой платок и неподъемная табуретка. На столешнице красовалась жестяная миска, в ней по центру была прилеплена так называемая «вечная» свеча, которая может гореть несколько дней подряд, дававшая слабый, почти не разгоняющий сумрак, свет. Стукнувшись о табуретку, я на нее плюхнулась, и в голове

заметались мысли.

Странно мне это: зачем нас поместили вместе? И что мне теперь делать? Как спасти этого оглоеда? У меня даже воды нет. Он умрет у меня на руках, а я ничего не смогу сделать. Все осталось там, дома: и укрепляющий отвар, и еда... Ал совсем погибает: дыхание стало хриплым, на лбу холодный пот... Что делать?! Что делать?!

Так, Мелисента, возьми себя в руки. Будешь паниковать — погибнете оба.

Для начала я изучила камеру и выяснила, что она тоже антимагическая, но не такая, как кандалы. Те перекрывают движение магической энергии внутри тела, и она постепенно выжигает мага изнутри. А в этой камере просто нельзя колдовать: стены выпьют все, что ты выплеснешь наружу. Но если не совершать магических действий, то вреда особого не будет, разве ты уж очень надолго тут засидишься. Так что я как-нибудь обойдусь.

Но вот для Ала в его состоянии это может оказаться фатальным. Надо, чтобы его отсюда забрали в надежное место. Туда, где ему подадут помощь и не будут пытаться убить. Зря я, что-ли, его из-за грани мира вытаскивала?! Не могу допустить, чтобы мои труды пошли прахом! Но для начала надо кого-нибудь позвать, пусть хоть воды принесут. Это сейчас первое дело — напоить больного.

Пришлось опять пустить в ход собственные голосовые связки, а они у меня уже саднят. Еще так поору, и вообще немой стану. Я постаралась укрыть Ала уголками одеяла, на котором он лежал, чтобы не продрог, и завопила:

— Кто-нибудь! Кто-нибудь, сюда! Человек умирает! Спасите! Помогите!

Раздались шаги по коридору, кто-то подошел к двери моей камеры, глазок приоткрылся:

— Чего орешь?!

— Спасите! Человек умирает! Дайте воды и позовите лекаря! Пожалуйста!

Я уже не требовала, я молила. Без толку. Видать, тех совестливых ребят, которые не решились нарушить закон и заковать меня в кандалы, отправили куда подальше. Охранник за дверью сплюнул:

— Тьфу, орет, как резаная, без всякого смысла. Ну, сдохнет этот твой... Мне-то что. Мне приказано дверь не открывать, я и не открою.

— У Вас совсем сердца нет? Так и будете смотреть, как ни в чем не повинный человек умирает?

— Да на что оно мне? Не знаю я, кто тут в чем повинный, у меня приказ.

Бездушный ублюдок. Говорить ему что-то бесполезно, нельзя достучаться до мозга, если его нет. Надо ждать смены тюремщиков. Может, следующий будет гуманнее. Но Ал может просто не дожить!

Я смотрела на все дальше уходящего в небытие Гиаллена и в душе поднимался ком гнева и боли. Никому его не отдам! Никому не позволю сделать с ним плохое! Он мой, и только мой! Зря я, что ли, столько сил на него положила! А если его все-таки убьют... Моя месть будет страшной и всеобъемлющей! От Валариэтана камня на камне не останется, а Кориолан... Он пожалеет, что родился!

Ал глухо застонал, и мои мысли снова обратились к нему. Как спасти? Как хотя бы дотянуть до помощи? Я верила, что не все тут прихвостни Кортала, есть же нормальные люди и маги, Кориолан не мог купить всех. Надо сообразить, кто это может быть и дать им знать. А пока...

Решение пришло само. Я разделась, легла рядом с моим архимагом, укутала нас обоих огрызками одеяла, мантией и юбкой, благо обе суконные, прижалась грудью к его груди,

стараясь, чтобы не было зазора, и потихоньку начала вливать в него свою силу.

На полноценное восстановление меня не хватит, третий уровень есть третий уровень, но какое-то время я его удержу, а там... Вдруг помощь придет?

Время тянулось, как резиновое. Я потихоньку слабела, не получая подпитки извне, зато видела, что Гиаллену становится лучше. Он не пришел в себя, но уже не был таким холодным, сердцебиение стало ровнее и дыхание очистилось.

Наконец в коридоре послышались шаги, голоса, звяканье ключей, и кто-то заглянул в глазок моей камеры.

Новый тюремщик! У прошлого глаз был рыбий, а у этого карий и любопытный. Я соскочила с топчана и, нарочно не пытаясь прикрыться, заголосила:

— Спасите, помогите! Добрый человек, сделай что-нибудь! Архимаг Гиаллен умирает!

Мужик уставился на мою почти ничем не прикрытую грудь и сказал:

— Что ты глупости несешь, женщина! Архимага Гиаллена давно в живых нет.

Ура! Этот в курсе предыдущий событий. Если еще и вправду любопытный... Его можно уговорить помочь.

— Взгляните, это он! Живой!. Я спасла его, вытащила из лап смерти, а теперь его враги меня же обвинили в убийстве при помощи черной магии! Но не в этом дело! Если ему не помочь, он умрет уже окончательно.

— Ну... Не знаю... Тут кто-то из Совета нужен, у меня прав никаких нет.

— Воды! Дайте хотя бы воды!

— Воды дам, она заключенным положена.

Он ушел и вернулся минут через пять, открыл не глазок, а окошечко, и протянул мне кувшин. Хороший такой, бутылки на две будет.

А я снова стала к нему приставать:

— Я вижу, Вы добрый, хороший человек. Не хочу Вас подставлять. Сами Вы не имеете права ничем помочь, но хоть позвать сюда члена Совета можете?

— Какого? Девка, ты подумай. Тебя сюда как раз члены Совета определили. Так что я позвать-то могу, но ты прикинь, кто сможет помочь, а не навредить. Мне-то Гиаллен жизнь спас, не он, а эликсир его регенерический. Так что я помочь ему не против, только кого тебе звать-то?

Вопрос вопросов. В моем мозгу молнией пронеслись портреты всех членов Совета Магов. Менталисты, боевики, охранники — этих отмечаем сразу. Целители? Эбenezер показал свое настоящее лицо. У-ууу, прислужник Кориолана, жополиз. Высшие маги, рунные маги, теоретики? От них толку ноль. Стихийники? Огневики, водники, воздушники и минеральщики? Ничего про них не знаю, ни хорошего, ни плохого, и помощи не жду. Зельевары и эликсирщики во главе с Ригодоном? Мимо. Бытовики? Уже теплее. Их глава — женщина, уважаемая Волумния, она могла бы помочь... Но старая тетка, по слухам, смотрит Эбenezеру в рот и мне не поверит. Ведьмы? А вот это в десяточку. С их главной никто в Совете не решается связываться: себе дороже. Самая колоритная фигура на Острове Магов, да и во всех девяти королевствах. Ее знают не только маги и ведьмы, но все особи женского пола сколько-нибудь сознательного возраста. Еще бы! Главный редактор самого популярного женского издания, в каждом номере которого обязательно есть ее статья. Я такие журналы никогда не покупала, но читала довольно часто: в женском общезнании иначе нельзя. Все наши ведьмочки боготворили прекрасную Гиневру и мечтали быть на нее похожими. Она же насаждала среди своих адептов идеи женской солидарности и

взаимовыручки: ведьмам без этого нельзя, пропадут.

Так что ее образ мыслей могу себе представить: если удастся ей доказать, что меня подставили, то она обязательно поможет. Прекрасную Гиневру я уговорю, а вытащить сейчас Ала сможет только она. Не знаю, в каком он отношении с ведьмами, но они самые независимые, и если Гиневре рассказать по-честному как все было, то, зуб даю, она примет мою сторону.

На душе полегчало и я прохрипела:

— Гиневру позови. Никого другого не надо, позови Гиневру.

— Ты что, ведьма? — поинтересовался тюремщик.

— Нет, не ведьма, но с ними дружу.

Он замялся:

— Ты до утра продержишься? У меня утром смена кончится, я схожу за Гиневрой. Сейчас, извини, не получится, работа.

Хоть я и не была уверена, что продержусь еще час, но радостно закивала:

— Хорошо, хорошо, отлично! Я дождусь.

Тюремщик еще немного потоптался, видимо, любясь мною в неглиже, но затем вспомнил про свои обязанности и ушел. Я почувствовала, как успокаиваюсь. Помощь придет, надо только ее дожидаться. Вернулась к Алу, накинула на себя платье и стала его поить. Вода, она тоже силу имеет. Не магическую, конечно, но тем лучше: такую этой камере не отнять.

Добрый тюремщик возвращался дважды, принес еще воды и здоровый кусок серого плохо пропеченного хлеба. Я сжевала его весь, надо же как-то восстанавливаться. Затем прилегла на топчан рядом с Алом, обняла его, чтобы не скатиться на пол, устроила голову у него на плече и заснула как младенец.

Рано утром тот же тюремщик принес мне еще воды, забрал два кувшина и велел никому не говорить, что он мне их давал. Сейчас он сменится и пойдет позовет мне Гиневру. А уж как она, придет или не придет, бабушка надвое сказала.

Он прав, но я все же предпочитала надеяться на лучшее и не бросать попыток исправить положение.

Гиаллен выглядел плохо, но не хуже, чем вчера. В себя не пришел, зато при попытке его напоить, пил охотно. Если сейчас начать правильно его выхаживать, должен обязательно поправиться.

Я дождалась смены тюремщиков, которая сопровождалась звоном ключей и топотом, затем, когда все стихло, легла опять к Гиаллену и снова стала подпитывать архимага остатками своей силы. Ничего, живы будем — не помрем. Лишь бы Гиневры дожидаться.

Она пришла, когда я от слабости соскальзывала в сон. Высокая, стройная, статная, красивая, рыжеволосая и зеленоглазая. Идеал ведьмы. Возраст ее определить было невозможно, но выглядела она великолепно. В сумраке моей камеры ее алая мантия казалась языком пламени.

Она подошла ко мне, взяла за руку, и тут же я ощутила, как меня захлестывает поток чистой, как родниковая вода, магической энергии. Буквально за минуту она наполнила мой резерв, заставила подняться, глянула в глаза и выдала:

— Ну?

— Что? — пробормотала я ошарашенно.

— Зачем ты меня звала?

— Чтобы спасти Ала. Тьфу, архимага Гиаллена.

Отвечая, я неловко куталась в мантию. Вообще, в присутствии этой удивительной женщины я чувствовала себя некрасивой, нескладной, убогой и недостойной. Так, Мелисента, соберись, это не ты уродка, а всего лишь проявление ее дара. Я опустила глаза в пол, надела наконец мантию в рукава, поправила ее на груди и встала на ноги.

Теперь я наконец могу взглянуть в глаза этой могущественной ведьме.

О чудо! Гиневра смотрела на меня не с омерзением, а с доброжелательным интересом. Увидев, что я взяла себя в руки и готова к диалогу, спросила:

— Слушай, а ты уверена, что это Гиаллен?

А она сама не видит? Ну, на этот вопрос я могу ответить квалифицированно:

— На сто процентов. В том, что это именно он, у меня нет никакого сомнения.

— Расскажешь, — кинула она и подошла к топчану.

Всмотрелась в лицо архимага, взяла его за руку, затем положила ладонь ему на лоб. От ее прикосновений лицо Ала приняло умиротворенное выражение, он уже не казался несвежим покойником: видно было, что человек просто спит.

— Ты права, девочка. Как ни удивительно, это действительно Ал. Только он размотал всю свою силу. Это еще не кома, но где-то рядом.

Ведьма пошарила в карманах своей алой мантии и вытащила небольшую бутылочку.

— Сейчас я его забрать не смогу, подожди часа два. Пока будешь поить его водой с зельем. Да, ты же эликсирщик, должна в таком разбираться. Держи. Понюхай и попробуй определить состав.

Это хорошо сказать: понюхай. В спиртовом настое алкогольная основа все запахи забивает. Ведьмы вообще любят зелья на спирту. Но опыт есть опыт. Я принялась.

— Боярышник кроваво-красный, горечавка, мелисса, маннирия, зверобой, синюха, этидерия, аир болотный, синеока. Восстанавливающий эликсир со снотворным эффектом.

— Почему эликсир?

— Потому что магией напичкан под завязку. Не только восстанавливает физическое тело, еще и энергией питает.

Гиневра захлопала в ладоши:

— Отлично, девочка! Просто великолепно! Не пропустила ни одного ингредиента. Слушай, а у тебя точно нет ведьминского дара?

— К сожалению ни капельки. У меня и магический слабоват.

— Плохо. Такую умную девочку я бы с удовольствием забрала себе. А то мои ведьмочки, конечно, девочки талантливые, но, говоря по правде, в основном дуры дурами. Здоровы только магию попусту с места на место гонять, а головой соображать не хотят. Конечно, с годами это проходит, но ты вот уже в юном возрасте мозгами шевелить умеешь.

Приятно слушать такие комплименты от той, которой восхищаются все, но мне Гиаллена надо зельем поить. Я поблагодарила за лестное мнение, извинилась, налила зелье в кувшин (кружки-то у меня нет) и стала поить бедного Ала. Он глаз не открыл, но присосался с жадностью. Просто вода у него шла значительно хуже.

Я наблюдала, как под действием ведьминского эликсира уходит синева из-под ногтей, уменьшаются и делаются светлее тени под глазами, выравниваются дыхание и сердцебиение, руки и ноги согреваются и не напоминают больше ледышки.

— Ему хватит, теперь сама хлебни, — скомандовала Гиневра.

Я кротко выполнила приказ, а она прокомментировала:

— Небось всю ночь с ним силой делилась? Молодец, только так его можно было вытащить. Но теперь он пойдет на поправку, а тебе энергия самой пригодится.

Затем она глянула на меня лукаво:

— Скажи, как тебя, Мелисента? — дождавшись моего кивка, она продолжила, — Ты его любишь? Ала?

Хороший вопрос, сама хотела бы разобраться.

— Не знаю. Не думаю.

До той поры стоявшая Гиневра вдруг села на табуретку и указала мне устроиться на топчане рядом с моим архимагом, что я покорно и сделала.

— Интересно. Давай рассказывай.

— Что рассказывать?

— Все. С самого начала. Откуда ты взялась и где нашла нашего Гиаллена.

Я сделала глоток прямо из бутылочки и приступила к изложению своей бестолковой истории.

Ведьма оказалась замечательной слушательницей. Заинтересованной, любознательной, активной. Она задавала наводящие вопросы, комментировала, подбадривала и постепенно я выложила ей все и даже больше. Почему-то у меня было стойкое чувство, что так и надо, я все делаю правильно. Ей все рассказать не просто можно — нужно.

Особенно ярко Гиневра реагировала на имена действующих лиц. Она всех отлично знала. Похоже, к Гиаллену относилась неплохо, но особенно дружна с ним не была. Имена Ригодона и Мартонии вызвали у нее гримасу отвращения, Сосипатры и Теодолинды — презрение, Эдилиена — сожаление. Про Юстина она прослушала довольно равнодушно, зато, услышав имя Кориолана, Гиневра гневно сверкнула своими изумрудными глазами. Этот красавец вызывал у нее сильные отрицательные эмоции. Но говорить об этом она не стала, предпочитая слушать.

Кстати, подробное изложение вкупе с вопросами Гиневры значительно улучшили мое понимание происшедшего. Оставалось неясным, что со всем этим делать. Выложив под конец историю моего ареста и содержания в тюрьме, я замолчала и в ожидании уставилась на свою собеседницу. Она внимательно смотрела на меня, комкая в руках свой носовой платок. Сейчас скажет, что зелье — это все, чем она может мне помочь. Ну и ладно. Главное, что Ал жив, а если у меня будет этот ведьминский эликсир, я его на ноги подниму.

— Да, девочка, влипла ты не по-детски, — наконец соизволила открыть рот Гиневра, — ухитрилась самому Кориолану дорожку перейти.

Если она этим хочет сказать, что теперь мне одна дорога — на тот свет, то я об этом осведомлена.

— Так получилось.

— Скажи, Мелисента, а если бы ты знала заранее, ты бы так же поступала?

— Не знаю. Думаю, да, если Вы имеете в виду, что стала бы вытаскивать Гиаллена. Не люблю подлость и подлецов, а с ним поступили подло. А вот Кориолана постаралась бы держать от всего этого подальше.

Гиневра рассмеялась довольным грудным смехом.

— Умница, девочка. Слушай меня внимательно. Я тебе помогу. Не потому, что так уж жалко мне беднягу Ала, а потому, что не насолить Кориолану выше моих сил. Ты знаешь, как в Кортале относятся к ведьмам? Магам там почет и уважение, а нас только что ногами не пинают. Заставляют работать на государство бесплатно, обслуживать магов, пичкать их

энергией. Поделали из ведьм себе шлюх. И все это придумал мерзавец Кориолан, сто ежей ему под одеяло!

Надо же, я ничего такого не знала, зато теперь втихаря порадовалась, что никаким боком не ведьма и к Корталу не имею ни малейшего отношения.

— Гиаллена вытащить из этой передраги живым мне выгодно. Я была кое-что ему должна, зато теперь он у меня в долгу окажется. Поверь, девочка, его выгодно иметь в должниках, а не в поминальных списках. В общем так. Сейчас я уйду, получу распоряжение и вернусь за Алом. Его мне отдадут, не могут не отдать: он не обвиняемый и даже не подозреваемый.

— Что с ним будет?

— Как что? Подлечим, приведем в нормальное состояние, засвидетельствуем личность, и отпустим. Дальше он сам. Ты о себе подумай, дурочка.

Да я уже вторые сутки так и так в голове прикидываю...

— Знаете, мистрис Гиневра, если мне не надо будет о нем думать и заботиться, я уж как-нибудь выкручусь.

Гиневра лукаво сверкнула глазами:

— То есть, от моей помощи ты отказываешься?

Что же я, полная дура, что ли?

— Да никогда в жизни! Если Вам будет угодно ее оказать...

— Молодец! Не просишь, но и не отказываешься. Детка, я бы вытащила тебя сейчас, если бы ты была ведьмой. Но чего нет, того нет. Поэтому пока для тебя лично я ничего сделать не могу. Единственное — оповестить всех о твоём существовании и твоей судьбе. Потому что единственный для тебя выход — это гласный открытый суд. Если ты, стоя в круге Истины, расскажешь все так, как ты рассказывала мне, примерно восемь против двух, что тебя оправдают по всем пунктам. Я буду голосовать за тебя. Но если все же... Ты помнишь о праве осужденных?

Я с голодухи не соображу, о чем это она.

— Выбрать между топором и антимагическими кандалами?

— Нет, я про другое. Перед казнью осужденному дают слово...

А-ааааа....

— И он может проклясть того, кого считает виновным в своих бедах. Слово виновного развеется с ветром, слово невинно осужденного сбудется.

— Ты магические кодексы наизусть цитируешь? Молодец. Эх, жалко, что ты не ведьма. А может и формулировку Персениуса случайно знаешь?

— Персениуса?

— Понятно. Ну, хоть с кодексом знакома.

Кодекс, кодекс... Знаю я отлично про это проклятие. Без толку. Думаете, маги заранее не подстраховались? Там в формулу обязательно имя нужно вставить, иначе не действует... Одним кем-нибудь великий Совет всегда готов пожертвовать. Обычно им бывает совсем чужой им персонаж. Подельник, предатель, доносчик, собственная жена или теща... Даже если Кориолана назвать, вряд ли это произведет на всех большое впечатление. Его слушают, пока он в силе, но с удовольствием от него избавятся чужими руками. Нужен другой подход. Только однажды весь Совет в полном составе погиб от проклятия неправого суда. Мы учили на истории магии. Стоп. Персениус, говорите?

— Вы сказали Персениус, мистрис Гиневра? Это тот случай на заре становления

Валариэтана, когда весь Совет Магов в полном составе отправился на тот свет от черной оспы, вызванной проклятием?

— Сообразила. Так ты точно не ведьма? Жаль, жаль. Ты помнишь про имя? У тебя есть время подумать, как обойти это маленькое формальное условие... Ключевое слово тут «формальное».

Могла бы и не говорить. В таких проклятиях все — формальное. Если правильно сформулировать, обойти можно практически каждое слово. Хорошо, что она мне напомнила: массового неотменимого проклятия боятся все, а мне надо хорошо подумать, какое имя, вернее, название, вставить. Валариэтан — страшнее, Кортал — правильное.

А, пугать можно и тем, и тем. Кортальцев — Корталом, магов Совета — их любимым Советом.

Гиневра отвлекла меня от обдумывания:

— В общем так. Я пошла, скоро вернусь и заберу Ала. А ты сиди тихо и думай. Ни на какие провокации не поддавайся и дотронуться до себя никому не позволяй. Законы, как я убедилась, ты знаешь.

— Спасибо Вам, мистрис Гиневра.

— Не за что. Да, вот еще...

Она сунула руку в карман своей изящной мантии и вытащила оттуда объемный сверток в промасленном пергаменте. И как он только у нее там помещался? Сунула мне на колени и быстро вышла.

Пока я ковырялась, снимая обертку, ее шаги стихли в коридоре. А в нос мне ударил прекраснейший в мире запах пирогов. Боги, какое счастье! Штук десять отличных свежих пирожков, на которые я набросилась, как безумная. Вывалила все это богатство на крошечный столик и быстро начала его убирать в самое безопасное место: в себя, прихлебывая зелье из кувшина. Зелье, конечно, Гиаллену предназначалось, но я тоже человек. Там на двоих хватит. На периферии мелькнула мысль скормить Алу хоть один пирожок, но я прогнала ее как собаку. Он сейчас все равно ничего не соображает, питья ему достаточно, а когда он придет в себя, Гиневра его обязательно покормит.

Пирожки оказались разные: с капустой, с мясом, с грибами, с яблоком и самые мои любимые: с зеленым луком и яйцом. По две штуки каждого сорта. Я наелась впервые за два дня. Затем уселась на табуретку и приготовилась ждать.

Глава 23, в которой Мелисента продолжает доблестно сидеть в тюрьме

У меня всегда было отлично развито чувство времени. В студенческие годы это очень помогало, да и теперь, лишенная возможности посмотреть на часы, я прекрасно представляла себе, сколько еще осталось до захода солнца, которое сюда не заглядывает, или до обещанного визита главной ведьмы.

Шаги в коридоре раздались незадолго до того момента, с которого я положила себе начинать ждать Гиневру. Я еще удивилась, что ей удалось обернуться так быстро. Но еще дверь не открылась, а мне уже было ясно: это не она. Пришел мужчина.

Действительно, в камеру вошел давешний маг в синей мантии. Более неприятного посетителя трудно было придумать, даже зеленый законник казался мне предпочтительнее.

Маги — они, как известно, все разные, но специализация накладывает на личность определенный отпечаток. Например, большинство зельеваров — педанты, законники — въедливы, ведьмы — равнодушны к сексу, менталы — высокомерны и себе на уме, боевики — раздолбай и любители выпить, и т. д. Так вот, специалисты охранной магии — самые малоприятные типы. Агрессивные параноики — страшные звери. Безумная подозрительность вкупе со способностью любого раскатать в лепешку даже не из подозрения — из тени сомнения в лояльности собеседника, делают охранных магов на редкость милыми... монстрами. Вот такое чудовище стояло сейчас передо мной.

Я его вспомнила, видела же на портрете в «Вестнике Совета Магов». Магистр Ранульф Харзинский, правая рука древнего как мир члена Совета архимага Велизария Каноттского, главы отделения охранной магии. Говорят, Велизарий уже несколько лет не выходит из своей кельи, а в отделе и в Совете заправляет от его имени этот самый Ранульф.

Несколько раз о нем слышала, как о человеке, не знающем жалости, невероятно жестоком и при этом на редкость тупом и прямолинейном. Зато о его магических дарованиях отзывы были восторженными. Очень сильный маг. Но здесь, в антимагической камере, мне предстояло познакомиться с его человеческой (или лучше сказать античеловеческой) стороной.

Вообще красавец еще тот. В нашем городке, да и в университете я не видала никого, кто бы сравнился с ним по всем измерениям. Телосложением напоминает мой незабвенный стагис-ларь, поставленный на попа. Ну, может, чуть-чуть пониже и поуже, но не намного. Ручищи... Даже не знаю, с чем сравнить. У меня ноги меньше, при том, что я не субтильная куколка, а достаточно рослая и крепкая девушка.

Морда у Ранульфа... Нет, я не оговорила. У него ни разу не лицо, ТАКОЕ этим словом назвать нельзя. Рыха поперек себя шире, но не круглая, а квадратная, и все на ней тоже квадратное, в крайнем случае прямоугольное, даже глаза. И выражение этого табло совершенно кирпичное. В смысле выразительное как кирпич. Злобные оловянные глазки кажутся по ошибке нашитыми пуговицами. По ошибке, потому что пуговиц к кирпичу не пришивают.

Взгляд, который этот мордорот уставился, показывал, что он не рассчитывал застать меня бодрствующей и во всеоружии сознания.

Что ему тут нужно? Придушить нас с Алом по-тихому? Это было бы наиболее разумное объяснение.

Он закрыл за собой дверь и вышел на середину камеры, где я могла его лучше рассмотреть. Но меня не очень интересуют явления неживой природы. А вот опасностью от него веяло за много лиг. Оставалось сообразить, в чем она заключается и есть ли средства борьбы.

Магией ему меня не ударить: она впитается стенами камеры. Но его ручки вполне могут просто сломать мне хребет или свернуть шею. С другой стороны, если меня найдут мертвую, будет расследование. В самой камере следилок нет, но по всему зданию они понатыканы густо, как прыщи на роже юнца.

Его поймают и осудят, потому что многие знают, что я здесь заперта и будут интересоваться моей судьбой. Несмотря на то, что со мной попытались проделать, я все еще верю, что Валариэтан — правовое государство. Убеждает в этом то, что мы с Алом еще живы.

Хотя... Чем дольше этот шкафандр тут стоит и смотрит на меня своими пуговицами, тем меньше я в это верю... Страшно. Честное слово, в первый раз мне так страшно. Если бы не бессознательный Ал за моей спиной, я сейчас, наверное, уже в ногах у этого монстра валялась и просила о пощаде. Или не валялась?

Мелисента, возьми себя в руки. С чего тебе о пощаде просить, ты ни в чем не виновата. Если Гиневра не обманула, она скоро придет. Тебе осталось тянуть время. Еще одно соображение: вряд ли он пришел получить мои показания, по правилам прежде чем допрашивать, мне должны предъявить обвинение по всей форме, а для этого прийти втроем. Получается, он здесь неофициально. Ранульфа надо заболтать и выяснить, что ему от меня надо, а уж от этого танцевать.

Магистр между тем стоял, молча на меня уставившись. Его взгляд давил, заставляя ноги подгибаться и слабеть. На периферии сознания возникло желание упасть на колени и заплакать, ясно дело: пытается прижать меня ментально. Откуда они тут все такие менталисты собрались? Но при этом воздействии есть одна фишка: если ты знаешь, что его к тебе применяют, оно ослабевает и можно сопротивляться. Вот я и буду держать оборону, по крайней мере заговаривать я первой не стану. Он пришел — пусть скажет зачем.

Наконец, когда я уже качалась от слабости, отдав все силы на сопротивление, Ранульфу надоело играть в молчанку и он соизволил открыть рот.

— Девушка Мелисента, ты знаешь, какое обвинение тебе предъявлено?

— Мне? Никакого.

Между прочим, я права на сто процентов. Обвинение мне должны были зачитать в присутствии свидетелей и заставить расписаться, что я его выслушала. Но маг, видно, не был знатоком законодательства и действовал наобум, полагая, что при его мощи — это не его проблемы. Ничего, мы такое видение мира постараемся подправить. Закон есть закон.

— Ты сошла с ума, девушка Мелисента? Почему ты ведешь себя столь нагло?

— Почему нагло? — удивилась я, — Обвинение должно было быть мне зачитано под роспись в присутствии хотя бы двух свидетелей. Пока этого не сделано, я ни в чем не обвиняюсь.

— Я же сказал тебе при аресте, что ты обвиняешься в черной волшбе.

— Устное, ничем не подкрепленное заявление.

От моих слов мужик офигел. Надо было видеть выражение этой морды. Не думала, что ему доступны такие чувства.

— Девушка Мелисента, ты в своем уме?

— Вы меня уже об этом спрашивали. В своем, не сомневайтесь.

Он покраснел, сравниваясь цветом со старой кирпичной стеной, сжал свои пудовые кулачищи и шагнул ко мне. Ой, если он меня разочек ударит, тут только мокрое место останется. Я завопила от ужаса!

— Караул! Караул! Убивают!

Он остановился и, тяжело дыша, снова заговорил:

— Успокойся, дура, никто тебя не тронет.

— Точно? А с виду не похоже. Зачем Вы тогда кулаки сжимаете?

— За надом!

Ой, неужели у шкафандра чувство юмора прорезалось? Или это он от чистого сердца?

— Слушай меня, девица Мелисента. Хочешь отсюда выйти?

Он еще спрашивает.

— Конечно хочу.

— Тогда ты сейчас пойдешь со мной. И будешь со мной... Ты понимаешь. Потом я тебя отпущу.

Ага, когда захочет, тогда отпустит, и вряд ли живой. Простой и дешевый способ от меня избавиться. Да если меня ЭТО трахнет... Можно заранее гроб заказывать. А ОНО еще и лыбится. Хотелось порвать эту тушу на клочки, но это не в моих силах. Приходится сдерживаться, поэтому отвечать я не стала. Промолчала, и все. Ранульф же, оказывается, не все сказал.

— Ты верно заметила: обвинение пока не предъявлено. Поэтому сейчас ты сможешь уйти без последствий. Со мной, и никак иначе.

Так он это специально сделал?

— Но я в любой момент могу его предъявить, нет никаких препятствий. И тогда тебе несдобровать. Ты же знаешь, что бывает за запрещенную некромантию?

Ой, знаю, знаю. Но доказать, что я делала нечто подобное, не удастся. Он меня и шантажирует, вынуждая с ним спать, именно потому, что знает: обвинение несостоятельно. Кто бы ему позволил нечто подобное, будь я действительно виновата?

— Я не боюсь. Можете тащить сюда Ваше обвинение. По суду меня оправдают.

— Ты так в этом уверена?

— Я знаю, что невиновна.

Я вытянулась в струнку: подбородок повыше, и смотрим на гада сверху вниз. Пусть у него рост — полтора моих, но смотреть свысока я могу и на гору.

Эта туша вдруг сделала неуловимое глазом движение и оказалась около распростертого на топчане Гиаллена.

— Не хотел я этого делать, но придется. Взгляни, девица Мелисента, к чему приводит твое упрямство.

Он поднял свой кулачище и тот, как паровой молот полетел прямо к голове Ала!

Я, не задумываясь, прыгнула вперед и врезалась выставленным вперед бедром в это кулак со всей дури, а заодно заорала:

— Убийство! Убийство! Караул! Архимага Гиаллена убивают! Ранульф убийца!

Удар пришелся по стене, но и я отлетела и рухнула на пол, потирая ушибленное бедро. Шкафандр зарычал:

— Бешеная девка! Какого такого архимага Гиаллена? Нет его! Умер давно! А это неизвестный, документов у него нет, да и сюда его доставили без бумаг. Так что ты идешь со

мной, а иначе я размозжу голову этому, — он кивнул на не подозревающего об опасности Ала, — труп, за который ты так держишься. Пойми, дура, мне ничего не будет. Официально его не существует, значит, и обвинить меня не в чем. Так что, если ты так хочешь сохранить ему его никчемную жизнь, пойдешь со мной и будешь делать все, что я скажу.

Он приблизился и за шкирку поднял меня с пола.

— Поняла?

Я как котенок висела в собственной мантии и лихорадочно соображала. Сказать ему «да»? Согласиться? Так он вполне способен приравнять это простое слово к магической клятве, и тогда от него вовек не отвяжешься, хоть век этот будет очень недолог. У меня один выход.

Я расслабилась, обмякла, закатила глаза и изобразила обморок. Были бы мы не в камере, он бы меня амулетом проверил, но тут они сбоят.

Ранульф кинул мое тело на топчан прямо сверху Ала и зарычал от злости.

— Чертова девица!

* * *

— Кого это ты так ласково, Ранульф?

Гиневра! Боги, какое счастье! Я дотянула! Успела! От радости я чуть не сомлела на самом деле, но голос шкафандра привел меня в чувство.

— Что ты тут потеряла? Тебе нечего тут делать!

— Ошибаешься, Ранульф. Вот у меня предписание: забрать из подземной тюрьмы пострадавшего, вылечить его и установить личность. Ты же понимаешь, последнее — всего лишь формальность. Кто среди магов не знает Гиаллена? А вот ты что тут делаешь?

Я вскочила, случайно пихнув при этом Ала так, что он застонал. Картина в камере была знатной: Ранульф стоял ко мне спиной, загораживая нас с Алом от Гиневры, которая пришла не одна. С ней были два парня в белых мантиях с носилками и четыре ведьмочки в традиционных алых мантиях. Они стояли в дверях и смотрели на все, как на представление. И что-то мне подсказывало, что Гиневра устраивает им такой театр не в первый раз.

Ранульф молчал, и я почувствовала, что и мне пора внести свою лепту.

— Он пришел сюда, чтобы забрать меня и принудить к сожителству. А чтобы я согласилась, угрожал убить архимага Гиаллена. Говорил, что его все равно что нет и за убийство ему ничего не будет.

Разъяренный магистр обернулся и замахнулся на меня пудовым своим кулаком. Встретаться с ним вторично никакого желания не было, и я заткнулась. Главное было уже сказано.

— Как интересно, — протянула Гиневра, — Ранульф, тебе что, уже проститутки отказывают, раз ты на шантаж свободных магичек переключился? Совсем никто добровольно не дает?

— Р-rrrrr....

— Не переживай. Можно ликвидировать эту проблему за один раз. Проще репы пареной. Уберем потребность — и все! Мне это раз плюнуть, ты уже убедился.

— Р-rrrrr!!!

Не представляете, как приятно было это слышать. Гиневра топтала урда на глазах у

почтеннейшей публики, а он толком не мог ответить. Шкафандр был полностью в ее власти. Ему оставалось тупо рычать.

— Ранульф, если тебе больше нечего сказать, я тебя не держу.

— Ненавижу! Стерва!

Гиневра весело рассмеялась.

— Ты же знаешь, Ранульф, я ведьма. Слово скажу — и будет по-моему. Быстро вышел, и чтоб сюда — ни ногой! Узнаю — в твоём мире настанет вечное полшестого!

Монстр бросился к дверям. Пришедшие с Гиневрой маги и ведьмы молниеносно расступились, пропуская Ранульфа и снова сомкнули ряды. Гиневра обернулась к ним и поманила пальчиком ребят в белых мантиях.

— Так, мальчики, быстренько взяли Гиаллена, положили на носилки и понесли. Палата для него готова, Вальпурга ждет, — она перевела перст указующий на группу ведьмочек, — Девочки, сопровождать. Проведете обряд вливания силы. Прочистите каналы... Придет в себя — поить и кормить. Сами все знаете, не мне вас учить. Я еще тут побуду, мне надо с девушкой поговорить. Все, взяли, положили, пошли.

Они так и сделали, четко и слаженно, как будто не один раз репетировали. Через несколько минут их шаги затихли. Я без сил опустилась на топчан, где недавно лежал мой архимаг. Гиневра присела на табуретку.

— Молодец, девочка, не испугалась Ранульфа.

— Еще как испугалась! Думала, смерть моя пришла.

— Э, дорогая, ты совсем не умеешь бояться. Соображения не теряешь, действуешь разумно, разве так боятся? Если бы ты действительно дала волю страху, сейчас Ранульф уже тебя бы трахал с неизвестными последствиями.

— Вы его проклясть обещали?

— Ты про вечные полшестого? Нет, зачем? Это не магия, детка, это психология. Скажу ему, что у него никогда ни на кого не встанет — и готово. Он верит, потому что боится ведьм. Раз верит — проклятье действует его собственным убеждением. А меня даже обвинить ни в чем нельзя — магии-то не было.

— Он и раньше?...

— Ты же его видела. Ни одна с ним не пойдет. По крайней мере сейчас. Были дуры, соглашались. Придумают себе, что он бедный-несчастный, никто его не любит, накрутят себя и идут как на праздник. А он... При его габаритах грубое насилие... Не все выживали. А по-другому он не умеет. Пару раз он подлавливал на чем-то моих девочек и шантажировал, примерно как тебя. Ну, я ему и пригрозила: еще раз, и может прощаться со своим мужским достоинством. Ну да ладно, забудем об этом кошмаре. Есть темы поинтереснее.

У меня сложилось такое же впечатление. Надо ковать железо, пока горячо.

— Гиневра, мне до сих пор официально не предъявлено обвинение.

Ведьма, похоже, обрадовалась.

— Думаешь, я могу тебя забрать? Хорошо бы. Как там по закону? Обвинение должно быть предъявлено в течение суток. Сутки еще не прошли?

— По-моему еще час-полтора, и все.

Она устроилась на табурете поудобнее и потянулась, как кошка.

— Отлично! Столько времени я могу потратить. Проведем их с пользой. Помнишь, я тебя вчера спрашивала: любишь ли ты Ала?

— Помню. Я ответила, что не знаю.

— Думаю, ты ошибаешься. Ты его любишь, и даже сама не представляешь, как сильно. Я видела, как ты бросилась его защищать.

Не вижу связи, хоть убей.

— Да я любого не дала бы убить! А Вы, выходит, давно уже тут. Наблюдали?

— Естественно. И не я одна. Хочешь спросить, почему не прекратили сразу?

Это понятно. Теперь они могут свидетельствовать в суде, что видели, как Ранульф пытался убить Гиаллена и слышали, как он меня шантажировал этим.

— Не хочу. Это и так ясно. Меня другое интересует: что теперь со мной будет?

— Возможны варианты. Если в течение часа никто не притащится с обвинением, заберу тебя к себе. Отдохнешь, наберешься сил, выяснишь наконец свои отношения с Алом...

— Почему?...

— Почему я пытаюсь вас свести? Потому что это хорошо и правильно. Если люди любят друг друга, они должны быть вместе.

— Повторяю: я очень сомневаюсь, что люблю Гиаллена. Я Юстина точно также люблю.

— А двух любить нельзя? Смешная девочка.

Знаю я этих ведьм. По их мнению можно любить хоть десятерых. Что они в это слово вкладывают, не знаю, но примеры видела. Все дело в том, что для них секс — основа жизнедеятельности. Девочки-ведьмочки имеют зачаточные способности, которые активируются с потерей невинности. Поэтому они так и торопятся начать половую жизнь. В нашем университете две трети ведьм расстаются с девственностью в первом семестре первого курса, а остальные — во втором, а затем одни меняют мужчин как перчатки, другие заводят постоянного любовника. Цель — развитие своего дара и рост возможностей. Оказывается, им после колдовства нужно нормализовать состояние организма, а проще и быстрее всего это делается через постель.

На самом деле ничего плохого в этом я не вижу, просто условия существования и работы. У некромантов, например, перед некоторыми особо жуткими ритуалами необходимо по полгода держать целибат. Но это не значит, что некроманты лучше ведьм, по мне так наоборот.

Только вот свои привычки не стоит проецировать на других. Я — не ведьма, увы.

Говорить все это Гиневре бессмысленно и вредно, так что я просто пожала плечами.

Она меня поняла, но не обиделась, а снова рассмеялась.

— Знаю я, о чем ты подумала. Мы, ведьмы, можем хоть с тремя, а вы, скромные магички, и с одним-то не справляетесь. Эх, Мелисента, ты уже не девочка, должна кое-что понимать. Или твой первый был полный дятел?

Миккель-то? Похоже. Но я на него не в обиде, сама виновата. Поэтому ответила уклончиво:

— Не знаю...

— Значит, так и есть. Можно любить не одного и не двух, если по-разному. Отца, брата мужа, сына — разве ты их не стала бы всех любить одновременно? Глупенькая. А еще ты думаешь, что, если ты не умеешь смотреть на мужчин сквозь розовые очки, то и любить не можешь. Правильно?

А разве это неверно?

— Что-то вроде.

— Дурочка! Тебе трудно влюбиться, я понимаю. Таким рациональным маленьким девочкам это практически не удается, если они не стараются. Но влюбленность и любовь —

разные вещи, ты об этом знаешь.

— Догадываюсь. Только не представляю себе, в чем разница.

— А в том самом. В направленности, а ты о чем подумала? Если ты влюблена — это для тебя. К самому объекту по большей части это не имеет никакого отношения, за флером нежных чувств его просто не видно. Радость, подъем, море сильных ярких эмоций. Для ведьм это отлично — дар раскрывается полностью. Очень полезное состояние, но есть одно но. Мозги выключаются напрочь. А у тебя голова работает в режиме нон-стоп, не выключишь.

— Ну вот такой я эмоциональный уродец.

— Глупости. Ты не можешь влюбляться, но можешь любить. Сильно, верно, глубоко. Видеть все недостатки, понимать, и все равно любить. Такого, какой он есть. Это дано немногим.

— И Вы считаете, я кого-то люблю?

— Не кого-то а Гиаллена. Это видно невооруженным глазом.

— Почему-то Кориолан этого не рассмотрел.

— Кориолан? Да он просто слепец! Вот он-то и есть эмоциональный урод, даром что на морду лица красавчик. Сам не способен на настоящее чувство, и не видит этого в других. Даже удивительно, что у такого морального монстра — такой приличный сынок.

Правильно она мне напомнила. Если, по ее мнению, я люблю Гиаллена. то что для меня сын мессира Кориолана?

— А Юстин?

— Ты сама мне давеча рассказала: милый мальчик, младший братишка, которому ты сочувствуешь. Конечно, ты его любишь, сестры обычно любят братьев, но с ними не спят и замуж за них не выходят.

Не с чем поспорить. Я примерно так к Юсу и отношусь, хотя целоваться с ним мне понравилось.

— Мистрис Гиневра, а с чего Вы взяли, что я люблю Гиаллена?

— Ой, девочка, кончай разводить политес. Можешь звать меня Гин и на ты. У ведьм не принят высокий штиль.

— Спасибо, Гин. Так что там все-таки насчет Гиаллена?

— А то ты сама не знаешь?! Это просто бросается в глаза. Заботилась о нем. Ходила как за малым ребенком. Силу свою не жалела, отдала почти всю, чтобы только он ночь пережил. Я тебя на грани поймала. Защищаешь как свое. Готова костями за него лечь, вон как на Ранульфа набросилась. Это любовь, детка. За тех, к кому равнодушны, так не бросаются. И не надо мне лапшу на уши вешать про мировую справедливость.

Она про наш с Алом договор и не вспомнила. Но я-то не забыла!

— Да он мне за спасение столько должен! Пусть вперед расплатится, а потом уж помирает!

Гиневра опять закатилась от смеха:

— Ой, девочка, с тобой не соскучишься. Понятно, почему Ал на тебя запал. Ты же не соврала, когда сказала, что он сделал тебе предложение?

— Гин, я по возможности не вру.

— Я так и поняла. Но если ты из Ала признание и предложение сумела вышибить... Прямо не знаю. Зацепило его серьезно, как бы не на всю жизнь. Ни одной из моих ведьм не удавалось заставить его даже во влюбленности признаться.

А чего ему признаваться, когда любая и без этого к нему в постель прыгнуть готова. Ведьмы, небось, в очередь записывались. Гиневра, кажется прочитала эту мысль на моем лице.

— Ты правильно понимаешь, спать — он со всеми спал, но вот отношения... Их Ал старательно избегал. Если на тебе сломался — это же здорово! Вот я повеселюсь! Да мы все развлечемся!

Интересно, а у самой Гин с Алом что-нибудь было?

— Детка, у меня с ним никогда ничего... Не мой тип. Мы только цапались, и то по работе.

Что, у меня действительно все на лице написано? Да еще с такими подробностями?

Вдруг Гиневра злобно прищурилась.

— Вот с Кориоланом было... Ох, было! Еле выпуталась. Молодая была, глупая. Зато теперь он у меня попляшет! А ты мне в этом поможешь. Так, скоро время выйдет, собирайся. Потом договорим, на вольной воле.

Не вышло. Только я поправила на себе одежду, пальцами расчесала волосы и сложила одеяло, но котором притащили Ала, в камеру притопали трое доблестных служителей закона. Давешний блондинчик в зеленой мантии, еще один, помоложе и не такой противный, и третий, в мантии синей. За спиной у них маячили двое юнцов в серой робе магов-строителей.

Малосимпатичный тип, возглавлявший делегацию, сначала пошарил глазами по камере, видать, Гиаллена высматривал. Не нашел. Тогда он развернул украшенный гербами лист пергамента и зачитал:

— Девица Мелисента Мери из Арнера, аспирантка отдела эликсиров, Вам предъявляется обвинение по трем пунктам. Первое. Вы совершили в отведенном Вам казенном помещении акт черной магии, абсолютно запретный на территории Валариэтана. Второе. Вы скрыли от Совета Магов нахождение на вверенном Вам помещении невоплощенного духа, которого воплотили путем черномагического ритуала. Третье: Вы способствовали совершению этого преступления другими лицами.

— Вот бредятина, — вырвалось у меня.

Действительно, преступление совершила либо я, либо другие лица. Нельзя меня обвинять по двум взаимоисключающим пунктам. Но судейского чиновника эти несуразности не смущали.

— Девица Мелисента, обвинение Вам предъявлено по форме в присутствии свидетелей. Будьте любезны подписать в знак того, что ознакомлены.

— Подписывай, не бойся. — толкнула меня в спину Гиневра, — Теперь им придется представить твое дело в суде, а там мы поборемся.

Я не стала упираться, ибо без толку. Взяла протянутое мне перо и поставила закорючку внизу пергамента. Не удалось уйти из тюрьмы дуриком, и ладно. Меня отсюда на руках вынесут, с поклонами и извинениями!

Получив мою подпись и спрятав пергамент в недрах своей мантии, мужичок обратился к Гиневре:

— Прошу Вас покинуть камеру. Никто, кроме тюремщика и следователя, не может находиться с обвиняемой наедине.

— Наедине, говорите? — задумчиво протянула ведьма, — ну что ж, тогда Вам придется составить мне компанию, потому что мы не договорили.

Он хотел было возразить и возмутиться, но Гин так на него посмотрела, что блондинчик завял и уныло встал у стеночки, изображая ожидание.

— Мелисента, детка, не буду тебя задерживать. Последний вопрос. Это ты сделала эликсир, которым пользуется Магали?

— Я.

Выходит, она все время об этом знала и держала в голове? Интересно получается.

— Потрясающе! Раньше она выглядела молодящейся, а теперь просто молодой. Для нас, ведьм, это не очень актуально, но вот для немагов... У тебя осталось еще это зелье?

Глаза Гиневры горели как уголья.

— Последний флакончик. Но это не окончательный вариант.

— А существует рецепт, прописи, что-то в этом роде?

Понятно, к чему этот вопрос. Нет, дорогая, я не позволю себя бросить на полдороге.

— Только здесь, — я ткнула пальцем в собственную голову.

— Но у тебя же должны быть лабораторные журналы, записи...

— Записи я уничтожила, а лабораторные журналы зачарованы: прочесть их могу только я

— На кровь заговор?

— На кровь и ауру. Для чужих там будут пустые листы, как в ведьминских гримуарах, а при попытке снять чары тетрадь самоуничтожится.

— Сама делала?

— Нет, ведьма знакомая.

— Все, все, все! Прекращаем болтовню! — завопил чиновник.

Кажется, он тоже услышал то, что ему нужно.

Да пожалуйста, Гиневра уже спросила все, что хотела, по удовлетворенному выражению лица видно. Мне тоже лишние разговоры ни к чему, лучше бы поесть принесли. Ведьма кивнула и подмигнула мне, подтверждая, что главный вопрос задан, затем объявила:

— Девочка, пусть объяснят тебе твои права. Ни на какие вопросы не отвечай без адвоката. Сегодня не успею, но завтра пришлю. Не благодари.

Алый вихрь поднялся вокруг ведьмы, когда она встала, и через мгновение ее и след простыл.

Гадкий блондинчик забубнил:

— Девица Мелисента, сейчас Вас переведут в камеру. Где Вы будете находиться до суда. К Вам смогут приходить посетители, у Вас будет адвокат. Если не на что нанять, Совет Магов Вам его предоставит.

Он меня еще долго девицей Мелисентой будет звать? Раздражает.

— Не надо, мистрис Гиневра обещала прислать своего, как Вы слышали.

Он продолжал свой монотонный бубнеж, как не слышал:

— Если в течение трех суток она никого не пришлет, Вам он будет назначен. Дата суда будет Вас сообщена позднее.

С датой они не определились. Скорее это хорошо, чем плохо. Чиновник же никак не мог заткнуться, но тут уже стал излагать не факты. А свои измышления:

— Не советую Вам рассчитывать на чье-либо покровительство. Ваше преступление очень серьезное, я не знаю случая, когда бы оно осталось безнаказанным. Позаботьтесь лучше о своем завещании.

Ага, «не трать, куме, силы, опускайся на дно». Ну нет, мы еще поборемся. Пока жива,

надежда есть, а у меня еще имеется убеждение в моей невинности.

— Собирайтесь, девица Мелисента, мы переведем Вас в другую камеру.

Нищему собратъся — только подпоясаться. Я взяла с топчана заранее сложенное одеяло и сказала:

— Я готова.

Глава 24, в которой Мелисента знакомится со своими обвинителем и защитником

Новая камера находилась на этаж выше, больше ничем не отличаясь от предыдущей. Тот же размер, те же каменные стены, те же дурацкие топчан, табуретка и столик. Нет, поправочка вышла: во-первых, эта камера была не антимагической, а самой обычной, во-вторых там в углу ведро стояло с крышкой, а здесь — настоящий стульчак за ширмочкой и раковина. Это хорошо, вода мне всяко понадобится. Еще тут есть что-то вроде вентиляционной продушины под потолком. Тоже плюс: чистый воздух еще никому не повредил.

Блондин-чиновник затолкнул меня сюда и ушел. Через полчаса окошко в двери открылось и я увидела своего нового тюремщика. Пожилой усталый человек смотрел на меня с интересом.

— Давненько у нас гостей не было. Если тебе что нужно, скажи. Разрешенное принесу. Я задумалась.

— Мне бы расческу... Еще поесть бы не мешало.

— Поесть — это в обед. Порядок есть порядок. Расческу принесу. Но если ты магичка, можешь пользоваться бытовыми чарами. На другие стоит сигналка, попробуешь применить — от тебя только кучка пепла останется.

Ага, камера не антимагическая, но защита от магов есть. Будем иметь в виду. Тюремщик между тем не унимался:

— Как же ты вляпалась-то так, девонька? Такая милая, симпатичная... Не верится, что ты преступница, хотя я тут всяких повидал.

— Как вляпалась? Да по доброте душевной. Помочь тут одному невинно пострадавшему решила.

— Это кому же?

— Архимагу Гиаллену.

Мужичок вдруг просиял:

— Он жив? Хвала Богам!

Ого, как тут у Ала акции высоко котируются! Впрочем, неудивительно. В тюремщиках обычно подвизаются старые солдаты, которым деваться некуда. А для вояк он личность легендарная. Подтверждение не заставило себя ждать!

— Так это правда, что он вернулся? А мы так горевали, что он исчез. В войсках только на его эликсир и молятся! Моему брату он жизнь спас. Такой человек... Глядишь, он еще что полезное выдумает. Если ты и впрямь его спасла, девочка...

— Не верите, у Гиневры спросите.

— И что, и спрошу. А тебе... Выпустить не проси, но кусок послаще, подушку там, одеяло... Это мы живо.

Окошко захлопнулось и человек исчез. Если он и впрямь принесет все, что обещал, то до суда и казни я буду жить со всем комфортом, хотя надеюсь, до последнего дело не дойдет.

Старый солдат не обманул. Прошел примерно час, и он вернулся с тюком постельного белья и корзинкой. Постель кинул на топчан, а из корзинки достал пару глиняных горшочков с крышкой, кувшин и большой ломоть свежего хлеба. Затем вынул их кармана расческу и протянул мне со словами:

— Ну, ты, это... Устраивайся. Я пойду. Ежели что нужно, или позвать кого хочешь, стучи.

Он ушел, а я бросилась к горшочкам. В одном была замечательная густая острая солянка, в другом — каша со шкварками и жареным луком. Ох, я и наемся! Сунула нос в кувшин: он оказался до краев налит вишневым компотом. Красота!

Но сначала развернем тюк: что он там мне принес? Кроме простыни, наволочки, подушки и одеяла в пододеяльнике, нашелся узелок с моим собственным нижним бельем, а еще мыло и зубной порошок. Да это не тюремщик, это просто ангел какой-то!

Он ушел, а я начала суетиться, обустривая свой несложный тюремный быт. Застелила топчан, нашла место для моих вещей, сверху все накрыла тем одеялом, на котором носили Ала. Получилось почти красиво и почти уютно. Затем занялась собой: для начала подкрепилась, слопав все, что принес старый служака, оставила только половину хлеба и большую часть компота. Затем около крошечной раковины умудрилась себя помыть, сменить белье и постирать грязное.

Поев, умывшись и переодевшись, я уселась на табуретку и стала расчесывать волосы. Делать это можно сколь угодно долго, а мне почему-то этот процесс всегда думать помогает. Вот и сейчас...

Для начала я прикинула возможные схемы действий моих врагов, но очень быстро поняла, что мне, как всегда, не хватает информации. А значит, и голову ломать незачем, только нервничать. Есть другие вопросы, нуждающиеся в разрешении.

В тот момент, когда мордоворот произнес слова: «Девушка Мелисента, Вы обвиняетесь...», во мне что-то произошло. Я не узнавала себя. После того, как меня посадили в тюрьму, внутри меня то ли что-то умерло, то ли вдруг проснулось нечто. Скорее всего и то, и другое.

Кориолан, который думал таким образом себя от меня обезопасить, сильно просчитался. Маленькая, скромная, законопослушная эликсирщица, готовая терпеть зло ради спокойствия и выгоды, исчезла.

Ее место заняло странное существо, начисто лишенное чувства страха. Теперь меня не запугать, я даже жизнь потерять больше не боюсь: зачем она мне такая? Есть то, с чем не соглашусь расстаться ни при каких обстоятельствах, и это самоуважение, а оно со страхом плохо уживается. Так что у моих врагов нет теперь ни одного рычага давления.

Я четко осознала, что потеряла практически все, чего успела добиться за последние годы. Со мной остались мои знания и умения, это можно отнять только вместе с жизнью, но держаться мне больше не за что. Ни мои нищенские сбережения, ни место аспирантки, ни прекрасная квартира — ничего из этого мне не поможет. Да я и ничего не смогу сохранить, если проиграю и буду осуждена.

Но мне стало по большому счету плевать. Теперь, когда я переложила ответственность за жизнь и здоровье Гиаллена на плечи Гиневры, мне стало нечего терять и нечего бояться. Я свободна ото всего и ото всех и буду действовать так, как захочу, не заморачиваясь долгом, приличиями или другой такой же ерундой. Я больше никому ничего не должна.

Вопрос Гиневры, люблю ли я Гиаллена, сейчас смысла не имеет. Пусть даже люблю. Действительно, я для его спасения сделала все, что могла, поэтому умозаклучение ведьмы более чем логично. Но теперь вопрос в том, любит ли он меня. Сказать можно что угодно, меня интересуют дела. Встанет ли он на мою защиту? Это может оказаться небезопасно. Кстати, если он обо мне и не вспомнит, я не обижусь. Неблагодарность — обычное дело.

Просто если меня оставят жить, я не захочу его больше видеть. А если не оставят, вопрос не имеет смысла.

Так я сидела и рассуждала, пока не наступил вечер. Я догадалась об этом по тому, что тюремщик принес ужин. Не такую роскошь, как на обед, но все же очень приличную миску каши и стакан молока. Забрал у меня грязную посуду, удивившись, что я ее помыла, и посетовал: после ужина у него смена заканчивается, а сменщик — нудный службист. Вряд ли он мне будет поблажки делать. Но этот зануда еще лапочка по сравнению с третьим — тот норовит обязательно унижить заключенных. Сам он не маг, магов ненавидит, а тюрьма для магов, так он специально нанялся их охранять, чтобы иметь возможность покуражиться. А так как заключенных тут не просто немного, а от силы один, то всю свою злобность на несчастного выпускает.

Они тут трех тюремщиков для одной меня держат? Круто. А если вспомнить, что этажом ниже свои тюремщики... Вот куда наши налоги идут. Очень умно было нанять на эту работу магоненавистника. Хорошо бы того, кто это сделал, тут подержать. Пусть бы на себе все прочувствовал.

Но до смены гада еще дожить надо, так что не стоит заранее себе настроене портить, оно и так ни к черту. Поблагодарив доброго дяденьку за помощь и предупреждение, я быстренько срубилась кашу, выпила молоко и стала устраиваться на ночлег. Все равно делать больше нечего, хоть отосплюсь.

Думала, не засну, но провалилась, едва донеся голову до подушки.

А во сне пришел он. Гиаллен. Совсем не такой, какого я видела его в последний раз, бледный и без сознания, и такой, каким я его помнила еще по университету: живого и здорового, с лукавой улыбкой на губах и смешинками в глазах. Только я задумалась, с чего это он мне снится, как слышала:

— Привет, девочка. Помнишь, я говорил, что теперь моя магия должна усилиться? Так и вышло. Видишь, я могу приходить к тебе в снах и не будучи отделен от тела.

— Замечательно. Дальше-то что?

— Детка, не сердись. Пока что я всего лишь пришел в себя. Встать еще не могу. Ведьмы стараются, но это дело не одного дня. Как только смогу, приду ногами.

Я сердито буркнула:

— Не было бы поздно.

— Мели, потерпи. Я уже утром напишу заявление, буду требовать, чтобы тебя освободили. Ты ни в чем не виновата.

— Это мы с тобой знаем. Но, кажется, всех остальных моя виновность устраивает.

— Я подам иск против Мартонии, Ригодона, Теодолинды, Сосипатры и Эдилиена. Обвиню во всем: кто-то из них точно виноват. Подал бы против Кориолана, но тут ничего не докажешь.

Он что, правда такой наивный?

— Думаешь, это поможет? У тебя и против них ни одного доказательства. Слово против слова.

— Кое-что есть, главное — оттянуть твой процесс и раскрыть это бредовое дело. Если будут найдены настоящие виновные, тебя не просто отпустят, еще и извинятся. Но я о другом.

— О чем же? Неужели о любви?

— Ты догадалась, моя ягодка? Мели, я сказал тебе об этом, и хочу еще раз повторить: я

люблю тебя и все сделаю, чтобы ты была счастлива.

Осчастливил по самые уши.

— Пока что я сижу в тюрьме.

— Знаю. Мели, я говорил с Гиневрой. На самом деле я выбрался в твой сон, чтобы сказать: помни, адвокаты служат тем, кто им платит. Не позволяй Гиневре оплачивать твоего адвоката. Но не отдавай ему все, что у тебя есть. Пусть в долг работает. За процент от продажи твоего эликсира за десять лет, например.

— То есть, чтобы я приговоренная не устраивала его в любом случае.

— Молодец, Мели, ты все поняла. Целую.

Я ощутила на губах легкий, как касание крыльев бабочки, поцелуй, закрыла глаза (во сне), а когда открыла, Гиаллена уже не было, пошла бестолковая беготня по этажам какого-то каменного строения. Я все хотела попасть на третий этаж, даже видела его, но все время оказывалась то на втором, то на первом, то на четвертом. Лестницы или вели мимо, или были обрушены. Промаявшись так какое-то время, я проснулась, переложив подушку, и тогда уже заснула крепко. Если что-то и снилось, то я не запомнила.

Утром меня разбудил новый тюремщик. Заглянул в окошечко и сердито спросил:

— Ничего недозволенного нет?

Вот так, ни здрасти, ни до свидания. Сразу с места в карьер. Я изобразила дурочку:

— Меня со всем этим вчера сюда привели. Наверное, было бы что-то недозволенное, отняли бы. А завтрак скоро?

— Завтрак через час. Вставай и приведи себя в порядок. После завтрака тебя ждет следователь.

Я кивнула и встала с постели. На ночь я сняла платье, и мантию, оставшись в нижнем белье и длинной исподней рубашке. Неловко было стоять во всем этом перед незнакомым мужчиной, но тюремщик повел себя корректно. Закрыл окошко и удалился. Действительно службист. А мне стоит подумать и вспомнить свои законные права. Кажется, меня нельзя допрашивать без моего адвоката или что-то в этом роде? В общем, стоит молчать, пока с ним не посоветуюсь.

После завтрака, который состоял из тарелки несъедобной на вид и противной на вкус каши и стакана молока, я встретила наконец со следователем.

Он выглядел значительно приятнее блондинчика, который меня арестовывал и зачитывал обвинение. Высокий, сухощавый господин средних лет, со светлыми, будто выгоревшими волосами и щеточкой рыжих усов над верхней губой. Он смотрел на меня светло-голубыми бесстрастными глазами, как на нечто, не стоящее его внимания.

Меня привели к нему, заставив подняться на этаж. В его кабинете или комнате для допросов было окно, и в него светило солнце, заливая все. Меня усадили так, что оно било в глаза, мешая и раздражая. Ага, психологическое давление, после довольно темной камеры мне здесь очень и очень неудобно. Я прищурилась сильнее и сосредоточилась на приятных ощущениях: солнце грело, ласкало кожу, а в камере мне было холодновато.

Мужчина, неизвестно по какой причине, не торопился приступить к допросу, все раскладывал и перекладывал бумажки на столе. Затем, когда я уже свыклась с обстановкой, заговорил:

— Я следователь по вашему делу юрист высшей категории Астралон. Имя, возраст, звание?

Это он мои данные спрашивает? Наверное да. Свой-то он назвал.

— Мелисента Мери, двадцать семь лет, аспирантка отдела эликсиров Научного Центра Валариэтана.

— Где учились, Мелисента Мери?

— С отличием закончила Магический университет Эдилиены по специальности «Зелья и Эликсиры».

— Отец, мать живы?

— Круглая сирота. Отец и мать погибли десять лет назад при пожаре в городе Арнере.

Он поднял на меня глаза:

— Что можете показать по делу, Мелисента Мери?

Такое обращение как-то приятнее, чем «девица Мелисента», но ничего я ему говорить не буду. Пусть сначала адвокат придет.

— Я сообщила Вам все, о чем готова говорить без моего адвоката.

— Кто Ваш адвокат?

— Пока не знаю, он должен сегодня прийти.

— У Вас есть средства, чтобы его нанять? Валариэтан предоставляет государственного адвоката малоимущим, а Вы, как я выяснил, не имели другого дохода, кроме своей стипендии.

Да что мне моей бедностью все в нос тыкают?

— Обойдусь без государственного. Найду, чем заплатить. И без его присутствия на дальнейшие вопросы отвечать отказываюсь.

— Это не в Ваших интересах, Мелисента Мери. Пока я готов проявить снисхождение.

— Мне не нужно снисхождение, мне нужен мой защитник.

— Будете молчать?

— Без его консультации? Да.

— Ну что ж, Вы сами напросились. Пощады не ждите. Эй, кто-нибудь!

Вошел очередной мальчишка в синей мантии. Они их сюда на практику посылают, что ли?

— Не пришел ли там адвокат к Мелисенте Мери?

— Пришел.

— Так зови его сюда, — парень повернулся, чтобы идти, — Стой! Ты его знаешь? Кто такой?

По лицу молодого мага расплылась дурацкая улыбка.

— Мэтр Игерран.

У следователя вытянулось лицо, а у меня отпала челюсть. Мэтр Игерран! Я и не подумала бы, что могу к нему обратиться. Самый знаменитый адвокат, отчеты о процессах которого регулярно печатают во всех газетах! Специалист по уголовному магическому праву, имеющий лицензию во всех девяти королевствах Содружества и не проигравший до сих пор ни одного процесса! Сколько же он с меня возьмет?

Буквально через минуту в кабинет следователя вошел человек, который не мог быть никем иным, как мэтром Игерраном. Моя челюсть стукнулась об пол во второй раз. Я себе представляла знаменитого адвоката несколько иначе. Высоким, красивым или хотя бы представительным. По крайней мере картинки в газете давали к тому основания.

Передо мной стоял человек, чья молодость давно прошла, но старость еще не думала начинаться, меньше меня ростом, хрупкий, сутулый и нескладный, с огромной лысиной и оттопыренными ушами. Лицо его отличалось неправильностью черт. Длинный кривой нос,

тонкогубый съехавший набок рот, скошенный подбородок... Только глаза на этой непривлекательной физиономии были хороши: большие, миндалевидные, карие, оттенка молочного шоколада, с длинными стрелами ресниц, они больше подошли бы женщине.

Он, не обращая на меня ни малейшего внимания, уставился на Астралона и заговорил:

— Где моя подзащитная? Я должен немедленно с ней переговорить, до того как Вы, Астралон, начнете с ней свои игры.

Ой! Ой и еще раз ой! Я поняла, почему Игерран — великий адвокат. Его голос... Я говорила, кажется, что у Гиаллена красивый голос? Плюньте мне в лицо. Нет, он действительно хорош, но волшебный голос Игеррана! Низкий, бархатный, богатый модуляциями, волнующий, завораживающий... Его хочется слушать, ему хочется повиноваться. В звуках этого голоса нескладный уродец исчезает, возникает прекрасный, бесконечно привлекательный мужчина, отказать которому не пришло бы в голову ни одной женщине. Мне так точно. Не знаю, как этот голос воздействует на других мужчин...

Судя по тому, что Астралон тут же велел отвести нас в специальную переговорную и чуть не до порога проводил, то так же. Да здравствует Игерран, лучший из адвокатов!

Оставшись с ним наедине, я совладала с собой, села на отведенное мне место и сложила руки на коленях. Он сел за стол напротив и заговорил совершенно иначе. Нет, голос был тот же, но непреодолимое обаяние ушло бесследно. Сейчас передо мной был просто некрасивый маленький господин с приятным голосом. Я могла соображать.

— Мелисента? Очень приятно. Я мэтр Игерран, надеюсь, Вы обо мне слышали.

Я ответила, подпустив в тон елея:

— Кто же не слышал о знаменитом мэтре Игерране?

Но знаменитый мэтр не повелся.

— Вы даже не представляете, сколько народа обо мне понятия не имеют. Я, грешным делом, думал, что Вы входите в это число: ученые обычно не интересуются судебной хроникой.

— Я читаю газеты.

— Ну вот и отлично. Мистрис Гиневра обещала оплатить Вашу защиту.

Вот оно, то, о чем предупреждал Ал.

— Стоп. Уважаемый мэтр, правильно ли я понимаю: если она платит, она и является Вашим клиентом?

Мужчина опустил глаза, затем снова их на меня поднял:

— Абсолютно верно. Поэтому я не принял контракта до разговора с Вами. Вы полагаете, мистрис Гиневра может быть недобросовестна в этом деле?

— Я предполагаю, что наши с ней интересы могут не совпасть.

Он по-птичь поворачивая голову набок, взгляд стал цепким.

— Конфликт интересов? Занятно. Вы предпочитаете нанять меня самостоятельно? Напрямую?

— Совершенно верно.

Мэтр Игерран вдруг откинулся на спинку стула и посмотрел на меня сверху вниз из-под прищуренных век:

— Мелисента, Вы примерно представляете, сколько я беру за процесс?

— Понятия не имею.

— Тысячу гитов за ведение и примерно вдвое больше за выступление в суде.

— Вне зависимости от результата?

Ответ прозвучал гордо и был призван опустить меня ниже плинтуса.

— Дорогая, я не проигрываю.

— Отлично. Тогда мое предложение должно Вам подойти. Я предлагаю значительно большую сумму, но, как бы это сказать, по частям. — Значительно большую — это насколько?

— Давайте посчитаем. У меня есть изобретение, Эликсир Молодости и красоты. Он получил очень высокую оценку, и я его еще доработала. Подробности можете узнать у мистрис Гиневры, архимага Гиаллена и завхоза отдела зельеварения Магали.

— Так Гиаллен действительно жив?

Неужели он у Гиневры с ним не столкнулся? Или она не стала показывать архимага адвокату специально?

— Вы его еще не видели? Жив и находится на излечении у ведьм мистрис Гиневры.

— Интересно, я с ним обязательно пообщаюсь. Так что там с Вашим эликсиром?

Я выдала заранее заготовленную фразу:

— Он восстанавливает нормальную структуру и жизнедеятельность всех органов и тканей, ту, которая у человека была в юности. Соответственно, человек чувствует себя здоровым и выглядит молодым. Похожие прописи существуют, но они либо обладают очень неприятными побочными эффектами, либо малоэффективны, либо годятся только для ведьм, либо являются запрещенными. Моя разработка лишена почти всех этих недостатков. Как Вы думаете, много ли женщин захотят вернуть молодость?

Карие глаза засверкали.

— Если это все так и есть... Скажите, Мелисента, а мужчинам Ваше зелье тоже поможет? Видите ли, у меня жена ведьма...

Я рассмеялась. Не магу быть мужем ведьмы, это ж какое здоровье надо иметь!

— Понимаю Вашу проблему. Да, мужчинам тоже можно его принимать, эффект будет практически тот же. В моей прописи нет ничего специального женского.

На самом деле есть, но кто мешает мне сделать лично своему адвокату вариант для мужчин? Всего-то убрать пару ингредиентов и добавить один.

— Отлично. Тогда я — Ваш первый клиент. Так что насчет денег?

Я начала считать вслух, в душе благодаря Гиаллена, который в свое время натолкнул меня на эти мысли.

— Когда я выйду из тюрьмы, то начну производство и продажу. Планирую продавать по сто гитов за годовой курс. В год могу произвести и продать их где-то пять тысяч. Думаю, в девяти королевствах найдется пять тысяч дам, которые готовы выложить такие деньги за свою красоту. Это полмиллиона. Себестоимость маленькая, чистая прибыль составит чуть меньше половины. Будем считать двести тысяч. Один процент от этой суммы составит две тысячи в год. Я предлагаю Вам два процента в год от чистой прибыли в течение пяти лет.

Пока я говорила, брови адвоката лезли вверх, так, что я испугалась. У них был верный шанс добраться до середины обширнейшей лысины и закрепиться там на позиции волос. Когда я замолчала, они медленно вернулись на место, после чего Игерран проговорил озадаченно:

— Да, такого щедрого предложения я еще не получал. Уважаемая Мелисента, я Ваш. Но... Есть необходимая формальность. Мне нужен задаток. Любой. Только приняв его, я становлюсь Вашим законным представителем. Это магия.

Я задумалась. Денег с собой у меня не было, а если бы и были, на входе в тюрьму их бы

изъяли. Как быть? Игерран подсказал:

— Вы можете написать расписку и приложить Вашу банковскую печать.

Действительно, что же я туплю! После третьей недели на Острове Магов я открыла счет и клала туда все свои сбережения. Там мне выдали печать, чтобы магически подтверждать свою личность, и она у меня на пальце.

— Давайте бумагу, перо и чернила. Напишу Вам расписку на тридцать гитов. Все равно больше у меня нет.

Вру и не краснею. Там у меня уже около двух сотен, но для Игеррана это такая же ерунда, как и тридцать. Он сложил брови домиком, дернул углом рта, но ничего не сказал. Взял мою расписку, сложил и с почтением спрятал в недра своего портфеля.

— Отлично, Мелисента. Завтра я принесу Вам на подпись наш договор. А теперь рассказывайте. Не бойтесь, здесь стоит защита от прослушки, да у меня вдобавок с собой соответствующий амулет.

Где-то я читала, что от адвоката не следует ничего скрывать. Так что открыла рот и больше часа ездила ему по ушам, пересказывая в подробностях все, что вы уже знаете. Очень помогло то, что вчера я излагала это все Гиневре и хорошенько вспомнила все события.

Игерран меня не прерывал, только кивал и поддакивал, с поразительной скоростью летая пером по бумаге. Кажется, он записал мое выступление дословно. Когда я замолчала, он почесал лысину и объявил:

— Я Вам верю, Мелисента. Вы не солгали ни единым словом. Здесь есть, что защищать. Не скрою, дело будет непростым. Ваши враги имеют силы и возможности Вам вредить. Но! Они не учитывают Вашу личность. Могу сказать, Вы мне очень понравились. Как клиент, имею в виду. Обычно, к сожалению, приходится иметь дело с идиотами или жуликами, что зачастую одно и то же. В суде и те и другие производят жалкое впечатление. Их легко сбить и запутать. Думаю, с Вами будет по-другому. Я буду добиваться суда расширенной коллегией в присутствии зрителей. Думаю, публичность сыграет Вам на пользу, а подкупить восемнадцать архимагов труднее, чем шесть.

Спасибо Гиневре, что прислала сюда этого замечательного человека!

— Да, пока Вы рассказывали, я обдумал Ваше предложение. Понял, почему Гин хотела сама оплатить Вашу защиту. Собиралась наложить лапу на Ваше изобретение. Но я предпочту получить два процента от Вас. Это составит значительно большую сумму.

Ага, за пять лет это составит двадцать тысяч, а не стандартные три. Но мне не жалко и втрое больше, пусть только выгащит меня.

— К тому же, это будет громкий процесс. Ваше оправдание должно сделать из Вас звезду, тогда Ваш эликсир пойдет на ура.

Игерран думает, я смогу его продавать вдвое дороже?

— Теперь Вам надо отдохнуть. Думаю, затем Астралон снова захочет Вас допросить. Слушайте мои рекомендации и старайтесь им следовать.

— Я вся внимание.

— Можете рассказать Астралону все, что рассказывали мне. Желательно как можно близко к тексту. Будет давить, переспрашивать — отвечайте то же самыми иными словами. Никакой другой информации. Не пытайтесь кокетничать и играть дурочку — с ним это не пройдет. На угрозы и подначки не обращайтесь внимания. Даже не отвечайте. Я сейчас пойду домой, покумекаю и начну искать свидетелей. Завтра вернусь и мы продолжим. Думаю, до суда у нас есть три декады.

Глава 25, в которой Мелисенту пытаются обидеть, а тюрьма оказывается очень популярным местом

Я думала, после разговора с адвокатом меня снова отведут к следователю, но меня препроводили в камеру и вручили миску с тем, что должно было быть супом, но не заслуживало этого гордого имени. Где вчерашний тюремщик брал те вкусные блюда? В столовой Совета? Я уныло похлебала баланду и похвалила себя: припрятанный со вчерашнего дня кусок хлеба лежал в моем кармане и очень мне пригодился.

Я попыталась прилечь и поспать, но окрик тюремщика согнал меня с топчана. Оказывается, днем на кровати лежать запрещено. А если не спать, то заняться было абсолютно нечем. Похоже, самое ужасное тут — это бессмысленное времяпрепровождение. Спросила, нет ли книг, в ответ узнала, что подследственные могут читать только обвинительное заключение. А писать?

Да пожалуйста! Только все написанное должно быть представлено следователю на проверку.

Ну и ладно. Пусть только карандаш и бумагу принесут.

Получив желаемое, я пристроилась около столика и стала размышлять, одновременно рисуя всякие рожи и загогулины на листочках очень плохой серой бумаги. Когда-то я придумала этот метод. На некоторых дисциплинах нельзя было ничего записывать, так как сведения считались секретными. Так я приладилась рисовать, а затем по собственному рисунку могла повторить лекцию слово в слово. Вот только кроме меня разобрать тут никто ничего не мог. Кстати, содержание тех лекций я помню до сих пор, а вот связь текста с рисунком со временем полностью утрачивается. Если сейчас найти мои каля-маля тех времен, я не вспомню, к чему относится тот или иной листок.

Для начала я воспроизвела в уме свой собственный рассказ, чтобы не сбиться и не спутаться, когда меня начнет допрашивать Астралон. Это была картинка номер один. Картинка номер два относилась к тем усовершенствованиям, которые я хотела внести в мой эликсир, включая и вариант для мужчин. В третьей картинке я постаралась изложить свои соображения о том, кто и как сумел подставить Ала и лишить его тела.

Оказалось, графическая форма для этого подходит лучше словесной! Эдилиен с Сосипатрой расположились во внешнем круге, еще дальше оказался Ригодон, а во внутреннем остались только дамы: Теодолинда с Мартонией. Единственное, чего мне не хватало — это прямой улики, на них указывающей. Общие соображения к делу не подошьешь.

Оказалось, мое творчество затянулось до ужина, на который мне принесли все ту же отвратную кашу. Я поковыряла ее, но доедать не стала. Да, сегодня меня сторожит отъявленный службист, где только такую дрянь добыл? Или ее специально для заключенных готовят, чтобы жизнь сахаром не казалась?

Вспомнились слова вчерашнего лояльного тюремщика: завтра меня ждут унижения и страдания. Придется перетерпеть, или...

В сущности, закон запрещает тюремщикам издеваться над своими подопечными, особенно в камерах предварительного заключения. Но это правило спокойно можно не соблюдать, а безнаказанно тешить на беззащитных свою жажду власти и страсть к мучительству. Те, кто отсюда выходят на эшафот, не имеют шанса пожаловаться на плохое

обращение, а те, кого выпускают оправданными, от радости об этом забывают. Но это мужчины. А я женщина и знаю: издевательства над нами могут быть очень изощренными и гнусными, поэтому буду жаловаться с первого же раза, иначе могу повеситься раньше, чем дело дойдет до суда.

Для этого мне необходимы доказательства. Надо подготовиться.

Что там сказано в правилах? Можно использовать бытовую магию? А учебную? Заклинание памяти, наложенное на предмет? Мы использовали его для того чтобы записать лекцию, которую по каким-либо причинам приходилось пропустить. Действие его недолговременное, до декады, не больше. Зато можно накладывать практически на что угодно, лишь бы имело волокнистую структуру. Обычно в дело шли куски веревки.

У меня веревки нет, у меня только тесемка от моей мантии. Короткая, в ладонь, но мне больше и не надо. Если тюремщик будет доставать, на следующем же допросе пожалуюсь следователю и предъявлю доказательство. Хорошо бы это сделать в присутствии Игеррана.

Приняв такое решение, я взялась за работу. Сняла мантию, вывернула и проверила все внутренние тесемки. Их тут видимо-невидимо, пришиты для того, чтобы мантию при случае можно было по фигуре задрапировать. Одна готова оторваться, висит на ниточке, отлично!

Я дернула тесемку, разложила рядом с собой на столике и приготовилась колдовать. Для нас, слабых магов, есть два факультета: зелья и артефакты. Если ими уметь пользоваться, то можно уделать даже очень сильного боевого мага, правда, не на поле боя и не слишком умного. Надо сказать, на боевке дураков хватает, туда идут самые сильные, а сказано же: сила есть, ума не надо!

Хотя мое сердце навеки было отдано зельеварению, но артефактам я тоже в свое время отдала дань. На одних эликсирах далеко не уедешь. Поэтому сейчас тесемка быстро и радостно превращалась в записывающее устройство. Только звук, без картинки, но и этого довольно.

Поначалу я опасалась, не шарахнет ли меня молнией, но скоро успокоилась. Расчет оказался верным. Энергии это заклинание брало не больше, чем чистящее, видимо, поэтому камера приняла его за бытовое и не отреагировала.

Так, осталось два вопроса: что сделать спусковым крючком и куда ее поместить, чтобы все хорошенько зафиксировалось?

На второй вопрос ответ нашелся почти сразу. Привязала тесемочку к оковывающей дверь полосе железа: она в одном месте отставала от деревянной основы и мне удалось подсунуть под нее тонкую ленточку.

Спусковым крючком я поначалу хотела сделать чужой голос, но затем передумала. Тесемка короткая, объем записи небольшой... Вдруг этот козел не с самого начала станет надо мной глумиться? О! Щелчок пальцев! Пойдет.

Подготовив все к завтрашнему дню, я улеглась и мигом заснула.

Гиаллен приснился под утро. Был он хмур и задумчив.

— Мели, как ты? Был адвокат?

— Был. Сам мэтр Игерран. Я в шоке.

Он не стал выяснять, что меня так потрясло, спросил озабоченно:

— Девочка, ты с ним договорилась?

— Договорилась. Два процента от чистой прибыли в течение пяти лет.

— Умница моя, лучше чем я предполагал. А у меня не все так гладко. Ведьмы тело подлечили и резерв на набор магии инициировали, больше ничего делать не стали. Теперь

как сам справлюсь.

Ни фигя себе! Я думала, его быстренько в порядок приведут, а оно вон как. По себе знаю: меня Гиневра всего-навсего за руку взяла, и я стала как новенький золотой. Могли бы и Ала... Одной ведьме, положим, столько силы не прокачать, но если встанет ведьмин круг... Знаю, видела примеры. С того света людей возвращают и магией наливают под завязку.

— Ал, они же могли тебя совсем вылечить, и магически тоже.

— Могли, я сам не захотел. И теперь еле ноги таскаю.

Думаю, я догадалась, как именно ведьмы предложили ему восполнить недостающие силы. Для них это обычное дело, но вот почему Гиаллен отказался? Хочет передо мной выглядеть лучше, чем он есть? Напрасно. Задумалась, как ему об этом сказать, но не успела, он заговорил первым.

— Так что прийти к тебе на свидание, как собирался, не смогу. Извини.

Я уже готова была ему поведать, что он, как свидетель, не имеет права на свидание с подозреваемой и увидит меня не ранее чем на суде, но и тут промолчала. Пусть узнает это сам. А вот по предыдущей теме скажу свое веское мнение:

— Ал, если ведьмы готовы тебя восстановить полностью, не отказывайся. В любом случае с моей стороны претензий никаких. Главное чтобы ты был жив, здоров и силен.

— Добрая девочка, моя Мели. Что сказал адвокат?

— Что суд будет декады через три, есть время подготовиться.

— Ну и ладушки. Отдыхай, моя милая, набирайся сил. Да, после первого допроса полагаются свидания. Гиневра к тебе собиралась. Если тебе что-то надо, скажи, я пришлю.

Хорошая новость.

— Жратвы, и побольше. Тут такой гадостью кормят, я не могу это есть.

— Все понял, Спи, моя радость.

И я провалилась в глубокий крепкий сон.

Утром меня отвели на допрос сразу, как проснулась, даже завтрака не дали. В той же самой допросной меня встретил Астралон. Сидел за столом и пил чай, гаденьш. А у меня все внутри в трубочку от жажды заворачивалось, но мне он даже глотка воды не предложил.

Вопросов он мне задавать не стал, просто сидел напротив, прихлебывая душистый напиток, и сверлил взглядом. Чего он дожидается?

Это стало ясно примерно через полчаса, когда в кабинет влетел мэтр Игерран и плюхнулся на свободный стул в углу.

— Я уже здесь, можете начинать, уважаемый Астралон.

Тот сухо кивнул адвокату и обратился наконец ко мне:

— Ну, в прошлый раз мы выяснили Вашу личность, Мелисента Мери, сегодня поговорим по существу. Что Вы можете сказать по сути предъявленных Вам обвинений?

— А зачитайте мне их еще раз, что-то я не помню.

Мужик не поленился, достал из стола бумагу и зачитал:

— Первое. Вы совершили в отведенном Вам казенном помещении акт черной магии, абсолютно запретный на территории Валариэтана. Второе. Вы скрыли от Совета Магог нахождение на вверенном Вам помещении невоплощенного духа, которого воплотили путем черномагического ритуала. Третье: Вы способствовали совершению этого преступления другими лицами.

И тут я перешла в наступление.

— Не поняла сути обвинений, поэтому ничего сказать не могу. По-моему, это бредятина. Первое и третье утверждение противоречат друг другу. Преступление совершила или я, или третьи лица, меня нельзя обвинить сразу и в том, и в этом. Это раз. Никакой конкретики, это два. Какой-такой черномагический ритуал я совершила? Я, маг третьего уровня силы? Они мне принципиально недоступны. Следующее. О каком невоплощенном духе идет речь, где я его взяла и во что воплотила? И еще: назовите, пожалуйста, третьих лиц, о которых идет речь. Тогда я попытаюсь ответить.

Вообще, они тут плохо подготовились. Думали, с девочкой легко сладят. Обломись! Астралон был в шоке. Он такого от меня не ожидал. Посидел пару минут, тараща глазки, и переменял фронт:

— Мелисента Мери, Вы готовы отвечать на конкретные вопросы?

— Да, пожалуйста.

— Когда Вы прибыли на Остров Магов?

....

В общем, он вытянул из меня всю мою историю по вопросам. Сидевший в углу мэтр Игерран молчал, прикрыв глаза, но не спал, а внимательно слушал. Я время от времени на него поглядывала, и он каждый раз он отправлял мне одобрителный взгляд.

Часа через два, когда у меня уже язык не ворочался, а в горле свербилло, как будто его кошки драли, кто-то постучал и вызвал Астралона. Не успел он выйти, как мэтр достал откуда-то из складок своего одеяния бутылку с водой:

— Пей, быстро!

И, пока я, захлебываясь от восторга, утоляла мучающую меня жажду, заметил:

— Знаю я Астралона. Тебе, небось, с утра напиток не дали, чтобы была податливее.

Стоило в коридоре зазвучать шагам, как он отнял бутылку и снова спрятал ее. Можно подумать, ничего и не было. Зато я теперь была готова вынести что угодно.

Следователь вошел и продолжил с того места, на котором прервался:

— Итак, Ваша тяга взорвалась. По какой причине произошел взрыв?

Эх, этот вопрос мы с Игерраном не проговаривали. Сказать, что по моей ошибке?

— Не могу точно сказать. Вероятно, в чем-то я допустила ошибку. Или в заклинании, или в подборе трав. После травмы я не могу восстановить в уме порядок действий.

— То есть, Вы никого в этом не обвиняете?

— У меня нет таких оснований, а бездоказательно я никого обвинять не хочу.

Игерран украдкой показал мне большой палец. Уф, выкрутилась.

Дальше было совсем неинтересно, до того как я начала рассказывать про лорда Кориолана. Меня тут же прервали и отправили в камеру. Интересно, почему?

У ее дверей меня встретил третий тюремщик. Мерзотный, надо сказать дядечка: немолодой, коротконогий и толстобрюхий, да вдобавок еще глазки жиром заплыли и морда поперек себя шире. Такая красная рожа с сизым носом и гнусным выражением бывает у старых портовых кабатчиков, привыкших обирать и грабить загулявших постояльцев. Узрел меня и возрадовался раньше времени:

— Надо же, какая цыпочка, и к нам. Ну, иди-иди, куколка.

Он подтолкнул меня в камеру, одновременно ущипнув за попу. Больно, между прочим, с вывертом. Я пискнула, стараясь пробежать внутрь как можно глубже. Знаю, ему сюда без сопровождающего входить запрещено.

Он и не пошел. Закрыв дверь и сунул рожу в окошко:

— Выпендриваться вздумала? Не рано ли?

Я ответила как можно более холодно:

— Не могли бы Вы принести мне обед?

Это он не знает, а щелчок пальцами прозвучал еще тогда, когда эта мразь покусилась на мою пятую точку. Так что надо активнее его провоцировать: все фиксируется. Придурок охотно шел мне навстречу.

— Обойдешься, курочка! Дала бы дядюшке Рогусу себя немножечко пощупать, сейчас бы уже ела вкусненькую кашку. А так... Сиди голодная, дрянь!

Молодец, сам свое имя назвал, чтобы уж без сомнений. Сейчас надо сообщить, что я пожалуюсь. Пусть он покажет свою безнаказанность.

— Вы не имеете права лишать меня питания. Я буду жаловаться.

Мужичок захохотал с подвизгиваниями, так его развеселила моя реплика.

— Жалуйся сколько влезет. Кто ж тебе поверит? Уже сколько таких жаловалось, и где они теперь? А дядюшка Рогус тут, на страже.

Хотелось мне заорать на него и ногами затопать, обозвать подонком, но я же должна выглядеть идеально. Поэтому сказала спокойным голосом:

— Вы нарушаете закон!

Похоже, я его разозлила.

— Это кто закон нарушает? Это ты мне говорить будешь, рвань тюремная, крысиный помет! В общем так, сегодня я добрый. Отсосешь у дядюшки, и получишь свой обед. А нет... Я к тебе в камеру на ночь крыс пушу, развлечешься.

Крыс я не боюсь, у меня для них вполне себе бытовое заклинание припасено: антикрысин. Напишу мелом на полу — ни один грызун не сунется. Мел в одном из карманов кажется завалялся. Но надо дожать ублюдка:

— А не боитесь сами тут оказаться? В качестве заключенного?

— Я-то? А с какой стати? Да я тут что угодно могу делать, и ничего мне не будет. Жалобам вашим нет веры, я просто строгий и делаю все по правилам, а кто жалуется, тот нарушитель злостный. Так что иди сюда, цыпа, я уже и штаны расстегнул.

Решила поинтересоваться:

— А кстати, как ты собираешь действовать? Что, свой хрен в окошко высунешь?

— Зачем? Дверь открою, ты отсосешь, и назад.

Придется дядю разочаровать:

— Обойдешься. Я лучше с крысами пообщаюсь, они много тебя симпатичнее.

Дверь распахнулась, мужик стоял на пороге со спущенными штанами и совершенно багровой харей. Я вскочила на топчан и завопила:

— Ой, что это у тебя? Такое маленькое и противное?

Он было бросился ко мне с кулаками, но я испустила еще один жуткий вопль. На него могла сбежаться стража, и мужичонка это хорошо сообразил. Развернулся и вышел, на ходу завязывая штаны.

Ну и ладненько. Тесемка моя должно быть уже полнехонька, а того, что есть, для обвинения хватит.

Сукин сын запер дверь и зашипел на меня в окошко:

— Не радуйся, дрянь, тебе же хуже. Доставила бы мне удовольствие, и я бы тебя пожалел. А теперь сиди голодная.

Эх, тут он прав: придется поголодать. Ну ничего, будет у меня вроде разгрузочного дня.

Вода есть, хвала богам.

Оказалось, я ошиблась, голодать тоже не пришлось. Не прошло и получаса, как ко мне со всей помпой явилась сама Гиневра. Вошла и выложила на столик знакомый сверток. Опять пироги. Покопалась в карманах и достала бутылку.

— Детка, тут, конечно, не пиво, а компот, но уверяю тебя, очень вкусный. Ешь.

Я быстро-быстро стала убирать в себя еду. Неровен час, еще сволочь-тюремщик нагрывает и отнимет. В присутствии Гиневры имеет по закону право войти. Правда, с ведьмой связываться он не будет: себе дороже. Но чую я: под дверью сейчас подслушивает.

Гин тем временем пыталась меня расспросить:

— Игерран не хочет сказать, как прошел твой допрос, так я пришла узнать.

— Гин, по-моему, нормально. У меня нет опыта, не с чем сравнивать. Но следовательно на меня не орал, не ругался и не пытался ни в чем обвинить. Это хорошо или плохо?

— Не хочешь рассказывать? Трудно с тобой, девочка. Ты почему не позволила мне за себя заплатить? Испугалась, я тебя обставлю?

— Да нет, просто я это никому не позволяю, Гин. Характер такой и воспитание.

— Гордость нищих. Знакомо. Твой Ал такой же. Кстати, напиши ему записку. Этот гордец отказывается получать силу обычным ведьминским способом, а по-другому сколько нужно ее дать не получится.

Похоже, она не знает, что мы с Гиалленом общаемся во сне. Пусть и дальше пребывает в неведении.

— А что я должна написать?

— Пусть не изображает из себя и лечится как положено.

Передо мной лежали бумага и карандаш. Я почесала им в затылке и быстро накорябала несколько слов: «Ал, прошу тебя, не отказывайся от лечения, в чем бы оно ни состояло. Ты мне нужен здоровый, с полным резервом и как можно скорее! Твоя Мелисента».

— Умница девочка. Последние два слова подействуют как нужно.

Получив мою записку, Гиневра ушла. У выхода тюремщик сунулся было к ней, но она так на него посмотрела...

Я, сытая и довольная, подошла к двери, воспользовавшись тем, что ублюдок отошел проводить мою посетительницу, вытащила тесемочку и сунула в карман. Завтра дам послушать следователю.

Думала, на сегодня мытарства мои закончены. Как бы не так. Гиневра ушла, явился Ригодон. Только этого гада мне для полного счастья не хватало.

Не тюрьма, а проходной двор!

Вошел со своей обычной елейной улыбочкой, захлопал на меня голубыми глазками и сказал:

— Ну что, красавица, допрыгалась? А я тебя предупреждал.

И что теперь, терпеть мне его прикажете? Все равно, если я выйду отсюда, он уже не будет моим начальником, а если не выйду, так тем более. Я пошла ва-банк.

— Зачем Вы пришли? Поглумиться? Зря. Это Вы принесли в квартиру Гиаллена пентаграмму на листе бумаги?

Гаденыш аж отшатнулся:

— О чем ты говоришь?

В глазах ужас и непонимание. Его там не было.

— Значит, не Вы... Жалко. Получается, мессир Ригодон, Вы халывщик. Все работали,

старались, закон нарушали, а Вы плодами пользуетесь. Нехорошо.

— Какой закон? Какие плоды?

— Да всякие разные. Не сами же Вы на место Гиаллена сели, что в Совете, что в отделе. Ну ничего, как сели, так и слезете.

Он завопил как ужаленный:

— Не рассчитывай, поняла?! Ничего он не получит, он больше не член Совета и вообще никто! А у меня все карты на руках! Под них Кортал дает огромное финансирование!

Так это ему Кориолан передал лабораторные журналы? Могла бы догадаться. Ну ничего, я тебя сейчас обломаю, неделю спать не будешь!

— Рассчитываете, что обокрали-таки Гиаллена? Что-то у меня огромные сомнения. Не Вы пока радуйтесь, радуйтесь, плакать всегда успеете. А теперь вон из моей камеры! И чтоб я Вас тут больше не видела!

— Сумасшедшая! Буйная! Идиотка!

Он летел из камеры впереди собственного визга. Значит совесть нечиста. Хвала Богам, избавилась. Вот и хорошо, сейчас отдохну.

Отдохнуть не дали: пришел совершенно неожиданный посетитель: Герион. Он-то каким боком тут?

Толстяк для начала попытался меня облобызать, но окрик тюремщика его остановил. Тогда он опустился на табуретку и заговорил:

— Деточка, как же это? За что они тебя? Я как в газете прочел — мигом сюда, в Валариэтан. Знаю я этих сук, раз уж взяли — не выпустят. А ты всегда была добра к старику Гериону, угощала вкусеньким, не обижала.

— Да что Вы, дорогой, не переживайте так. Все обойдется.

Рыжий колобок ухитрился изогнуться в талии, которой у него отродясь не водилось, и заглянул снизу мне в глаза:

— Деточка, а это верно, что Гиаллен объявился? Живой?

— Вы в газетах про это прочли?

— Нет, там такого не было, можешь почитать.

Он достал из кармана газету и сунул мне в руки.

— Так как, Мелисента, жив Гиаллен или нет? Если жив, то я... Это же настоящая сенсация! Я всем разнесу, безо всякой газеты.

Разнесет, знаю я этого старого сплетника. Вот сейчас пойдет по всем кабакам и везде расскажет. А это мысль. Пока о Гиаллене только слухи бродят, его можно тихонько ликвидировать и сказать, что так и было. А тогда мне вовек не отмазаться, свидетеля нет. Решено: расскажу Гериону.

Информацию я выдала дозированно. Мол, ко мне обратился дух, я нашла тело, Юстин вызвал папочку, тот провел обряд.

— То-то я смотрел, вокруг тебя все этот мальчишка Юс крутился. Все думали, ты за него замуж собралась, а оно вон как. Теперь понятно... А где теперь мессир архимаг?

Тон, с которым Герион говорил о Гиаллене, показался мне лояльным, поэтому я не стала скрывать:

— Его мистрис Гиневра забрала, чтобы вылечить и вернуть силу. Сегодня заходила, утверждает: процесс идет нормально. Скоро мессир войдет в силу и выйдет в люди.

Герион одновременно обрадовался и задумался.

— Это хорошо, если так. Бывай, деточка, я к тебе еще зайду. И вот...

Он вытащил откуда-то здоровую шоколадку, положил на стол и ушел. Я тут же сунула подношение в карман, пока не отняли.

Никогда не испытывала особо теплых чувств к этому толстому шуту, но сейчас прямо сердце сжалось. Хороший, добрый человек, не сволочь какая-нибудь. Слезы сами потекли из глаз.

Я сидела в прострации и ревела, просто вспоминая все хорошее, что было в моей жизни. Маму и папу, нашу школу, моих учителей: первого и последнего, который и отправил меня на Остров Магов. Он хотел мне добра, и не его вина, что все так сложилось. Потом вспомнила Юстина, но это оказалось не самое приятное воспоминание. Сам-то он умный, милый и добрый, но столько с ним связано плохого... Например Кориолан с его подлыми интригами. Слезы как-то сами высохли от злости. Плакать не хотелось, но портить свое и так уходящее время мыслями об этом мерзавце... Нет уж, я лучше подумаю о чем-нибудь другом.

Мысли плавно скользнули к Гиаллену.

Ал... Живого я его знала издалека. Вернее, не знала, а видела и слышала. Дух... В учебнике было написано, что дух и живой человек — две разные субстанции, похожие друг на друга, и все же разные. К духу Гиаллена я привязалась. Он был мне значительно ближе любой из моих приятельниц, с которыми я делила комнату в общежитии. С ним было интересно, его заигрывания, на которые я вечно фыркала, не раздражали. Были сны и массаж... А еще странное чувство, вызванное тем, что он был ко мне накрепко привязан, чувство, что он мой. Безраздельно. Не собственность — часть меня, отдельная, своенравная, вредно-противная, но моя.

А теперь ее больше нет, есть отдельный человек, мужчина. Что я в связи с этим ощущаю? Утрату? Смешно, пока был привязанный ко мне дух, хотелось с ним развязаться поскорее.

Я прекрасно отдаю себе отчет: если бы с Гиалленом не случилось того, что случилось, он никогда даже не глянул бы на меня. Не было бы шанса даже показать ему, что я что-то стою как зельевар. Он не берет девушек в свой отдел. Мы прошли бы по этой жизни как непересекающиеся прямые, лежащие в разных плоскостях. И я бы знала о нем лишь то, что знают все. Он великий ученый и жуткая скотина. О том, какой он на самом деле, умный и лукавый, обаятельный и вредный, серьезный и легкомысленный, заносчивый и нежный, я никогда бы не узнала.

Наверное Гиневра права. С тех пор как я приняла на себя ответственность за его жизнь, я сделала его своим. Для себя. Люблю ли я его, не знаю, но бросить не смогу.

А если он решит меня покинуть ради какой-нибудь ведьмы? Этот вопрос застал врасплох и вызвал вполне однозначное чувство:

P-rrrrrrrrrrrrr!!! Порву как Тузик грелку! Обоих!

Значит, я все-таки в него влюбилась?

Додумать мысль мне не дали. Пришел очередной посетитель. Я уж надеялась, что так поздно никого не пустят, но этого господина пустят всегда и везде. Архимаг Эбенезер.

Он вошел в камеру по-хозяйски, опустился на табурет, и сказал, внимательно меня осматривая:

— Ну что, девочка, допрыгалась?

Надо же он дословно повторил фразу Ригодона. Но гнать его я не стану, послушаю, что скажет. Поэтому я наклонила голову набок, растянула рот в глупейшей улыбке и сказала

голосом пятилетней малышки:

— А о чем это Вы?

Глава 26. Мелисента ждет суда

Эбenezер посмотрел на меня как на больную. Он, наверное, думал, что я облегчу ему жизнь, буду рыдать и каяться. А вот фиг! Это он сволочь, а не я, хоть и вылечил меня однажды. За тот случай я ему благодарна. Но не настолько, чтобы сейчас в угоду ему класть голову на плаху. Тем более так его работа прахом пойдет.

Меня захлестнула иррациональная волна бесстрашия. Было странно: обычно я очень практичный и рациональный человек. Но сейчас мне было плевать на все, так хотелось бросить обвинение в лицо врагу.

Глядя на мой непримиримый вид и задранный нос старый архимаг слов не мог найти, только качал головой. Затем все же справился с собой и задал следующий вопрос:

— Ты хоть понимаешь, почему тут оказалась?

— Очень бы хотелось узнать ответ на этот вопрос.

Эбenezер внимательно на меня посмотрел и решил, что прикидываться славным добрым старичком не имеет смысла. Поэтому следующая его фраза прозвучала грубо, но искренне.

— Наглая девчонка. Правильно я не хотел тебя исцелять — как в воду глядел, от таких как ты одни неприятности.

Вот и верь после этого внешности. Похож на зимнего деда, улыбается так отечески, борода опять же. Думаешь, добрый и хороший, а он просто гад. Я решила обидеться.

— Ну так и не исцеляли бы.

Архимаг почему-то принялся оправдываться.

— Да этот твой мелкий принц такую бучу поднял! Орал, скандалил, требовал, ну и пришлось... Так-то я бесплатно не работаю. Папочка его велел ребенка не расстраивать, да и ему самому ты зачем-то тогда нужна была.

— То есть, Вы с лордом Кориоланом даже по мелочам не спорите?

— Нахалка! Что ты знаешь о Совете Магов и Валариэтана?

Вот вопрос! Пожалуй, он не о том, что всем известно спрашивает. Но никаких секретных данных у меня нет и быть не может.

— Кроме знаменитой Хартии Девяти королевств и связанной с этим официальной ерунды? Да почитай что ничего. До последнего часа я наивно полагала, что все так и есть, как в этом документе прописано.

Старичок немного расслабился.

— Я же говорю: нахалка! Хартия — наш основной документ. Девять королевств признают наш суверенитет и не обижают магов. Мы — вне их юрисдикции.

Я решила немного сбить пафос его речи.

— То есть, мнение лорда Кориолана для Вас ничего не значит?

Эбenezер запыхтел носом как сердитый ежик.

— Ты слушать меня будешь? Откуда, как ты думаешь, берутся богатства Валариэтана, на которые мы все здесь содержим?

Я задумалась, затем ответила как на экзамене:

— Если по закону... Маги оказывают магические услуги и продают магические товары на территории девяти королевств, и отчисляют аж двадцать процентов своих доходов сюда. За это получают помощь и поддержку Валариэтана в спорных случаях. Все так?

Старикашка саркастически хмыкнул:

— Все, да не все. На самом деле нас больше чем наполовину содержат королевства. Если твоя родная Элидиана дает горстку гастов, а некоторые другие и вовсе ничего, то Домиан понимает, как важна поддержка магов, и помогает широко и щедро.

— И вам за его помощь ничего не жалко. И никого.

— Вот именно. Какое значение можешь иметь ты, девчонка, в сравнении с благоденствием нашего государства? Если от нас требуется такая жертва, мы ее смиренно принесем. Что значит одна слабая магичка перед величием и силой Валариэтана?

Тут меня вдруг как стукнуло:

— Величие и сила? Не много ли на себя берете, мессир Эбенезер? Кортал платит Валариэтану за магическую помощь, а не за такую грязь, как вы тут развели. Это лично лорд Кориолан платит лично Вам за содействие его подлым планам. И цель его — подмять магов под себя, чтобы не мешали из девяти королевств делать один сплошной Кортал. А я Вас еще приличным человеком считала, уважала... думала: целители — элита общества, честь, так сказать, и совесть...

Архимаг просто взвился:

— Ах ты, поганка! Язык как помело! Молчала бы, можно было еще подумать, как тебе помочь. А теперь получишь по полной. Не надейся, против меня Совет не пойдет. Я-то ее пожалел, хотел из-под удара вывести... Ранульфа вон послал, чтобы забрал гадюку. Что бы он тебе сделал, мерзавке? Ты же не девушка. Убыло бы от тебя разок-другой с ним переспать? Зато была бы уже в своей Элидиане или где еще живая и здоровая. Мы бы тебе даже денег отсыпали.

Это он мне так пытался помочь? Юморист дяденька. Да на этого Ранульфа глянешь — и с катушек долой. Или у нашего Эбенезера привычка любиться с вивернами и каменными горгульями? Тогда понятно, почему он не видит в сексе с Ранульфом ничего страшного.

Но, выходит, вся эта петрушка не против меня лично, а против Гиаллена? Или Кориолан хотел одним ударом сразу всех мух прихлопнуть? Меня скомпрометировать и удалить, Ала подставить и ликвидировать, или подчинить, по прошлому сценарию. Нет, второй раз тот же самый темный обряд с тем же объектом не проведешь, ибо последствия непредсказуемые. Значит, его уже списали. А все это возвращение духа в тело — красивая инсценировка для любимого сыночка. Мол, я хороший, твоего кумира вернул к жизни и твою девочку спас, но извини, она шлюхой оказалась, а Гиаллен слабаком... Ничего не поделаешь, судьба.

А Юс... Он, конечно, папаше поверит, все-таки отец. Не стоит сбрасывать со счетов родственные чувства.

Только вот ведьму в своем плане Кориолан не учел. Обидел он ее кровно, а они могут сто лет к мести готовиться, а потом, когда уже и сам забудешь, ударить, откуда не ждешь. Вообще, как мне кажется, Кориолан недооценивает женщин, считает их за пешки, расходный материал. Зря он это, ох, зря...

— Эй, что молчишь? Жалеешь, что хвостом крутила?

А? Что? О чем это он? Я за своими мыслями совсем об Эбенезере забыла, а он никуда не делся. Тут сидит, на меня любуется. И очень зол, что я в себя ушла. Ладно, обратим на него внимание. Но на покорность и жалобы пусть не рассчитывает.

— Знаешь, что, дяденька? Сам со своим Ранульфом трахайся. Глядишь, тебе и понравится, если выживешь, конечно.

Что со мной? Всю жизнь тишком да молчком, обходя острые углы и стараясь никого не задеть... А тут меня несло. Как будто открылась клетка и что-то вырвалось из нее на

свободу. Никого не боюсь. А этого гнома бородатого — в последнюю очередь.

Эбenezер почувал мой настрой и засобирался:

— Посмотрим, что ты на суде запоешь, если до него доживешь! Всем твоим словам будет гаст цена в базарный день: свидетелей у тебя нет и быть не может, а знаки черного колдовства в твоей квартире присутствуют. Этого хватит, чтобы тебя приговорить.

Тут я решила зайти с козырного туза.

— А не боитесь, а? Приговаривать невинного, оно чревато. Мое право отменить Вы не посмеете.

Старый хрен зашипел гадюкой:

— Это ты на что намекаешь? На проклятие свое? И кого же ты назовешь как проклинаемого?

Я сделала вид, что задумалась.

— Кого же мне назвать? Вас, архимаг Эбenezер? Или лорда Кориолана? Или господина Ригодона? Или Магический Совет Валариэтана? Ведь имя — это еще и название, не так ли? Персениус в свое время создал отличный прецедент.

Вот тут из Эбenezера поперла злоба, если бы в камере можно было магичить, испепелил бы меня на месте. Но, к счастью, ограничение налагалось не только на заключенных. А я вдруг этак отстраненно подумала, не поторопилась ли с объявлением войны. До суда еще дожить надо.

Так и не ответив на мою реплику, архимаг выскочил в коридор и чуть ли не бегом удалился. Небось, Кориолану поскакал докладывать.

Я улеглась на свой топчан и пару часов провела в размышлениях, почему такое благородное занятие как целительство, не накладывает своего отпечатка на магов, им занимающихся. Деревенские ведьмы добрее, честнее и милосерднее, хотя народ им всяческие злые помыслы и намерения приписывает. А тут что Эбenezер, хоть и прикидывается добреньким дедушкой, что Авентил... Ладно, простим второму мое лечение за то, что не дал прикончить Ала. Еще какие-то крохи совести и сострадания у парня остались. Но если и дальше будет тут подвизаться, все атрофируется. Начальство приложит к этому все усилия.

Главное, чтобы оно для отправке меня на тот свет свою творческую натуру не приспособило. А то с Эбenezера станется.

Мелисента, не зря ты компромат на тюремщика записывала. Зуб даю, именно он неугодных устраняет. Иначе как он мог так долго тут задержаться, если только ленивый на него жалобы не писал? Времени нет совсем, так что завтра же выдвину обвинение. Главное, чтобы Игерран опять присутствовал на допросе. А если меня больше не будут допрашивать?

Это вряд ли. В любом случае Игерран завтра придет, вот с ним и посоветуюсь. Да, не забыть нарисовать антикрысин. Можно добавить пару элементов, и крысы пойдут штурмовать дядюшку Рогуса вместо меня. Или лучше пусть они сдохнут?

Решив, что Рогуса я и так достану, крыс решила поморить. Нечего им делать в благоустроенной тюрьме. Нарисовала на полу у входа магический квадрат, заполнила его и с чистой совестью легла спать. Теперь если хоть одна крыса на него ступит — все передохнут, ни одной в радиусе двадцати локтей не останется.

Ночью я слышала сквозь сон топот, лязг и писк, но не проснулась. Утром в моей камере валялись три дохлых крысы. А я молодец!

Вместо давешнего урода завтрак мне принес первый тюремщик. Увидел крыс и обалдел:

— Мистрис, как тебе это удалось? Здесь же нельзя применять боевые заклятья?

— Зато бытовые можно.

Он похлопал глазами недоверчиво, затем оставил мне миску каши с маслом, кружку молока и шикарный бутерброд с ветчиной. Вкуснятина!

Крыс забрал, загнав веником на совок. Удивительно, но этот тюремщик не боялся нарушить правило: не заходить в камеру без сопровождения. В мое сердце толкнулось очень нехорошее чувство. Злого я сумею обезвредить, а если добрый окажется засланцем? Что делать? Отказаться от вкусной еды? В нее легко подсыпать яд. А если он действительно хороший мужик, то почему я должна отказываться от нормального питания в угоду паранойе?

Да, дилемма. А главное, посоветоваться толком не с кем. Не к Игеррану же с этим идти, а Ал мне в тюремных делах не помощник.

Стоило мне допить молоко, как пришел конвой. На этот раз Астралон не стал меня морить голодом и жаждой, или тюремщик поднял меня пораньше и накормил по доброте душевной?

Наверное все же тюремщик. Мое выспавшееся и сытое лицо не вызвало у следователя положительных эмоций: при виде меня он изобразил нечто холодно-презрительное. Игерран уже сидел на своем стуле в углу и радостно улыбался. Не знаю, чему он так радуется, а вот я сейчас его озадачу.

— Мессир Астралон, я бы хотела переговорить со своим защитником прежде, чем мы начнем беседовать.

По физиономии следователя можно было прочесть надпись крупными, отказать он не смог. Нас с Игерраном отвели в специальную переговорную, где я тому все рассказала. Про тюремщика дядюшку Рогуса, про запись на тесемке, и про визит архимага Эбenezера. В глазах мэтра вместо страха блеснул азарт.

— Здорово Вы их, Мелисента. Поторопились немного, ну что уж там. Будем работать с тем, что есть. Вы правы: жалобу надо подавать немедленно. Этот Рогус у всех как бельмо на глазу, но до сих пор никто не сумел представить доказательства. Так что поздравляю.

— А толк будет?

— Обязательно! Зря, что ли, Вы наняли лучшего адвоката?! Я прослежу, чтобы мерзавец был наказан по закону. Кстати, наличие Вашей записи даст возможность поднять прошлые жалобы.

— А это не мешает Вам заниматься основным процессом?

— Поможет! Этим суду будет явлена Ваша лояльность и законопослушность. Вы не допустили нарушения закона. А что Вы говорили про двух других тюремщиков?

— Я не знаю, как их зовут, но один службист и законник, следит за выполнением каждой буквы и кормит меня такой жуткой дрянью...

— Понятно, с этим ничего не поделаешь. А второй?

— Он работает сегодня. Хороший, добрый, вроде как мне сочувствует, Гиаллена уважает. Но я подумала... Если кто-то не хочет, чтобы дело дошло до суда, я должна умереть в камере. Проще всего подсунуть мне яд как раз через этого, доброго.

— Понял Вас, Мелисента. Вполне возможное развитие событий. Сегодня Вас вряд ли станут травить, но уже завтра... Я прощупаю обоих, есть у меня такая возможность. Но и Вы будьте внимательны. Завтра принесу Вам амулет для проверки на яды.

Дура ты, Мелисента. Такой амулет ты и сама можешь сделать, было бы из чего.

Мой взгляд уперся в живот адвоката, где на элегантном жилете сиял зеленым перламутром целый ряд пуговиц:

— Мэтр, а дайте мне Вашу пуговицу. Я потом верну.

Мужчина изумился:

— Зачем?

— Сделаю то, что Вы сказали: амулет, определяющий яды. Сегодня, сейчас. Зачем откладывать? Не так много същется ядов, которые я бы не смогла опознать. А заклинание простенькое, из разряда бытовых.

Игерран кивнул и вытащил из кармана точно такую перламутровую пуговицу, как та, что красовалась у него на жилете. Передавая, пояснил смущенно:

— Вчера нижняя оторвалась, как по заказу. Не успел отдать пришить.

Мне везет. Зачарую, как только останусь одна.

— А теперь давайте сюда Вашу веревочку. Пойдем подавать жалобу. Только...

Он достал из кармана несколько записывающих кристаллов. Здорово, на них можно скопировать запись с тесемки, так она надолго сохранится. Веревочки — они одноразовые.

— Ой, спасибо, мэтр. Мы сейчас скопируем или?...

— Или... Заключение не может пользоваться кристаллами, а завязка от Вашей мантии запретной не является. Копии сделаем прямо при следователе. То-то Астралон зубами будет скрежетать!

Он действительно скрежетал, да еще как! Доказательство неопровержимое: тюремщик Рогус нарушал закон в наглой неприкрытой форме. Действия адвоката законны. Попробуй Игеррану что-нибудь поперек сказать: по судам затаскает. Он, оказывается, все на кристаллах сохраняет.

Тесемку приобщили в качестве доказательства, так же как сделанную с нее копию. Теперь прослушать ее вторично нельзя, но следы, подтверждающие подлинность записи на кристаллах, видны отлично. Копий Игерран сделал три штуки, чтоб уж наверняка.

Как Астралон ни упирался, а жалобу принять и дать ей законный ход пришлось. Рогуса вызвали к следователю, при мне и Игерране дали прослушать запись, предъявили обвинение и заключили под стражу. К счастью, как немага, его должны были отвести в городскую тюрьму. А то сидеть рядом с этим ублюдком удовольствия мало.

Затем меня по второму кругу расспрашивали о моей жизни в бывшей квартире мессира Гиаллена. Я повторяла сказанное вчера близко к тексту, за что удостоилась похвалы от Игеррана. По ходу допроса он несколько раз показывал мне большой палец, а провожая в камеру сказал:

— Вы свои показания наизусть выучили? Правильно, так и надо.

Это замечание меня развеселило. Я столько раз проговаривала свой рассказ, что уже повторяю его дословно, ничего специально не заучивая. Вот так и буду стоять на своем, никто не собьет!

В камере я первым делом зачаровала пуговицу, которую мне дал адвокат. Прикинулась, что чищу и глажу одежду, это не запрещено. Разложила все на топчане и стала водить руками, потихоньку перебирая в уме все возможные яды и повторяя формулу, затем незаметно сунула пуговицу в рот. Вообще-то кровью полагается капнуть, но для такого дела и слюна в качестве жидкости моего тела сгодится. Из рта я вынула готовый к работе амулет и тут же пустила его в ход: проверила на яд принесенный мне обед. Ничего!

Хвала богам, теперь можно есть без опаски.

После обеда мне удалось часа два подремать. Этот тюремщик не настаивал на том, чтобы я не трогала постель до вечера, так что жизнь налаживалась. Больше всего сейчас мне не хватало моей лаборатории.

Вот я вчера сорвалась на Эбенезера, и что это мне дало? Глупо поступила, а все потому, что нет нормального выхода энергии. Теперь только смотри, как бы не отравили или убийц не подослали.

Сама себя я бы травить не стала, с эликсирщиками это не проходит, но не все же об этом знают?!

Ладно, раз не могу полноценно работать, буду спать. Говорят, впрок не напишься, но я столько времени манкировала этим полезным занятием в угоду учебе и работе, что сейчас просто выбираю недоимки прошлых лет.

Ближе к вечеру пришел Белон, посочувствовал, переспросил, верно ли, что Гиаллен жив, вручил кулек конфет (страшно меня этим удивив), и ушел, гордый собой. За ним пришла та, кого я совершенно не ждала. Магали.

Она сразу же меня обняла и расцеловала, вручила узелок с печеньем, собственноручно ею выпеченным, и стала причитать:

— Как же так? Как они могли? Ты такая молоденькая, такая милая, такая умница!

Пафос ее речи сводился к одному: кто же теперь будет варить тот замечательный эликсир?

Удачно она зашла, я как раз хотела привлечь к моему случаю внимание женщин. Сделав трагическое лицо, я постаралась донести до сведения Магали, что тайну эликсира я унесу в могилу. А еще намекнула, что любая королева душу отдаст за этот рецепт. Если бы Магали не испробовала его действие на себе, она еще могла бы сомневаться, но тут ее убеждать не пришлось.

Она сама сказала, что не позволит проклятым мужикам лишить всех женщин счастья молодости и красоты. Ведьмы вот как-то выкручиваются, пьют свои ведьминские составы, а обычным женщинам хоть ложись да помирай: на них эти зелья не действуют. И вот, когда нашлась такая, которая позаботилась обо всех, ее хотят извести. Да Магали до королев девяти королевств дойдет! Небось всем им молодость сохранить хочется. Так неужели же они не защитят ту, которая может им помочь.

Эта дойдет. Ей нужно. Гиневра хотела бы на мне заработать, и все, особо париться она не станет, а тут потребность, можно сказать, жизненная.

Я расцеловала Магали, пообещала, что, если выберусь, до конца жизни буду ее снабжать эликсиром бесплатно, и мы распрощались.

Она ушла, а я обессиленная откинулась на подушку. Работать как вол и то проще, к такому я с детства привыкла. А все время контролировать себя и собеседника, думать, какое следующее слово сказать, одновременно беспокоиться о собственной безопасности и вести какую-то внешнюю политику, ориентируясь на отрывочные недостоверные сведения... Да лучше на рудниках кайлом махать.

На ужин я получила все ту же кашу и кусок отличного сыра. Почему у этого тюремщика каша нормальная, вкусная, а у двух других — в рот не возьмешь? Не сами же они ее готовят?

Я отдала мужику конфеты, которые принес Белон, и половину печенек Магали, а давешнюю шоколадку от Гериона оставила себе. Люблю шоколад, просто обожаю. Покупаю редко, потому что дорого, но раз уж у меня в руках целая плитка... Надо скрасить себе заключение. Разделила удовольствие на четыре части, одну съела, и легла наконец в постель.

Ворочалась часа два, видно, сказался дневной сон, но в конце концов меня сморило.

Гиаллен, похоже, только этого и ждал. Тут же явился и стал расспрашивать, что да как.

Я рассказала ему, как удалось избавиться от злобной скотины, и намекнула, что ему бы хорошо остаться в живых. Даст себя убить — пусть не надеется, что хоть одну слезу пролью. Он засмеялся:

— Ты как мамаша из байки: «Утонешь — домой не приходи!».

— Так и есть. Ты мне как свидетель нужен. Попробуй только погибнуть: подниму и снова упокою, и так десять раз!

— Я люблю тебя, Мели, с тобой не соскучишься.

Почему-то это шуточное объяснение в любви было мне приятно.

Гиаллен пояснил:

— До суда я остаюсь в доме Гиневры. Здесь я в безопасности, сюда даже Кориолан сто раз подумает, прежде чем сунется. Плохо только, что к тебе меня не пустят. Сон — это замечательно, но я хотел бы видеть тебя наяву.

Да мне тоже сидение в тюрьме удовольствия не доставляет. Но я не жалуясь: как вышло, так вышло. Прорвемся.

— Ал, если все пройдет нормально, еще успеешь наглядеться. А если нет, значит нет

— Даже не думай, что ты так просто от меня избавишься. Я не отдам тебя этим старым пердунам на растерзание. Игерран тут заходил, восхищался твоим умом и уверял, что если ты доживешь до суда, мы выиграем. Он будет биться за расширенный состав.

— Знаю. Осталось дожить.

Этому я и посвятила все время, остававшееся до начала процесса. В первое время Астралон вызывал меня на допрос практически каждый день. Сначала заставлял повторять мои показания по сто раз, затем начал давить. Сначала я никак не могла понять, что ему нужно, какие показания он хочет из меня выдавить. Однажды, когда Игерран не пришел на допрос, Астралон проговорился. Он планировал заставить меня назвать Гиаллена умертвием, которое я подняла, чтобы его на этом основании можно было упокоить. Вот глупость-то! Маг моего уровня ничего подобного не может по определению. Да и подставлять шею под топор мне совершенно не хочется. А живого человека отличить от умертвия ничего не стоит, тут у него тоже выйдет полный облом.

Вообще квалификация Астралона как следователя была довольно высокой, но вот теорией магии он владел плохо, даже странно, что такого ставят расследовать магические преступления.

Я спросила об этом у Игеррана и выслушала целую лекцию.

Оказывается, он знал моего следователя практически с детства, они вместе учились. Оба прирожденные граждане Валариэтана, при этом практически без магии. Это бывает. Магистр может жениться или выйти замуж и родить слабо одаренного ребенка, который никогда не станет полноценным магом. Но так как родитель уже является гражданином, дитя им становится автоматически. Обычно такие ребята шли в чиновники: там и без магии можно отлично справляться. А слабый дар использовали чтобы облегчить себе жизнь или продвинуться в своей профессии. Значит, я правильно поняла: у Игеррана дар голосом убеждать и притягивать сердца. А у Астралона какой? Игерран случайно знал и поделился со мной. Оказалось, становится незаметным. Полезно для оперативника, но на нынешней его должности непригодно.

Вообще в моем деле Астралон проявлял возмутительный непрофессионализм. Он хотел

заставить меня врать, придумал сказку про умертвие, желал, чтобы я не упоминала имени Кориолана, хотя, к моему удивлению, ничего не имел против того, что я назову Юстина.

Уговаривал он меня и так, и эдак, обещал горы золотые, пугал, но я упорно повторяла то, что говорила ему с самого начала. Шпарила практически наизусть, подряд и вразбивку. Сбить меня не удавалось ни так, ни этак, поэтому к концу второй декады допросы практически сошли на нет.

Зато моя жизнь в камере с каждым днем становилась все интереснее и разнообразнее. Начались покушения, причем мне трудно было их соотнести с кем-нибудь из тюремщиков.

Дядюшку Рогуса убрали, на его место назначили парня, которого я видела в первый день ареста этажом ниже. Он относился ко мне как к мебели, лишней раз не разговаривал, совал полную миску в окошко и забирал пустую. Кстати, в его дежурства еда была приемлемая, по крайней мере ничем гадким от нее не пахло.

Несколько раз я обнаруживала яд, причем в самых разных местах. То еда окажется отравленной, то питье. Сначала яды были простые, чтобы их заметить, мне и пуговица была не нужна. Но зато удалось проверить эффективность амулета: он исправно темнел и блек в присутствии яда. Затем пошли экзотические средства. То подушка оказывалась пропитана сонной отравой: заснешь и не проснешься. То нижнее белье пропитали, но уже другим составом: при соприкосновении с кожей он постепенно должен был впитаться в кровь. Умереть от этого яда предстояло с симптомами острого воспаления легких. Белье я прихватила уголком мантии и кинула в раковину: от стирки щелочным мылом яд должен был обезвредиться. Хуже дело обстояло с подушкой, но я сумела ее подпалить, затем залить водой.

Непонятный обгорелый комок у меня забрали, после чего пришлось спать без подушки, но я не жаловалась. Хвалила сама себя за то, что так много знаю об отраве: ничего неизвестного мне не подсунули. Видно, и сами не знали.

Самое неприятное, что понять, кто меня травит, было невозможно. Все происходило тогда, когда меня куда-либо вызывали из камеры, на допрос или встречу с адвокатом. Вот только что очередной тюремщик вручил мне мой обед, я его проверила: все нормально. Меня вызвал Астралон, я вернулась: в том же кувшине, из которого я недавно спокойно пила, яд. И такие штуки происходили в дежурства всех трех тюремщиков, какой-нибудь зависимости я не заметила.

Похоже, здесь есть еще кто-то, кто и осуществляет диверсии, а остальные просто не мешают. Может, это начальник тюрьмы?

Оставить следилку я не могла: это закливание никак бы не прокатило под маркой бытового. Ведь меня интересовала картинка, а чтобы ее записать, силы нужно раз в десять больше, чем для звука.

Поток посетителей тоже не прекращался. Меня приходили как поддержать, так и запугать. Приходили и знакомые, и совершенно чужие люди, тех я сразу выгоняла. Ни с газетчиками, ни с праздными зеваками мне говорить не о чем.

Ригодон после первого раза не заходил, зато прислал Семпрония. Я поняла это по первым же словам придурка и шуганула его от всей души. Одного раза хватило.

Мартония не появилась, зато пришла Теодолинда и попыталась читать мне мораль. Погнала ее как шелудивую собаку. Я точно знаю, что она принимала участие в отделении духа от тела, а эта пиявка тут изображает благородную даму, пришедшую к нищенке.

Матильда и Форгард приходили каждый раз по два, приносили оба Матильдину

стряпню, доброкачественную и очень вкусную. Арсент принес конфеты, они оказались не ядовитые, но слегка заплесневелые. Белон приходил раза три, ничего больше не приносил, сидел минуты по две, выражал соболезнования, как будто я уже померла, и уходил. Келедар пришел где-то через декаду, принес газеты. Увидев мой неподдельный интерес, стал ходить ко мне как на работу, через день в обязательном порядке. Приносил только новости. А вот Герион после первого посещения больше не появлялся. Я не в обиде: что обещал, он выполнил. Рассказал по всем трактирам про то, что Гиаллен жив. Во всех газетах мусолили тему его возвращения.

Про Ала писали всякое, и вполне разумные вещи, и такую ерунду, что читать было стыдно. Байка про умершие под видом архимага возникала неоднократно, но это были не самые бредовые слухи. Был вариант со вселением чужого духа в тело архимага и наоборот, использование чужого тела какместилища его духа.

Истины никто не ведал, потому что сам Ал к народу не выходил и освидетельствовать себя пока не позволил. Пару раз Гиневра озвучивала причины его скрытности: он опасается мести тех, кто нажился на его исчезновении. Совет Магов он обвиняет в пособничестве: после исчезновения его никто не искал, Совет не сделал ничего, чтобы выручить одного из своих членов. От себя Гиневра еще много чего добавляла, но высказанные ею обвинения списывали на знаменитый темперамент ведьмы.

Одно можно сказать четко: Гиаллен был популярен как никогда. Все просто мечтали его увидеть. Сейчас убить архимага было бы грубой ошибкой, его смерть вызвала бы очень громкий резонанс и ударила в первую очередь по Совету Магов.

В конце второй декады моего заключения был назначен день слушаний, но о расширенном составе коллегии речь пока не шла. В Совете двенадцать архимагов обладают правами действительных членов, еще шесть — правом совещательного голоса. Суд осуществляется ими же, обычная коллегия — шесть архимагов, а расширенная — двенадцать. В исключительных случаях могут собраться все восемнадцать, и тогда в качестве судей все имеют равные права.

Игерран прав: подкупить шестерых или выбрать из восемнадцати шесть лояльных можно, но купить двенадцать, а тем более восемнадцать судей? Это нереально. Даже у Кортала нет столько денег. Да и не стоит никакой вопрос этаких деньжищ.

Так что для меня состав судейской коллегии — вопрос жизни и смерти.

Глава 27. У Мелисенты появляется покровитель

Когда до начала суда осталось меньше декады, поток моих посетителей прекратился. Только этр Игерран залетал по утрам, выяснял, что я еще жива, и улетал дальше по своим делам, но он адвокат, ему положено. На допросы меня тоже больше не водили, даже травить перестали.

Вот тут и навалилась тоска. Оказалось, лишение общения — не самое тяжелое, я вообще-то девушка довольно замкнутая, мне хватало моих еженощных бесед с Гиалленом. Но для деятельного человека, который привык занимать каждую минут своей жизни чем-то полезным, тюрьма, даже такая комфортабельная, как эта, оказалась страшным испытанием.

Единственной отдушиной стало рисование. В первый раз следователь проинспектировал мои рисунки, не нашел в них ни смысла, ни криминала, и разрешил рисовать дальше.

Гиневра принесла мне большую стопку бумаги и несколько карандашей, и я развернулась. Часами сидела за столом и водила грифелем по очередному листу, создавая хаос, а затем пытаюсь его упорядочить.

Очень помогает думать, но если этим заниматься день за днем с нудной регулярностью... Гоняешь те же самые мысли с места на место, и все. Так можно сойти с ума.

В какой-то момент я начала придумывать, чем мне заняться, если меня все-таки выпустят. Незаметность вместо невидимости? Глупо, ее легче создать заклинанием. Что-нибудь военного назначения? Отравляющее или парализующее, сонное или нарушающее ориентацию? Да ни за что! Пусть этой гадостью мужчины балуются, нам, женщинам, не стоит заниматься войной. Что тогда?

На удачную мысль меня навела во всех отношениях блестящая лысина моего защитника. Может, разработать средство против облысения? Имеющиеся никого не устраивают. Либо волос растет тонкий, подобный пуху, и делает голову похожей на облезлый одуванчик, или уж растет так растет. Варианты различные: от роста волос по всему телу равномерно, до отрастания ресниц, бровей, усов и бороды со скоростью локоть в час. Местные средства тоже никому не нравились: случайное попадание на что угодно вызывало безудержный рост волос хоть на пятке, хоть на табуретке.

Говорят, был такой эликсир, который полностью всех удовлетворял, но его создатель унес рецепт в могилу. Если попробовать его воссоздать... Лысых, конечно, меньше, чем женщин, но тоже хватает. Хорошо бы еще сделать такой, который бы и прекрасному полу годился для густоты волос...

На моих рисунках появились волны, завитки, многократно повторенные линии, по задумке автора изображающие волосы, затем схематические рисунки растений... Основой взять корень лопуха, добавить почек таволги, семян клещевины... экстракт сделать масляный, или же лучше спиртовой? Если это туда, а то экстрагировать острым паром и смешать... Эх, мне бы в лабораторию...

Во сне я попыталась посоветоваться с Алом, но была жестко остановлена. Этот тип, находясь на вольной воле, ни о чем, кроме раскрытия преступления и мести, думать не желал. Пообещал все со мной обсудить, когда дело будет закончено.

Я, грешным делом, обиделась: мог бы морально поддержать. Хорошо ему там, а я здесь

от скуки на стенку лезу.

За два дня до начала процесса Игерран забрал меня на целый день готовиться к суду. Задавал самые разные, иногда идиотские, иногда очень хитро построенные вопросы, а я на них отвечала. Надо сказать, если можно было ответить словами из заученных мной показаний, я это делала. Если нельзя... Мы придумывали наилучшие варианты ответов.

Главное во всех ответах исходить из одного посыла: я — не преступник, я — пострадавшая от чужого умысла. Гиаллена в дух обратила не я, не я составила то заклинание, которое его ко мне привязало, все произошло случайно. Последний ритуал, воссоединивший дух с телом, проводила тоже не я, я лишь хотела освободиться, для чего привлекла специалиста, имевшего все права. Этой позиции следовало держаться при любом повороте дела. Главное — не дать себя сбить.

Мы провозились с этой репетицией весь день без перерыва на обед. У адвоката было с собой питье, которое он честно со мной разделил, но ни куска твердой пищи. К тому моменту, когда я вернулась в камеру, мои кишки пели на разные голоса. Жрать хотелось неимоверно.

Добрый дядя тюремщик запер меня, оставив на столе кружку с молоком и миску с кашей. Я рванулась к ним как к родным, и первым делом потянулась к молоку. Оно самое безопасное, в него практически невозможно подлить отраву: непременно свернется. На всякий случай поднесла мою пуговицу, она не отреагировала. Но вот когда я сделала первый глоток... Блин! Это не яд, это магия четвертого порядка: подчинение. Если бы никогда не пробовала, допила бы всю кружку, и тогда делай со мной что хочешь, я сама на себя петлю накину и с табуретки спрыгну.

Но при такой маленькой дозе я смогу сопротивляться. Самое важное тут понять, где твое кровное, а где наведенное. Вот сейчас мне очень, очень хочется есть, просто смертельно, настолько хочется, что я готова забыть про проверку на яд. А вот и не поддамся, благо пуговица у меня уже наготове. Я проверила кашу: зеленый перламутр потемнел и посерел как грозное небо. Так и есть, она напичкана ядом по самое не хочу.

Не хочу есть, не желаю, прямо-таки меня от еды с души воротит.

Уговаривая себя, я вывернула миску в толчок и смыла. Все. Оттуда меня ее выуживать не заставишь. Молоко отправилось по тому же адресу.

На этом мои силы закончились. Сейчас меня можно было брать голыми руками. Я ждала, что наложивший заклятие явится и принудит к вредным для здоровья действиям. Например, заставит самоубиться каким-нибудь экзотическим способом.

Но никто не пришел. Вероятно, принуждение было соединено с указанием слопать ядовитую кашу. Такое сделать непросто, но и не очень сложно. Ментал пятый уровень. Трудно исполнителя найти. Маги-менталисты — самые высокооплачиваемые и вообще элита, обычно они не опускаются до криминала. Только если кровно в нем заинтересованы.

Так, а кто у нас заинтересован в отправке меня на тот свет? Маг-менталист, не из слабеньких... Кориолан? Только его мне тут не хватало.

Сидела я в прострации и пыталась думать, но у меня плохо получалось. Заклинание подчинения, которому не подчинились, оставляет после себя жуткую апатию и слабость, которая проходит только после того, как ты подчинишься любому приказу, от кого бы он не исходил. Ну, или с течением времени...

Ладно, сейчас сама себе прикажу лечь спать...

Только я это подумала, как в коридоре раздались шаги. Шел явно не один человек. Это

напугало меня до дрожи, я забила на топчан, прикрылась одеялом и прикинулась ветошью. Если меня идут убивать, то даже минимальное сопротивление оказать нечем, если не считать собственные ногти. Их мне не стригли, и они отросли длинные, острые и прочные.

В общем, если не спасусь, то морду убийце разукрашу.

Дверь тихонько скрипнула, открываясь, и в камеру проникло нечто. Высокая фигура, полностью задрапированная в черное, казалась смволом того, что со мной собираются сделать. Ей еще косу в руки, и вылитая Смерть. Странно только, что на ней не плащ с капюшоном, как здесь принято, а что-то вроде покрывала, в которое фигура завернулась с головой.

Я уже приготовилась дорого продать свою жизнь, как вдруг покрывало упало, а под ним...

Я никогда не была в Кортале, но это лицо было мне хорошо известно, так же, как и любому жителю девяти королевств. Его не выбивали на монетах, но практически с любого сувенира из Кортала на зрителей глядели эти голубые очи из-под соболиных бровей, а волны золотых волос, искусно уложенных и закрепленных золотым обручем, просто стали опознавательным знаком этой знаменитой королевы.

Эника, супруга короля Домиана, кортальская королева. Она-то что тут потеряла?

Я в первую минуту потеряла дар речи, а затем проблеяла:

— Э-ээээ... Ваше Величество, а что это Вы тут делаете?

Прекрасная дама, до этого хаотично водившая взглядом по стенам, наконец нашла меня и вперила свой на редкость пронзительный взгляд. Помолчала, затем заметила, ни к кому не обращаясь:

— Действительно плебейка. Мордашка самая простецкая, никакой утонченности.

Я не ослышалась? Она на мою внешность пришла полюбоваться? И вообще, как прикажете это понимать? Что в моей камере делает венценосная особа, да еще ночью?! Ну, ладно, вечером, но поздним.

Если это Эника прислала мне молочко с заклинанием, а теперь явилась лично посмотреть на мой хладный труп, то я чего то не понимаю в этой жизни. Если это простое совпадение... То я не понимаю еще больше.

Королева тем временем обошла мою камеру по периметру, затем подошла к двери и крикнула:

— Эй, тюремщик, она жива! Кресло мне, да поскорее.

Вбежал мой тюремщик, таща роскошное кресло с бархатной обивкой. Забавно, с такой тяжестью — и бегать. Он поставил этот неизвестно откуда взявшийся в тюрьме предмет мебели на середину и вышел, повинувшись жесту королевы. Она кинула ему в спину:

— Придешь, когда позову.

Загремел замок, В коридоре стихли шаги, и Эника соблаговолила наконец обратиться ко мне напрямую.

— Удивляешься?

— Недоумеваю, Ваше Величество.

— Я могу дать тебе пояснения, но после того, как ты удовлетворительно ответишь на мои вопросы.

Что тут думать, Эника явно за эликсиром пришла. Не зря Юстин говорил, что она умна, но ее интересы все сосредоточены на собственной красоте. Если я не смогу это использовать, медный гаст мне цена в базарный день!

— Спрашивайте, Ваше Величество. Не знаю, понравятся ли мои ответы, но скажу все как есть.

— Это правда, что ты можешь мне помочь?

— Смотря в чем, Ваше Величество.

— Говорят, ты создала некий эликсир... Молодости и красоты. Так, кажется?

— Есть такое дело.

— Он помогает?

— Ну, если Вы хотите узнать точно, насколько он помогает, Вы можете задать этот вопрос Магали, сестре-хозяйке отдела зельеварения. Она его испытывала на себе.

— У нее остался флакон?

— Целый? Думаю, нет. Как раз недавно она сообщала, что все израсходовала и просила новую порцию. Я планировала внести некоторые изменения, но не успела ее приготовить, как меня арестовали. Если Вы спрашивали про наличие готового эликсиря, то увы, Ваше Величество, ничем не могу Вас порадовать.

Вру безбожно, еще две скляночки стоят в квартире на полочке, подписанные ЭМ, не успела я Магали отдать обещанное, но королеве лучше об этом не знать.

— А кто-то другой может приготовить эликсир по твоим записям?

— Вряд ли, хотя бы потому, что никаких записей нет.

— Не может быть! Я знаю, ты старательная девушка и аккуратно вела лабораторные журналы.

В душе я уже ликовала, но изо всех сил старалась держаться спокойно и холодно.

— И все же, Ваше Величество, можете считать мои записи несуществующими. Без меня их никто не прочтет.

— Зачарованы?

— Да, Ваше Величество. Ведьминское заклятье, читать их могу только я, для других там будут лишь белые листы. При попытке снять чары тетрадь самоуничтожается.

Королева чуть не заорала от злости:

— Зачем ты это сделала?

Надеюсь, в моем ответе прозвучала гордость.

— Этот рецепт — мое единственное достояние. Я защитила его от воров как смогла.

— А если тебя приговорят?

— Очень сожалею, придется ждать, когда другой маг повторит мою работу или придумает что-то свое.

— Но этого можно ждать годами!

— Даже столетиями. Есть популярные в древности зелья, рецепт которых был утрачен, и тайна не разгадана до сих пор.

Эника вскочила со своего кресла и забегала взад-вперед по камере. Сейчас я могла хорошенько ее рассмотреть. Действительно поразительно красивая женщина. Выглядит молодо, но это не юность, а облик без возраста. Хотя... Лицо гладкое-гладкое, но в углах глаз наметились гусиные лапки, овал лица немного поплыл, да и носогубные складки довольно резкие, таких не бывает у молоденьких девиц. Если отбросить идеальные черты, то моя Магали сейчас выглядит моложе.

Все верно. Раз она употребляла эликсир Марон, то после того, как он стал ей недоступен, старение должно ускориться. А она уже около года его лишена, значит... Значит, ей надо торопиться, иначе изменения пойдут обвально. Если это не мой шанс, то я

заслуживаю казни.

Эника все металась, а затем заговорила, ломая руки:

— Что делать, что делать?... Этот мерзавец мне отказал. Сказал, что больше никогда ни при каких обстоятельствах не приготовит мне омолаживающее зелье. Говорит, у него нет больше источника сырья. Время идет... Что делать?!

Мерзавец, это, надо полагать, Гиаллен. Спасибо, Ал, ты настоящий друг. Подождем, какой будет следующий ход королевы. Эника должна сообразить, что теперь я — ее единственная надежда.

Как бы в ответ на мои мысли королева вдруг остановилась прямо передо мной:

— Ты! Сколько времени тебе надо, чтобы сделать эликсир?

— Если у меня будет моя лаборатория и все исходные... Две недели.

А быстрее? — глаза королевы сверкали, как молнии.

Я отвечала спокойно, хотя все внутри дрожало от нетерпения.

— Ничего не выйдет. Процесс идет в несколько стадий, каждая занимает какое-то время, от двенадцати часов до трех суток. Иначе результата не видать.

Эника чуть-чуть успокоилась, но продолжала спрашивать:

— Сколько эликсира ты можешь приготовить за один раз?

— Десять-двенадцать порций, — соврала я, — это одному человеку на год.

Вообще-то раз в десять больше, был бы перегонный куб подходящий, но этого ей знать не следует.

Королева констатировала:

— То есть, твое зелье надо принимать ежемесячно.

— Совершенно верно. Ничто не происходит сразу. Омолаживание идет постепенно по всем органам и тканям, и через некоторое время организм становится таким, каким был в юности.

— Ты имеешь в виду не только лицо?

— Естественно. Что толку от гладкого личика, если внутри все уже изношенное? Умереть от старческих болячек, сохранив кожу двадцатилетней девушки? Как-то не очень здорово, Вы не находите, Ваше Величество?

— То есть, это не только омолаживание, но и продление жизни?

Рекламные тексты для своего продукта я давно продумала, поэтому отвечала без запинки:

— В какой-то мере. Скорее улучшение ее качества. Больше, чем отпущено природой, человек не проживет, зато до самого конца сохранит молодые силы и прекрасную форму, не говоря уже о внешности.

— А мужчинам? Мужчинам его можно принимать?

Ого, королева думает о короле? Она права, зачем ей молодость, если Домиан умрет и она потеряет трон? Кстати, от Эликсира Марон мужикам никакого толка.

— Для мужчин можно сделать несколько измененный состав, Ваше Величество. Для них важно сохранить мужскую силу. У меня есть подобные наработки.

Нет, есть только идеи. Но они должны сработать! А временно можно делать эликсир для мужчин просто без добавок, стимулирующих женские гормоны.

— То есть, твоя работа не закончена?

— Совершенно верно. У меня готов промежуточный продукт, вполне рабочий, но окончательный вариант должен быть на порядок эффективнее.

На порядок — это я загнула, но раза в полтора — точно.

Эника снова плюхнулась в кресло и заговорила, употребляя местоимение «ты», но при этом ни к кому не обращаясь. Мысли вслух.

— Ты мне нужна. Очень нужна. Срочно нужна. Я не готова отдать свою молодость и красоту этим уродам из Совета. Как тебя вытащить? Если бы не обвинение в черной волшбе, я бы тебя просто забрала, да и дело с концом. А, ничего, и так справлюсь.

Затем она резко поднялась и устремила на меня свой палец в шикарном маникюре:

— Мелисента Мери, готовься, завтра я тебя заберу.

Она даже знает, как меня зовут! Обалдеть! Я решилась задать вопрос:

— Куда, Ваше Величество, и на каких условиях?

— А тебе не все равно? Зато можешь не волноваться: тебя не казнят.

Пришлось ответить, собрав в голосе всю твердость, на которую я оказалась способна.

— Ваше Величество, условия могут быть такими, что уж лучше казнили бы. Поверьте, я смогу работать только будучи свободной и счастливой. Посадить меня в подземелье и заставить — не вариант.

Правильно я угадала. Эника замерла, что-то в уме просчитывая, затем снова села и рассмеялась искренним смехом.

— А ты мне нравишься. Выглядишь как простолюдинка, а держишься как прирожденная аристократка. Достоинства тебе не занимать. Знаешь, почему я сюда торопилась?

— Откуда, Ваше Величество? Я не могу знать мысли королевы Кортала.

— До меня дошла информация, что сегодня ночью ты должна наконец умереть. Таково желание моей сестры (это слово она произнесла скривившись, как от кислоты), супруги принца Кориолана Лютеции. Она нашла сыну подходящую невесту, а он, поганец, упирается. Я не очень люблю Лю, но в данном случае готова была ее поддержать. Мальчишка и так слишком долго болтается без дела, а девчонку я давно хотела пристроить в нашу семью. Такое богатство не должно оставаться без присмотра, а в восточные провинции нужен новый наместник.

Она откинулась на спинку кресла, прикрыла глаза и задумалась на некоторое время. Сейчас мне ясно было видно: женщине много лет, и чувствует она себя не лучшим образом. Я терпеливо ждала, что будет дальше. Наконец Эника открыла глаза:

— Но ты мне нужна гораздо больше, чем восточным провинциям Юс в роли наместника. Его несложно заменить, хвала богам, у короля достаточно племянников, и не только от родных братьев. А тебя, как я поняла, не заменишь. Все, решено. Я дам тебе титул графини Рискор, он у меня как раз бесхозный, и выдам замуж за Юстина, раз уж он этого так хочет. Конечно, по тебе сразу видно, что вереницы предков за твоей спиной нет, но у меня некоторые герцогини самого лучшего происхождения похожи на торговок с рыбного рынка, так что не страшно. Ты хоть держаться прилично сумеешь. Ничего, Лю как-нибудь переживет, особенно когда познакомится с твоим творчеством. Ей же тоже хочется быть молодой и красивой. Хорошо я придумала?

Я вытаращила глаза и покрутила головой, не говоря ни да, ни нет.

— Ты станешь членом королевской фамилии и будешь снабжать меня своим эликсиром. К твоим услугам будет роскошная лаборатория, оборудованная по последнему слову магической техники, любые травы и минералы, золото на покупку всего, чего душа пожелает. Юстин влюблен, а значит, не станет препятствовать жене в ее увлечении. Одно

но: ты будешь делать свой эликсир только для меня и тех, на кого я укажу.

Ой-ой-ой. Эта чертова кортальская зараза планирует меня купить оптом! Не хочу! Ничего не хочу! И больше всего не хочу иметь ничего общего с этой королевской семейкой. Как ни мил, как ни хорош Юс, но теперь я ясно вижу: брак с ним — это новая комфортабельная тюрьма. Не собираюсь я ради Эники отправляться прямо в объятия лорда Кориолана и его милой женушки! Раньше я думала, что для меня важнее всего безопасность, но, посидев в камере, убедилась: важнее всего на свете свобода!

На этом фоне союз с Гиалленом кажется просто идеальным. Двое равных, готовых идти рука об руку, делая одно общее дело... То, что он старше и умнее, не дает ему власти надо мной больше, чем я пожелаю ему делегировать.

До сих пор я боялась и сомневалась, а вот сейчас, глядя в голубые глаза кортальской королевы, решила: хочу замуж за Ала! Я так долго боролась за его жизнь и свободу, что могу рассчитывать на то же самое с его стороны.

С ним я осуществлю наконец мою мечту. Открою аптеку и буду торговать своим изобретением на весь мир, на все девять королевств. Не желаю тайком снабжать избранных! Молодость и здоровье — они для всех!

Пусть Эника покупает мой эликсир на общих основаниях. Я даже готова ее снабжать бесплатно, лишь бы отвязалась.

Но говорить ей об этом не время и не место. Сейчас надо проявить гибкость. Я наклонила голову, придала лицу выражение, которое моя мама называла «сиротка Хася», и проговорила с тоской в голосе:

— Ваше Величество... Вы хотите меня отсюда забрать прямо в Кортал?

— Да, естественно. А что тебя не устраивает?

— Я очень сожалею. Ваше предложение такое заманчивое... Вы такая добрая, Ваше Величество... Но я связана и не могу покинуть Остров Магов.

— Чем это ты связана? Ерунда какая. Я велю развязать.

Сожаление в голосе мне особенно удастся.

— Не получится, Ваше Величество. Я связана магическим контрактом с архимагом Гиалленом.

— С этим негодяем? Я потребую, чтобы он его разорвал.

— Ваше Величество, разорвать такой контракт... Вряд ли он согласится. Это может сильно ударить по обоим. Но у меня есть идея, Ваше Величество.

У нее снова глаза загорелись:

— Идея? Давай, выкладывай.

— Если меня по суду оправдают, а его признают пострадавшим и вернут все регалии, то мой контракт будет исполнен.

Эника недовольно покачала головой.

— Бред. Я обсуждала этот вопрос с Эбенезером: тебя осудят, что бы ты ни говорила. Вся коллегия уже готова вынести приговор. Не казнят, естественно, не за что там казнить, но запретят магию сроком на двадцать лет. Я не могу столько ждать.

Запретят магию? да это хуже казни в миллион раз! И тут я сделала ход конем.

— Если судить будет не малая коллегия, а весь Совет в полном составе, меня оправдают. На мне нет вины, есть только желание лорда Кориолана меня утопить. Поэтому я прошу сделать так, чтобы меня судили расширенной коллегией, а заседание сделали публичным. Думаю, это не очень трудно. Шестерых можно подкупить и запугать,

двенадцать — уже труднее, да и шестеро подкупленных при всех не посмеют судить не по правде.

Королева задумалась.

— Да, это может сработать. Хорошо, я добьюсь того, чего ты хочешь, но придется мне поторопиться. Пока закончим этот разговор, но после начал процесса я еще с тобой побеседую.

Не успела я открыть рот для ответа, как Эника уже снова оказалась закутана во все черное, дверь с лязгом отворилась, затем захлопнулась и наступила тишина. Как она позвала тюремщика, я не заметила. Наверное, у нее был специальный амулет.

Об интересах Кориолана в этом деле она и не вспомнила, а ведь они могли быть государственными. Правильно говорил Юстин, ее ничего кроме собственной красоты не волнует.

Фууу... Устала. После тяжелого дня на голодный желудок, да после высасывающего силу зелья вынести еще и кортальскую королеву с ее стремлением к молодости... Это выше не только моих сил. Хорошо хоть я все это время сидела в углу, опираясь спиной на стену, и не пыталась встать, а то бы упала.

А королева жмотка еще та, могла бы хоть пару печенек принести бедной узнице.

Утром я встала с трудом. Было такое чувство, что меня избили. Даже похмелье после студенческих вечеринок я так тяжело не переживала.

Но зато утренняя еда не содержала ничего вредного, и после завтрака я почувствовала себя чуть лучше. Если бы еще была смена другого тюремщика... Я бы снова легла и провалялась бы весь день, но этот службист не позволяет.

О, у меня неплохая идея. Чтобы окончательно выздороветь, нужно, чтобы мне кто-нибудь что-нибудь приказал.

Я тут же плюхнулась на топчан и закрыла глаза.

— Встать! Немедленно встать! — услышала я вопль тюремщика от двери.

Вскочила и, о радость, ощутила, как уходит безумная слабость. Теперь я доживу до суда.

После обеда пришел Игерран, размахивая одним-единственным листком. Его глаза, зубы и лысина сверкали, мужик явно только что не заходился от восторга.

— Мелисента, Вы спасены! Суд пройдет с полной коллегией, Совет в полном составе, все восемнадцать членов! Как удалось этого добиться, не представляю, но факт остается фактом. Завтра первое заседание. Вы готовы?

— Да, мэтр, готова. Настолько, насколько это возможно.

— Мелисента, может, Вам надо еще время?

— Нет, мэтр. Дальше будет только хуже. Пусть скорее начнется суд, и мы посмотрим, кто кого.

Глава 28. Суд над Мелисентой начинается, ей грозит беда откуда не ждали

Вечером перед началом суда я вычистила и выгладила всю свою одежду. Конечно, нарядов у меня особых нет, но выглядеть прилично необходимо. Пойду как есть, в платье и мантии. Мантия старая, болотного цвета, в ней я буду как несвежий труп, но это и к лучшему. Вызову у народа жалость.

Мне неприятно вызывать это чувство, но если надо для дела...

Утром в день суда я хорошенько умылась, оделась аккуратно и свернула волосы кренделем на затылке. Скромная девушка, отличница, образец для подражания. Обычно на такую никто никогда не обращает лишнего внимания, но зато этот образ вызывает доверие. Сегодня ко мне будут прикованы все взгляды, так что доверие не будет лишним.

Сразу после завтрака меня вывели из камеры и сопроводили в зал суда. Шли мы долго, коридоры и лестницы сменяли друг друга, и чем дальше я уходила от обжитой камеры, тем слабее становились мои ноги, и тем сильнее билось сердце. На подходе к конечному пункту меня уже била крупная дрожь, коленки подгибались, дыхание прерывалось и сердце колотилось прямо в ушах.

Несмотря на это мне удалось разглядеть то место, куда меня привели.

Зала суда находилась в том же здании Совета Магов и занимал в нем центральное место. Еще бы, самое сердце Валариэтана. Я никогда не была здесь раньше, а зря. Стоило раньше записаться на экскурсию. Зал Суда, он же Зал заседаний Совета, был величественен и прекрасен. Две его стены представляли собой восемнадцать великолепных витражей, символизировавших восемнадцать отраслей магического искусства. Между ними располагались узкие колонны, заканчивающиеся стрельчатými аркадами, поддерживающими хоры, такие же стрельчатые, украшенные резьбой как кружевом и поддерживающие в свою очередь потолок, который терялся во тьме.

Пол был сделан из огромных плит белого мрамора и черного базальта, расположенных в шахматном порядке. Каждый камень представлял из себя магический квадрат, блокирующий использование магии. Действие примерно то же, какое было в моей первой камере.

В торце на невысоком подиуме располагались кресла для членов Совета или судей, числом восемнадцать. Их поставили неким подобием амфитеатра, чтобы каждый сидящий архимаг мог с удобством обозревать происходящее.

Напротив этой конструкции на полу располагалась самая важная часть этого помещения: Круг Истины. Выглядело это как цветная мозаика, изображающая черный круг, а внутри него на белом фоне розово-зеленую двенадцатилучевую звезду, больше похожую на цветок звездоцвета. Вступившему в него свидетелю не требовалось приносить присягу и клясться говорить правду, только правду, и ничего кроме правды. Он просто не имел возможности солгать, так как Круг Истины реагировал на ложь, меняя цвет. Белый превращался в алый, а лучи звездоцвета становились красно-коричневыми, цвета запекшейся крови. Поговаривали, что если человек искренне верил в свою ложь, то Круг не мог отличить ее от правды, но таких умельцев немного.

Справа от подиума судейской коллегии за невысоким заборчиком располагалось место подсудимого, куда меня и повели. Перед заборчиком уже сидел мэтр Игерран со своими двумя помощниками.

Напротив стояло кресло, предназначенное для обвинителя и жесткая скамья для его подручных.

Эника не обманула: слушание было публичным. На хорах толпился народ, яблоку некуда упасть. Они так лезли и напирали, что я испугалась: вот сейчас люди одни за другим начнут перелетать через невысокий барьер, срываться и падать вниз. Но видно там стоял барьер посерьезнее: силовой, да еще усиленный заклинанием неслышимости. Думаю, на хорах гвалт стоял приличный, но сюда ни звука не доносилось. Надеюсь, хотя бы они нас слышат, а то непонятно, зачем давились.

В сам зал посторонних не допустили. Непрактично, такое пространство даром пропадает. Подиум для судей, Круг Истины и места для защиты и обвинения занимали едва-едва четверть всей площади зала.

Игерран вдруг повернулся ко мне, решив дать свои пояснения. Оказывается, эта часть зала использовалась исключительно для судебных заседаний. Совет магов обычно собирался в центре зала за круглым столом, где место Главы никак не было выделено. Этим подчеркивалось, что он не начальник, а просто распорядитель, да и то временный.

Глава Совета ведет заседание, но ему не принадлежит право решающего голоса. Зато он может повлиять на то, что происходит до Совета, и на то, что после. Именно он решает, какие вопросы вынести на обсуждение, и за исполнением решений приглядывает тоже он.

Все это очень интересно, но я никак не могла понять, зачем Игерран все это мне рассказывает. Затем до меня дошло.

Я рассматривала зал, слушала пояснения адвоката, постепенно расслабляясь и успокаиваясь. Сердце стало биться спокойно и размеренно, дыхание выровнялось, руки-ноги перестали гадко дрожать. Ко мне вернулась моя обычная уверенность в себе.

Прошло еще несколько минут, и напротив появился обвинитель в синей мантии, по цвету немного отличающейся от облачений охранных магов. Первый раз его вижу. За ним шел Астралон и два молодых парнишки, груженных свитками и инкунабулами.

А у моего Игеррана есть помощники? Я перегнулась через барьерчик и полюбовалась на трех красавчиков, сидящих на низкой скамье. Книг и свитков вокруг них было разложено вдвое больше, чем у наших противников. Улыбнувшись ребятам, я села на место как положено.

Можно подумать, кто-то именно этого и дожидался. Стоило выпрямить спину, как на подиум вышел человек в смешной и странной одежде: герольд Совета. Для начала он возгласил: «Суд идет!», и все встали. Пришлось встать и мне.

Дальше в зал из маленькой боковой двери стали заходить маги и занимать свои места. Герольд объявлял каждого, сначала называя не имя, а отрасль магии, который занимался объявляемый. Получалось, что меня судят не люди, а сама персонифицированная магия.

— Магия исцеления! Архимаг Эбenezер Карданский, Председатель Суда!

Ну здравствуй, дедушка! Не удалось тебе меня на тот свет отправить?!

— Магия Защиты! Архимаг Велизарий Каноттский!

Ага, вот и крыша нашего Ранульфа. Вылез-таки из своей кельи. Старичок, покрытый плесенью: глазки не смотрят, ушки не слышат, все остальное вообще не работает.

— Боевая Магия! Архимаг Зигмунд Линдарский!

Боевой маг — он боевой маг и есть. Гора мускулов и лицо как топором вырубленное, но глаза внимательные и умные. Такие я видела у гигантских горных горилл в Элидианском

зоопарке.

— Магия Жизни и Смерти! Архимаг Гераклий Истринский!

Ого, некромант пришел. В черной мантии он выглядит очень величественно. Лицо белое и унылое, как будто только что сам из могилки откопался.

— Магия Стихий! Стихия Огонь! Архимаг Конрад Эгирский!

Имя звучное, а сам архимаг похож на гриб сморчок.

— Магия Стихий! Стихия Вода! Архимаг Элесталь Горская!

Ого, я и не знала, что у нас воду тоже дама представляет. Красивая бондинка.

— Магия Стихий! Стихия Земля! Архимаг Вестпур Вестпурский!

У него что, на имя пооригинальнее фантазии не хватило?

— Магия Стихий! Стихия Воздух! Архимаг Эмилий Лиоссер!

Каждый вошедший делает круг почета, чтобы все могли им полюбоваться, и только после этого занимает место. Конкретно на Эмилия любоваться можно, но как затягивается процесс! Это надолго.

— Магия пространства и времени! Архимаг Аристарх Малеранский!

Ого какой! Судя по портретам никогда бы не подумала, что он такой огромный. Побольше Ранульфа будет, но в отличие от того мордоворота, красивый и изящный, это видно даже в мантии. Его бы изваять обнаженного в натуральную величину — и в музей. Девицы бы целыми днями толпились.

— Сила Ведьм! Архиведьма Гиневра

Ого, как раздел Гиневры называется! Выглядит она в своей приталенной алой мантии просто потрясающе.

— Высшая Магия! Архимаг Дионисий Изорский!

Этого я в лицо знаю, он любит около моего любимого прудика прогуливаться. Очень импозантный господин. Немолодой, но выглядит отлично. А взгляд неприятный, как будто слепой — человек смотрит внутрь себя.

— Теоретическая Магия! Архимаг Леон Пардийский!

Я думала, он будет выглядеть как типичный кабинетный червяк, а у этого дубленый загар и лицо капитана пиратского судна. Пожалуй, он один тут удостоил меня взгляда, и смотрел совсем не сурово.

— Ментальная магия! Архимаг Светоний Савенский!

Очень аристократическая внешность у этого Светония, и фиолетовая мантия ему к лицу.

— Магия рун! Архимаг Реомир Данский!

Старый хрен, но живой и бодрый. Оглядывается, как будто раньше всю эту красоту не видел. Нечасто его приглашают на Совет.

— Бытовая Магия! Архимаг Волумния Элидианская!

Моя соотечественница. Милая пожилая дама с добрым лицом всеобщей бабушки. Надеюсь, в конце концов она будет за меня.

— Овеществленная Магия! Архимаг Креспиций Ломнийский.

Это уже почти конец: зельевары и артефакторы. Зачем-то их в одну кучу свалили. Неужели на два отдела один заведующий?

— Магия Тонких Материй! Архимаг Ригодон Эммеранский!

Вот, оказывается, как официально называется наша специальность! Никогда бы не догадалась.

Все, Архимаги кончились. Надеюсь, больше ждать не заставят. Скорей бы выйти в Круг

Истины и отмучиться уже. Я всегда на экзаменах шла первой, чтобы не томиться. Нет хуже — ждать да догонять.

Стоило дефиле закончиться, как герольд снова заорал:

— Обвинение! Мэтр Иверналий Камерист с помощниками!

— Хвала богам, не стал объявлять всех помощников.

— Защита! Мэтр Игерран Сальми!

А почему про игеррановых помощников промолчал? Вон же они сидят?

— Слушается дело по обвинению в черной волшбе! Обвиняемая мистрис Мелисента Мери из Элидианы!

Что, по их мнению, я больше не аспирантка? Почему-то это обстоятельство меня жутко разозлило, а злость — это самое подходящее настроение для такого мероприятия. Всегда на экзаменах так было: успеешь заранее разозлиться — блестящий ответ гарантирован.

В общем, к тому моменту, когда меня вытащили из-за барьерчика и поставили в Круг Истины, я была готова. В смысле готова порвать моего обвинителя на мелкие клочки.

Герольд зачитал мне все то же бредовое обвинение, чем вызвал кривую донельзя улыбку, затем председатель, он же Эбенезер Карданский, задал традиционный вопрос:

— Признаете ли Вы, Мелисента Мери, свою вину?

— Нет, не признаю. Статьи обвинения я отвергаю, каждую в отдельности и все вместе. Ничего подобного я не совершала.

От злости у меня только что дым из ноздрей не шел. Эбенезер не смутился и выдал следующую реплику:

— Поясните свои слова, Мелисента.

Формулу обвинения я за это время заучила наизусть, поэтому ответила без запинки.

— Меня обвиняют по трем пунктам. Первое. Якобы я совершила в отведенном мне казенном помещении акт черной магии, абсолютно запретный на территории Валариэтана. Я маг третьей ступени, некромантия и черная волшба мне недоступны по уровню силы. Второе. Я якобы скрыла от Совета Магов нахождение во вверенном мне помещении невоплощенного духа, которого воплотила путем черномагического ритуала. Разобьем это утверждение на два. Я ничего не скрывала от Совета Магов, меня просто никто ни о чем не спрашивал. Если бы был задан прямой вопрос, я бы ответила, как положено по закону. Воплотила невоплощенный дух? Этого я тоже сделать не могла исходя из моего уровня силы. Третье: Я способствовала совершению этого преступления другими лицами. Тут придется выбрать что-то одно. Или я совершила преступление, или способствовала его совершению другими лицами. В обвинении не сказано, кто эти лица. Возможно, они действовали в рамках своей компетенции, а это не преступление. Таким образом, я отвергаю обвинение как по частям, так и полностью.

Пока я говорила, Эбенезер все больше распался, под конец у него, как у кипящего чайника, крышка прыгала. Когда я наконец замолчала, он готов был броситься на меня с кулаками, но в это время подал голос менталист. Его породистое длинное лицо, которое поначалу выражало смертную скуку, сейчас выглядело заинтересованным:

— А девочка не так проста, Эбенезер. Свою позицию изложила гладко, толково, и я не могу найти в ее аргументах изъяна. Думаю, правильно будет ее отпустить. Третий уровень силы... Обвинение бездоказательно. Как могли наши юристы так проколоться?

Эбенезер сразу не нашел, что ответить, но вместо него вдруг вылез Велизарий. Или теперь правильно будет называть его Вылезарий? Старый пенек зашамкал что-то крайне

неразборчивое, но сердитое.

Похоже, не одна я не поняла ни слова. Красавец Эмилий скривился как от уксуса, затем изрек многозначительно:

— Уважаемый Велизарий, не пригласить ли нам Вашего заместителя Ранульфа? Пусть он транслирует высокому собранию Ваши, уверен в этом, мудрые речи. А то я ни черта не понял из того, что Вы нам тут сказали.

Старикашка затряс головой, то ли утвердительно, то ли отрицательно, но все поняли его ровно так, как хотели. Через пару минут из боковой двери вышел Ранульф и занял место за креслом своего начальника. Тот снова зашамкал, а его штатный монстр прогремел:

— Если есть обвинение в черной волшбе, обвиняемого нельзя просто так отпустить. Прокурор и следователь не отказались от обвинения в процессе следствия, значит, там что-то есть. А вдруг она сумела ввести суд в заблуждение? Пусть расскажет все.

Это только у меня чувство, что Ранульф транслирует нам свои мысли, а не то, что сказал ему начальник? Мне показалось, что старичок захотел то ли писать, то ли спать, и поэтому сердится.

Я оглядела своих судей. Некоторые смотрели равнодушно, некоторые заинтересованно, некоторые с жалостью. Кроме разозленного Эбenezера, который явно не мог мне простить того разговора месячной давности, Я насчитала четыре физии, запечатлелось выражение «все уже решено, давайте поскорее осудим и пойдем по домам».

Так, боевик, маг земли, некромант и специалист по рунной магии. Вместе с Эбenezером и Велизарием это, похоже, те самые, которые должны были меня судить. Интересно, как Эника добилась расширенной коллегии?

У меня было время оглядеться и подумать, потому что маги загудели, как шмели. Те, кто взялся за мое осуждение, хотели исполнить свою работу, другие хотели закончить как можно скорее и удалиться по своим делам, но были и те, кто искренне заинтересовался и желал разобраться. Наконец общий гул перекрыл мощный голос мага-пространственника Аристарха. У него не только корпуленция знатная, еще и голос могучий.

— Мы суд или не суд?! Если уж все дали себе труд прийти в этот зал, здесь должно свершиться правосудие. Когда каждый из Вас присягал, входя в Совет магов, то он подписывался и на это. Девочка не признает своей вины. Значит, мы должны ее или отпустить, или доказать обратное. Коллега Светоний предлагал снять обвинения, но мне хотелось бы сначала послушать подсудимую. Она уже стоит в Круге Истины.

Гиневра с места закричала:

— Поддерживаю! Пусть рассказывает!

Спорить с ведьмой никто не стал. Эбenezер с недовольной физиией обратился ко мне:

— Мелисента Мери, расскажите суду, все, что знаете.

Я обомлела и робко спросила:

— Все, что знаю? Господин председатель суда, это надолго, я много чего знаю.

Мне вдруг тепло улыбнулся магистр Леон Пардийский. Наверное решил мне помочь, потому что его слова были, как говорится, «в кассу».

— Действительно, это было бы чересчур. В тексте обвинения шла речь о духе. Мелисента, расскажи, был ли дух, если был, то чей и откуда взялся.

Рассказать? Отлично! Не зря я учила свое выступление наизусть, поэтому бодро начала:

— Это был дух архимага Гиаллена. Когда я приехала в качестве аспирантки на Остров Магов, мне выделили квартиру...

Потихоньку-полегоньку я рассказала про дух и тело. Говорила на подъеме, с огоньком, так, что большинство заинтересовалось и слушало внимательно. Леон, могучий красавец Аристарх и неожиданно заинтересовавшийся Светоний время от времени направляли рассказ, задавая вопросы, чем очень мне помогли. К сожалению, на многие вопросы я была вынуждена ответить: «Не знаю». Игерран строго-настрого предупредил, чтобы я не ляпала результаты своих наблюдений и размышлений в качестве известных мне фактов. Одно радовало: на этот раз, когда я излагала роль Кориолана во всей истории, никто не стал меня прерывать.

Ригодон ерзал на своем кресле, как на горячей сковородке. Его роль в выглядела весьма неприглядно. Пару раз он порывался что-то сказать, но съезжился и отступал под тяжелым взглядом менталиста.

Наконец я замолчала и подняла глаза к часам, которые висели над судейским подиумом. Надо же, не затыкалась больше двух часов, не зря горло начало болеть.

Светоний резюмировал мою речь:

— Ну что ж, коллеги, мы видим: Мелисента Мери не лгала. Круг Истины не реагировал на ее речи. Мне лично не в чем ее упрекнуть, хотя, на ее месте я поступил бы иначе.

Тут ни с того ни с сего сорвался с репликой боевой маг:

— Вот видите!

Менталист ответил спокойно и я бы даже сказала лениво:

— Объясняю это тем, что я немолодой мужчина, а она — юная девушка. Я не хотел сказать, что ее поведение неприемлемо, просто лично я бы действовал не так. В свое время я участвовал в расследовании исчезновения Гиаллена, но мы тогда ничего не нашли. Могу сказать, что рассказ Мелисенты мне понравился, теперь все постепенно становится на свои места. Но многое осталось неразъясненным, думаю, не только мне хочется получить ответы на все вопросы и разобраться, что же произошло с архимагом Гиалленом.

Эбenezер вскочил:

— Эта девица, я уверен, натаскана своим адвокатом. Она не рассказала и половины того, что сделала.

Светоний не стал возражать, сказал просто:

— Именно поэтому я предлагаю не выносить сейчас никакого решения. Пусть все идет как идет. Мы выслушали обвиняемую, на сегодня можно на этом закончить. С завтрашнего дня стороны будут опрашивать свидетелей. Мы должны во всем разобраться.

Эбenezер устало кивнул, сделал знак и герольд возгласил:

— Сегодняшнее заседание суда закрыто! Приговор не вынесен! Слушание переносится на завтра и начнется в то же время!

Меня вернули обратно в камеру, где на столике уже стоял обед. Наученная горьким опытом я проверила все как на яды с помощью пуговицы, так и на магию. К счастью, для этого не нужно дополнительное оборудование, нити силы я, как все маги, чувствую руками.

Еда оказалась чистой. Насытившись, я завалилась на топчан и закрыла глаза. Пусть тюремщик хоть оборется, я спать буду. Это заседание выпило все мои силы. Встану только если придет Игерран, остальные могут быть свободны.

До вечера никто ко мне не пришел, кроме Гиаллена, но тот сделал это во сне. Наверное догадался и нарочно лег спать после обеда, чтобы со мной побеседовать.

— Мели, ты как?

— Нормально, Ал. Устала только очень.

— Прости, меня не пустили на заседание. Но мне уже сообщили... Гиневра сказала, ты произвела на всех большое впечатление. Отлично держалась и хорошо говорила. Большинство тебе поверило.

— Спасибо. Слушай, а какие отношения тебя связывают с Леоном Пардийским Аристархом Малеранским и Светонием Савенским?

— А почему ты об этом спрашиваешь?

— Они в основном меня допрашивали, причем делали это очень доброжелательно.

— Ну, на их доброжелательность я бы не рассчитывал, особенно имея в виду Светония. С ним у меня были довольно натянутые отношения, он мужик хитрый, себе на уме и всегда блюдет собственную выгоду. Леон — его интересует исключительно истина. Если ты ему не врешь, можешь рассчитывать, что он тебя не обидит. С ним у меня никогда конфликтов не было, а с Ригодоном они на ножах. А Аристарх просто мой друг. Если он тебя чем-то задел или заденет — прости. Мы с ним разговаривали, и он поклялся, что сделает все, чтобы вернуть мне утраченное, начиная с имени и заканчивая должностью. В таких случаях он прет напролом, не рассчитывая силу и может задать более чем неприятный вопрос.

— Пока мне не на что жаловаться, он очень помог вначале, и потом тоже был сама любезность.

— Ну и отлично. Я что хотел тебе сказать... Мели, завтра меня вызовут в качестве свидетеля. Будут задавать самые разные вопросы, а я буду отвечать. Прошу, даже если что-то будет тебе неприятно или очень разозлит, не подавай вида. Потом хоть голову оторви, но во время заседания суда держи себя в руках.

— Мог бы и не говорить, меня Игерран каждый раз об этом предупреждает.

— Вот и хорошо. Отдыхай, моя любимая.

Он исчез из моего сна, после чего я провалилась и проснулась только к ужину. Чувствовала себя отдохнувшей и посвежевшей, что не могло не радовать. Большую часть судей я настроила в свою пользу, теперь главное сохранять спокойствие и не поддаваться на провокации.

Мое хорошее настроение продлилось до полуночи. Ужин оказался без вредных примесей, обдумывание результатов прошедшего заседания радовало, я была сыта и почти довольна.

А вот в полночь... Мое счастье, что я выспалась днем и лежала на постели бодрствуя, иначе жизнь моя бы бесславно закончилась.

Я не услышала ни звука, никаких шагов, никакого скрипа дверей. Просто внезапно двери моей камеры распахнулись и в нее проникли пятеро в черной одежде и с закрытыми лицами. Если бы я спала, меня бы удавили по-тихому, и все. Но так как сна у меня не было ни в одном глазу, я забилась в угол и крикнула:

— Кто вы?!

Заорала только чтобы остановить нежданных гостей, на большее не рассчитывала., и оказалась права. Никакая стража на мой крик не явилась, думаю, тюремщик сам проводил сюда моих посетителей. Но от неожиданности все пятеро замерли на пару мгновений, и я смогла их рассмотреть. Один из них, безусловно, женщина. Мысли вихрем метались в голове. Если пришли меня убивать, то это не Эника. Лютеция, мать Юстина?

Черные фигуры уже перетекли в новые стойки и оказались гораздо ближе от меня, но женская фигура все еще стояла у двери, и я обратилась к ней, как будто не вижу остальных:

— Леди Лютеция?

Черные замерли, а женщина откинула ткань с лица. Я была права, Юстин похож на мать. Красивые глаза сына смотрели на меня с лица разъяренной фурии.

— Леди Лутеция, зачем Вы хотите меня убить? — спросила я.

В то же мгновение меня схватили сразу четверо, а вокруг шеи захлестнулась скользкая шелковая удавка. Женщина удовлетворенно засмеялась.

— Ты мне мешаешь, а этот слюнтяй Кориолан совершенно не способен действовать эффективно в интересах своей собственной семьи. За три декады не разобраться с одной-единственной девчонкой! Это просто позор! Пришлось самой взяться за дело.

Глава 29. Мелисента проявляет чудеса интеллекта, а процесс продолжается

Не дожидаясь, пока дамочка махнет своим подручным, я поспешила ее зацепить и захрипела:

— Однако мессир Кориолан провернул интригу. Одним ударом решил избавиться от двух обуз.

Лютесция настороженно замерла, задумалась, затем захотела узнать, о чем это я. Все-таки любопытство — страшная сила. А пока она меня слушает, она меня тронуть не позволит. Я зашла с козырного туза.

— Думаю, Вы мешаете Вашему муженьку не меньше, если не больше чем я. Вы же знаете, как сильно он Вас любит.

Ее родной сыночек рассказывал, как папа терпеть не может маму, так что играем этот вариант.

— Это не твоего ума дело! Не смей лезть в мою семью, шавка безродная!

— Вот! А кто Вам сказал, что я в нее лезу?

— Прекрати мне врать! Юстин сам признался, что влюбился в такое поганое отродье! Прелестно. А при чем тут семья, в которую я якобы лезу?

— Это еще ни о чем не говорит. Любовь и семья в данном случае не связаны.

— Он хочет на тебе жениться!

Ого, на полтона ниже, и голос совсем не такой уверенный.

— А он Вам не сказал, что я за него замуж не собираюсь?

— Ты? Ты хочешь сказать, что ты ему отказала? Да как ты посмела? Кто ты и кто он?

Вот и пойми этих теток. То она против моего брака с ее сыночком, то я не смею ему отказывать. Мелисента, не отвлекайся, ты должна натравить даму на своего врага.

— Леди Лютесция, я это прекрасно понимаю, он принц, а я аптекарша, поэтому и не хочу портить жизнь Вашему мальчику. И лорд Кориолан это отлично знает. Но он рассказал Вам совсем другую историю. Ведь правда?

А ее слуги нас внимательно слушают. Сужу по тому, что удавка на шее значительно ослабла.

— Это не твое дело!

— Мое, Вы же меня собрались убивать, леди. Вы теперь станете убийцей и поставите себя вне закона. Все это здание напичкано следящими артефактами. Завтра меня похоронят, а Вас обвинят в убийстве и потребую Вашей выдачи от короля Домиана.

— Король не выдаст меня!

— Вы так в этом уверены? Из-за этого процесса у Валаризтана и Кортала и так могут возникнуть трения, а тут Вы со своим убийством. Как Вы думаете, что для него важнее: хорошие отношения с Островом Магов или жена его младшего брата? А королева вообще терпеть Вас не может. Так что, если и не выдадут, накажут на своей территории.

До тетеньки дошло наконец.

— Ты хочешь сказать, что мой муж...

— Именно это я и хочу сказать. Вы правильно догадались, леди Лютесция.

Дама взмахнула рукой.

— Отпустите ее и убирайтесь! Ждите меня за дверью.

Он подождала, пока ее подручные закроют тяжелую створку, затем опустилась на табурет. Я засветила магический шар и при его свете лучше рассмотрела свою несостоявшуюся убийцу. Красивая, но увядшая женщина, складки и морщинки на лице говорят о высоких амбициях и тяжелом характере. Мазтью Юстин удался в нее: такие же темные волосы и глаза при довольно бледном цвете лица. Сразу видно, что аристократка, черты очень утонченные, но налицо признаки вырождения: чуть скрученные ушные раковины при легкой лопухости, излишне высокий и широкий лоб, маленький невыразительный рот и скошенный подбородок. Повезло леди родиться женщиной, эти черты ее не портят. На мужском лице то же самое смотрелось бы ужасно.

Она тоже меня разглядывала, и делала это весьма откровенно. Затем сморщила носик:

— Не понимаю, что он в тебе нашел. Простецкое лицо, никакой аристократичности, да и красоты я не вижу. Так выглядят училки, а не принцессы.

— Леди, я не претендую. Родилась аптекаршей, аптекаршей и помру.

Она тут же сменила фронт:

— Почему ты обвинила моего мужа?

— А я в этом неправа? Я никого не обвиняю, я предлагаю Вам подумать самостоятельно, а не под дудку лорда-дознавателя старшего. Зачем он натравил Вас на меня? Если бы ему действительно так надо было меня прикончить, он бы уже это сделал. Не верю, что лорд Кориолан не владеет собственной профессией. А он допускает, чтобы ко мне в тюрьму, да еще с такой миссией, отправилась его жена!

— Он запретил мне!

— Вас это остановило? Можно подумать, лорд Кориолан не знает характера собственной супруги.

Лицо Лютеции изображало работу мысли, но, судя по результату, получалось у нее не очень.

— Ты хочешь сказать, он желает от меня избавиться... Зачем?

— Не знаю, я не принцесса, в таких делах не смыслю ничего. Могу только озвучить свои скромные соображения. Наверное, чтобы получить свободу и заключить новый брак, уже не по династическим, а по другим мотивам.

Не хотелось мне ей сообщать, что Кориолан воспринимает жену как головную боль. Мне хватило для понимания его тона, с которым он говорил о нелюбимой леди. А если она еще мозг начала выносить... В этом случае подставить ее, а потом поскорбеть на могилке — милое дело. А главное, сволочь, учел чувства Юстина. Если его любимую убьет его мамочка, а затем и сама будет казнена, то ему останется только в поисках утешения к папе прижаться. Единственное, что этот хрен упускает из вида: Юс не ребенок, он умен и вполне способен разобраться в ситуации. А если его лишить юношеских розовых очков, что и произойдет в ближайшем будущем... В общем, самого Кориолана еще проще подставить, чем его жену, он вечно в каких-то интригах путается.

Пока я так рассуждала, Лютеция судорожно пыталась обработать мои слова в своем невеликом уме.

— Ты считаешь, что я тебя убью и меня схватят?

— Примерно так.

— Ночью?

— А в чем проблема? Тюрьма работает круглосуточно.

Тут я вспомнила еще об одной знатной даме и добавила:

— Даже если Вам удастся убить меня и бежать, Ее Величество королева Эника самолично позаботится о том, чтобы Вы не ушли безнаказанной.

На лице Лютеции изобразилось превосходство.

— Не думаешь ли ты, что за тебя королева заступится?

— Я не думаю, я знаю. Мы с ней заключили очень важное лично для нее соглашение.

На этот раз до Лютеции дошло намного быстрее:

— Ты делаешь этот эликсир? Тот, который королеве молодость возвращает?

— Именно.

Не стала говорить тетеньке, что королева пока его и не нюхала. Договор-то у нас с Эникой об этом самом.

Ого! Зацепило! Прекрасная дама забыла и про мужа, и про сына. Теперь у нее в глазах одно: эликсир!

— Эника стерва! Она свой эликсир никому не дает, как будто только она может быть юной и прекрасной!

Естественно, Гиаллен при его производительности мог делать годовой запас на одно лицо. Эликсир Марон на широкую ногу не поставишь, во всех девяти королевствах не сыскать столько девственниц. Это я могу обеспечить красотой и молодостью толпу народа. Лютеция же не умолкала, возбужденная гораздо больше, чем тогда, когда пыталась меня убить. Собственная физиономия волнует ее больше, чем судьба сына.

— Мы все ее просили! Сестры короля, жены его братьев, снохи... Да все! Мы тоже хотим быть вечно юными и красивыми. А она!.. Эй, девушка! Мелисента! А мы можем договориться?

— О чем?

— О продаже эликсира.

— Как Вы понимаете, для этого я как минимум должна остаться в живых и выйти из тюрьмы.

— Все для этого сделаю. Но... ты продашь мне эликсир.

Сейчас будем объяснять и уговаривать. Я включила режим «консультация». В свое время научилась этому у отца в аптеке: он так научно все объяснял, что клиенты готовы были половину товара скупить.

— Конечно. Даже скидку сделаю: первые десять порций бесплатно. У Вас уже возрастные изменения зашли далеко, чтобы их убрать придется сначала принимать эликсир раз в декаду. Вот на эти первые десять декад я дам Вам эликсир бесплатно. Затем пойдут поддерживающие дозы, чтобы эффект укреплялся: раз в месяц, сто гитов порция.

Я не стала стесняться, называя цены. Простым женщинам я продам свое творение в десять раз дешевле, а королевские особы могут заплатить подороже. Если спросят потом, почему им так дорого, скажу, что есть в их варианте зелья секретный ингредиент. И не обману: я придумала для приятного вкуса и запаха одну травку королеве добавить.

Лютеция спросила недоверчиво:

— Это точно то зелье, которое ты будешь варить для Эники?

— Оно самое. Из одного котелка налью.

Дама удовлетворенно вздохнула.

— Хорошо. Мы договорились. Но! — она многозначительно подняла палец вверх, — Ты от моего сына отказываешься!

— Отказываюсь. Ой! — я вдруг вспомнила планы Эники на этот счет.

— Что ой? Что ой? — заволновалась принцесса, — О чем ты подумала? Скажи!

— Вчера тут была королева..., — начала я медленно и печально.

— И? Что она сказала?

— Она решила дать мне титул графини и выдать за Вашего сына, чтобы приблизить к трону нужного ей зельевара.

Лютеция ни на секунду не усомнилась в правдивости моих слов: знает свою родственницу как облупленную. А вот в остальном...

У тетеньки в мозгу случилось крушение: две кареты въехали друг в друга на полном скаку. И меня в невестки она ни в коем случае не хочет, и эликсир упустить жалко. А еще гнев королевы, если она узнает, кто в ее планы всунулся, да и муж-злодей... Лютеция замолчала всерьез и надолго. Сидела, хлопала глазами и пыталась совместить несовместимое. Затем привычным жестом наставила на меня палец:

— У тебя есть план! Ты знаешь, как из этого выбраться! Или ты хочешь замуж за моего сына и все это время водила меня за нос?

— Да не хочу я за него, успокойтесь!

Даже если бы хотела, после знакомства с родителями жениха, расхотела бы вмиг. Таких свекра со свекровью даже злейшему врагу не пожелаешь. Юса жалко, конечно, но себя жалче вдвойне. Придется все же выйти за Гиаллена, пока меня не убили или еще того хуже, не выдали замуж за кого-нибудь другого. Как я ни фыркаю, а этот брак — наименьшее зло. К Алу я отношусь неплохо, он мне дорог, слишком много я в него вложила. Будем вместе — привыкну и полюблю. По крайней мере у него два плюса: он умный и у него характер не слабее моего. Не соскучимся. Приняв это судьбоносное решение я выдала тираду:

— Если я буду замужем за магом, то никто не сможет разорвать этот брак и принудить меня выйти за Вашего сына.

— За кого ты собралась? — с интересом и надеждой спросила Лютеция.

— Вы следите за процессом? Тогда знаете, о ком идет речь. За моего спасенного. За архимага Гиаллена Элойского.

Я снова увидела на лице знатной дамы работу мысли. Даже скрип шестеренок в мозгу услышала. Затем лоб ее разгладился, и она радостно заверещала:

— Как я рада! Поздравляю! Ты выходишь замуж! Хочешь, я закажу для тебя подвенечное платье?

Только этого мне и не хватало. Подружка нашлась.

— Да в общем я обойдусь, спасибо. Вы главное родственницу свою придержите с графским титулом, а о свадьбе я сама позабочусь. Ведь если она объявит меня графиней и невестой Юстина прямо на судебном заседании, нам в Вами уже некуда будет деваться.

До нее наконец дошло, она еще раз поздравила меня, облобызала и ушла, прихватив по дороге своих слуг в черном, терпеливо дожидавшихся за дверью.

Фу-ууууууу... Дайте мне яду, я хочу умереть! Сил уже нет никаких. Встала, перестелила сбившееся белье и только собралась нырять под одеяло, как ко мне в камеру ввалилась куча народа. Толпа стражников во главе с незнакомым охранным магом, а с ними повязанная Лютеция со своими приспешниками.

Ну, я же говорила! Ее ждали на выходе!

Я юркнула под одеяло и пискнула оттуда:

— Чем обязана?

Маг смотрел на меня как на восставшего из мертвых зомби. Затем обернулся к даме,

поглядел на нее, опять на меня...

— С Вами все в порядке, девица Мелисента?

— В полнейшем. Не могли бы Вы очистить помещение и не мешать моему отдыху?

— Да, конечно.

Дверь закрылась, и тут я поняла, что со мной далеко не все в порядке. Похоже, явление этих предсказанных мной стражников переполнили некую чашу. Мои выдержка и благоразумие дали сбой. Накопившееся напряжение вылилось в совершенно позорной форме. Я начала биться в истерику и для начала свалилась на пол. Но этого мне показалось мало, я рыдала, выла, каталась по полу, билась об него головой и никак не могла успокоиться. Это был смех и одновременно плач.

Вероятно, через некоторое время я успокоилась и уснула, потому что проснулась я на полу от холода. Встала, вымыла лицо, выпила воды и снова легла, уже на постель. Чувствовала я себя преотвратно.

Утром мое самочувствие не улучшилось. Отходняк после вчерашней истерики давал себя знать слабостью. А ведь меня сегодня опять допрашивать будут, и отвечать придется стоя. Как бы в обморок перед высоким собранием не упасть. Демонова Лютетия совершенно выбила меня из колеи. Убедить ту, что пришла тебя убить, не убивать, само по себе непросто. А я практически перетянула ее на свою сторону. Если еще вспомнить финал со стражниками...

Есть люди, которые в важные моменты жизни теряются. Моя соседка по общежитию Азильда всегда все отлично знала, но на экзамене еле-еле получала проходной балл. Стоило ей увидеть экзаменационную комиссию, и все сразу из головы вылетало. У меня наоборот: при виде опасности я собираюсь и выдаю максимум того, на что способна. Недаром всегда сдавала экзамены только на отлично.

А вот потом наступает реакция. С годами я так закалилась, что мелкие стрессы вообще перестала замечать, но когда тебя удавкой душат четверо, это мелочью не назовешь. Так что истерика была вполне законная, только очень не вовремя она случилась.

В залу суда я вошла на подгибающихся ногах, голова кружилась и в глазах темнело. Спасибо, мэтр Игерран заметил и, не задавая вопросов. Вручил небольшую фляжку.

— Пейте, Мелисента. Там укрепляющий отвар.

Я тупо кивнула и приложилась к горлышку. Девясил, зверобой, тимьян, мята, пустырник, хвощ... Что-то еще? А, мед акации для сладости, чтобы перебить горечь пустырника, да и усваиваться все будет лучше. Отличный состав. Придаст сил и успокоит.

Игерран тем временем повернулся и спросил лукаво:

— Мелисента, я слышал, ночью у Вас были гости?

— Да ввалились стражники и спрашивали, все ли у меня в порядке.

— А до стражников?

Я сделала невинные глаза:

— Никого! За кого Вы меня принимаете, мэтр Игерран? Разве молодая незамужняя девушка может принимать у себя в камере кого-то после полуночи?

Мой адвокат весело рассмеялся.

— Уважаю. Давайте и дальше в том же ключе. Только смотрите не заиграйтесь.

Знал бы ты, как я этого боюсь! Для меня эта игра может кончиться очень плохо, поэтому я с удовольствием отказалась бы играть. Но я на этом поле до недавнего времени была не игроком, а фишкой. Фишки же не могут отказаться играть.

Начало заседания было столь же торжественным, как и в прошлый раз. Герольд, величественный проход магов Совета, и вся эта бутафория. Но Ригодона уже не было среди судей. Я так понимаю, его перевели в свидетели.

Я думала, меня снова будут допрашивать, но сегодня на меня никто не обращал внимания. Начались прения сторон. Сначала вышел обвинитель и рассказал всем, какая я, с его точки зрения, злобная и коварная. Оговорила любимого начальника, подвела под монастырь дорогих коллег, бросила тень на коллектив, а сама развлекалась вызовом духов и внедрением их в чужие тела. Нес жуткий бред, от которого стало настолько противно, что меня чуть не стошнило.

Я видела, как морщились большинство магов, но по протоколу никто не мог прервать эти дикие излияния. Довольным выглядел Эбенезер, видно, текст был с ним согласован, а может он его сам написал. Велизарий дремал, Волумния вязала на спицах и шепотом считала петли, Леон Пардийский что-то быстро писал, а водница играла с воздушником Эмилием в «камень, ножницы, бумага».

В общем, эта обязательная программа никого, по сути, не интересовала.

Иверналий нес свою бредятину больше полутора часов. Я бы даже заснула, если бы он бубнил чуть более монотонно. Но он, как назло, вдруг вспоминал о выразительности и патетике, и взвизгивал в самый неподходящий момент, повышая голос.

От этих визгливых ноток Совет Магов в полном составе брезгливо морщился.

Наконец обвинитель заявил, что, по его убеждению, меня следует срочно признать виновной и заблокировать мне магию, после чего замолчал.

Слово уже приготовился взять Игерран, но тут заговорил Аристарх, и его мощный голос заглушил все протесты:

— Прежде чем мы выслушаем уважаемого защитника, я предлагаю провести опознание. В речи обвинителя прозвучало, что подсудимая внедрила в тело Гиаллена чужой дух, и, следовательно, наш коллега теперь не может считаться самим собой. Сам я с ним общался и категорически отвергаю подобный бред, но желал бы, чтобы опознание было проведено официально и как можно скорее.

Эбенезер недовольно сморщился:

— А мы не могли бы провести это опознание позже? Например, завтра, перед допросом свидетелей?

Аристрах загремел:

— Не могли бы. Сегодня ночью на моего друга Гиаллена было совершено покушение. Чудом он не пострадал. Так что чем раньше будет проведена процедура опознания, тем лучше.

Ну, Кориолан дает! Натравил на меня свою женушку, а под шумок пытался с Алом расправиться. Или это не он? Если это все же Кориолан, он приходит сюда через свой домашний портал где-то в городе. Можно его заблокировать, и временно под любым предлогом закрыть перемещения из Кортала и обратно... если это не Кориолан, завтра же будут новые покушения. А если он... На короткое время мы его отсечем и себя обезопасим. Так, есть идея: Аристарх-то у нас друг Ала и заодно пространственник, к нему и обратимся.

Я перегнулась через барьер и зашептала на ухо Игеррану:

— Мэтр, можем мы после заседания приватно поговорит с архимагом Аристархом? Очень надо!

— Мелисента, не суетись. Сейчас пошлют за Гиалленом и объявят перерыв, и я устрою

эту встречу.

Перерыв объявили аж на час. Меня отвели в маленькую каморку, где было всего два стула и ни намека на стол, и там заперли. Не успела я сосчитать все заклепки на двери, как она открылась и вошел Аристарх.

Ого! Надо же, какой огромный. Он сел напротив и практически занял собой все помещение. На меня смотрел внимательно и не слишком ласково.

— Ну, Мелисента, о чем Вы хотели со мной говорить?

— Вы сказали, что на Гиаллена вчера было покушение.

— Да, и что?

— На меня тоже.

— Вы приносите официальную жалобу?

Я разозлилась. Да какого демона! Я за Ала беспокоюсь, а он тут бюрократию разводит. Еще друг называется.

— Прекратите валять дурака, мессир Аристарх! Я Вам о деле говорю, а Вы идиотничаете! Какая, к чертям, жалоба? Вы заинтересованы в том, чтобы издеваться надо мной, или в том, чтобы спасти своего друга?!

В первое мгновение в глазах мага блеснул гнев, но в ту же секунду он сменился пониманием. Этот Аристарх не зря архимаг. Мозги у него работают как часы.

— Извините, мистрис, слушаю Вас внимательно.

— Так вот. Та, что напала на меня, пришла сюда телепортом из Кортала.

— Значит, все-таки было покушение. Кто она?

— Я обещала, что это останется тайной. Достаточно того, что все обошлось.

Губы арихимага искривила саркастическая улыбка.

— Понятно. Леди Лютеция. Ее вчера задержали выходящей из нашей тюрьмы в весьма нетипичном для знатной дамы виде и в компании четырех слуг, одетых как наемные убийцы.

— Ну, Вы и так все знаете. Ее спровоцировал собственный муж. Думаю, удар по Гиаллену нанесли оттуда же. Вы можете перекрыть сообщение с Корталом на короткое время?

— На какое конкретно?

— На день-два...

— На столько могу. Но Лютеция не проходила через наш портал...

— У лорда Кориолана есть свой личный портал где-то в городе. Он мне хвастался. Вы сможете его найти и заблокировать?

Брови на лице Аристарха пошли наверх, затем вернулись на место.

— Это не просто, но возможно. Сделаю.

— Отлично. Спасибо, это все.

Он поднялся, цапнул меня за руку, поднес к губам и поцеловал, заглядывая при этом в глаза.

— Вы меня, признаться, удивили, Мелисента. Теперь я понимаю, что Ал в Вас нашел.

Он развернулся и покинул мою каморку. Ох, хорошо-то как! Опять есть чем дышать, а то этот огромный архимаг своим телом весь воздух отсюда вытеснил.

Пришел Игерран, принес чаю мне и себе. Мы его выпили, после чего он меня спросил:

— Ну, все сказали, что хотели?

— Да, спасибо.

— А про то, что было ночью, здесь все уже знают. Вас же пытались в очередной раз

убить? Лютецию отправили домой, слуг задержали для допроса. Теперь ей в Валариэтан на ближайшие полгода вход закрыт.

Как закрыт?! Мы же с ней договорились... А, как всегда, придется выкручиваться самостоятельно.

Я робко спросила:

— А кому еще закрыт?

— Вы имеете в виду ее мужа? Ему пока нет, но я над этим работаю.

Сказать — не сказать? А, скажу.

— Игерран, теперь Вы над этим работаете вместе с Аристархом. Брови моего защитника выехали на середину лысины.

— Вот как? Поздравляю, отличный ход. Вы хороший клиент, Мелисента, Вас легко защищать, Вы все понимаете с полуслова.

— А еще я хорошо плачу и к тому же невиновна.

Мы рассмеялись и вернулись в зал.

Я знала, что опознание проводится по ауре, но, так как эта тема меня никогда особо не интересовала, то представления не имела, на что это похоже. По идее ее должны были сравнить с эталонным отпечатком.

У меня такой отпечаток брали два раза: при поступлении в Университет и при оформлении бумаг в аспирантуру. Выглядело это как прикладывание ладони к специальной красивой голубой бумажке. При соприкосновении с рукой она начинала светиться, затем гасла, и на ней оставался рисунок: твоя растопыренная пятерня, а вокруг нее узоры и разводы разных цветов. Затем в уголке делалась запись, и отпечаток ауры отправлялся в личное дело мага.

Еще я знала, что с годами аура меняется, причем довольно сильно, это зависит от многих факторов, но есть постоянные элементы, которые и предстоит сличить. Они сопровождают мага от момента инициации силы и до могилы.

Когда мы с Игерраном вошли в зал суда, все уже было готово для проведения обряда. Откуда-то доставили личное дело Гиаллена, и теперь в центре Круга Истины стоял столик, на котором лежало оно и стопка голубых бумажек для отпечатков.

Рядом со столиком маялись два мага из канцелярии (я их там видела, когда бумаги подписывала) и двое членов Совета, высший маг Дионисий Изорский и воздушник Эмилий Лиоссер. Зачем Дионисий понятно, он спец по аурам, а вот Эмилий... Он собирается создавать иллюзии и транслировать их для всех присутствующих? Здорово.

Народ увидит, что Гиаллен — это Гиаллен!

Судьи наконец уселись в кресла и Эбенезер объявил:

— Пусть войдет тот, кто именуется Гиалленом!

Хитрая формулировочка! Не Гиаллен, а тот, кто себя им именуется. Ишь, выкрутился! Сволочь!

Та дверь, через которую провели сюда меня, распахнулась, и в ней появился силуэт человека. Каким же он отсюда смотрится маленьким и потерянным! Я вцепилась в перильца своего барьерчика.

Ал шел к нам медленно, но уверенно. Когда он пересек середину зала, свет стал падать так, что давал возможность его рассмотреть.

У меня почему-то сжалось сердце.

Мантии на нем не было, черные, заправленные в невысокие сапожки, вельветовые

штаны, белая рубашка и длинный черный суконный жилет составляли весь костюм. Худой, бледный, с неровно обрезанными волосами, в одежде, которая сидела на нем мешковато, он все равно светился силой и достоинством.

Дойдя до Круга Истины, он повернул голову, посмотрел на меня и тепло, дружески и очень нежно улыбнулся. Затем обратил свое внимание на своих коллег, которые сегодня выступали в роли судей, сдержанно поклонился им, но не сказал ни слова.

Начал Эбenezер.

— Тот, кто именуется себя Гиалленом! Назовите свое имя!

Надо же так ляпнуть!

Как-то (было мне года три) приехал к моим родителям в гости их знакомый. Подошел ко мне, погладил дитя по головке и спросил:

— Мелисенточка, как тебя зовут?

Я, уж на что была дите малое, прямо обалдела от его идиотизма. Зачем спрашивает, если знает? Ну, и ответила прямо и по существу:

— Дурак дядя!

Так и этот наш Эбenezер: дурак дядя!

Ал, кажется, был со мной абсолютно в этом согласен. Он засмеялся председателю в лицо.

— Вы уж определитесь, почтенный, как я, по Вашему называюсь. А то глупо как-то: Вы же мое имя знаете, зачем спрашиваете?

Эбenezер промолчал, зато вдруг вылез некромант. Его только не хватало!

— Ну, кто Вы такой и как Вас называть, мы узнаем после короткого эксперимента. Подойдите к столику и оставьте отпечаток ауры на том листе, который Вам сейчас дадут.

Ал подошел к Дионисию поближе, раскланялся с ним и поднял руку, показывая всем пустую ладонь. Мол, никакого обмана, все чисто.

Маг положил перед ним голубую бумажку и указал на нее:

— Прошу.

Затем, когда из-под ладони заструился свет, листочек забрал, рассмотрел и передал стоящему рядом Эмилию. Тот изящным движением кисти создал иллюзию, и мы все смогли полюбоваться: отпечаток ауры, увеличенный в четыре раза.

Красота!

Затем высший маг открыл папку с личным делом Гиаллена, достал хранившийся там листочек и, даже не глянув, тоже передал его Эмилию. Тот снова махнул рукой и рядом с первой картинкой в воздухе засияла вторая.

Я впервые позволила чувствам вылезти наружу: упала лицом на руки и застонала от ужаса.

Отпечаток ауры Гиаллена не имел ничего общего с тем, что хранился в личном деле.

Глава 30. Мелисента выходит на свободу

Я не понимала, что происходит. Если аура не совпадает, значит, дух нашел не свое тело. В теле Гиаллена я воплотила кого-то другого. Но этого не может быть! Другой не мог владеть той информацией, которой со мной щедро делился дух. Да и неоткуда было взяться другому в квартире архимага.

Маги зашевелились. Кто-то вскочил с места, начались выкрики. Я подняла голову и посмотрела на Ала. Он стоял совершенно спокойно, только на скулах перекатывались желваки. Горящие гневом глаза он устремил в сторону судей, на меня даже не посмотрел.

Я отвела глаза и устремила взгляд на Дионисия. Тот не участвовал в общем бедламе, держал в руках оба листочка и внимательно их изучал. Сейчас его глаза не казались слепыми, наоборот, такого внимательного, изучающего, проникающего в суть взора я еще ни у кого не видела.

Наконец, когда общий гвалт достиг своего апогея, он вдруг положил бумажки на стол, хлопнул в ладоши и произнес одно слово: «ТИХО!».

И стало тихо. Все расселись по своим местам и приготовились слушать.

Дионисий жестом предложил Эмилию вернуться на свое место, затем спросил, поднимая вверх листочек, лежавший до этого в личном деле:

— Откуда взялась эта бумажка?

Тут из-за кресла Велизария выдвинулся Ранульф и задал встречный вопрос:

— А разве не Вы, уважаемый, достали ее из личного дела Гиаллена?

— Хорошо, тогда спрошу по-другому. Откуда в личном деле мага взялась эта фальшивка?

— Как Вы можете так утверждать?! Личное дело принесли из канцелярии Совета, его никто не открывал!

— Значит, отпечаток подменили в канцелярии.

— Это невозможно! Я сам лично ставил на все защитные чары!

— Тогда, уж извините, но я обвиняю в подлоге Вас лично!

Палец Дионисия уперся прямо в грудь соскочившего с подиума Ранульфа. Тот отшатнулся.

С высшими магами никто не рискует связываться. Они не кидаются огненными шарами, не лупят молниями и не ставят непробиваемых стен. Зато они одним движением пальцев могут так искорежить твою ауру, что ты ляжешь и умрешь, говоря спасибо за то, что недолго мучился. Причем размеры для них значения не имеют, им что один человек, что армия. Счастье этого мира заключается в том, что их интересуют очень оторванные от жизни материи. Но и практическая польза от высших магов тоже есть. Вот как сейчас, например.

Не знаю, испугался ли Ранульф, но вида не подал. Сказал заносчиво:

— А почему Вы решили, что это фальшивка?

— А почему Вы решили, что я идиот? Думаете, я не знаю «в лицо» отпечатков аур наших уважаемых и не очень членов Совета? То, что я вижу здесь, никому из них не принадлежит. Да и бумажка вызывает сомнения: надпись свежая.

Он обратился к Алу:

— Мессир Гиаллен, когда Вы оставляли в канцелярии свой отпечаток последний раз.

Тот не замаялся с ответом:

— Когда стал архимагом, лет десять тому назад.

Маг согласно кивнул головой, он это знал заранее.

— Вот видите. А надпись сделана только вчера. Листок...

Дионисий провел над бумажкой рукой, прищелкнул пальцами...

— Все верно, листок был изготовлен не более года назад. А сам отпечаток просто не может принадлежать архимагу. Это аура человека с магической силой не выше третьего уровня, молодого, практически необученного. Кого из работников канцелярии Вы заставили сделать этот отпечаток? И куда девался оригинал? Уничтожен? Или спрятан?

Стройный, изящный, невысокий маг надвигался на огромного и страшного Ранульфа, а тот под взглядом Дионисия вдруг сделался маленьким и каким-то ничтожным и начал потихоньку отступать.

Затем Дионисий снова вытянул вперед руку и его палец уперся в грудь нашего монстра.

— Вы накладывали защиту на канцелярию? Вы лично отвечаете за подлог!

И ту произошло то, чего никто не ожидал. Ранульф развернулся и бросился бежать вон из зала суда.

Высший маг лениво вернулся на место и резюмировал:

— Что и требовалось доказать.

Все замерли, боясь проронить хоть слово, и тут в полной тишине раздался звучный глубокий голос Гиневры:

— Дион, будь такая лапочка, объясни, что произошло, а то некоторые мальчики не поняли.

Тот широко улыбнулся и сразу стал очень симпатичным.

— С удовольствием, дорогая. Видите ли, я сразу узнал отпечаток ауры, как только уважаемый Гиаллен приложил руку к листку опознания. Да и до этого сомнений у меня не было. Я вообще всех вас отлично знаю по ауре, лучше, чем в лицо. И когда из личного дела достали эту туфту, я просто глазам поверить не мог. Бегство Ранульфа доказывает, что он был в этом замешан. Зачем и кому это было надо, я даже предположить не могу.

— А как же опознание? — пискнул вдруг сдавленный голос.

Я даже не поняла, кто это сказал, но Дионисий не запутался.

— Для того, чтобы опознать знакомого, мне не нужен отпечаток его ауры, уважаемый Конрад. Думаю, я могу засвидетельствовать, что стоящий перед нами маг — это Гиаллен Элойский.

Тот не унимался.

— По закону требуется сличение отпечатка ауры.

— Или свидетельство трех магов не ниже архимага, хорошо знавших человека. Я свое заявление сделал, осталось еще двое. Думаю, сейчас мы их найдем.

Со своих мест поднялись Аристарх и Гиневра, подошли к Дионисию, и, стоя в Круге Истины, тоже засвидетельствовали личность Ала, составив официальную бумагу.

Мало того, они достали откуда-то бланк удостоверения личности валариэтанских граждан и выдали моему архимагу заполненным, подписанным и снабженным печатью Совета. Я чуть не прыгала на месте от радости. Сделано все было в присутствии кучи свидетелей, а значит, никто никогда не сможет этого оспорить.

Затем все возвратились на свои места, а Гиаллена усадили на отдельном стульчике у стены. Аристарх взял слово:

— Только что на наших глазах была пресечена попытка дезавуировать главного

свидетеля по делу. Мало того, злоумышленники пытались лишить человека его законных имени, статуса и собственности. Я требую начать расследование.

Эбenezер тут же его перебил:

— Сегодня у нас слушается другое дело. Мы не выслушали адвоката и не закончили допрос свидетелей. Одного рассказа подсудимой мало, чтобы вынести решение.

Ой, в кои-то веки обо мне бедной вспомнили. Я думала, маг будет возражать председателю и дальше, но Аристарх согласился:

— Хорошо, послушаем речь защитника. Но в связи с сегодняшним инцидентом с завтрашнего дня заседания будут закрытыми. Не следует открывать широкой публике тайны архимагов.

Председатель торопливо согласился, Аристарх сел на место, после чего предоставили слово моему Игеррану.

Тот все время, пока шла эта свистопляска вокруг Гиаллена, что-то ожесточенно строчил в своем блокноте, но, как только услышал звуки своего имени, вскочил и понесся с места в карьер:

— Я не собираюсь говорить долго и мучить почтенный суд нудными речами. Хочу только обратить ваше внимание на некоторые обстоятельства. Не стану от вас скрывать, моя защита до сих пор строилась на показаниях уважаемого архимага Гиаллена Элойского.

Голос адвоката звучал фантастически, волшебным, покоряюще. Хотелось слушать и верить каждому слову. Но при этом он говорил достаточно коротко и по делу, в отличие от зануды-обвинителя.

— Вчера, отвечая на ваши вопросы в Круге Истины, моя подзащитная не сказала ни слова неправды. В то же время кто-то (не буду указывать пальцем) очень старался, чтобы Гиаллен Элойский не смог законным образом ответить на вопросы суда и снять подозрения с моей подзащитной. Для этого он совершил подлог, сурово караемый нашими законами. Для чего он это сделал? Для развлечения?

Игерран слегка наклонился и воззрился на кого-то среди судей. На Эбenezера? Или на кого-то еще?

— Думаю, пойти на такой шаг можно было только по очень серьезным причинам, например затем, чтобы отвести подозрения от истинного виновника, действительно совершившего акт черной волшбы, дабы лишить архимага Гиаллена жизни тела и заставить служить себе в виде бесплотного духа.

Он поднял руку вверх, вероятно, указывая на некие высшие сферы, в которых должен пребывать дух вне тела.

— Мы все знаем, когда это произошло. Гиаллен исчез восемнадцатого таргеля, за семь месяцев до того, как Мелисента Мери впервые в жизни появилась в Валариэтане. Можем ли мы обвинять ее в том, в чем она физически не могла принять участия? А все остальное было всего лишь следствием. Благодаря действию Мелисенты, в которых я не нахожу криминала, ныне архимаг находится среди нас в своем родном теле.

Красивым широким жестом он указал на сидящего у стены Гиаллена.

— Сама девушка не совершала незаконных действий, она попала в эту историю случайно, и лишь стремилась к свободе и безопасности. Вряд ли кто-то из вас может ее в этом обвинить, каждый на ее месте стремился к тому же. И то, что она не пошла по пути черной волшбы, которая разрушила бы бесплотный дух и освободила бы ее гораздо быстрее и эффективнее, а попыталась вернуть архимагу его тело, говорит за нее сильнее и громче, чем

все слова, которые я мог бы тут сказать.

Игерран обвел взглядом судей, повернулся всем корпусом и широко улыбнулся галерке со зрителями.

— Я вижу задачу данного суда не в том, чтобы осудить явно невиновную Мелисенту, а в том, чтобы выяснить наконец, кто путем черной волшбы пытался избавиться от Гиаллена Элойского, и наказать преступника по всей строгости закона. Благодарю за внимание, я все сказал.

Вся речь адвоката не заняла и пяти минут. Не думала, что сегодня мы так быстро отмучаемся. Кажется, не только я ему за это благодарна.

Эбенезер радостно вскочил со своего кресла председателя и заявил, что на сегодня судебное заседание прекращается, оно начнется завтра в то же самое время, но в закрытом режиме.

Минут через семь хоры опустели, все зрители разошлись. Я думала, меня уведут обратно в камеру, но конвой не появился. Так что я сидела и недоумевала, что вообще происходит. А маги явно чего-то дожидались, оглядываясь и тихонько переговариваясь между собой.

Гиаллен хотел было встать со своего стульчика у стенки и подойти ко мне, но его перехватил Аристарх и начал что-то горячо шептать ему на ухо. Ал кротко вернулся на место. Не к добру это!

Наконец к нам с Игерраном подошел Леон Пардийский. Сначала он заговорил с адвокатом, причем так тихо, что сидевшая в двух шагах я ничего не услышала. Игерран послушал-послушал, покивал, затем обратился ко мне:

— Мелисента, выбор за тобой. Нам предлагают два варианта дальнейшего развития событий.

— Какие же? — поинтересовалась я.

— Первое: ты остаешься здесь, приносишь клятву о неразглашении и помогаешь разобраться в ситуации.

— А второе?

— Ты отправляешься в камеру и завтра процесс будет продолжен с того места, на котором сегодня завершился.

Хитренькие. Сейчас я принесу клятву, помогу им, а потом никто не помешает продолжать меня судить и вынести любой приговор, какой им в голову взбредет, учитывая, что теперь суд будет идти в закрытом режиме. Ну гады, получите мой ответ. Теперь ваша очередь выбирать.

— Я готова принять первый вариант, но при определенных условиях. Во-первых, все обвинения с меня снимаются, я получаю полное и безоговорочное оправдание за отсутствием в моих действиях состава преступления. (Эк я наблатыкалась в юридическом жаргоне!).

Леон спросил с нескрываемым любопытством:

— А второе условие, милая?

— Накормить обедом. У меня уже давно кишка кишке бьет по башке.

Мой ответ развеселил мага:

— Какая разумная девушка! Мы и забыли об обеде, а его время давно прошло! Нам всем не мешало бы подкрепиться. Ты права, Мелисента, война войной, а обед по расписанию. Что ж, выполнение второго условия я гарантирую в любом случае. А первое... Тебе придется подождать, после обеда мы подумаем.

Он вернулся на подиум для архимагов, а Игерран повернулся ко мне со словами:

— Мелисента, уважаю два раза. Я бы и сам тебе то же посоветовал. Если хотят твоего содействия, пусть признают невиновной и отпустят.

— Мэтр, вот и я тоже так подумала. Если уж я им нужна, можно диктовать условия. Главное — не зарываться.

Игерран отечески погладил меня по руке.

— А насчет обеда ты вовремя вспомнила. Наши маги до завтра тут просидят, забыв о еде.

— Знаю, поэтому и попросила. Архимаг может трое суток не есть, не пить, и ничего. А я страсть какая голодная. Думаю, Вы тоже не откажетесь.

Раздался скрип, отворились огромные двери в торце зала, и в них показалась целая процессия официантов с тележками. Запахло чем-то вкусным.

Для начала обслужи ли Совет Магов, затем Гиаллена, а до нас с Игерраном дело дошло в последнюю очередь. Так что пришлось выбирать из того, от чего отказались маги: рагу из баранины, суп из цветной капусты и луковый пирог. Всего этого по чуть-чуть, на доньшке. Все Совет слопал. У, обжоры! Даже капельки салата не оставили.

Я глянула на Гиаллена, он улыбнулся и салютовал мне ложкой. Интересно, а ему больше досталось?

Со своей порцией я справилась быстро, там делать было нечего. Маги ели значительно дольше, из чего я заключила, что они подкрепились от души. Затем ко мне снова подошел Леон и спросил, наелась ли я.

Хотела ему выдать, что могли бы и побольше мне оставить, но не стала цапаться. Ответила иначе:

— Можно и так сказать.

Он то ли не уловил иронии, то ли не захотел уловить, потому что радостно произнес:

— Отлично! Теперь Вы должны поучаствовать в нашем разбирательстве.

— Сначала мое требование. Я буду участвовать только очищенная ото всех подозрений и свободная.

Леон весело и бодро заговорил:

— Не упрямитесь, Мелисента. Поучаствуйте пока безо всяких условий, это и в Ваших интересах тоже. Как раз в процессе слушаний мы Вас освободим и снимем обвинения, иначе никак.

Я глянула на Игеррана: он недовольно сморщил нос. Ага, понятно.

— То есть, Вы собираетесь выполнить мое первое условие так же, как выполнили второе?

Мужчина для начала заледенел, потом натужно улыбнулся и спросил-таки:

— А что не так?

— На обед я получила ваши объедки, боюсь, оправдание и свобода будут такие же... обгрызенные.

— Вы мне не верите? — спросил Леон деревянным голосом, еле сдерживая гнев.

Плевала я на его гнев и что там еще. Пусть отпустят, тогда поговорим. А на манипуляции я не поддаюсь, не на ту напали.

— У меня нет для этого никаких предпосылок. Я никогда не видела столько высококлассных лжецов, как на Острове Магов. Не каждый второй, а каждый первый. Полагаю, Вы не исключение.

Леон развернулся и чуть ли не вприпрыжку отправился к остальным. Я посмотрела на Гиаллена: он соединил руки в приветственном жесте, который еще может означать поддержку: «Молодец»!

Игерран же тихо пробормотал:

— Не перегни палку, Мелисента!

Я уж и то об этом подумала. При следующем раунде переговоров пойду на уступки. Только клятву с них возьму.

На этот раз вместо Леона пришел Светоний. Менталиста прислали, рассчитывают, что он убедит меня стать сговорчивой. Держись, Мелисента. Если он не навесит на тебя полное подчинение, ты сможешь ему противостоять весьма успешно. Он же не собирается выжечь тебе мозг.

Светоний начал издали.

— Милое дитя, я понимаю, как ты стремишься к свободе и верю, что ты ни в чем не виновата.

Добрый дяденька нашелся. Такой мягко стелет, но жестко спит.

— Мелисента, подумай вот о чем: ты влезла в игру сильных мира сего. Лично я не хочу тебе зла, но есть члены Совета, которые продались и предали интересы Валариэтана ради личного могущества. Пока мы с ними не разобрались, отпускать тебя опасно для тебя же.

— Ага, сейчас, по-Вашему, я в безопасности. А то, что в тюрьме меня регулярно пытались отравить или убить, это нормально? Давайте я буду свободна и стану отвечать за свою безопасность самостоятельно.

Кажется, Светоний разозлился.

— Упрямая девчонка! Ты хочешь, чтобы я тебя заставил?!

И тут на плечо менталиста легла рука. Ал!

— Свет, прекрати. Не дави на девочку, не пытайся ее подчинить, кстати, это не так-то просто. Она вам поможет по доброй воле, слово даю. Но для этого сделайте как она просит: отпустите ее.

— А кто нам гарантирует?...

— Я.

Он быстро переместился и вот уже сидит рядом со мной и обнимает за плечи. В первую минуту я сжалась, но затем внезапно полностью расслабилась в его объятьях. Сейчас меня хоть на хлеб намазывай.

Гиаллен погладил меня по волосам, достал из кармана браслет и ловко надел мне его на правую руку. Затем второй такой же вручил мне:

— Мели, давай, надень мне обручальный браслет.

Вообще-то у обычных людей в этом случае в ходу кольца, только маги брак скрепляют браслетами. Резонно: пальцы им нужны для другого, и если маг надел кольцо или перстень, то можно побиться об заклад: это мощный артефакт. А запястья для такого дела не жалко.

До заключения брака браслет будет болтаться, звенеть металлом, его легко снять. А вот после ритуала он практически сольется с рукой и останется там до самой смерти.

Как это Ал так ловко подсуетился? Где только браслеты взял? Подобную красоту скорее мог на меня надеть Юстин, все-таки принц. Старинные, золотые, с изящным полустертым рисунком, изображающим переплетенные стебли трав. Такие обычно хранятся в семейных сокровищницах и передаются от отца к сыну. Судя по той биографии, которую Ал мне озвучивал, будучи духом, у него их быть не могло. Купил? Не смешите меня, родовые

браслеты не продаются.

Но сейчас не время задавать вопросы. Тем более Светоний отошел немного от удивления и начал спрашивать сам:

— Что это, Ал? Или... Это ее цена за твоё возвращение? Ты поклялся ей жениться?

— Ты что, Свет, с дуба рухнул? Я поклялся ей поделиться своими знаниями и помочь получить степень магистра. А это моя цена за её лояльность. Мне нужна эта девочка.

Он снова обратился ко мне:

— Ну же, Мели, не тяни, надень мне браслет. Я же знаю, ты не против.

Я заартачилась.

— А вот я не знаю. Нет у меня такой информации.

Он ласково дунул мне в ухо:

— Мели, поразмысли. Готова ли ты к тому, что я уйду из твоей жизни и никогда там больше не появлюсь? Ну?

Он уйдет и не вернется? Ишь, размечтался! Ну нет! От меня не уйдешь!

Я живенько навертела браслет на запястье архимага, после чего меня схватили и поцеловали.

О! Это было нечто! Как будто весь мир выключился и мы остались на всем белом свете вдвоем, единственные мужчина и женщина во вселенной. Я говорила, что мне понравилось как целуется Юстин? Забудьте. Свидетельствую: его поцелуи рядом не лежали.

Когда поцелуй закончился и я пришла в себя, то была неприятно поражена. Светоний смотрел на нас квадратными от удивления глазами. Да что Светоний! Все маги бросили свои дела и уставились на нас. Я дернула Ала за руку и зашипела:

— Зачем ты устроил этот цирк? Теперь все на нас пялятся.

— Все нормально. Пусть завидуют.

Вот как с таким спорить? Я плюнула и промолчала. Ал же заявил во всеуслышание:

— Теперь Мелисента — моя невеста. Ну что стоишь, Свет? Иди на место. Заседание продолжается.

— А Вы не хотите вернуться на свое, мессир Гиаллен? — задал вопрос кто-то из толпы магов.

— Не-а, я лучше со своей невестой посижу. Окажу ей моральную поддержку. Или кто-то против?

И такая вдруг угроза прозвучала в его голосе, что неизвестный сразу сдался:

— Нет-нет, сидите где хотите, возражений не имеется.

Маги уселись и стали между собой переговариваться. Не знаю, что они обсуждали, но на нормальное заседание суда это никаким боком не тянуло. Гиаллен же тем временем поздоровался за руку с Игерраном и попросил его следить за тем, чтобы мои права не ущемлялись.

— Знаю я наших магов, хитрые сволочи. Без мыла в задницу влезут. А наша девочка, хоть и умная, но еще совсем неопытная, как бы не обошли. Я тоже не юрист, тонкостей не знаю, вся надежда на Вас, Игерран.

— Не извольте беспокоиться, я Мелисенту не брошу. У нас договор.

Ага, хороший такой, выгодный.

Тем временем маги Совета бросили трепаться и устроились по-новому. Трое, Светоний, Дионисий и Аристарх как бы в президиуме, Эбенезер отдельно, а все остальные кучкой. Откуда ни возьмись взялся стол для секретаря и сам этот секретарь, молоденький мальчик в

мантии юриста. Другой стол возник перед импровизированным президиумом. Затем, когда все наконец расселись и наступила тишина, Аристарх своим громовым голосом возгласил:

— Мы пришли сюда чтобы разобрать дело Мелисенты Мери и вынести приговор виновной в черной волшбе.

Далее он чуть снизил громкость и продолжил уже в более мягкой манере:

— По ходу слушаний лично мне стало ясно, что вины на Мелисенте нет. Напротив, я убедился, что эта девушка стала жертвой преступников, замысливших и осуществивших страшное злодеяние. Именно с помощью черной волшбы дух архимага Гиаллена был отделен от тела. Это произошло тогда, когда Гиаллен пропал, а значит, за семь месяцев до того, как на Остров Магов попала Мелисента. Ясно, что девушка ни по уровню силы, ни просто физически не могла принять в этом участия. Возникает вопрос: а кто же совершил преступление? И еще один вопрос меня волнует: кто постарался обвинить в этом невиновную? Кто нарушил все мыслимые законы Валариэтана, стремясь покрыть злодеяние?

Красиво говорит. А главное, меня называет невиновной и пострадавшей. Это хорошо.

Сидящий отдельно Эбenezер вдруг ехидненько так произнес:

— Так, может, вы уже заодно и снимите с девицы все обвинения? Отпустите? Несмотря на все улики?

Про какие улики он там говорит?

Аристарх, видимо, тоже не понял:

— О чем речь, уважаемый Эбenezер? О каких уликах? О таких же, как та, с помощью которой пытались лишить Гиаллена его личности? Я вчера просмотрел дело, и ничего, заслуживающего внимания и доверия, там не обнаружил. Или Вы хотите сем показать, насколько непрофессионально работают Ваши подручные?

Но председатель (настоящий или бывший) не сдавался.

— Хорошо, улики Вы рассматривать не хотите. Тогда давайте проголосуем: кто за то, чтобы снять с девицы Мелисенты Мери все обвинения и отпустить ее?

Хитрожолая сволочь! В Совете магов такие вопросы не решаются простым большинством. «За» должно быть более двух третей судей, тогда решение считается принятым. А у него еще есть здесь сторонники.

— Аристарх кивнул, соглашаясь, попросил Светония считать голоса и объявил на весь пустой и гулкий зал:

— Голосуем: кто за то, чтобы снять с девицы Мелисенты Мери все обвинения и признать ее в этом деле потерпевшей? Кто «за»?

Я ошибалась вместе с целителем. У Эбenezера, как он считал, в кармане шесть судей. Просчитался, старый хорек! Те, что пока себя не замазали окончательно, поспешили проголосовать вместе со всеми. Из присутствующих здесь семнадцати членов Совета четырнадцать проголосовали за меня! Против оказались сам Эбenezер, Велизарий (он просто повторил действия своего приятеля) и, что удивительно, Волумния. Неужели старушка влюблена в этого пердуна? Те, на кого я плохо думала: боевик, некромант, огневик и зельевар, поспешили переметнуться на сторону победителей.

Аристарх объявил:

— Решение принято. Мелисента Мери, все обвинения с Вас снимаются, Вы объявляетесь невиновной по всем пунктам обвинения. Вы можете быть свободной.

Я поднялась, вышла из-за своего заборчика и оказалась в центре Круга Истины. Гиаллен тенью последовал за мной. Только я собралась поблагодарить высокий суд, как он закрыл

мне рот рукой и произнес:

— Уважаемый Совет! Я благодарен Вам за это правильное и своевременное решение. Вы о нем не пожалеете. А сейчас, раз уж такой случай, я прошу вас провести обряд и связать меня с моей невестой узами брака, чтобы никто не мог нас разлучить.

Это еще зачем? Он что, с цепи сорвался? Мало ему помолвки?

Я не успела озвучить эти мысли. К нам тут же, радостно улыбаясь, направился Дионисий. Ну да, все верно. Магический брак, особенно брак архимага — акт высшей магии. А свидетелей тут много больше чем двое. Все по закону. Ловко Ал подсуетился. А главное, сейчас я не то что отказаться, покочевряжиться не могу.

Дионисий велел нам взяться за руки и провел обряд. Красиво! Свет то вспыхивал, то гас, браслеты то начинали светиться голубым, то нагревались и сияли красным... затем я на вопрос Дионисия ответила «да» (Ал в это время ткнул меня в спину большим пальцем), все вспыхнуло в последний раз и браслет замкнулся на моей руке. Теперь его не то что снять, сдвинуть невозможно. Поздравьте меня, я вместо свободы получила замужество.

Глава 31, в которой у Мелисенты случается первая брачная ночь

Обряд завершился традиционным поцелуем, на этот раз гораздо более целомудренным, чем первый. То ли Ал сам постеснялся, то ли решил меня не смущать. Затем мне предложили сесть на тот самый стульчик, с которого удрал ко мне мой новоявленный супруг, а его пригласили:

— Мессир Гиаллен, не хотите ли присоединиться? Вы были членом нашего Совета, и Вас никто из него не вывел.

Интересно, он помнит, что я на Острове Магов оставаться не собиралась? Или теперь мои желания ничего не значат?

Я затаив дыхание ждала его ответа, а он не торопился. Конечно, разве может он отказаться? Он же хотел вернуть себе все свое, а это включает и место в Совете. Я, кстати, обещала ему в этом помочь, и моего обещания никто не отменял. А однажды высказанное пожелание... Он может его забыть как страшный сон. В конце концов, устроит свою жизнь на два места: главную часть в качестве уважаемого члена Совета Магов и маленькую, не слишком важную — в качестве моего мужа. Ничего, я привыкла все делать сама, и тут не пропаду.

И тут я услышала его голос:

— Спасибо, это очень лестное предложение, но я лучше в этой игре побуду свидетелем и наблюдателем. Предпочитаю сидеть рядом с моей женой.

Он снова утащил меня за барьерчик для обвиняемых, усадил рядом, обнял за плечи...

— Маленькая моя, сладенькая... ты решила, что я вернусь в этот гадюшник? Да ни за что! Ты же говорила, что не хочешь больше здесь оставаться?

— Не хочу, ты прав.

— Ну вот я и думаю, куда бы нам с тобой податься. Только пока наши маги не разобрались в этом деле, никуда нас не отпустят. Поэтому в наших интересах им помочь разобраться. Заодно себя обезопасим.

Я решила задать вопрос, который терзал меня с той самой минуты, как меня арестовали.

— Ал, скажи, ты на меня не сердишься?

— За что, сердце мое?

— Я проворонила твои лабораторные журналы, их утащил Кориолан. Все, включая голубую тетрадь.

Он засмеялся и прижал меня к себе теснее.

— Мели, маленькая моя, а твои записи он не похитил?

— Ну, мои пусть и похитил, не страшно. Они у меня защищены.

— Как именно?

Я ответила с гордостью:

— Примерно как ведьминские гримуары. Чужак увидит там только пустые листы, а при попытке снять чары бумага самоуничтожится. Сгорит.

Меня чмокнули в нос.

— Думаешь, котенок, я глупее тебя? Мои тоже защищенные. Это я тебе разрешение давал в них рыться, для всех остальных там будет написана полная ерунда. И, да, при попытке снять чары все сгорит синим пламенем.

— Значит, я зря волновалась?

— Ну конечно, глупенькая. Умница моя.

Я, выходит, глупая и в то же время умница? Вот ведь бредятина какая, но почему-то слушать приятно. Голос такой ласковый... забавно... Когда еще такое услышишь? Тут Ал отвлекся от перебирания моих волос и посмотрел на препирающихся магов:

— Ну сколько они еще будут тут воду в ступе толочь?! Или пусть делом займутся, или нас отпустят. Я бы не прочь отдохнуть. А ты?

А я-то как не прочь! У меня уже от сидения попа отсохла и ноги как свинцом налились. Так устала, даже есть не хочется. Сейчас бы прилечь и полежать. Только куда же идти? Квартира в отделе Эликсиров вряд ли нас ждет. Поэтому я спросила:

— А куда мы пойдем, если нас отпустят?

— Куда? Вот вопрос. Можем, конечно, к Гиневре, она приглашала, но я бы не хотел.

— Забытый нами мэтр Игерран влез:

— Приглашаю ко мне. Буду рад познакомить вас обоих с моей женой.

Ал взял мое лицо в руки, повернул к себе и заглянул в глаза. Посмотрел, увидел там что-то, что ему понравилось, заулыбался, отпустил меня и ответил Игеррану:

— Мы очень благодарны Вам, мэтр, за приглашение, но нет. Не сегодня. В другой раз, — затем обратился ко мне, — Мы можем пойти в гостиницу, Мели. В самую лучшую. И снять номер для молодоженов. Денег у нас наличных нет, но, думаю, мне в долг поверят.

Игерран радостно заулыбался:

— Я готов поручиться за Вас, мессир. Надеюсь, Вы меня не подставите.

— Это они мою первую брачную ночь с таким энтузиазмом обсуждают? Засранцы. К счастью, ничего принципиально нового я не узнаю, так что переживать особо не о чем, но зачем же меня так смущать? Да и маги закончили свои препирательства и теперь на нас тарашатся, как будто им тут спектакль Королевской Оперы Элидианы показывают.

Я отпихнула Гиаллена локтем и сделала вид, что разглядываю местную архитектуру.

В это время прозвучал голос Аристарха, взявшего на себя труд вести это бестолковое заседание.

— Ну что ж, коллеги, мы выработали список вопросов, которые хотим прояснить и список лиц, которым мы их зададим. Так как все уже устали, а также есть необходимость вызвать наших свидетелей и дожждаться их, предлагаю на сегодня прерваться, но не расходиться по домам во избежание. Здесь есть где разместиться: левое крыло, второй этаж. Как раз восемнадцать комнат для магов Совета и две гостевые.

Старушка Волумния завопила возмущенно:

— Но там же не убрано!

Ей ответил спокойный холодный голос Светония:

— Я дал указание привести все в порядок еще два часа назад. Думаю, все уже готово. Ужин можно заказать в ресторане, с доставкой проблем не будет.

Предусмотрительный наш. Я его прямо расцеловать готова.

Все поднялись и потянулись на выход. Мы тоже. Ближе к двери моего адвоката отловил Светоний и предложил остаться поучаствовать.

— Уважаемый мэтр, комната для Вас имеется, а Вашей супруге мы пошлем слугу с запиской.

— Благодарю, но мне хотелось бы знать, в каком качестве я останусь?

— В качестве независимого наблюдателя. Наши так называемые правоохранители

замазаны в этом деле по уши, а Вы прекрасно знаете наши законы и в то же время ни с кем здесь не связаны. Ваша репутация говорит сама за себя.

— А моя подзащитная?

— Насколько я знаю, с того момента, как с нее были сняты все обвинения, ее не от чего защищать. Но у Вас будет возможность присмотреть за мистрис Мелисентой, если, конечно, ее муж это позволит.

Ал тут же вылез:

— Позволю. Как можно не позволить мэтру Игеррану? Без него для моей Мели все могло бы закончиться не так прекрасно. Соглашайтесь, мэтр, будет забавно.

Дальнейшего разговора я не слышала, потому что после этих слов Ал подхватил меня и повлек за собой куда-то. Второй этаж левое крыло? Мы бродили довольно долго, не поднимаясь, а спускаясь на пару-тройку этажей, хотя до подземелий и не дошли. Наконец перед нами открылся длинный коридор со множеством дверей.

Тут же к Алу подошел маленький человечек и протянул ключ с номерком на веревочке. № 16, я разглядела. Комната под этим номером располагалась совсем рядом, третья или четвертая дверь направо. Ал открыл ее и подпихнул меня под попу:

— Входи, дорогая, располагайся.

Что могу сказать? Чистенько. Это все. Даже больничные палаты выглядят уютнее. Неширокая кровать, столик, табуретка, стенной шкаф, пара половичков в деревенском стиле, и все. Ах, нет, еще дверь в так называемые удобства.

Ал обхватил меня за плечи и привлек к себе:

— Мели, прости. Не думал, что нас загонят в эту келью.

— А что это вообще за помещения?

— Комнаты членов Совета. Чтобы в дни больших соборщ у каждого было место, где отдохнуть. Построили их в незапамятные времена и сохраняют по традиции, но на моей памяти ими не пользовались. Иди прими душ, я закажу нам ужин.

Вот вам и свобода! У меня в камере было уютнее, к тому же чистые вещи все там остались. Для начала я сунула нос в шкаф. Постельное белье и две пары полотенец. Ну, хоть что-то. По крайней мере есть чем вытереться.

В удобствах нашелся душ с горячей водой, а к нему жидкое мыло с запахом вербены и аира. Какое счастье! Я плескалась целый час, все никак не могла решить, достаточно ли я чистая. После месяца мытья в крошечной раковине это было неудивительно: много ли сделаешь влажной тряпочкой? Конечно, остается еще магия, но ею нельзя пользоваться без конца, через некоторое время остается неприятное чувство, что вместе с грязью удаляется что-то очень важное и нужное. Настоящий горячий душ — вот подарок Богов! Волосы я намыливала трижды, под конец просто для удовольствия вымыть голову.

Наконец я согласилась с тем, что стала чистой, и задумалась, как выйти из ванной. Волосы замотаны одним полотенцем, тело — другим, а оно достигает едва ли до середины бедер и еле держится. Одеться? Но во что? Белье я простирнула...

А, была не была! Пойду как есть. Все равно Ал теперь мой муж, да и, будучи духом, видел он меня всякую.

Когда я, промытая до скрипа, вылезла из душа, завернутая в полотенце (постиранное белье сохло на трубе), Ал сидел на единственной табуретке, а перед ним стояла ЕДА! Три разных салата в мисочках, две тарелки с мясом и гарниром, десерты в хрустальных вазочках, выпечка в плетенке и бутылка вина.

— Ну наконец-то Мели! Вымылась?

— Да, спасибо.

— Тогда садись за стол?

Куда, интересно? Сиденье-то он себе захапал. Стоило мне это подумать, как я оказалась у Ала на коленях.

— Вот так тебя устроит?

— Нет, не устроит. Если ты хочешь обниматься, это одно, а если есть — другое. Давай я на кровать сяду, а ты мне тарелку с вилкой в руки дашь.

— У, какая ты скучная! Ну ладно.

Он подхватил меня на руки и поставил на пол. Затем взял свою тарелку и сам сел на кровать. Пришлось угнездиться на табуретке. Не стала долго изображать из себя светскую даму, подвинула все к себе поближе и от души навернула. Вкусно! А главное, не я готовила.

Наслаждаясь десертом из взбитых со сливками ягод, кинула взгляд на Ала. Он не ел, а пожирал, и не обед, а меня глазами. Что уж он там такого потрясающего углядел? Жалко мне его стало: сидит голодный, а жена-ехидна только о себе заботится.

Я повернулась на табуретке, взяла свою креманку с десертом, ложечку, и стала его кормить, как маленького. Ну, не совсем как младенца... Делилась по-честному: ложечку ему, ложечку мне. Почему-то когда вкусняшка закончилась, я уже не сидела на табурете, а лежала на кровати, а куда при этом делось полотенце, никому не известно.

Ал не наваливался на меня сверху, а как-то очень ловко пристроился рядом и целовал все, что попадалось, приговаривая:

— Мели... девочка моя... сладкая моя... Мели... Мели... радость моя ненаглядная...

Я молчала как рыба об лед, умирая от смущения и удовольствия. Но постепенно освоилась и стала отвечать на поцелуи и даже попробовала расстегнуть своему мужу рубашку. Но не успела я справиться с тремя пуговицами, как в нашу дверь очень настойчиво постучали.

Ой, я вся голая!

Ал это понял первым, потому что сразу выдернул из-под меня покрывало и укрыл до самого носа.

— Мели, придется впустить гостя. Лежи тихо, не встречай. Потом все обсудим.

Я согласно закивала и закопошилась, закапываясь в постель поглубже. Не фиг чужим глазеть на полуголую меня. На просьбу не встречать не обиделась: он прав, так лучше. Пусть я буду тайным оружием. Всегда мне было интереснее слушать и наблюдать, чем молотить языком. Вот если тут кто-то станет без меня принимать решения...

Ал поправил выбившуюся из штанов рубашку, пригладил волосы и открыл дверь. За ней стоял Аристарх. Конечно, кто еще будет так лупить по ни в чем не повинной деревяшке?

— Ал, прости, что нарушаю ваш покой, но надо срочно посоветоваться.

— Заходи.

Гиаллен сделал шаг назад, пропуская друга, предложил ему табуретку, а сам уселся рядом со мной на кровать. Правильно, заодно заслонит своей широкой спиной. Или не очень широкой?

Аристрах по обыкновению занял собой весь предоставленный ему объем, так что дышать стало тяжело, и заговорил:

— Во-первых, Ал, разреши тебя поздравить. Твою прелестную избранницу тоже, но тебя в первую очередь. Мы уж думали, ты никогда не женишься. Тем более приятно, что ты

выбрал не одну из твоих... ммммм... не буду называть кого, а милую и приличную девушку. Знаешь, она за тебя в огонь и в воду, даже на меня не побоялась наехать.

— Я знал, что Мели храбрая, но чтобы настолько...

Мужчины рассмеялись.

Я изображала скромность и смущение, лежала под одеялом тихонько, наблюдала, сравнивала... Конечно, Ал на фоне Аристарха вида не имел. Тот огромный, мощный и очень красивый. Черты лица чеканные, так и просятся на медаль. Просто ставь такого на постамент и пиши надпись «идеал». Гиаллен ему по всем пунктам уступает. Рост средний: всего на ладонь выше меня, телосложение тоже среднее, он скорее жилистый, чем мускулистый, лицо приятное, но неправильное, только глаза под длинными ресницами действительно хороши. В общем, Гиаллен Аристарху проигрывает по всем статьям как мужчина. Но предложи мне сейчас поменять одного на другого... Откажусь. Это — мое, а то — чужое, свое я никому ни за что не отдам, а чужого мне даром не надо.

Кстати, эманация силы, которая от обоих исходит, вполне сравнимая, в ней Ал Аристарху, если и уступает, то совсем чуть-чуть. Как маги они равны.

Пространственник тем временем уговаривал моего мужа:

— Ал, ты видишь, что творится. Сначала тебя убрали, потом подкупили вершушку Совета... У меня такое чувство, что Кортал решил некоторые из девяти королевств прибрать к рукам.

Ого, я почему-то об этом не подумала, но сейчас вижу: так оно и есть. В свое время Валариэтан и Совет Магов были созданы для поддержания статуса-кво. До этого каждый маг был собственностью выращившего его королевства и в случае войны выступал за своего короля. После того, как семьсот лет назад в войне погибли почти все молодые маги, остальные взялись за ум и отказались поддерживать своих королей, пока те играют в эти братоубийственные игры.

Был создан Совет Магов тех пяти королевств, что в этой войне участвовали, затем к ним присоединились еще три страны. Здесь, на слиянии двух рек, они выкупили землю и построили город, чтобы жить по своим законам и не давать земным властителям использовать магию во зло. Не раз и не два за семьсот лет кто-нибудь из королей пытался наложить лапу на Совет и использовать его против остальных. Но маги, помня прошлое, всегда давали отпор таким поползновениям. В этот раз придется разбираться с Корталом.

Аристарх тем временем обрабатывал Гиаллена:

— Сейчас мы под маркой борьбы с незаконными деяниями перетрясем Совет хорошенько, избавимся от тех, кто играет не по правилам. Ты нам нужен, Ал.

Мой муж потянулся, как ленивый кот, и заявил:

— Ари, я вам, конечно, помогу, но сидеть в Совете... Уволь! У меня теперь жена есть, я хочу насладиться семейной жизнью, а не просиживать штаны на дурацких заседаниях.

— Ал, подумай. Мы вернем тебе отдел, будешь работать как раньше. В твоей квартире хватит места для двоих. Мелисента станет магистром...

Неплохой план, но... Я хочу свой дом и свою аптеку. Хоть и привыкла я к той квартире, но теперь мне там было бы неуютно из-за воспоминаний.

— Ари, пойми, теперь мне все это не нужно. Мелисента станет магистром и так, я обещал ей помощь. А остальное... Мне тут все стало противно. Намыкавшись в роли бесплотного духа, я стал ценить простые радости. Мне нужны семья, дом и свое дело, а власть... можешь оставить ее себе.

Ой, какие замечательные слова! Теперь я вижу, что правильно замуж вышла.

Ал спросил своего приятеля:

— Кого, кстати, наметили в новые главы Совета? Тебя?

— Нет, Диона. Все-таки высший маг, сила. При этом он вроде тебя, ни власть, ни деньги его не интересуют.

— Хорошее решение, Дион хоть и зануда, но не сволочь. Человек в высшей степени порядочный.

— А про других ты не спрашиваешь? Ал, у нас серьезные неприятности. Кого ставить на место Велизария? Ранульфа, которого, по-видимому, судить придется? Наша старушка Волумния и слышать не хочет о том, что ее обожаемого Эбенезера попрут. Не верит в его вину, говорит, уйдет вслед за ним, а на ее место просто нет кандидатов. Про Ригодона я вообще молчу, да и некромант вызывает сомнения. Криспиций, опять же...

Гиаллен махнул рукой.

— Хватит причитать и жаловаться! Что, у нас королевства совсем магами обеднели? Среди целителей архимагов чуть не два десятка, охранцы тоже сильны, есть и некроманты, и артефакторы. Между прочим, почему артефактору Криспицию прицепили зельеваров? Разве не бред? Пусть своим делом занимается, а зельеваров логично было бы объединить с эликсирщиками.

— Все правильно говоришь. Объединить с тобой во главе.

— Ишь, разбежался. Думал меня на слове поймать? Не на таковского напал. Не пойду, и точка. Зато посоветую. Верните старичка Теофраста, он, конечно, не сахар, зато дело знает и честный до противности.

О, про Теофраста я знаю. Книга «Зелье или эликсир?» у меня была настольной, до сих пор помню ее наизусть.

— Старый хрен не захочет.

— Еще как захочет. Он тогда ушел из протеста, а протестовал против того, как Эбенезер финансирование делил в свой карман. С Дионом старикашка сработается. А если Теофраст вернется, то он Волумнию уговорит, старая любовь не ржавеет, знаешь ли.

Оказывается, мой муж все про всех знает и помнит старые сплетни. Не ожидала. Ну, тут они уже пошли организационные вопросы решать. Я еще какое-то время прислушивалась, но очень скоро глазки сами закрылись...

Продрав глаза, я увидела темноволосую голову Гиаллена рядом со своей. Он спал поверх одеяла, которое я плотно намотала на себя. Вот тебе и первая брачная ночь!

Каким-то образом Ал почувствовал, что я уже не сплю, и открыл один глаз.

— Мы тебя вчера уморили нашими разговорами, котенок. Ты так быстро заснула. Прости, вместо того, чтобы любить тебя, я бодался с нашими магами.

— Хоть с толком?

— С определенным. После Ари еще Гин приходила, тоже советовалась. За нею наш боевик Зигмунд, хотел через меня к Диону подъехать.

— Ты его послал?

— Ну зачем? Я ему пообещал подумать и посмотреть, что можно сделать. Зачем гнать сильного боевого мага? Зиги всегда служит победителю, а победитель нынче на моей стороне. Вот он и пришел почву прощупать и крючок на всякий случай забросить. Да ну его. Ты мне лучше скажи: будешь вставать, или...

Он сделал движение, и я сразу поняла: если я начну кокетничать, мною овладеют прямо

здесь. Не то, что я вообще против, но место мне не нравится. Кровать узкая, неудобная, да и не дадут нам спокойно предаться наслаждению. Сейчас опять кто-нибудь притащится. Поэтому я слегка отстранилась и проговорила довольно холодно:

— Буду вставать.

Ал выглядел разочарованным. Пришлось объяснять свою позицию:

— Знаешь, я тут себя чувствую как на проезжем тракте. Никакого покоя, все ходят, бродят...

— Ты права, Мели. Сегодня вечером переберемся в гостиницу, что бы там ни придумали наши маги. А пока...

Он легко вскочил и исчез за дверью душевой. Через мгновение вернулся с ворохом моих выстиранных и высушенных вещичек.

— Одевайся, Мели, сейчас принесут завтрак, а потом нас ждут великие дела.

Я осторожно, не вылезая из-под одеяла, натянула белье, затем прикрыла все мантией., благословляя судьбу, что у магов такая практичная форма одежды. Затем сходила умылась, а тут и завтрак принесли: шикарный омлет с грибами и сыром, пончики с вареньем и кофе со сливками. Да, хорошо живет Совет Магов, это тебе не тюрьма.

Сегодняшнее заседание Совета совсем не напоминало судебное заседание. Подиума больше не было, места для подсудимого тоже, остался только Круг Истины. Маги собрались вокруг огромного овального стола в центре зала, а нам с Алом и Игерраном отвели места на креслах у стены. Очень даже удобно, только слышно плохо, а на полу тут такие руны и магические квадраты, никакой подслушки не кинешь.

Я понимаю: маги друг друга опасаются, поэтому в месте где они собираются гуртом, волшебство заблокировано. Но нам-то что делать?

Зря я волновалась. Страсти накалились сразу до такой степени, что маги просто орали друг на друга, так что слышно было хорошо. Начали с Эбенезера, которого еще вчера было решено убрать с должности и из Совета. Для начала вспомнили ему все прегрешения от начала времен. А этот благообразный старикашка, оказывается, всех уже достал. Им не хватало формального повода напасть на него всем скопом.

Где-то через час решено было выслушать меня. Я честно рассказала о поведении Главы в момент моего ареста и в лицах передала наш разговор в камере. Так как показания я давала опять в Круге Истины, никто не усомнился в моей правдивости.

Всеобщему возмущению не было предела. Голосованием маги загнали в Круг самого Эбенезера и стали задавать вопросы: кто его хозяин да чем его купили. Старикашка крутился как уж на сковороде, пытаясь уйти от ответственности и переложить вину на кого-нибудь другого. В результате его вывели из состава Совета и обязали по завершении расследования покинуть Остров Магов и отработать десять лет простым целителем в общедоступной больнице. Попутно всплыл факт, что связным между ним и Корталом выступал не кто иной как сбежавший охранник маг.

Большинство возмущенно завопило, требуя на допрос Ранульфа. Оказалось, что он как сбежал, так и пропал. Найти амбала не удалось.

Ничего, дерьмо не тонет.

Так как подчиненный оказался недоступен, маги взяли за его непосредственного начальника и живенько отправили Велизария на пенсию. Нет, прошлые заслуги никто не оспаривал, все было очень уважительно, но жестко. Раз не смог управиться с тем, кто рядом, какой от тебя вообще толк?

Старый маг пытался защищаться, нападая, и тем показал, что уже давно пребывает в маразме. Нес полный бред, путая имена своих оппонентов и обращаясь к тем, кого давно уже в живых-то нет.

Ему вызвали санитаров и сиделку.

Затем на допрос вызвали Ригодона.

Он был явно возмущен, что его смеют в чем-то обвинять. На меня смотрел с презрением, смешанным со злостью.

Он явно никогда не давал показаний в Круге Истины и плохо себе представлял, что это такое. А может быть имел преувеличенное мнение о собственных умственных способностях, так как с первого слова попытался врать.

Тут я и полюбовалась, как работает этот замечательный артефакт. Стоило Ригодону сказать неправду, как вокруг него вспыхивало адское пламя. Лепестки звезды не просто меняли цвет, они начинали полыхать мрачным кровавым светом.

Поначалу Ригодона спрашивали о том, что случилось давным — давно и о чем мне поведала та же Магали. Таких историй было много, все они были довольно вонючего свойства, но меня напрямую не касались, и я немного отвлеклась. Не переставая прислушиваться к происходящему, достала из кармана несколько листочков бумаги и карандаш, принялась рисовать. Руки двигались сами, соединяя линии, кружочки и загогулины в нечто ни на что не похожее.

Когда Ригодон рассказывал, как сумел угнездиться в кресле Гиаллена (он подставил и скомпрометировал другого мага, который был первым кандидатом на это место), я закончила первый рисунок, в том смысле что свободного места на бумажке не осталось. Отложила его в сторонку и взялась за второй, а моим листочком тут же завладел Ал. Начал крутить его так и сяк, вглядываться, а затем уставился уже на меня.

— Мели, ты часто такое рисуешь?

— Иногда, когда о чем-то думаю, а надо руки занять.

Он хотел еще что-то спросить, но тут меня вызвали давать показания. У всех прежних художеств мессира Ригодона вышел срок давности, по ним нельзя его осудить, а попытка изнасилования меня любимой — свежак.

Я вышла и рассказала все как было. Особенное возмущение вызвал тот факт, что Ригодон меня опоил. Это считается очень серьезным преступлением. В качестве свидетеля я предложила позвать Матильду. Она видела как я заходила к начальнику и в каком виде оттуда вылетела. Но никто не захотел послушать показания нашей милой сестры-хозяйки, Круг Истины и без того засвидетельствовал мои слова.

В общем вывели Ригодона из состава Совета, отняли звание архимага и запретили ему магию на десять лет.

Вот тут мой бывший начальник поглядел на меня уже не с презрением, а с ненавистью и страхом. Раньше надо было думать! Сволочизм никогда себя не оправдывает в стратегическом плане.

Глава 32. У Мелисенты начинается семейная жизнь

Наконец с чисткой рядов было покончено, и нас с Алом отпустили. Сейчас оставшиеся маги будут делить места в Совете, а посторонних просят удалиться. Перед уходом пришлось поклясться сохранить в тайне все, что мы услышали и еще услышим во время заседания, но я так и так трепаться не собиралась. Ал, по-моему, тоже.

На этот раз нас выпустили из здания Совета, попросив вернуться к завтрашнему утреннему заседанию. Аристарх подошел к Гиаллену у самого выхода и сунул ему в карман кошелек, приятно звякнувший. Затем заговорил, запинаясь от неловкости.

— Ну, это, в общем... Вместо свадебного подарка считай. А все твое имущество... Завтра сможешь забрать. И квартира твоя... Она пока остается за тобой. Пару декад можешь пользоваться.

Затем обернулся ко мне и заговорил уже более складно:

— Мелисента, поздравляю еще раз. Надеюсь, этот тип Вас не разочарует.

Я улыбнулась и поблагодарила за доброе пожелание. Разочарует? Для этого сначала надо очароваться, а в нашем случае все скорее наоборот.

Забавных подход: с самого начала думать о человеке очень и очень плохо. Так, с каждым днем узнавая о нем хорошее, постепенно влюбишься. Со мной это, видимо, работает. Никогда не была о Гиаллене слишком хорошего мнения, но вот даже замуж за него вышла и пока не жалею. Хотя замужество мое пока и суток не насчитывает, успеется еще...

Мы вышли на главное крыльцо. Пока я сидела в тюрьме, зима закончилась и пришла весна. Небо синее-синее, и по нему с бешеной скоростью несутся куда-то рваные разноцветные облака. За мостом с деревьев наконец опали все листья, которые тут цепляются за ветки всю зиму. Деревья стояли голые, но это на день-два. Глазом моргнуть не успеешь, как все зазеленеет и зацветет.

Я поежилась под порывами холодного ветра. В Валариэтане климат значительно теплее, чем в моей родной Элидиане, снега практически не бывает, морозы — большая редкость, но по весне тут становится очень ветрено. Гиаллен заметил мое движение и набросил мне на плечи свой плащ.

— Детка, тебе холодно? Тогда можем зайти в нашу квартиру и одеться потеплее.

Мне туда не хотелось, но и мерзнуть — плохая идея. Пришлось кивнуть, соглашаясь. Ал понял мое настроение.

— Мели, мне самому не очень приятно идти туда, где я последнее время болтался в бестелесном виде, но еще хуже будет, если ты простудишься. Зря я, что ли, заставил тебя тогда купить теплые вещи?

А ведь действительно, у меня есть и теплое белье, и плащ на меху. Никому я это добро отдавать не собираюсь. А Алу его одежда пригодится: а то мне теперь тепло, а он, гляжу, начал синеть на ветру.

Мы перешли мост и уже через несколько минут оказались около входа в Отдел Эликсиров. Там нас никто не ждал: встретившаяся в коридоре Матильда ахнула и прикрыла рот рукой, затем куда-то быстро-быстро побежала. Странно, я всегда считала ее женщиной спокойной и разумной.

На дверях квартиры висела здоровая блямба из красного сургуча: печать Совета, но когда Ал приложил к ней руку, то она истаяла в считанные мгновения, и мы смогли войти. В

гостиной все оставалось так, как было, ни одну вещь не стронули с места.

Я предложила:

— Давай ты сейчас найдешь наши теплые вещи, а я пока заварю чай. Тебе надо прогреться изнутри.

— Заботливая моя девочка. Хорошо, я поищу нашу одежду.

Он пошел в спальню, а я отправилась на кухню. Вот тут ищeyки порылись знатно. Не знаю, что они искали, но исчезли не только тетради Гиаллена, гады разворошили мои записи и раскидали по полу книги, которые я подобрала себе для работы.

К счастью, им не пришло в голову рыться на полках с настоями и отварами. Хитрая я на многих наклейках написала «ЯД» или «Ядовито», к тому же маркировала свои опыты специальной системе, понять которую мог тот, кто разбирается в создании эликсиров и хорошо знает меня. Вот никто ничего и не взял: побоялись.

Еще радуется, что мои запасы ингредиентов тоже никто не тронул. Оно понятно: Кориолану это добро без надобности, а другим сюда хода нет.

Я разожгла очаг и плюхнула сверху на плиту полный чайник, затем открыла стазис-ларь. Что бы ни искали здесь ищeyки Кориолана, продукты лежали как я их положила. Свежевыпеченные булочки, масло, мед и варенье к нашим услугам.

Заварка была все там же, в моей любимой чайнице из синего стекла, так что очень скоро я сервировала чаепитие и позвала своего мужа.

Надо же, первый раз угощаю его. То, что было во время болезни, не в счет. Мою выпечку успели все здесь попробовать, кроме Ала. Теперь и он сподобится.

Тот вышел из внутренних комнат злой, мрачный, но принес с собой вещи для меня и для себя. Буркнул сердито:

— Эти суки все здесь разрыли, ненавижу!

Я тут же сунула ему под нос чашку и плюшку с корицей на блюдечке. Запах еды улучшил выражение его лица, а когда он откусил кусочек...

— М-мммм... Мели, ты чудо! Какая вкуснота! Я все время завидовал этим гадам: ходят тут, сидят, едят. Но, похоже, я им мало завидовал! Ты их ЭТИМ угощала!

— Уймись уже и ешь! Теперь тебя кормить буду, раз уж замуж привелось выйти.

— Хорошо, Мели, я ем, ем...

Когда от выпечки ничего не осталось, а в чайнике кончилась вода. Ал вдруг вспомнил, что мы собирались в ресторан. Нет, только не это! Опять есть! Я не вынесу!

— Маленькая, нам надо еще номер с гостиницы снять и вещи туда перенести. Здесь эти сволочи имени его Высочества Кориолана все перерыли, раскидали и облапали. Противно! Только твои платья не тронули.

Понятно искали бумаги. Интересно, а мои записи тоже исчезли? Я спросила об этом Ала.

— Ты имеешь в виду те твои тетради, в которых ты обычно пишешь? Их просмотрели и бросили.

Ура! Ведьминский подход сработал. Сыщики решили, что там только пустые страницы. У меня отлегло от сердца. Конечно, я все помню, но иногда не мешает память освежить. Да и некоторые записанные там тонкости в учебниках не найдешь.

Я на радостях вскочила и бросилась Алу на шею. Он оторопел.

— Детка, если бы я знал, что это тебя так порадует, то притащил бы эти долбаные тетради вместо платьев. А сейчас давай переодевайся. Пойдем искать подходящую

гостиницу.

По выражению лица было видно, что человеку не терпится остаться со мной наедине и выполнить наконец свой супружеский долг. Мелисента, хватит в игрушки играть. Если это все равно должно случиться, нечего тянуть кота за хвост.

Я сгребла все, что он мне принес, и отправилась в ванную. Для похода в ресторан и поиска гостиницы Ал выбрал самое шикарное из имеющихся у меня платьев: темно-красное из тончайшей шерсти, модного покроя и совершенно меня не украшающее. Мою бледную внешность этот цвет просто убивал наповал, а модный крой оказался на редкость неудобным. Все-таки у духов странные представления о прекрасном. Как ему тогда пришло в голову заставить меня это купить? Почему я не воспротивилась, понятно: он так тогда меня замотал по магазинам, что я на все уже была согласная.

Переодевшись и поправив волосы, я вернулась в гостиную, где меня уже ждал Ал в отличном костюме сизого, как крыло голубя, цвета. Наши плащи он держал в руках.

— Мели, я тут добыл денег из своих записок.

— Неужели ищейки Кориолана не добрались до твоих сокровищ, мой запасливый дракон? — съязвила я.

Ал воспринял мои слова на полном серьезе.

— Рыбка моя, они искали бумаги и в таких местах, где бумаги могут лежать. А золото я прятал по совершенно другой схеме. К тому же Кориолан, конечно, бандит и сволочь, но не простой вор. Он сюда не за деньгами приходил.

— Точно, у Кориолана своих денег куры не клюют, но его люди могли и поживиться. Хотя, думаю, начальник за ними присматривает.

Накинув теплые плащи, мы вышли из здания и тут же вошли обратно. За тот час, что мы провели чаевничая, рваные разноцветные облака превратились в низкие темные тучи, и стоило нам ступить на крыльцо, как ливанул дождь, перемешанный со снегом. Жуть! Пришлось вернуться. Получается, мы обречены остаться в нашей знаменитой квартирке.

Ну ничего, здесь съестных припасов столько, что можно пережить небольшую осаду.

Понимая, что теперь нашей брачной ночи суждено пройти в этих декорациях, я занялась уборкой. За три декады накопилось много пыли, а в кабинете и спальне все вещи оказались вытащены из шкафов и разбросаны. Ал поделил работу по-честному: мне спальня, ему кабинет.

Я складывала в шкаф постельное белье и думала...

Наверное, это хорошо, что мы пока тут остались. Я обещала Энике и Лютеции осчастливить их эликсиром, вот и приготовлю. Заодно и для Магали с Матильдой сделаю. Пусть будут моей рекламой.

Типа «Королевская вечная молодость теперь доступна простым женщинам»!

Решено! Все ингредиенты на места, сегодня же и начну, поставлю первую фазу настаиваться. А раз уж Ал теперь со мной в своем физическом виде, я этим воспользуюсь. Пусть магичит, у него силы больше.

На мою талию вдруг легли сильные и теплые руки:

— Мели, тебе не идет это платье. Давай его снимем.

Ого! Он мне сосватал этот красный кошмар чтобы был повод его снять? Ловко! Почему-то ничего не имею против. Я начала расстегивать пуговички, заметив:

— Это ты для меня эту жуть выбрал, милый. Твой выбор, твой вкус.

— И не говори! Где были мои глаза? Хотя у духов свои представления о хорошем и

плохом: в этом состоянии нет настоящего зрения в человеческом понимании. Мне тогда понравилось, что платье нарядное и теплое, а еще подчеркивает твою грудь. Но ты права: тебе следует носить более нежные тона.

Отродясь не носила нежных тонов, если не считать таковыми серый, оливковый, болотный и шоколадный. Но сейчас это не имеет ни малейшего значения, потому что Ал уже стащил с меня платье и теперь путается в застежках и завязках моего нижнего белья.

А что это он сам одетый? Непорядок!

Я развернулась и ловко начала расстегивать пуговица рубашки моего мужа, осторожно прикасаясь к его груди.

Дорасстегивалась! Не знаю как мы оказались на кровати, а потом... Словами этого не выразить, да и не нужно. Одно могу сказать точно: Миккель действительно был дятлом. Никакого сравнения! Оказывается, я совершенно не представляла себе, как это может быть... волшебю.

Не исполнять нудную повинность, а дарить и получать наслаждение.

Я как-то особо об этом не думала. Но по умолчанию считала, что секс нужен мужчинам, а женщины это терпят, чтобы получать от них защиту и рожать детей. Целоваться мне нравилось, да и то не со всяким, а вот то, что шло дальше...

Миккеля я терпела, да и то с трудом. А Ал... Он был прекрасен. Не зря девицы на негроздьями вешались. Я даже не представляла себе, что существует такое море нежности и страсти, в котором не жалко и утонуть.

Когда я немного пришла в себя, то обнаружила, что моя голова лежит на груди Гиаллена, а он ласково перебирает мои волосы и чуть не мурлыкает от удовольствия. Да я и сама чувствовала себя огромной довольной кошкой, которая сперла на кухне кусок вырезки и слопала все в одну харю. Ленъ, истома, блаженство и на периферии легкое опасение: а вдруг все это хорошее сейчас кончится?

И вот что это значит? Я его действительно люблю, или он просто гениальный любовник?

Но перед Алом такой вопрос не стоял. Он заговорил совершенно о другом.

— Мели, ты знаешь, сейчас я даже благодарен тому уроду, который лишил меня тела. Если бы не он, мы никогда не были бы вместе.

Я мурлыкнула и потерлась носом об его грудь. Ал прав на двести процентов. Началось бы все с того, что меня не взяли бы в аспирантуру в его отдел. И все! Мы просто не встретили бы друг друга!

Ал же принялся развивать тезис:

— И дело даже не в том, что мы бы никогда не встретились. Встретились бы обязательно, лет через десять на каком-нибудь зельеварском сборище. Ты была бы магистром из Элидианского университета, засушенной воблой, не признающей ничего, кроме своей науки. А я — молодящимся разгильдяем, приударяющим за молоденькими шлюшками. Мы бы прошли мимо, с презрением посмотрев друг на друга, и никогда бы не узнали, как нам хорошо вместе.

Ишь он меня как... Воблой обозвал. Ал заметил, как скривились мои губы, и заговорил с жаром:

— Мели, я неправильно сказал. Не обижайся, моя хорошая, ты никогда не стала бы воблой. Ни при каких обстоятельствах. Я просто злюсь на самого себя. Думаю, лет через десять ты была бы замужем за кем-нибудь из сослуживцев, и он носил бы тебя на руках.

Потому что кроме ума и таланта в тебе столько тепла и доброты, ты сама не представляешь. И я бы не имел счастья это узнать, если бы не наблюдал за тобой долго-долго.

Да уж, понаблюдал он за мной всласть. Имел для этого широкие возможности. Я его по большому счету гораздо хуже знаю, чем он меня.

— Ты молчишь, Мели? Хорошо, молчи, а я скажу. Мне с тобой страшно повезло, пожалуй, ты — это самая большая удача в моей жизни, а я вообще везунчик.

Ага, везунчик, чуть не год без тела болтался. С другой стороны, в результате остался жив и здоров... Действительно везунчик.

— И не потому, что ты меня вытащила, хотя за это я буду тебе всегда благодарен, а потому, что теперь я не один. И ты тоже, Мели, никогда больше не будешь одна, без помощи и поддержки. Мы вместе, Мели, а вместе мы — сила. У нас все будет, Мелисента. Я для тебя в лепешку расшибусь. Главное, чтобы каждый вечер ты сидела напротив меня за столом, а каждое утро, просыпаясь, я видел твою головку рядом на подушке. Ну, и хотелось бы работать в лаборатории рука об руку.

Как приятно! Мне никто никогда таких хороших слов не говорил, даже Юстин, когда в любви признавался. Особенно я рада была услышать последнюю фразу. Меня не собираются сажать в клетку и сдувать пыль, вот что главное. Кстати, раз уж мы все равно какое-то время тут пробудем...

— Ал, раз уж приходится на какое-то время остаться в этой квартире... Я бы хотела выполнить обещание, которое дала королеве Энике.

Только что мой мужчина тихо и расслабленно лежал, и вот он уже навис надо мной и смотрит грозно:

— Мели? Мели, что ты обещала Энике? И за что? И когда?

Смешно: он голый сидит и глазами сверкает. Но смеяться не надо, лучше ответить по существу.

— Ал, она пришла ко мне в тюрьму. Хотела получить рецепт моего эликсира...

— Тут я виноват: сказал, что больше не буду делать для нее ее любимое зелье. Но к тебе ее не посылал.

— Нашлись доброты. Думаю, та же Гиневра.

— Сейчас не стоит выяснять, кто виноват. Важно другое: что ты ей обещала?

А что я ей, кроме эликсира, обещала? В сущности ничего. Это она обещаниями разбрасывалась. Так я и сообщила взволнованному мужу.

— В сущности, ничего. Сказала что за декаду-другую сделаю ей действенный эликсир, но для этого мне нужно выйти из тюрьмы.

— А она? Что она должна была для тебя сделать?

— Ой, она много чего обещала, из того, что мне даром не нужно. Для начала сказала, что даст мне графский титул и выдаст за своего племянника. За Юстина, ты понимаешь, чтобы я вошла в королевскую семью.

— А за это...

— За это я должна обеспечивать ее своим эликсиром по гроб жизни, а заодно и тех, на кого она пальцем укажет.

— А ты? Отказалась?

— Ты меня за дуру считаешь? От такого не отказываются, особенно когда предлагает королева, но и соглашаться мне тоже было не резон. Я ей предложила погодить. Вот выйду из тюрьмы... Попросила только помочь в одном вопросе.

— Это в каком же?

— Сделать так, чтобы мое дело рассматривалось публично и расширенной коллегией судей. Ей это раз плюнуть.

— А за это ты ей что обещала?

— Я же тебе говорю: как только выйду на свободу, сделаю ей порцию эликсира, ей срочно надо, действие твоего зелья уже подошло к концу.

Ал выдохнул и рухнул на спину рядом со мной.

— Ф-ууу... Отпустило. Мели, родная, как я испугался. Эта стерва Эника... Если бы ты ее получше знала... Она хотела загрести тебя под себя, обратить в кабалу. И у нее могло бы получиться, если бы ты дала слабину. Но ты умница, моя девочка. Ни на что не согласилась, ни от чего не отказалась. С ней это единственно верная тактика. Как я рад, что заставил Совет совершить над нами обряд. Вовремя. Теперь она нам не страшна. А эликсир сделаем, я тебе проассистирую. Заодно и поучусь готовить этот замечательный продукт.

Мне почему-то захотелось его подразнить, и я ляпнула:

— А представляешь, если бы я согласилась... Стала бы графиней, вышла бы за Юса...

Он посмотрел на меня как на больную:

— Мели, ну о чем ты говоришь? Зачем тебе это счастье? Кортальский двор с его интригами, Эника с ее жаждой вечной молодости, Кориолан в виде свекра и леди Лютеция в качестве свекрови? Ты же через неделю в петлю полезешь. Ах да, забыл. Этот милый мальчик в качестве мужа.

— А что ты имеешь против Юстина?

— Ничего. Он милый, симпатичный, хороший парень. Умненький, но маленький. Не твой размер, моя лапочка. Защитить тебя от своих родственников он не смог бы, наоборот, они бы заставили его плясать под свою дудку, и вряд ли тебе бы это понравилось. Ты гораздо сильнее его, Мели, ты бы попыталась его немного переделать под себя и сломала. А сломанным нельзя пользоваться, родная.

Я засмеялась.

— А ты? Ты — мой размерчик?

— На мой взгляд, как по мерке сшитый. Тебе меня не сломать, да ты и не будешь. Ты же разумная и рациональная, я тоже, поэтому и я тебя ломать не намерен, ты меня устраиваешь какая есть. Кроме того, мы ни от кого не зависим и всегда сможем договориться.

— Думаешь, мы никогда не будем ругаться?

— Не думаю, знаю: будем. Еще как будем. Но поругаемся и помиримся, моя Мели, ведь правда?

Поспешила ему напомнить, как мирятся образцовые супруги, и он решил мне это продемонстрировать не отходя от кассы. Мирились долго и со вкусом. А ведь даже ни разу поругаться не успели.

Ближе к вечеру мы все же выбрались из кровати и перебрались в гостиную. Никуда уже идти не хотелось, да и смысла не было. Все, что должно было случиться, произошло, и никто из нас не видел смысла идти продолжать начатое на другое место.

Я достала кое-какие заготовки и спроворила ужин. Накрыла на стол, и в это время в дверь постучали. Если честно, я подумала, что к нам решила зайти Матильда, но в коридоре стоял бледный мальчуган лет пятнадцати с корзинкой в руках.

— Вот, мистрис, Вам велели передать.

Он сунул ручку корзины мне в руки прыснул вон с такой скоростью, что я с трудом его

задержала. Вручила медяк, горстку которых я в свое время припрятала у дверей, чтобы одаривать посыльных, и спросила:

— От кого корзиночка?

— Совет... Велели... Это Ваши вещи, мистрис, из тюрьмы. Те, что Вы в камере оставили.

Выросший у меня за спиной Ал перехватил ношу и захлопнул перед пареньком дверь.

— Твои вещи? Разреши, я проверю, Мели?

— Боишься, что нам прислали какую-нибудь гадость?

— В том числе. Не хотелось бы мне, чтобы с тобой что-нибудь случилось.

Он поставил корзинку на стул и, прежде чем откинуть крышку, активировал плетение, выявляющее наложенные заклинания. Корзинка оказалась девственно чиста.

Я протянула ему свою (Игерранову) знаменитую пуговицу для проверки на яды. Их тоже не оказалось. Тогда Ал открыл корзину и предложил мне достать оттуда мои вещи. Корзинка оказалась полной до краев.

Надо же, как я в тюрьме умудрилась барахлом обрасти! Вытащила лежавшую сверху стопку моих рисунков (не поленились собрать, надо же!) и стала разбирать белье. В общем и целом все стирать, но кое-что можно уже выбросить.

Ал тем временем схватил листочки и стал их разглядывать, крутить в руках так и сяк, разве что не нюхать. Затем спросил:

— Мели, ты говорила, что рисуешь, когда думаешь.

— Ну да. Рука сама рисует, мозг я даже не пытаюсь подключать, видишь, какие загогулины выходят.

Он закивал в ответ и углубился в рассмотрение моего бессознательного творчества. Я отнесла белье в ванную, замочила, ветхое и застиранное выбросила, одеяло сложила, чтобы отправить в чистку, в общем, занялась хозяйством. Когда через полчаса вернулась в гостиную, Ал сидел над моими листочками, запустив руки в волосы, и на лице его отражалась лихорадочная работа мысли. Пойти, что ли, еще чайку принести?

Когда я вернулась с чайником и чашками, он вдруг оторвался от рисунков, посмотрел на меня и спросил:

— Мелисента, вот здесь, — он поднял и показал мне листок, — Ты думала о своем эликсире и способах его улучшения?

— Дай сюда, — я выхватила бумажку из его рук и поднесла к глазам, — Да, ты прав, так и есть. Я планировала сделать вариант для мужчин.

— Корень соги, лопух, тысячник и звездчатый бадьян?

— А еще каменный плющ и лапчатка. Как ты догадался?

— Ты все это нарисовала, Мелисента. Потрясающе, я увидел ход твоих мыслей. Мы сделаем эликсир для мужчин. А еще...

Тут он достал другой листочек.

— У меня есть острое чувство, что ты разгадала тайну: кто и как разлучил мой дух с телом.

У меня глаза на лоб полезли. Нет, у меня, конечно, очень много сведений об этом деле скопилось, есть еще то, о чем догадываюсь, но сказать, что я разгадала загадку и знаю злодея... Это, воля ваша, преувеличение. Даже не так: это в корне неверно.

— Мели, у меня такое чувство, что ты просто не можешь себе поверить. Твое сознание отвергает тот ответ, который ты получила. Но на самом деле ты все уже поняла, только не

приняла. Вот здесь это нарисовано.

Вот бредятина так бредятина! Я и сама не понимаю, что намалевала, а Ал уже читает мои каракули как Книгу Откровений. Он хочет сказать, что понимает меня лучше, нежели я сама? Тогда он гений!

— Мели, ты гений!

— Ты будешь смеяться, но я только что то же самое подумала про тебя. Не много ли гениев на одно семейство?

— Лапочка моя, это как раз нормально. Мозг к мозгу тянется. Ладно, давай отложим это дело и пойдем в кроватку. По-моему, я еще не везде тебя поцеловал.

Только я хотела спросить, что он там высмотрел в моих рисунках, как он ловко переводит тему! От такого предложения я никак не могу отказаться.

Среди ночи я проснулась от тихого шороха бумаги. Ал лежал рядом со мной на животе и при свете ночника рассматривал лежащие перед ним листочки. То, что я уже не сплю, даже не заметил. А я не стала привлекать его внимание. Пусть думает, завтра утром мне все расскажет...

Глава 33. Мелисента с Гиалленом выясняют как дело было

Утро вышло совсем не таким, как мне мечталось. Для начала мы проспали. Каждый понадеялся в этом деле на другого, и в результате никто никого и не думал будить. Я за время суда и того, что случилось после, устала как собака, скорее не физически, а эмоционально. Гиаллен же не полностью еще восстановился, хоть и уверяет, что здоров и полон сил.

Мы проснулись от того, что кто-то колотил во входную дверь. За нами пришли из Совета, а мы так и валяемся под одеялом.

Ал встал, беззлобно ругнулся, натянул штаны и босиком пошлепал открывать. Мне ничего не оставалось делать, как вылезти, схватить вещи и бежать в ванную умываться и одеваться.

Когда мой муж наговорился с пришедшим, я уже ставила чайник и вынимала из стазиса булочки и ветчину. Ал зашел на кухню, чмокнул меня в висок и распорядился:

— Мели, завтрак давай на троих. Там Ари за нами пришел.

— С добрым утром, дорогой!

— И тебя, моя сладкая. Слушай, мы здорово проспали, придется поторапливаться. Совет начнется уже через час.

Удивил. Я в Университете всегда просыпалась за четверть часа до начала занятий, и не было случая, чтобы опоздала или осталась без завтрака. Только надо все делать быстро и организованно, а не тереться вокруг меня, как кот вокруг хозяйских ног, особенно когда у меня в руках чайник горячий.

— Ал, ты пока иди, оденься, умойся, а я на стол накрою. Целоваться после будем.

— Обещаешь? Ну, я пошел.

Он удалился в ванную, а я вышла к Аристарху, неся перед собой блюдо с выпечкой. Тот меня весьма церемонно приветствовал.

— Доброе утро, уважаемая Мелисента. Прощу извинить, что так нагло напросился к вам на завтрак.

Получив в ответ лучезарную улыбку и приглашение присоединиться к нашему скромному столу, Аристарх сел и начал пристально меня рассматривать. Я машинально изображала любезную хозяйку, потчевала Аристарха, а сама лихорадочно ворочала мозгами: зачем он пришел? По какой такой надобности? Мог бы за нами мальчишку прислать, так нет, сам явился. Неспроста это.

Я бы лопнула от любопытства, но тут из ванной вышел Ал при полном параде и сходу задал вопрос:

— Ари, зачем ты пришел? Просто на мою жену полюбоваться, или у тебя дело есть?

Маг замялся:

— Хотел бы я сказать, что мечтал попробовать знаменитые булочки мистрис Мелисенты, но... Ал, королева Эника вчера прислала Совету просьбу принять ее и выслушать. Она будет у нас в полдень. Ты что-нибудь знаешь о том, что ей может быть надо? Или хотя бы догадываешься?

Гиаллен усмехнулся:

— Знаменитые булочки? У тебя губа не дура. Ты ешь давай, а я с женой посоветуюсь.

Мели, ты думаешь то же, что и я?

— Что Эника решила претворить в жизнь свой план? Подозреваю, это так и есть. Но прежде всего ей нужен эликсир, причем срочно.

— За эликсиром к Совету обращаться бесполезно.

— Это точно.

Аристарх заинтересовался:

— О каком эликсире речь? Королева хочет получить что-то запрещенное?

Ал придвинулся ко мне вместе со стулом и обнял за плечи:

— Ари, как ты можешь так говорить? Моя жена никогда бы не стала делать то, что могут запретить. Это самая законопослушная магичка на свете. Никакой страшной волшбы, все в пределах закона. Но ее Эликсир Молодости и Красоты — это бомба, говорю тебе. Все дамы, сколько их ни на есть, очень скоро готовы будут за него передрасться. Эника хочет быть первой, а по возможности и единственной, вот и торопится.

— А о каком плане ты говоришь?

— Она планирует дать Мели графский титул и выдать замуж за своего племянника, чтобы обеспечить права на ее изобретение за кортальской королевской семьей.

Аристарх захохотал:

— О, Ал, как она обломается! Ты вовремя успел жениться, поздравляю. Если бы зазевался, Мелисенту бы увезли в Кортал как пить дать! А теперь она жена архимага, и ее в лучшем случае можно просить и умолять, но нельзя заставить.

Я задумалась.

— Знаешь, Ал, я возьму с собой оставшийся флакончик с моим эликсиром. Он, конечно, недоработанный, но неплохой. Магали вон как помолодела. Отдам его Энике и при всех подпишу с ней договор о пожизненной поставке по хорошей цене.

Почему-то у Аристарха стали вдруг квадратные глаза.

— Ал, мне никто не говорил, что ты сочетался браком со вторым изданием себя. Чертовски практичная девушка, а ведь по виду не скажешь. Этот скромный вид, ласковая улыбка и любезные манеры, а пуще того вкусные пироги и пышки... Можно подумать, что она вся такая кроткая, тихая, домашняя.

Тут уже заржал мой муж.

— Ари, ты даже вообразить себе не можешь, какое она сокровище. Вот представь, что ее злодеи выбросили в болото, где живут одни ядовитые змеи. Через полгода смотришь: болото осушено, вместо него сады цветут, а посередине сидит моя Мели и пьет чай с плюшками.

— А змеи?

— Все в ней души не чают и верно служат. Регулярно добровольно приползают сжеживать яд на зелья. А которые были против, тех давно уже продали в виде кошельков и сумочек. И все это тихо-мирно, с улыбкой и ласковым словом.

Теперь уже смеялись оба. А я сидела все красная от смущения и не знала, куда глаза девать. Представила себя на острове среди змей, чем-то напоминавших Теодолинду, и тихонечко захихикала. Затем Ал спросил друга:

— Ну, хорошо, Эника будет в Совете в полдень. А от нас в связи с этим что требуется?

— От тебя — присутствовать на встрече, а от Мелисенты — находиться рядом, так, чтобы ее можно было позвать в любую минуту. Пусть сидит со своим мэтром Игерраном в комнате для свидетелей, например.

— Понял, так и сделаем. Но до полудня еще больше трех часов.

— Ты хочешь знать, будем ли мы расследовать то, что против тебя учинили? Будем, но когда королева уедет. Не торопись.

— То есть, ты нас разбудил чтобы сказать, что мы могли бы спокойно спать еще часа два? Ну ты и гад, Ари! Мели, он просто решил нас объесть, для этого и приперся с утра пораньше.

Они пикировались так еще минут пять, затем Аристрах ушел, а я надела на своего мужа:

— Ал, все-таки, что ты углядел в моих каляках-маляках? Кто наш злодей и где это нарисовано?

Он потащил меня обратно в спальню, там на тумбочке у кровати лежали мои рисунки. В четыре руки мы все постелили и разложили листки на покрывале.

— Смотри. Вот тут, тут и еще вот здесь. Все очень понятно. Есть про это и на других листках, но на этих видно лучше всего.

Он сунул мне под нос три бумажки. Самое интересное, что угадал: черкая на них, я думала как раз о нашем деле. Но оно было для меня все той же загадкой. Где сказано, кто наш злодей?

Я села на кровать, подбрав под себя ноги, Ал устроился рядом лежа на животе.

— Мели, ты, как и я, с самого начала подозревала Мартонию, — Он ткнул пальцем в какую-то темную круглую фиговину, — Правильно?

— Совершенно верно. Но потом засомневалась. Во-первых, она в то время здесь не работала и не имела круглосуточного доступа в здание, во-вторых, она не некромант, и в-третьих, не такая уж сильная магичка, а ритуал был проведен сложнейший, требующий просто моря силы.

Пока я говорила, Ал тыкал кончиком карандаша в какие-то линии на бумаге. Он и впрямь увязывает одно с другим!

— Тут я полностью с тобой согласен. Только чем больше ты узнавала, тем крепче становилась твоя уверенность в вине Мартонии. Ты искала не столько другого злодея, сколько тех, кто мог ей помочь: провести в здание, научить ритуалу и поделиться силой. Кстати, силы ей действительно не хватило: второй ритуал так и не смогла провести.

— Тут ты ей подгадил со своим стазисом и невидимостью...

Ал лукаво улыбнулся:

— Тебе же это не помешало? Все было готово, активировано, оставалось взять бумажку, капнуть кровью и прочитать заклинание. Но она не сумела преодолеть мой запрет и открыть закрывшуюся тягу.

— Я сначала тоже не могла, думаю, пока ты не дал разрешение. Да и никто не мог из тех, кого в твою квартиру селили.

— В принципе маг уже пятого уровня способен преодолеть мою защиту, если сообразит, что к чему. Хотя это не так просто, у меня среди охранок есть фишка под названием «Панический синдром», он вызывает панику и напрочь лишает связного мышления.

Так вот от чего все маги деру давали! А меня это счастье с его легкой руки обошло, вот я и прижилась. Ал тем временем продолжал:

— Но в момент ритуала паника не действовала, я уже потом активировал ее, когда пришел в себя и осознал свою оторванность от тела. Выходит, Мартонии примитивно силы не достало на то, чтобы сломать не такие уж сложные чары.

— Ты не сомневаешься, что это она?

— Да и у тебя сомнений нет, моя девочка.

И ведь прав, поганец, я твердо знаю, что орудовала жаба лично. А вот кто еще? Кто ей помог?

— Ал, ты правильно сказал, одна она бы не справилась. Кто ей помогал, ты понял?

— Ты тоже поняла. Мели. Во-первых, Теодолинда. Наши дамы работали в дружном тандеме.

— А Сосипатра, Эдилиен?

— Смотри, ты сама их поместила во внешний круг. Они помогали и служили связью с заказчиком.

То есть, Ала заказали? Не то, чтобы я это начисто отрицала, но не мешает уточнить:

— С заказчиком? Мне представляется, Мартония действовала на свой страх и риск.

— Думаю, она тоже была в этом уверена. Но существования заказчика это не исключает, и, мне думается, ты его прекрасно знаешь.

Волнистые линии, похожие на кудри, нечто вроде глаза с длинными ресницами: Кориолан? Я его изобразила? Переспросила у Ала?

— Ты имеешь в виду лорда-дознателя?

— А кого же еще?

— Она с ним, похоже, незнакома, да и к Корталу не имеет отношения. Жаба, если ты не в курсе, моя соотечественница. У нас нет ничего, чтобы привязать к ней Кориолана.

— Неужели? Зато он очень хорошо знает ее подруженьку Сосипатру, да и с Эдилиеном их многое связывает. Тебе это неизвестно, но Эдилиен много лет трудился в Кортальской Академии, преподавал там, а потом его обвинили в измене. Он бежал сюда, на Остров Магов, откуда с удовольствием выдадут вора и убийцу, но на обвинение в государственной измене не обратят внимания.

— Он был виновен?

— Думаю, нет. Не такой человек. А вот подставить, спровадить его сюда и потом играть на чувстве вины и желании вернуться на родину, заставляя шпионить — это вполне в духе лорда-дознателя.

Насколько я знаю Кориолана, так оно и было.

— Думаешь, он таким же макаром держит в руках Сосипатру?

— Она действительно была мошенницей и, я уверен, ею и осталась. Не сомневаюсь, где-то в анналах кортальских судов лежит на нее приговор. Как мошенницу ее давно бы выдали. Просто дар некромантский — он редкий и ценный. Поднять покойника и упокоить нежить тяжело, обычному магу нужны огромные силы. А некроманту достаточно глазом моргнуть. Я, конечно, преувеличиваю, но ты понимаешь.

— То есть, она этим приговором практически заперта на Острове?

— Именно так. А если у нее кто-то или что-то дорогое осталось там, в Кортале, или в ее родной Мангре, откуда там она? Этим ее можно держать и заставлять делать практически все, кроме, пожалуй, убийства.

Почему Ал так говорит? Некромантку как раз логично использовать для убийства.

— А почему ты исключаяешь убийство?

— Ты ее видела? Нет? Посмотришь — поймешь. Она, хоть и некромантка, но по большому счету курица. Обобрать богатого любовника — на это много мозгов не требуется, а силы духа — и того меньше, только хитрость и подлость. Сосипатра трусиха. Она до сих

пор боится покойников, которых поднимает.

Я представила тетеньку в черной мантии, удирающую от зомбиков. Смешно.

— Ал, я все поняла про Сосипатру. Но ты так и не объяснил, как дело было. Где оно тут нарисовано?

Он взял очередной листочек, где были совсем уж непонятные замкнутые загогулины, пронзенные, как стрелами, абсолютно прямыми линиями.

— Гляди. Внутри вошли по-очереди: сперва Теодолинда, за ней, часа на два попозже, Мартония. У Теодолинды был какой-то повод, и я сам открыл ей дверь. Это видел рабочий. Впустил и усадил чай пить.

Я удивилась.

— У тебя было обыкновение поить чаем сотрудников в своей квартире?

— Правильный вопрос. Нет, не было. Это могло случиться только если разговор предстоял долгий и непростой. Например об увольнении.

— Почему ты уверен, что это была Теодолинда? Это мог быть и мужчина. Эдилиен.

— Ну, во-первых, ты нарисовала женщину. А во-вторых... Я всегда уважал магистра Эдилиена, он человек умный и порядочный, но близкими друзьями мы не были, так что если мне надо было о чем-то с ним поговорить, я бы пригласил его в рабочий кабинет в рабочее же время. Увольнять его я не собирался.

— А Теодолинду за каким лешим мог позвать к себе домой?

— Ты знаешь, моя кошечка, с женщинами я всегда стараюсь проявить деликатность. Думаю, у тебя нет сомнений в том, как я относился и отношусь к этой сушеной мегере. Вероятно, я нашел, за что уволить пиявку, или придумал, как от нее избавиться другим способом и решил ей об этом сообщить в приватной атмосфере. Плохо, что я не помню никаких подробностей.

Подробности, подробности... Вот почему он не помнит ничего? Побочный эффект заклинаний? Или его опоили чем-то кроме синеоки?

— Ты же не собирался ее отравить?

Ал развеселился:

— Такой выход не пришел мне в голову, а зря. Всем бы было легче. Но вот она меня, не отравила, нет. Усыпила. Думаю, про синеоку ты правильно догадалась. А пока я спал, на меня можно было стазис наложить или попросту связать, тоже вариант. Над обездвиженным магом провести любой ритуал ничего не стоит.

— А как ты смог воспользоваться эликсиром невидимости? Мы можем считать установленным, что ты его выпил.

— Мели, мой эликсир не надо пить, им достаточно намазаться или облиться, не обязательно целиком: у него потрясающая проникающая способность..

Вот как? Раньше он мне этого не говорил. Недостаточно доверял или к слову не пришлось?

— То есть? Если, например, перед появлением Теодолинды ты работал с эликсиром и, услышав стук в дверь, сунул флакон с ним в карман... Он мог самопроизвольно разбиться? Или ты сумел его на себя вылить специально?

— Не могу сказать, не помню, но одно из двух. То ли специально, то ли случайно, но я стал невидимым, вернее, прозрачным. Скорее всего это произошло, когда ритуал уже шел и прервать его было невозможно. Мартония — магичка слабая, но опытная. Должна была понимать, что наложение столь разных заклинаний может дать совершенно неожиданный

результат.

Так, мы, кажется, перескочили через несколько ступенек в нашем рассуждении. Надо возвращаться. Ал тоже это сообразил.

— Но мы с тобой еще не дошли до Мартонии. Думаю, задачей Теодолинды было меня надежно обездвигить и открыть двери второй участнице. Я даже не уверен, что Теодолинда осталась там на время проведения обряда. Но вот нарисованную заранее пентаграмму принесла она. Рулон бумаги длиной в четыре локтя она могла перегнуть пополам и спрятать под мантией, с ее ростом и комплекцией это было бы незаметно. Мартония, которая по всем измерениям одинаковая, кроме своей персоны ничего под мантией спрятать не могла.

Тут бы я поспорила, такая кубышка как жаба может протащить в лифчике половину золотого запаса Элидианы, никто и не заметит, но насчет рулона Ал прав.

— А какую роль, по-твоему, во всей этой истории сыграл Эдилиен?

— Его использовали втемную. Думаю, делала это Сосипатра, не оглашая, против кого будет совершено противоправное действие.

Не поняла. Недоумение настолько ярко выразилось на моей морщине, что Ал бросился объяснять:

— Смотри. Что было нужно для проведения ритуала? Сила. Эдилиен сильный маг и мог зарядить для своей пассии кучу накопителей. Это раз. Во-вторых, мне помнится, Кориолан говорил, что магию творили двое, женщина и мужчина.

— Но мы с тобой решили, что Эдилиен к тебе не входил.

— Правильно. Зато он участвовал в ритуале первичной активации пентаграммы, влил в нее свою энергию. После этого достаточно было положить на нее жертву, пустить кровь и произнести заключительную часть заклинания, подкрепив это вливанием силы из накопителей.

Что-то тут не сходится. Как можно использовать профессионального мага так, чтобы он не разобрался, что творит?

— Как он мог это сделать и не понять, какое именно волшебство он активировал?

— Ты у нас в некромантии разбираешься? Хоть чуть-чуть?

Ага, в пределах ознакомительного курса. Ноль без палочки.

— Ни капельки.

— Я тоже не слишком в ней подкован, а Эдилиен о ней знает только то, что ему рассказывала его любовница Сосипатра. Он ведь эликсирщик и рунный маг, но никаким боком не некромант. Кориолан ошибся, волшебство творили не двое, а трое. Что стоило некромантке попросить своего хахалю помочь с пентаграммой? Сама-то она силой не отличается, зато правильно нарисовать и начальный вектор задать может. А зачем ей это...

Придумала бы, что соврать. Знаю я таких дамочек.

— По глазам вижу, что ты все поняла. А вот когда Эдилиен заподозрил, на что пошли его труды...

— Он не захотел сдавать свою женщину. Ты это хотел сказать?

— Да. Но в то же время совесть у него есть и не может мужика не глотать. На этом мы сыграем во время допроса. Я, как пострадавший, имею право задавать вопросы, и я их задам! Мели, а можно я тебя спрошу?

— Спрашивай.

О чем только? Я сейчас как из-за угла мешком прибитая. Действительно, такая картина преступления полностью вписывается в известные мне факты. Не очень понятны мотивы

дам, как одной, так и другой. Но в остальном... Все же, почему у Ала отсутствуют воспоминания о том, что тогда произошло? И нельзя ли их как-нибудь вернуть?

— Ну вот, опять задумалась. Расслабься, Мели, у тебя еще будет для этого время. Я вот о чем: ты сказала, что не хочешь здесь оставаться. А где бы ты хотела жить?

Вот уж спросил так спросил. Откуда я знаю?

— Я понял, ты об этом пока не думала. Тогда слушай. Остров Магов мы покидаем. Кортал по понятным причинам отпадает. Хотела бы ты вернуться в Элидиану? Мы могли бы поселиться в столице или в твоём родном городке, Арнере.

Я задумалась. Хочу ли я вернуться? Пожалуй, нет. В Арнере у меня никого не осталось, да и нет желания снова пережить то, что я столько лет старалась стереть из памяти. В столице у меня тоже никого, если не считать преподавателей университета. Но это не друзья, а коллеги.

— Ал, я думаю, нет смысла возвращаться туда, где меня никто не ждёт.

— Тогда... Мы с тобой бросили вызов самому сильному из девяти королевств, это ты понимаешь?

Демоны его раздери, он прав! Но по-другому я бы все равно действовать не смогла. Начнись все сначала, поступила бы так же. С другой стороны. С этим надо что-то делать. Примерно так я ответила своему мужу.

— Мели, а если я тебе предложу переехать в независимый город-государство?

Неожиданное предложение, но более чем интересное.

Есть у нас на континенте такие, пять или шесть. Небольшие торговые республики, через которые идут основные денежные потоки. Их никто не трогает и не пытается подмять под себя, потому что подмявший больше проиграет, нежели выиграет. Кстати, Валариэтан — именно такой город. В остальных маги тоже живут, но не управляют. Думаю, поселиться в таком месте — это хорошая мысль.

— В принципе у меня возражений нет. О каком городе идет речь?

— Об Афросилае или Кармелле, я еще не решил. Когда мы закончим здесь, то съездим и посмотрим. Выберем на месте.

Вроде оба на море находятся. В Афросилаю мои родители ездили в свадебное путешествие и оба были от нее в восторге. Думаю, Кармелла не хуже. Надо будет в атласе посмотреть и прочитать про каждый заранее. Если я планирую организовать производство и сбыт моего эликсира, то лучше такого города-государства не найти. Насколько я помню, товары оттуда во всех королевствах не облагаются таможенными пошлинами. Ох, мы с Алом и развернемся!

Он заметил хищный блеск в моих глазах.

— Мели, ты уже начала считать будущие прибыли? Я тоже об этом подумал. Давай мы сейчас прикинем, как будем вести дело с Эникой.

— Ал, у меня есть еще флакончик эликсира, даже два, но один я Магали обещала.

— Плюнь. Магали перед отъездом отдашь хоть десять, а эти два бери с собой и вручай королеве при всех. Пусть не говорит, что ты ее обманула.

Да, хорошо ему говорить, а я боюсь.

— А если все же...

— Да она только их увидит, от радости забудет обо всем на свете. Гарантируй ей пожизненное получение этого счастья, и все обойдется. Мстить тебе она не станет. Мне может, но... У меня есть чем ее припугнуть.

— Эликсир Манор?

— Конечно.

— Ал, это опасно, если она будет бояться разоблачения, может натравить на тебя не только Кориолана.

— Она знает, что если она попытается меня убить, о том, что она принимала запрещенный эликсир, напечатают в газетах всех девяти королевств. Огласка сама по себе неприятна, но эликсир Манор имеет очень неприятный побочный эффект. Ты вряд ли это знаешь, информация секретная, но любой мало-мальски грамотный некромант тебе скажет, что теперь Энику легко и просто можно превратить в мертвое, достаточно дать ей любое средство, куда входит сок чернойягодника волчьего.

Ого! Чернойягодник — ядовитое растение, но понемногу его добавляют в самые разные зелья. Значит, после того, как королева много лет принимала запрещенный эликсир, отравить ее — пара пустяков. Думаю, желающие это сделать найдутся. Не зря эту гадость запрещают, ох, не зря. Надо взять у Ала книжку, где об этом написано, и почитать. Кстати...

— Ал, я все думаю и не могу понять: почему ты ничего не помнишь про то, что с тобой сделали? Это было побочное действие ритуала или тебя чем-то опоили специально?

Мой муж лениво махнул рукой.

— Да какая теперь разница?

— Очень большая. Если это из-за ритуала, то после снятия первичного заклинания память тоже должна была разблокироваться. Раз этого не произошло, значит, тебя опоили. Только зелье могло дать такой эффект без проявлений в магическом поле. Знать бы еще чем...

Он заинтересовался, но, по-моему, чисто для проформы:

— Думаешь, можно снять эффект антидотом? После такого продолжительного времени? Сомневаюсь.

Сама сомневаюсь, но показать нельзя, а то отмахнется. Шанс отличный от нуля есть, а попытка не пытка.

— Это зависит... Эх, была не была. Антидоты к наиболее популярным оглушающим зельям у меня есть готовые. Возьму с собой и постараюсь во время допроса Теодолинды и Мартонии вызнать, чем они тебя шарахнули. Если все так, как я думаю, ничто не мешает нам попробовать. Вдруг сработает?

— Мели, да зачем?

— Чтоб было! У нас нет железных доказательств на этих сучек, но если ты все вспомнишь, то появятся! Они не должны уйти от ответа.

Ал перевернулся на спину и дернул меня за рукав так, что я оказалась на нем сверху. Что можно делать в таком положении? Целоваться? Вот этим мы и занялись. Когда он наконец расстегнул и потянул с меня платье, раздался стук в дверь. Этот Совет достал уже! Пришлось вставать и идти на встречу с Эникой. В моем кармане звякали два флакона, украшенных буквами «ЭМ».

На входе в зал Совета нас разделили: Гиаллен прошел внутрь, а меня отвели по запутанным коридорам в комнату для свидетелей.

Здесь я уже была с Игерраном. Маленькая комнатка, ничего лишнего: скамьи, столик, и все. Я устроилась в уголке и приготовилась ждать, когда за мной придут. Дверь плотно закрывать не стала, оставила щелочку. Так я смогу услышать, что происходит в зале. Не в подробностях, но все же... А если выступать станет Аристарх, то будет слышно каждое

слово. Объявлений герольда тоже не пропущу. Эх, мне бы подслушку сплести! Из чего только? Нитки нужны или веревки.

Пошарив по карманам мантии, я ничего не нашла, но сообразила, что на мне вязаная кофточка. День выдался еще более холодным и ветреным, чем вчерашний, и Ал заставил меня утеплиться. Если распустить пару рядов... Кофточка старая, еще институтских времен, не жалко.

Так я и сделала. Подслушка отправилась под дверь зала Совета, а я приготовилась внимать.

Прошло, может, минут двадцать, и раздалось: «Ее Величество королева Кортала Эника»!

Зазвучал голос королевы, нежный и ласковый, как будто медовый. Со мной она иначе разговаривала.

— Уважаемые маги, я пришла к вам, чтобы защитить от обвинений и забрать свою подданную и невесту моего племянника Мелисенту графиню Рискор.

Хвала богам, я сидела, а то упала бы. Как она с места в карьер!

Ответил ей кто-то из магов:

— Кого Вы имеете в виду, Ваше Величество?

Я уже приготовилась выслушать ее ответ, как вдруг дверь в комнату распахнулась и на пороге появился Юстин. Увидев меня, вздрогнул, затем одним движением оказался рядом и схватил меня за руки:

— Мели!

Глава 34. Мелисента покидает Остров Магов

Боги! Только Юстина мне для полного счастья не хватало! Я уже надеялась, что больше его не увижу, но, видно судьба моя такая.

Когда-то мой учитель говорил: «Рано или поздно приходится платить по всем выданным векселям». Тогда я его не понимала, но теперь вижу, как он был прав.

Побоялась в свое время объяснить мальчику, что ему ничего не светит? Держала в своих целях на коротком поводке? Получи и распишись.

Придется объясняться, а я этого терпеть не могу. Да и как мне теперь смотреть в эти сияющие надеждой глаза? Эх, рвать, так сразу.

Я осторожно высвободила руки и как бы невзначай задрала рукав, обнажая запястье с браслетом. Сама же при этом говорила что-то вроде:

— Юстин, как я рада тебя видеть. С тобой все хорошо?

Он сначала браслета не заметил.

— Это ты меня спрашиваешь? Это я тебя должен спросить: Мелисента, ты как? Тебя освободили?

— Да, спасибо, с меня сняты все обвинения.

Он явно хотел меня поздравить, но в этот момент его взгляд упал-таки на мое запястье.

— Мели? Ты... Ты вышла замуж? Когда? За кого?

— Когда? Два дня назад. А за кого... За Гиаллена, за кого же еще?

— Зачем? Мели, ты обещала...

Я с трудом сдерживалась, чтобы не зарычать. Виновата я, но злюсь на него. Ну не помню я, что что-то ему обещала. Обычно я обещаниями не разбрасываюсь. Может, случайно что-то такое и лягнула... Но точно не выйти за него замуж. Подумать, посмотреть... Я подумала. Посмотрела и решила: Юстин мне не подходит, и точка. Так что нечего тут...

— Юс, вспомни, пожалуйста, точно: что я тебе обещала.

Он захлопал своими карими глазищами.

— Ты обещала меня не отталкивать.

Можно подумать, я его сейчас отталкиваю. Я просто замужем за другим.

— Я не обещала тебе ничего другого. Ты мой друг, я люблю тебя как любила бы брата. В этом смысле ничего не изменилось.

— А Гиаллен? Почему? Это было условием твоего освобождения? Тебя заставили? Кто? Моя мать?

— Юс, успокойся. Я вышла за Гиаллена потому что полюбила Гиаллена, и других причин тут нет.

Это, конечно, не совсем правда, но и не ложь. Все вокруг с самого начала были уверены, что я Ала люблю, так в лицо и говорили. Если тебе один сказал, что ты пьян, можешь махнуть на него рукой, если двое — стоит задуматься, а если уж целых трое... Иди и пропись. Так и тут. Я вышла за Ала и убедилась, что та же Гиневра была права на мой счет. Люблю я этого засранца и другого мне не нужно.

— Мели, я не верю. Я всегда восхищался Гиалленом, но ты никогда не разделяла моих восторгов. Ты осуждала его моральный облик, я же помню. А теперь говоришь, что любишь.

Тут он прав, было такое дело, осуждала я своего мужа за недостойные поступки. Мне

тогда очень больно было узнать, чем он занимался. Но к любви, как оказалось, это не имеет ни малейшего отношения. Да, он гад, но я все равно его люблю. И потом, он же обещал, что больше так не будет? Ну вот, а я за этим присмотрю.

— Юс, когда я тебя обманывала? Сейчас тоже говорю чистую правду. Я люблю своего мужа и счастлива, что вышла за него.

— Тебя точно не заставили?

— Скажем так: подтолкнули. Но это было мое решение.

Как бы не так, решение целиком и полностью принадлежало Алу, я просто не стала сопротивляться, о чем теперь не раскаиваюсь.

— Мели, а как же я? Я так мечтал... Уговорил тетю Эни нам помочь...

Уговорил он ее. Дитя наивное. Эта тетя готова на все, лишь бы мое изобретение захватить себе в личное безраздельное пользование. Ты, мальчик, для нее только средство. Вот сейчас я точно вижу, что ничего хорошего у меня с ним не получилось бы.

— Юс, ты говоришь о королеве? Она меня навещала в тюрьме. Хотела получить рецепт моего эликсира молодости.

— Она? Значит, меня опять использовали? Не отвечай, Мели, сам вижу, что ты права. А я еще радовался, что тетя приняла мою сторону. Дурак.

— Это еще одна причина, по которой я выбрала Гиаллена. Я не люблю когда меня используют и не хочу бороться с твоим семейством: проиграю.

Юстин поднял на меня полные слез глаза.

— Я эгоист, Мели? Я лелеял свои мечты и даже не задумывался, чем это может обернуться для тебя. Но... Может, ты подскажешь, что мне теперь делать?

Я что, справочное бюро или оракул? Пусть что хочет, то и делает.

— Юс, а чего ты хочешь?

— Тебя!

— Я не о том. Чего ты хочешь глобально? Вот я, например, хотела стать магистром, хотела, чтобы мой эликсир знали по всему свету, хотела иметь собственную аптеку и свой дом. Пока ничего этого у меня нет, но я на верном пути к своей мечте. А ты? Чего хочешь ты?

Парень задумался, затем вскинул голову и с горечью произнес:

— Я хотел превзойти своего отца. Доказать ему, что я не глупый щенок, что чего-то стою. Но в свете последних событий... Больше у меня нет такого желания.

Ну и вот что тут скажешь?

— Знаешь, Юс, на твоём месте я бы отправилась в путешествие, что ли. Говорят, ветер странствий выдувает дурь из головы и проясняет мысли. Может, ты поймешь наконец, чего на самом деле хочешь, а когда это станет ясно — иди к своей мечте.

— Меня хотят женить...

— Не отказывайся. Я видела твою мамочку и могу сказать: ради своей цели она пойдет по трупам. Но она вполне вменяемая и доступна убеждению. Познакомься с невестой, сделай маме приятное, а потом отложи свадьбу до лучших времен.

Он меня не слушал.

— Где ты видела мою маму?

— Там же где и королеву: в тюрьме. Она приходила со мной повидаться.

Мальчик-то далеко не дурак. Я видела невооруженным глазом, как в его голове поворачиваются какие-то шестеренки и формируется верная картина.

— Она хотела убить тебя, Мели?

— Но не убила. Забудь, Юс, с ее стороны это была глупость, она повелась на провокацию и подставилась.

Зачем я это сказала? Глаза Юстина сузились и посветлели от гнева, но он промолчал. Все понял. Именно этот момент выбрал служитель, чтобы прийти за мной.

— Уважаемая мистрис Мелисента, Вас ждут в зале Совета. Вас тоже, лорд Юстиниан.

Зал Совета с прошлого раза практически не изменился, если не считать кресла и столика, которые были выставлены на свободное пространство специально для Эники. Она в роскошном наряде и королевских регалиях сидела в вольной позе и пила вино из золотого кубка.

Увидев нас с Юсом, Эника поставила выпивку на столик и заявила:

— Эта девушка пообещала мне выйти замуж за моего племянника. Мелисента, я жду подтверждения, а то мне тут плетут, что ты уже замужем. Смотри: патент на твое имя, передающий тебе титул и земли графства Рискор, лежит вот тут, на моем столике.

— Благодарю Вас, Ваше Величество, но я ничем не заслужила этой чести.

— Ерунда! Мы с тобой договаривались, надеюсь, ты не забыла.

— Я тоже надеюсь, что память Вашего Величества сохранила детали нашей договоренности. Тогда Вы предложили мне графство и руку Вашего племянника в обмен на некоторые услуги, но я находилась под судом и следствием и предложила Вам решать эти вопросы после того, как меня оправдают.

— Но я все же помогла тебе!

— И я с благодарностью хочу передать Вам то, что с самого начала предназначала Вам за Вашу бесценную помощь.

Я подошла и вытащила из кармана два флакончика. Поставила перед Эникой на стол и с поклоном отошла в сторону. Глаза королевы загорелись как у кошки.

— Это то, о чем я думаю? О! О! Какое счастье! Мелисента, моей благодарности нет границ.

Если у благодарности королевы не было границ, то их не было и у любопытства членов Совета Магов. Настолько всех заинтересовали мои пузырьки, что Дионисий не поленился, поднял голову и задал вопрос:

— Поясните, мистрис Мелисента, что именно передали Вы Ее Величеству? Это не какое-то запрещенное зелье?

— Это моя личная разработка, Эликсир молодости и красоты. Ничего запрещенного в нем нет, эту пропись я защищала как свою дипломную работу и с тех пор немного усовершенствовала.

Дионисий моим свидетельством не удовольствовался, а обратился к Гиаллену.

— Мессир, Вы подтверждаете слова своей супруги?

— Несомненно. Могу добавить, что данный эликсир полностью соответствует правилам в отношении безопасности зелий и эликсиров, а также его эффективность доказана. Если кто знаком с сестрой-хозяйкой отделения зельеварения, можете в этом убедиться.

Дионисий, кажется, поверил нам, но не совсем.

— Вы принимали участие в разработке?

Он что, думает, я не могла сама создать такой эликсир? Так и знала, что все будут говорить, будто его придумал Ал, а я стояла на подхвате. И что ответит мой бесценный супруг?

— Скажем так: я наблюдал за ней на всех этапах изготовления конечного продукта. Придумала и осуществила все Мелисента лично. У меня несколько другой профиль и круг интересов.

После этих слов Дионисий с благосклонной улыбкой обратился ко мне:

— Не обижайтесь, Мелисента. Как новый глава Совета я должен был получить разъяснения. Я не могу допустить, чтобы с нашего одобрения распространялись запретные или некачественные зелья. Но теперь Вы получите разрешение Совета на производство своего эликсира и сможете заключить с Ее Величеством контракт на поставку.

Пока шел этот разговор, я одним глазком наблюдала за Эникой, которая, получив склянки с зельем, потеряла интерес к окружающему. Дама явно прикидывала: выпить ли флакончик сейчас, или дотерпеть до дома? Но когда услышала про контракт, включилась в дискуссию:

— Не понимаю, о чем идет речь. Мелисента теперь графиня и моя подданная. Графиня сейчас поедет со мной в свой прекрасный дворец, там мы и обсудим все вопросы. Правда, милая?

Ага, шаззз... Я все бросила и за тобой побежала, твое величество. Не надейся.

— Ваше Величество, это невозможно. Я вышла замуж за архимага Гиаллена, гражданина Валариэтана, и автоматически сменила гражданство. Брачные узы магов нерасторжимы, Вы должны это знать. Даже приняв Ваш дар, я не стану Вашей подданной. Прошу Вас, Ваше Величество, еще раз подумать, прежде чем разбрасываться землями и титулами.

Ой, кажется, я схамила королеве. А нечего, сама виновата. Я гордо откинула голову, ожидая ответа.

Эника поднялась, взяла со столика флаконы и сунула их в сумочку. Затем схватила красивую бумагу с печатями и гербами, явно мой патент на графство, и порвала ее на мелкие клочки. Затем оттолкнула кресло и тронулась на выход, бросив через плечо:

— Готовьте контракт. Двенадцать порций в год по двести золотых за флакон. Дороже они не стоят.

Э, я думала ее и на сотню за флакон не удастся уломать, а она сама предложила двести. Все-таки королева есть королева.

Весь Совет торопливо поднялся, провожая Энику, затем Гиаллен схватил меня за руку и вывел прочь. Юстин увязался за нами.

Заметив его, мой муж не стал устраивать сцен, чего я больше всего боялась. Он остановился, повернулся к Юсу лицом и протянул ему руку:

— Я не поблагодарил за свое спасение. Спасибо. Без тебя я бы не выкарабкался. Да и Мелисенте без твоей помощи и поддержки туго пришлось. За нее тебе тоже огромное спасибо. Наш дом для тебя всегда открыт. Мы с Мели не останемся здесь, на Острове, но постараемся сообщить, куда переедем. Приезжай в гости. Ты всегда будешь нашим другом.

Юстин просиял и стал лепетать что-то о том, что более достойного мужа его любимая Мелисента не могла найти. Не понимаю, как все не прослезилось от своего благородства.

Я тихонько забила в угол, где меня нашел посланный от Совета с текстом договора в руках.

— Мистрис Мелисента, прочтите, и, если Вас все устраивает, подпишите оба экземпляра.

Я пробежала глазами текст и, не найдя подвоха, уже приготовилась ставить подпись.

Завертела головой в поисках пера и чернил, и наткнулась взглядом на мужа. Он уже избавился от общества кортальского принца и внимательно за мной наблюдал. Я поспешила сказать:

— Ал, спасибо тебе.

Он удивленно поднял брови:

— За что, Мели?

— За то, что так хорошо поговорил с Юстином, не стал устраивать сцены ревности.

Он шагнул вперед и прижал меня к себе.

— Если бы ты знала, чего мне это стоило... Хотелось не благодарить, а в морду дать. С трудом сдержался. Мели, я ему действительно благодарен. Одна бы ты не справилась, а для своего отца Юс был хорошим сдерживающим началом. Он парень порядочный и не виноват, что в тебя влюбился. Но это не значит, что я его подпущу к тебе на пушечный выстрел. Ты моя, и все!

— Ал, тут принесли договор с Эникой, ты не посмотришь?

— Ну конечно, моя девочка. Я должен стоять на страже твоих интересов.

Он взял бумагу и углубился в чтение. Я позволила себе открыть рот и сообщить:

— Я ничего сомнительного не нашла.

Он ответил, не отрываясь от контракта:

— Правильно, тут и нет ничего сомнительного, стандартный договор. Я бы еще добавил пункт о том, что королева не имеет возражений против использования ее имени и образа в рекламе данного средства.

— Ал, тогда она должна получать его бесплатно.

— Хорошая мысль. Дюжина склянок в год нас не разорят, а «Эликсир Королевы» — это круто. Знаешь, давай не будем торопиться, я тут с одним человеком посоветуюсь...

Вот и отлично. С удовольствием свалю на него рекламу и сбыт, все равно это не мое.

Пока мы возились с договором, нас нашел Игерран. В этот раз он был не в мантии адвоката, а в удобном повседневном костюме, и обратился к нам без всяких реверансов.

— Привет, ребята, не помешал?

Я так и осталась с разинутым ртом, пораженная его бесцеремонным стилем в самое сердце, Ал же пожал мэтру руку и спросил:

— Кого представляем на этот раз?

— Для разнообразия никого. В данном случае я — простой зритель. Мне просто интересно, совпадут ли результаты расследования с моими скромными суждениями. К сожалению, полноценного заседания сегодня не будет, Совет собирается опросить вас обоих, выдать на этом основании ордера на арест и обыск, и на этом закончить. Кстати, Мартония уже в камере, еще вчера ее взяли. Я говорил с ее адвокатом мэтром Эразмусом, шансов у нее никаких.

То-то Матильда от нас с Алом шарахнулась как от прокаженных. А уверяла, что Гиаллен ей милее Ригодона. А Мартония, значит, сидит? Ну нисколечко я не сочувствую этой елейной жабе. Несколько напрягло известие о том. Что нас снова собираются допрашивать. Мы все уже рассказали, что еще они желают узнать?

Игерран сообщил, что заседание продолжится через полтора часа, а пока есть время, можно сходить пообедать. Он нас приглашает, заодно хочет представить своей жене. Она мечтает познакомиться со знаменитой Мелисентой.

Ого, я уже знаменитость?!

Ладно, познакомимся. Против обеда у меня никогда нет возражений.

Супругой Игеррана оказалась ошеломляющая красotka-блондинка по имени Белинда. Она была на пару ладоней выше своего гениального мужа, но кроме красоты больше ничем не блистала. Возможно, как ведьма она очень даже искусная, но проверить ее квалификацию мне не привелось. С моей стороны это придирки, для мужчин Белинда — идеал. Да, ради такой жены Игерран должен в лепешку расшибаться, и омолаживающий эликсир ему не повредит.

Весь обед Белинда пялилась на меня, затем спросила какую-то ерунду и глупо захихикала. Зачем ей нужно было это знакомство, я так и не поняла. После обеда она отправилась в салон красоты (зачем, она и так красивая?), а мы вернулись на заседание Совета.

Допрашивали нас по-отдельности. Сначала вызвали Гиаллена, затем меня. Что говорил он, я подслушала (нитки мои мне удалось спрятать и воспользоваться ими вторично), а он просто присутствовал на моей даче показаний. В этот раз маги не ограничились тем, чему я лично была свидетелем, выспрашивали все. Так как на этот раз я уже не боялась за свою жизнь и свободу, то рассказала практически все, что знала а также не поленилась довести до сведения Совета свои по этому поводу соображения.

По ходу пьесы выяснилось, почему схватили Мартонию. Когда меня оправдали, жаба перепугалась и пыталась сбежать. Дура. Кодекс надо читать. По закону Валариэтана попытка бегства приравнивается к признанию вины. Теперь ей не отвертеться.

Но я до сих пор не могу понять, почему она в это влезла. Какой ей от всего этого прок?

За то, что это месть, я не дам ломаного гаста. Любовь? К кому, к Ригодону? Не смещите мои тапочки. Остаются власть или деньги. Жаба должна была рассчитывать сорвать банк для того, чтобы пойти на такой риск — связаться с темными заклинаниями. А что она в результате получила? Была магистром отдела зельеварения, стала магистром отдела Эликсиров. Что в лоб, что по лбу, никакой разницы.

Ал уверяет, что все понял из моих рисунков, у Игеррана тоже есть свои соображения. Одна я, как дура, нахожусь в недоумении. Где-то я читала, что есть такой принцип сыска: ищи, кому выгодно. Тут получилось, что выгоду вся эта история не принесла никому, кроме Ригодона, да и то случайно. Натравливая всю эту шайку-лейку на Гиаллена, Кориолан должен был иметь в виду кого-то, кто займет его место. И это, зуб даю, был не Ригодон.

Пока я таким образом размышляла, сегодняшнее заседание Совета было закрыто и мы с Алом вернулись в нашу квартиру. Уже на входе я вспомнила, что готовой пищи практически не осталось, и пригорюнилась. Но муж мой меня подбодрил, сообщив, что заказал обед из ресторана. Эх, пропадай пропадом моя экономность и практичность! Гулять так гулять!

Вместо того, чтобы тащиться на кухню и вставать к станку, я отправилась в ванну и хорошенько вымылась. Затем вышла в гостиную, где за накрытым столом меня ждал Гиаллен, завернутая в теплый халат. Хотела сесть за стол, но мне не дали.

Ал притянул меня к себе на колени, обнял и начал ласкать, жарко шепча:

— Мели, ты не представляешь, как мне с тобой хорошо. Вот так сидеть, греться твоим теплом, вдыхать твой запах, чувствовать вкус твоих губ... Я становлюсь целым, Мели. Я снова владею своим телом и наслаждаюсь этим. Я живой!

Если для того, чтобы чувствовать себя живым, ему надо со мной обниматься, я всегда пожалуйста. Ничего не пожалею для его счастья, тем более что мне и самой это нравится, да и все остальное тоже. А еду нам пусть специально обученные люди готовят. Вот сейчас

поцелую Ала еще разочек и сядем ужинать.

Назавтра нас опять разбудил Аристарх. Неужто булочки так понравились? Вот как раз сегодня их у меня нет. Не пекла. Есть только омлет и сухие коржики.

Вредный архимаг отказался от угощения, зато сел напротив Ала за стол и стал портить нам аппетит, занудливо излагая трудности, с которыми столкнулся новый состав Совета.

Можно подумать, не могучие маги, а дети малые, которые остались без взрослых и теперь не знают, как вскипятить чайник.

На самом деле все сводилось к тому, что Совету без моего мужа не выжить. Пусть он все бросает и занимает свое кресло. Ал же ерзал, отводил глаза, но не соглашался. Наконец мне это надоело и я влезла без спроса:

— Уважаемый Аристарх, дайте нам спокойно позавтракать. Уверю Вас, несварение и язва желудка у архимага Гиаллена никак не помогут Совету наладить работу. Обещаю Вам: он сегодня же все обдумает и даст Вам свой ответ.

— Положительный?

— Не обещаю. Но Вы его примете, какой бы он ни был, и больше с этим приставать не будете.

Аристарх кивнул, подтверждая договоренность, извинился и ушел, отказавшись от чая. Я дождалась, когда Ал насытится, затем подошла, положила руки ему на плечи и спросила тихонько:

— Ты не обиделся?

— На что, Мели? Ты все правильно ему сказала. Так я и поступлю.

— Ал, ты хочешь вернуться в Совет? Если да, я не стану возражать.

— А если нет?

— Обрадуюсь. Кажется, я объясняла тебе, почему не хочу здесь оставаться.

Он медленно поднялся, обхватил меня, скользнув обеими руками под ткань халата, и зашептал в самое ухо:

— Девочка моя, я тоже не хочу. Ни за что. Мы уедем, как только сможем. Не бойся, я не заставлю тебя тут торчать до бесконечности, оправдываясь долгом и великими делами. Что может быть важнее, чем сделать счастливой свою жену?

Заседание началось с самого утра. Нас в Гиалленом пропустили в зал и посадили в углу, где нас не могли видеть дававшие показания.

Видно, наконец Совет решился взяться за это дело как следует, поэтому и вызвал всех, кто мог пролить хоть какой-то свет на события чуть ли не годичной давности. В Круге Истины по очереди побывали практически все мои сослуживцы. Знали они немного, но зато очень хорошо осветили расстановку сил в отделе.

Грустно узнать, что ты всегда была полной дурой. Мне-то казалось, я умна и предусмотрительна, вижу всех насквозь... На сама деле такого наивного создания свет не видывал. Мне жаба с пиявкой казались воплощением зла! Ха! Остальные ничуть не лучше. Мелкий пакостник Арсент, гнусный интриган Белон, Герион, который в лицо прикидывается добрым дядей-раздолбаем, а за спиной обливает тебя грязью. Они меня не видели и в словах себя не стесняли. Столько гадостей зараз редко удастся услышать.

Ал, чувствуя мой гнев, боль и отвращение, прижал мою голову к своей груди и гладил по волосам, чтобы успокоить. От него шло такое надежное тепло, что я смогла сдержаться, не выскочить из своего укрытия и не заехать никому в морду.

Вот еще одна причина, по которой я хочу отсюда уехать. Не смогу больше видеть никого

из них.

После обычных свидетелей вызвали Мартонию. Жабу привели два дюжих молодца, отцепили от ее наручников цепи (наручники обычные, не такие, какие в свое время пытались надеть на меня) и втокнули в Круг.

Председательствующий Дионсий начал задавать ей вопросы:

— Ваше имя и звание?

— Магистр Мартония Заградская.

— Ваш род занятий?

— Я магистр в Отделе Эликсиров, занимаюсь эликсирами послыного очищения.

Надо же! И мне ЭТО навязали в научные руководители? Эликсиры послыного очищения известны с древних времен, их применяют при реставрации или если надо прочитать то, что безнадежно закрашено и замазано. Их можно улучшать, но незначительно. Значимых открытий на этом фронте ждать не приходится. Понятно, почему я никогда не видела имени Мартонии в современной научной литературе. Такие работы приняла бы в лучшем случае «Бытовая алхимия», журнал, где печатались все, кого в более серьезные издания не брали.

Пока изумлялась, пропустила следующий вопрос и услышала только ответ жабы:

— Отвечать отказываюсь! Предпочту хранить молчание!

Сидевший рядом Игерран злобно стукнул по подлокотнику кулаком и грязно выругался.

Затем пояснил:

— Хитрая гадина! При таком ответе Круг Истины бесполезен. Он всего лишь отделяет правду от лжи. По закону же подсудимый имеет право хранить молчание, и это не считается признанием вины. После того, как Мартония попыталась бежать, это для нее единственная действенная стратегия. Теперь развязать ей язык будет чрезвычайно сложно. Остается уповать на то, что найдутся свидетели или улики, прямо на нее указывающие.

Кажется, Игерран не учел одного фактора. Им оказался мой муж. Уточнив, имеет ли он право как пострадавший задавать вопросы подозреваемой, и получив утвердительный ответ, Ал вылез из нашего угла и напал на жабу. Бить он ее не стал, просто начал добить вопросами, сформулированными со всей доступной ему язвительной наглостью.

На самом деле это были не вопросы. Ал озвучивал то, что мы с ним напридумывали по этому поводу, заканчивая каждый раз словами: «Правда ли это?»

Надо сказать, пару раундов жаба выдержала, промолчала, но расчет Гиаллена был верным: она настолько ненавидела причину своих сегодняшних злоключений, что не удержалась от искушения сказать ему гадость.

Когда он спросил, правда ли, что она собственноручно засунула его тело в стазис-ларь, а затем прикрыла бутылками, Мартония не выдержала.

— Говорила я, раз все равно все пошло наперекосяк, убить тебя следовало, чтоб не вылез, выродок мерзкий!

Алу только того и надо было. Спровоцировал жабу и стоит довольный. Тут уж эстафету перехватил менталист Светоний.

— Раз уж Вы признались, расскажите, как дело было.

После чего час кряду тянул из жабы по одному слову и вконец замучился. Отправил ее отдохнуть и подумать, а сам вызвал следующего подозреваемого: нашу пиявку.

Теодолинда вышла в Круг Истины. На лице пиявки было непередаваемое выражение злобы, презрения и собственного превосходства. Она назвала свое имя, звание и род занятий.

— Теодолинда Марсиньерская, магистр отдела Эликсиров научного центра магии Валариэтана, занимаюсь эликсирами жизни и не-жизни.

Я чуть не вскочила со своего места с радостными криками. Вот же оно! Эликсирами жизни и не-жизни называют зелья, вызывающие анабиоз. Сон, близкий смерти, из которого можно выйти, а можно и нет. Его применяют для перевозки живых объектов на большие расстояния, но на людях используют крайне редко. Обычно для больных и тяжелораненых, которых надо доставить к целителю за много лиг.

Вот чем она напоила Гиаллена! Вовсе не синеокой! Есть такой эликсир, от сладкого чая не отличишь, и, да, синеока в него входит одним из компонентов. Ал ничего не помнил, потому что находился между бытием и небытием. Но вот последствия в виде амнезии в этом случае легко снимаются! Он должен вспомнить все, что происходило в его присутствии. Сейчас одно зелье зашепчу...

Я достала флакон, открыла его и произнесла нужную формулу. Затем протянула Алу и сказала: «Пей»!

Муж мой не стал выяснять и спорить, кротко вылил себе в рот содержимое пузырька и на минуту выпал из жизни. Хорошо, что сидел рядом, я подперла его своим телом и не дала упасть. Игерран заметил мои манипуляции и поддрежал Ала с другой стороны.

Долго страдать нам не пришлось. Гиаллен открыл глаза, обвел довольно мутным взглядом вокруг себя, затем моргнул, схватил меня за руки и горячо зашептал:

— Мели, Мели, у тебя получилось! Я все вспомнил! Каждое слово! Глаза у меня были закрыты, но уши мне ничем не залепили. Что там Теодолинда?

Та как раз, стоя в Круге Истины, отказывалась отвечать и вела себя при это заносчиво..

Ал вскочил и выбежал к пиявке. Поднял руку, привлекая к себе внимание, и задал первый вопрос:

— Мистрис Теодолинда, верно ли, что около десяти часов вечера Вы пришли ко мне в занимаемую мной в отделе квартиру для серьезного разговора?

Она промолчала.

— Я собирался Вас уволить за профнепригодность и склоки, которые Вы сеяли вокруг себя. Верно ли то, что Вы знали, зачем я Вас пригласил?

Снова тишина.

— Когда Вы вошли, я предложил Вам чаю, от которого Вы не стали отказываться. Наоборот, попросили к чаю бутербродов, которых не было на столе. Когда же я отвлекся, нарезая хлеб и намазывая его маслом, подменили мой чай своим эликсиром. То-то я удивлялся, что сахару переложил!

И тут пиявка не выдержала:

— Ты не можешь этого помнить, сволочь! Ты все выдумываешь!

Ура! Она попалась! Гиаллен обошел ее по большой дуге, заставляя поворачиваться, и остановился, когда дошел до той ниши, где скрывались мы с Игерраном.

— Милочка, я все прекрасно помню. А вот Вы зря думали, что Ваше зелье заставит меня все забыть. Моя жена — лучший эликсирчик, чем Вы, она нашла противоядие и сняла блок с памяти.

Он знал, куда бить. Она разозлилась не столько на то, что усомнились в ее профессиональных качествах, сколько на то, что Ал женился. Ей за всю жизнь этого никто так и не предложил.

— Жена? Ты женился, мерзавец?! И на ком, если не секрет?

Ал сохранил ласковый небрежный тон, хотя его оппонентка уже рычала и плевалась ядом. Он сделал пару шагов в нишу, взял меня за руку и вывел на свет.

— На Вашей коллеге, Теодолинда. Думаю, Вы знаете Мелисенту. Хотя нашему браку всего третий день пошел, но могу констатировать, что я совершенно счастлив.

Это был удар! Та несколько раз переменялась в лице, а затем... Затем ее прорвало, и пиявка начала вываливать все, что знала. С руганью, криками и проклятиями, но она сдавала весь свой комплот. Удивительно, я была уверена, что она так просто не сдастся. Мартония оказалась покрепче.

Для нее все началось тогда, когда стало ясно: больше Гиаллен в своем отделе терпеть ее не намерен. Четыре раза за несколько лет он пытался ее уволить, но в конце концов прощал и оставлял, но тут чаша его терпения переполнилась. Пиявка спровоцировала ряд скандалов, которые закончились гибелью ценного лабораторного оборудования.

Самого Гиаллена в это время на Острове не было, он уехал читать свои ежегодные лекции, но в том, что будет, когда он вернется, сомневаться не приходилось.

Своими трудностями Теодолинда поделилась с приятельницами из других отделов: Мартонией и Сосипатрой. Они неоднократно встречались, обсуждая сложившуюся ситуацию, и в конце концов Мартония предложила опохить Гиаллена и связать повиновением. Никому и в голову не придет, что такое можно проделать с архимагом, и никто не станет доискиваться, почему он ведет себя нетипично.

Пиявка с радостью ухватилась за эту идею. Ментальные чары тут не годились, Гиаллен и сам неплохой менталист, оставалась некромантия. Сосипатра обещала все подготовить, но от участия в ритуале наотрез отказалась. Зато нарисовала необходимую пентаграмму на огромном листе бумаги и зачаровала ее. Оставалось произнести последнюю фразу заклинания и пролить немного крови жертвы. Этим якобы Гиаллен будет лишен своей личности и подчинен.

Затем она дала еще один листочек, уже маленький. Его тоже необходимо было смочить в крови жертвы, а затем пролить на него каплю своей и прочесть заклинание. Так формировалась привязка.

В общем, когда Гиаллен вернулся из поездки, план был составлен и все подготовлено. Платой Мартонии за все должно было быть место в отделе: ее саму Криспиций мечтал уволить, она держалась лишь за счет Ригодона, который пользовался ее услугами. Его Криспиций тоже не переваривал, но архимага уволить не мог. Сосипатра согласилась помогать бескорыстно.

Три ха-ха! Знаем мы это бескорыстие.

Одно удивляет: эти бабы шли на дело, которое, при неблагоприятном стечении обстоятельств, грозило им всем плахой, но даже не удосужились об этом задуматься! И все ради места в отделе? Поистине, мне не дано это понять.

В общем, Теодолинда, узнав, что приехал Гиаллен и вызвал ее на завтра к себе для разговора, пригласила в гости Мартонию. Дамы долго решали, кто когда и куда идет, но в конце концов был принят более-менее разумный план. Теодолинда идет первая: ее вызывали. Она должна опохить архимага, подменить чай на эликсир. После того, как он заснет, оттащить его в лабораторию и уложить на пентаграмму. Тяжело? Ничего, за свое трудится.

Затем придет Мартония и дальше они продолжат вместе. Дар жабы имеет больше средств к некромантии, обряд должна была провести она.

В общем, все так и случилось, если не считать того, что, когда обряд был проведен и дамы попытались сдвинуть бесчувственное тело, оно вдруг стало стремительно становиться прозрачным. (Ал в кармане случайно раздавил флакон!) С перепугу Теодолинда бросила в него стазисом. А дальше...

Гиаллен превратился в огромный кусок стекла в форме голого мужчины. Они не знали, что с ним делать. Хотели все же осуществить привязку, но на время главного ритуала спрятали подготовленный листочек под тягу, а от их возни стекло взяло да и упало. Открываться оно не хотело, а силы у обеих были уже на исходе. Тут они крупно поругались. Мартония кричала, что, раз все пошло не так, их могут найти и обезглавить. (Вот когда сообразила!) Надо архимага убить, а тело сжечь. Но как убить кусок стекла?

Теодолинда надеялась, что все же удастся довести дело до конца. Так что дамы почли за благо спрятать тело в стазис-ларь и прикрыть его всем, что там хранилось. Теодолинда надеялась вернуться через пару дней, когда резерв восстановится полностью. На этот раз она обошлась бы без Мартонии.

Но все и дальше шло не так. Очень быстро все стали искать архимага, говорить, что он пропал, и его комнаты опечатали. Затем появился Ригодон, а с ним сияющая жаба.

Теодолинда пришла в ужас, когда этот гнусный тип заселился в апартаменты Гиаллена, она была уверена, что Мартония ему все рассказала. Но он вылетел оттуда на третий день весь бледный и перепуганный. Оказалось, комнаты никого не принимали. Вероятно, дух отделился от тела и теперь охранял свою вотчину. Можно было натравить на него некромантов, но тогда все узнали бы о ее роли.

В общем, пиявка затаилась. Второй раз она испугалась, когда в квартиру Гиаллена заселили пришлую девку (меня!). Но время шло, ничего не менялось, и пиявка решила, что все обошлось. Дух, скорее всего, развеялся, а тело... Малявка не пила вина, а тело было тщательно укрыто именно винными бутылками. Да и тело ли это теперь? Стекланный мужик, и все.

Для Теодолинды шоком было узнать, что Гиаллен воскрес. Но она не подала виду. После ее эликсира архимаг не мог ничего помнить из того, что с ним происходило в тот день, а значит, не мог свидетельствовать против нее. Гиаллен приглашал ее на беседу весьма приватно, свидетелей не было, и жабу в здание она провела секретно. Пиявка была уверена, что ни ее, ни Мартонию никто не видел.

После таких откровений ее тут же увели, чтобы запереть. А весь Совет загомонил, как птичий базар. Наконец было вынесено решение вызвать Сосипатру и, буде станет упрямым, ломать сознание и заставлять два показания.

Закон у нас такой: пока есть сомнения, будут разводиться цирлих-манирлих с Кругом Истины и вежливо спрашивать. Когда сомнений не осталось, по решению Коллегии менталист взломает мозги и вытянет всю информацию. Сосипатру решили не жалеть.

Сосипатру я никогда раньше не видела. Когда она вошла в Круг Истины, я аж обалдела. Сучка внешне была ничуть не хуже Гиневры. Черные волосы рекой, белое личико с точеными чертами, огромные черные глаза с длинными ресницами, идеальная фигура, подчеркнутая приталенной мантией, сшитой как платье, с глубоким вырезом... Красавица! Да за ней мужики табунами должны бегать. Зачем такая связалась с жабой и пиявкой?

Как только она назвала свои имя, звание и род занятий, за нее взялся Светоний. Первый вопрос про то, зачем она связалась с преступницами Мартонией и Теодолиндой, красотка проигнорировала. Дальше пошло страшнее и веселее. Архимаг взял ее прекрасное лицо в

руки, заглянул в глаза...

Через пару секунд дамочка трещала так., что хотелось ее заткнуть. У нее было задание: вывести из игры архимага Гиаллена и получить прописи его эликсиров. Для этого она свела знакомство с Теодолиндой через Мартонию, которую знала раньше. Откуда? Учились вместе. Она предложила им план с использованием некромантии и они согласились. Почему ни у кого не возникло законных вопросов и опасений? Она отвела их с помощью амулета, который получила от заказчика.

Пентаграмма была не для подчинения, а для отделения духа от тела, но этого она подружкам не сказала. Почему они не поняли? По неграмотности. Что эти козы знают о некромантии, зельеварки несчастные?

Делала ли она все сама? Нет, у нее был помощник. Мужчина. Своих сил ей не хватало, она воспользовалась заемными. Она его сначала соблазнила, а затем убедила, что действует в интересах его родного государства. Он там осужден на смерть за измену. Сосипатра внушила ему, что это поможет снять с него обвинения, а Мартонию с Теодолиндой не жалко.

А Гиаллена почему не пожалел? У Сосипатры были сфабрикованные доказательства, что именно Гиаллен в свое время подставил ее мужчине. Тот жаждал отомстить. Правда, потом хотел пойти на попятный, но было уже поздно. С тех пор он донимает Сосипатру своей любовью и своим раскаянием.

Как его имя? Эдилиен, магистр отдела эликсиров.

Кто же заказчик? Ответ вполне мною ожидаемый: принц Кориолан, кортальский лорд-дознаватель. А ради чего она с ним связалась? Чем он расплачивался со своей агентессой? Неужели презренными деньгами?

Оказывается, много лет назад, находясь в Кортале, Сосипарта родила дочь от очень знатного и богатого человека. Ну хорошо, от кроля Домиана. Когда ей пришлось бежать, девочку она не смогла взять с собой, а пристроила у чужих людей. Они не знали, чью дочь воспитывают. Но Кориолан разыскал ребенка, теперь уже взрослую девушку, и с ее помощью шантажирует женщину. Сосипарта ни в чем не может ему отказать, иначе он все расскажет Энике, и та уничтожит и мать, и дочь. Были примеры.

Кориолан хотел наказать Сосипатру, когда его план провалился, но она сумела убедить заказчика, что ни в чем не виновата, просто бабы-исполнительницы оказались полные дуры. Ради исправления ситуации он, кстати, недавно приезжал на Остров Магов. Забрал с собой все записи Гиаллена, она свидетель.

Через кого шла связь с Корталом? Через Ранульфа. Все эти годы он был ее любовником и надзирал за ней, обеспечивая лояльность Корталу и его принцу.

Ну вот, все и раскрылось. Даже не хочется рассказывать, что было дальше. Как падал передо мной на колени вызванный следующим Эдилиен и каялся во всех грехах. Действительно, этого по сути честного и порядочного человека тяготило содеянное. Он еще много чего рассказал, но это было мне совсем не интересно. Ал взял меня за руку и повел в наш временный дом.

Вечером за ответом явился Аристарх, взяв себе в помощь Гиневру и Дионисия. Решили, что втроем они лучше уговорят упрямого Архимага.

Ал встретил их приветливо, но твердо объявил, что в Совет больше не войдет. Обещавший принять любой ответ Аристарх промолчал, вместо него на Ала накинудись остальные. Потребовали объяснить свою позицию.

Он начал издаലെка:

— Когда со мной случилось несчастье и я пропал, вы меня искали? Не спешите говорить, что искали. Если бы это было так, вы бы меня нашли. Нашла же меня эта девочка? Но никого из вас я в своих комнатах не видел. Вы приняли мое исчезновение как факт, и обошлись без меня. Думаю, обойдетесь и впредь.

Дионисий попробовал вставить свои пять гостей:

— Но сейчас магическое сообщество переживает страшный кризис...

— А когда в магическом сообществе было все в порядке? На моей памяти оно всегда его переживает. Перманентно. Так что от моего присутствия или отсутствия в Совете ничего не изменится. Когда-то я этого добивался. Молодой был, глупый.

— Ты и сейчас не постарел, Ал, — попробовала подъехать на кривой козе Гиневра.

— Зато поумнел, дорогая. Тогда меня из-за моей молодости сделали прислугой за все. Где что случилось — Гиаллен разбирается и докладывает. Остальные задницу от стула не отклеят, — он заметил возмущенный взгляд Аристраха, — Кроме тебя, Ари, ты у нас тоже молодой. Так вот. Больше я в эти игры не играю. В мире есть немало архимагов, и все они мечтают о месте в Совете. Есть из чего выбрать, а меня увольте.

Так ничего и не добившись, зато слолав все мои пирожки и булочки, маги ушли.

Заседания Совета по поводу происшедшего продолжались, вердикт и приговор не были вынесены, но мы туда больше не ходили. И так все ясно. Результат мы узнаем из газет

А мы с Алом обсудили ситуацию и решили уезжать как можно скорее. В течение декады собирали вещи и заодно готовили мой эликсир. Я решила сделать подарки Магали и Матильде, а еще отослать Лютеции и Энике обещанное. Да, с королевой мы подписали договор, по которому я могла использовать ее имя для рекламы. Ал постарался.

Наконец все было готово.

В руки мы взяли по небольшому баулу с личными вещами, все остальное, уложенное в огромные ящики, нам должны были переправить по первому требованию. Перед отъездом Ал сводил меня в банк и сделал доверенность на все свои деньги. Оказалось, он очень богат, я даже не предполагала, что настолько. Можно купить дом в любой столице, обставить его, содержать, остатков хватит на долгую безбедную жизнь и неплохое наследство детям. Возможно, у меня слишком скромные потребности, другому это на один зуб, но дочери аптекаря Теофила Мери из Арнера состояние Гиаллена показалось огромным.

Я посмотрела по карте и сравнила два города, которые он предлагал мне на выбор. Афросилая находилась гораздо дальше от Кортала, чем Кармелла, так что я выбрала ее. Если не понравится, мы всегда можем переиграть.

Проводить нас в порталный зал пришли только Аристарх с Гиневрой, а еще Матильда с Форгардом. Я со всеми обнялась, расцеловалась, обещала писать, и под реплику Гиневры:

— Так ты точно не ведьма? вступила в портал, держа за руку моего мужа.

В Афросилаю я влюбилась с первого взгляда.

Портальный зал здесь располагается в самой высокой точке, так что когда мы из него вышли, весь город был перед нами как на ладони. Расположенный по берегам уютной бухты, он спускался террасами к морю, которое своей синевой заполняло все пространство до горизонта. Я никогда раньше не видела моря, поэтому чуть с ума не сошла от его красоты и безбрежности.

Город показался мне очаровательным. Глаз радовался белым домикам с красными и синими крышами, утопающими в зелени садов и виноградников. В Валариэтане весна только началась, здесь же было гораздо южнее, поэтому сады всюду цвели, наполняя воздух нежным ароматом.

Я выросла в лесном северном Арнере и даже не представляла, что может существовать подобная красота. У нас цветут только яблони и вишни, в основном белым, и еще немного розоватым цветом. А здесь! Каких только красок нет! Кроме белых и розовых, еще пурпурные, лимонные, фиолетовые и нежно-сиреневые, алые и ярко-оранжевые цветы складывались в совершенно феерическую картину. Даже маги-иллюзионисты не смогли бы выдумать ничего великолепнее.

У самых дверей портальной нас ждал открытый экипаж, который повез нас вниз, к морю. Я чуть не выскакивала из него, стремясь все как можно лучше рассмотреть.

Бухту окаймляла широкая благоустроенная набережная, по которой чинно прогуливались горожане. Сверху были отлично видны яркие юбки местных дам. Они, как цветы, не желали ограничивать себя тусклыми красками. Похоже, мне придется сменить гардероб, и Ал этому только обрадуется.

На набережной нас встретил комиссионер, веселый разговорчивый человечек, больше всего напоминающий колобок: такой же кругленький и как колено лысый. Ал знал его раньше. Можно не сомневаться, мой муж успел побывать во всех мало-мальски интересных и привлекательных местах нашего мира.

Колобок помог поменять деньги Девяти Королевств на местную валюту и проводил в гостиницу. Она стояла на практически на самой набережной и была не из худших.

Я, по обыкновению, начала считать, во что это нам обойдется. Дешево! Нереально дешево! За эти деньги на моей родине мы могли бы снять разве что клоповник, а тут прекрасный двухкомнатный номер с ванной.

Я шепнула об этом Алу, он ответил:

— Что ты хочешь? Торговый порт. Высокая конкуренция. Здесь вся набережная застроена гостиницами и ресторанами, но сезон не начался. Вот через месяц тут будет втрое дороже.

— Хорошо, что мы приехали сейчас.

Комиссионер выслушал пожелания Ала насчет дома, который мы собирались нанять или купить, как придется, пообещал завтра же предложить несколько вариантов на выбор, и откланялся. Мы остались одни и пошли осматривать город. Только сначала пообедали в ресторане при гостинице. Рыба здесь была выше всех похвал. Ну еще бы, мы же на море.

В результате нашей прогулки Ал накупил мне кучу обновок и безделушек.

— Я тебе еще ничего не дарил как своей жене, надо наверстать это упущение.

В гостиницу мы вернулись поздно, обвешанные свертками, усталые, но довольные.

С утра начался марафон. Колобок притащил целый список домов, которые, по его мнению, могли бы нам подойти. Пришлось их все обойти.

Если бы я с самого начала послушалась Ала, мы наняли бы дом еще в первый день. Он ненавязчиво пытался подвести меня к мысли, что теперь я могу не стоять за прилавком, а производить свой эликсир и продавать его оптом. Но мне, дуре, нужна была аптека, желательно в центре города. Мы целую декаду смотрели по два-три адреса в день. Мне все не нравилось. Аптека в центре, напротив ратуши? Зато квартирка над ней крохотная и производство разместить негде. Да что производство? Лабораторию, и ту никуда не впихнешь. В других местах были другие недостатки. В конце концов в последний день декады Ал отвез меня на окраину. Там среди виноградников в тени могучих шелковиц прятался двухэтажный дом.

Сложенный из бело-золотистого местного песчаника, уютный и красивый, с плоской крышей и огромной верандой, увитой виноградом, он показался мне воплощением моих детских мечтаний. Я вдруг отчетливо поняла: здесь я хочу жить. Аптека? Хрен с ней, с аптекой. Буду ходить туда пешком.

Мы обошли все комнаты, которых внизу оказалось, не включая кухню, всего три, зато наверху их было восемь, да при каждой паре — отдельная ванная. Я выразила сомнение: не велики ли апартаменты?

— Мели, ты же не рассчитываешь, что наш брак навсегда останется бездетным?

— Ой, и впрямь. Об этом я как-то не подумала. Ты прав: с детьми лишнего места быть не может. Они как газ, занимают весь отведенный объем.

Кухня мне очень понравилась, большая и благоустроенная. Только лабораторию я тут организовать не дам! Места достаточно, ее можно сделать где-то еще.

Кроме самого дома на отведенном участке стояло еще несколько строений. Конюшня с каретным сараем, баня с небольшим бассейном и комнатой для стирки, а еще таинственное низкое и длинное здание под тростниковой крышей. Ал меня просветил:

— Это давальня и место где хранят вино. В принципе, она нам не нужна, вино мы делать не будем. Я бы сдал виноградники в аренду соседу, а он бы поставлял нам вино к столу. Как ты на это смотришь.

— Да отлично я на это смотрю. А что тут будет вместо вина?

— Пойдем!

Он за руку потащил меня в давальню. Внутри стоял полумрак, в ближнем помещении стояли каменные чаны для винограда, второе было от его отделено каменной же аркой без двери. Там виднелись бочки.

— Смотри, здесь сделаем лабораторию, хватит места для двоих. Тебе две тяги и мне две. А там, — он махнул рукой, — будем производить наши эликсиры. Бочки демонтируем и продадим, поставим столы. Перегонные кубы, и всякое такое. Ну как?

Я молча бросилась ему на шею. Это же просто сказка! То, что надо! Все в одном дворе, но не вместе. Мухи отдельно, котлеты отдельно. И сдалась мне эта аптека? Лаборатория гораздо интереснее. Аптеки пусть у нас товар берут и золотом платят.

Оказалось, мы еще и сэкономили. Дом в центре в пять раз меньше обошелся бы нам втрое дороже. А здесь! Простор, воля, красота! Все цветет, растет, благоухает! Из окон море видно, а в центре такого просто быть не может.

В общем, Ал тут же подписал договор и распорядился прислать рабочих. С новой

декады начнется ремонт.

И опять я порадовалась за то, как удачно вышла замуж. Ал предложил мне заняться домом: определиться с отделкой, купить мебель, выбрать шторы и обивку, обставить по своему вкусу. Если я хочу пригласить декоратора, пусть самого дорогого, имею право. Денег хватит. Если хочу все сделать самостоятельно — тем более. Он лезть не будет, только просит обязательно с ним посоветоваться, когда я буду отделять его кабинет.

Он же возьмет на себя ремонт и оснащение лаборатории и производственных помещений. Разве он не прелесть?

Денег мы потратили немерено. Сначала я стеснялась, а потом вошла во вкус и выбирала хорошие дорогие вещи. Рабочих гоняла от души, так что в дом мы въехали через три месяца.

На нижнем этаже кроме большого зала, в котором я устроила гостиную, служившую одновременно и столовой, было еще две комнаты, которые я отвела под наши кабинеты. Большой достался, естественно, Алу, меньший я взяла себе, и не пожалела. У него было одно огромное преимущество: стеклянная дверь, выходившая на веранду.

Наверху я обставила для нас две самые большие спальни и парочку поменьше для гостей. Ал поначалу был недоволен, уверяя, что вторая спальня нам не нужна. Но я намекнула, что не всегда удобно спать вместе, пусть будет возможность маневра, и он согласился. Решено было, что мы будем спать у него, а мою использовать как гардеробную и будуар в одном флаконе.

Оказалось, наши вкусы в убранстве сходятся. Я люблю, чтобы было просторно, функциональность всегда предпочту декоративности, светлые тона мне милее темных, а еще я ненавижу разные пылесборники. В результате над кроватями не было балдахинов, коврики лежали только там, куда с кровати спускаются босые ноги, а вся мебель была добротная, удобная но не вычурная, без лепнины и позолоты. Единственным послаблением декораторскому искусству я сделала вазы. Еще бы, живя среди моря цветов, не ставить в комнатах хотя бы по одному букету — это просто варварство.

Гиаллену понравилось все, что я сделала, даже в запланированное мной убранство собственного кабинета он почти не внес поправок. Еще бы, я взяла за образец его кабинет на Острове Магов.

Лабораторию пришлось ждать дольше чем дом из-за заказанного оборудования, которое все никак не могли изготовить. Мы уже почти два месяца как съехали из гостиницы и жили бездельниками в полностью обставленном и оснащенном доме, когда пришло все то, чего Алу не хватало. Я все рвалась посмотреть что получилось, но он меня не пускал, говоря, что целому дураку полработы не показывают. Я не обижалась: это же Ал!

Еще декада ушла на монтаж, после чего он торжественно ввел меня в наши новые владения.

Вау!

Его лаборатория в квартире когда-то казалась мне верхом совершенства, но до этой ей было как до неба. На месте каменных чанов выложенный плитками каменный пол, огромный очаг, разделенный пополам и снабженный медным колпаком вытяжки, четыре тяги, по две с каждой стороны, а еще шкафы, шкафчики, открытые полки, удобные высокие стулья, две конторки и один большой письменный стол с двумя креслами. Все для работы двух зельеваров.

Когда же я зашла туда, где мы собирались производить наши эликсиры, у меня рот открылся и не хотел больше закрываться.

Как хорошо, что Ал разбирается в массовом производстве, я бы никогда такого не смогла создать. Но теперь верю: мы не полмиллиона в год будем зарабатывать, а гораздо больше.

Затем мы сели и снова обсудили то, что было уже сто раз говорено-переговорено. Он будет изготавливать и продавать свой эликсир регенерации, я — молодость и красоту. Каждый наймет по паре помощников, и вперед. Ал берет на себя рекламу и сбыт, а я обещаю принимать участие в запланированных им мероприятиях.

Еще когда мы только приехали, у нас взял и интервью журналист из местной газеты. В нем я восхищалась Афросилайей и говорила, что хочу тут жить. Ал же, как более ушлый, сообщал, что мы собираемся наладить производство наших знаменитых на весь мир эликсиров, которые, несомненно прославят Афросилаю еще больше.

За интервью к нам приходили еще неоднократно, и Ал на все лады повторял эту информацию.

И вот свершилось. Можно пригласить журналистов, продемонстрировать им нашу лабораторию и все остальное и объявить о начале производства. Пусть аптеки делают заказы. Только мне надо купить новое платье.

В таких делах я с ним не спорю: бесполезно. Так что назавтра платье было куплено, а еще я наняла двух безработных ведьмочек, мать и дочь, себе в помощь. Дипломированных зельеваров здесь не найдешь, а ведьмы всегда умели работать с травами.

Правда, поначалу они решили, что одной из них очень подойдет мой муж, но он им лично объяснил, насколько крепкая у нас семья. Типа, если они собрались не работать, а хвостом перед ним крутить, могут сразу идти на выход. Он на их место мальчишек найдет и обучит. Так что если нужен заработок, пусть хорошенько подумают. Ведьмы присмирели и обещали стараться.

Кстати, надо взять идею на вооружение. Первую партию эликсира сделаем так, а потом действительно надо будет учеников найти.

Дальше пять декад мы работали не разгибая спины. Эликсир регенерации значительно проще по рецептуре, но требует больших магических вливаний. А мой эликсир очень сложен в изготовлении именно тем, что требует кропотливости и точности в дозировках и времени.

Чтобы хоть как-то справляться, пришлось нанять служанок, одну для стирки и уборки, другую на кухню. Я так и не решилась взять полноценную кухарку, выбрала молоденькую девочку и потихоньку учила ее всему, что умела сама. К сожалению я не могла ей уделять много времени, поэтому наши трапезы стали менее вкусными, но мы так выматывались, что не замечали этого.

Ал заранее выяснил, сколько зелья мы сможем наготовить, и взял заказов ровно на это количество. Остальные желающие записались в очередь. Я глянула эти записи и содрогнулась. Даже если я буду пахать весь год без праздников и выходных, мне и то не сделать столько эликсира. Ал успокоил:

— Не переживай, Мели. На мой эликсир желающих в разы меньше, так что дальше я буду тебе помогать. Справимся.

Ну, если мой муж говорит, что мы справимся, значит это так и есть!

От первых же полученных денег мы, до вычета всех налогов, отделили два процента и послали Игеррану. По своим вексям надо платить, и лучше это делать в денежной форме.

В общем, первая партия моего эликсира разлетелась как горячие пирожки. Не последнюю роль сыграло имя Эники. Мы не стали называть мой эликсир ее именем, но

езде упоминали, что именно ему она обязана своей неувядающей молодостью. Вторая партия уже готова была к завершению, оставалось разить ее по бутылочкам и наклеить этикетки. Вся она была продана на корню.

За всеми этими хлопотами прошли весна и лето, настала осень. Здесь, в Афросилае она мало отличается от лета: то же тепло, зелень, цветы вокруг, но и зелень не та, и цветы другие. Ночи стали свежими, по утрам завтракать на веранде, как мы привыкли, уже не получалось. Зато по вечерам мы там сидели допоздна.

В один из теплых осенних дней в наш дом постучал гость. До этого нас посещали журналисты, заказчики, да местный градоначальник с супругой как-то зашел отдать дань вежливости. А тут на веранду шагнул наш старый знакомый. Это был никто иной как Юстин.

Вот уж кого не ожидала. Да, Ал его приглашал в гости, но я была уверена, что у Юстина духа не хватит воспользоваться этим приглашением. И вот он стоит на веранде и улыбается.

— Мели, не выгонишь?

— С каких это пор я выгоняю друзей? Заходи, гостем будешь.

— Я на пару дней, проездом. Решил послушать твоего совета и отправился путешествовать.

Тут вернулся Ал, который по дороге от входной двери зарулил на кухню отдать кухарке распоряжение подать ужин нашему гостю. Он усадил Юстина за стол и сел сам.

— Ну, рассказывай, где ты побывал.

— Пока не очень много где. Я только недавно покинул дом. Можно сказать вырвался. Меня не хотели отпускать, но я выпросил себе годичный отпуск. Столько всего произошло после вашего отъезда из Валариэтана. Вы знаете?

Ал знал, он у нас газеты читает. Я почему-то отказывалась читать, слушать, словом, какнибудь узнавать, чем кончилась история с телом архимага. Не хотелось узнать в подробностях, как кого-то казнили, пусть это были ненавистные мне жаба и пиявка.

Но сейчас передо мной был вдохновенный рассказчик, желающий поведать о событиях, которым он лично был свидетелем. Затыкать Юстина под надуманным предлогом было просто жестоко, и я приготовилась внимать. Ал его предупредил:

— Рассказывай, рассказывай, Мели у нас газет принципиально не читает и ничего не знает. Даже не знает чем закончился суд и какие были вынесены приговоры.

Глаза у Юса заблестели, он наконец-то нашел себе слушателя.

— Мели, ты правда ничего не знаешь? Не может быть! Ну, хотя бы кто во всем виноват?

— Ты про кого? Про Теодолинду, Мартонию, Сосипатру или про лорда Кориолана?

— Про всех сразу и про каждого в отдельности. Понятно, тебе стоит рассказать только окончание истории. В общем, всех трех дам приговорили к смерти. Предложили на выбор: казнь или блокировка дара. Теодолинда и Сосипатра выбрали смерть, а Мартония — блокировку.

Идиотка, она не знала, на что шла.

— Теперь все трое мертвы.

В голосе Юстина не было торжества, одна усталость.

— Эдилиена пощадили, но ограничили его дар на десять лет и на столько же отправили в крепость Удум. Там стены не дают применять магию.

Ага, как в той первой моей камере. Бедняга. Пусть он действовал в этой истории подло и глупо, но сам не был ни подл, ни глуп. Хороший человек, которым манипулировали

мерзавцы. Я на него зла не держала, Ал тоже давно все ему простил.

— Так же поступили с Ранульфом. Он несколько раз пытался бежать, но его ловили и наказывали. На сутки надевали блокирующие кандалы. Это никак на него не влияло, при малейшей оказии он снова пускался в бег. Три раза за полгода. Тогда приговор ему изменили. Если он опять попытается сбежать, то кандалы наденут насовсем.

А это уже практически смертный приговор. Теперь гад на собственной шкуре узнал, почем фунт лиха. Убеждена, он так ничего и не понял. Будет злиться и всех обвинять в своих бедах, но так и не догадается, что сам во всем виноват.

— А мой отец... Суд, вернее, Совет заочно приговорил его к смерти. Обычно в таких обстоятельствах посылают наемников с тайным заданием убить приговоренного там, где они его найдут. Но король Домиан торговался с магами и выторговал, что приговор будет действителен только на территории Валариэтана. Дома Кориолан может находиться сколько захочет, но за границу — ни-ни.

— Почему? Вроде же договорились: только в Валариэтане...

— Наши ближайшие соседи поддержали приговор. Отец всем здорово насолил, решили отыграться. А маги ему полностью перекрыли доступ к стационарным порталам, да еще отыскали три его собственных и их тоже заблокировали.

Ну, это они в Валариэтане отыскивали, в других местах, небось, сохранились. Да при его уровне магического искусства он себе еще понаделает. Правда, туда, где его уже ждут убийцы, я бы не сунулась,

Неугомонный Кориолан, во всех бочках затычка, вот уж достал всех, так достал. На него уже свободную охоту разрешили. Честно? Я бы тоже так поступила на их месте. А Юстин говорит об это так, что не поймешь, сочувствует он папочке или осуждает. И то, и то возможно, в обоих случаях не мне его критиковать.

— Знаешь, Мели, я долго думал. С одной стороны он мой отец. С другой... Разве отец так должен относиться к сыну? А моя мать? Он хотел уничтожить вас обеих и остаться чистеньким. Этаким безутешным вдовцом и идеальным отцом. Я тогда все понял, хотя ты и не обвинила Кориолана. Пожалела?

— Не его, Юс. Я тебе посочувствовала. Неприятно узнать, что твой родной отец подонок каких мало.

— Ты добрая, Мели. Я тогда почувствовал, что хочу его убить. Такая сильная ненависть вдруг поднялась, что я чуть не задохнулся. Поэтому и молчал. Даже о тебе забыл, все думал о том, как его наказать.

Не хотела бы я оказаться на месте Кориолана, когда родной и единственный сын готов порвать на месте. Интриговал, интриговал и доинтриговался. Сам в своих хитросплетениях запутался, и всю семью против себя настроил. А что по этому поводу думает король Домиан?

— Юстин, а как король ко всему этому отнесся?

— Домиан разозлился на отца страшно. Во-первых, Эника ему пожаловалась. Он хотел ей источник вечной молодости перекрыть. У Кориолана это был всего лишь побочный эффект, но она представила дело так, что это интрига лично против нее.

Надо же, он об этом не подумал. Слишком мало ценит женщин и не считает их серьезными противниками. А зря.

— Во-вторых, Кориолан не смог отчитаться положительными результатами по делу Гиаллена. Тетради-то он принес, но там ничего не нашли. Значит, все было зря. Да еще это

рассматривалось в суде магов, то есть тайные дела Кортала получили огласку.

Ну да, столько лет крутил-вертел, и все было шито-крыто. А тут почувствовал себя на коне и расслабился. Допустил, чтобы дело дошло до суда и обо всем напечатали в газетах. Позору не оберешься. Был бы он частным лицом, а то начальник тайной службы! Лорд-дознатель!

— Юс, Домиан его уволил? — юноша кивнул в ответ, — А кто теперь руководит тайной службой Кортала?

— Я. Отца отправили в дальнее поместье с запретом оттуда выезжать. Меня на его место. Я еле-еле уговорил Домиана отложить назначение и дать мне год для путешествия и обдумывания всего.

— А кто сейчас на твоём месте.?

— Заместитель. Среди заговоров отца было двое., которые не участвовали в этой истории, наоборот, его отговаривали. Их оставили, остальных уволили. Я обоих знаю с детства, уговорил, что пока они будут работать, а я у них учиться. Теперь один из них временно исполняет мои обязанности. Обещал до моего возвращения провести чистку рядов и набрать новых сотрудников. Я ему доверяю.

Ну что ж, для Кортала дело неплохо обернулось. Юстин умный и порядочный. А что молодой... Это единственный недостаток, который со временем полностью проходит.

— А ещё... Маги прислали королю запись допросов, и он узнал про свою дочь от Сосипатры. Дети — это у Домиана большой вопрос. Эника, родив двух сыновей, отказалась от этого дела, чтобы не портить красоту. А Домиан детей любит, всегда мечтал о дочке. Когда он понял, что Кориолан давно знал про девочку и ничего ему не сказал, дал ему в морду, а у Домиана рука тяжелая. Сломал нижнюю челюсть и перебил нос.

Выходит, он ему как минимум два раза в морду дал. Избил братца, короче. А что делать? Заслужил.

— И что теперь будет с дочкой Сосипатры?

— Король решил убрать ее подальше от ревнивой Эники. Отправил в другое государство и поместил в семью. Прости, Мели, я знаю куда, но не скажу: связан клятвой. Она уже взрослая девушка, красавица, но характер... Сейчас ей подыскивают жениха.

Да, если это второе издание Сосипатры, то я заранее жалею бедолагу.

— Юстин, а как твоя мама?

— Ее тогда выдворили из Валариэтана, ты знаешь? Она вернулась домой, подумала и подала на развод. Для королевской семьи развода не существует, но она добилась отдельного проживания и запрета для Кориолана приближаться к ней более чем на десять лиг.

Ловко. Про выдворение я догадывалась, а остальное даже не могла себе представить.

— Мели, это ты прислала ей эликсир молодости?

— Ну я. Мы с ней так договорились.

Он вытащил из кармана тяжелый мешочек и положил на стол:

— Тогда это тебе. Ты не обязана ей благодетельствовать. Пусть платит как все. Должен сказать, эликсир подействовал. Она выглядит сейчас немногим моложе моей невесты.

Совсем забыла: Лютеция хотела женить Юса. Так что там с невестой?

— Юс, вы поладили? Она хорошая девушка?

Он засмутился.

— Да, Мели, Этельберта очень милая. Совсем юная, хорошенькая и страшно меня

боится. Стоит к ней случайно прикоснуться, она вся сжимается и глаза становятся как плоски. Шарахается от меня как от огня, не могу понять почему. Когда я уезжал и пришел попрощаться, на ее лице явно было написано облегчение. Будем надеяться, когда я вернусь, она станет меньше меня бояться и мы сумеем хотя бы поговорить. Если судить по моим наблюдениям, она не дурочка, любит животных и совершенно равнодушна к светской жизни.

Ой, какое будет счастье, если у них все сладится. Кажется, эта малышка своим испугом его зацепила. Ничего лучше она сделать не могла. Теперь он будет гадать, чем ее так напугал, захочет исправить ситуацию и не заметит, как влюбится. А годичная отсрочка успокоит его самого и даст время подумать.

— В общем, ты взял отпуск на год и от работы, и от женитьбы. Поздравляю. Хочешь, мы тебе покажем, как тут устроились?

До самой ночи мы с Гиалленом водили Юстина по нашим владениям, показывая все, что могло его заинтересовать. Кучу времени провели в лаборатории, где он приходил в восторг буквально от всего. Наше производство его вообще потрясло.

До этого он в основном обращал свои речи ко мне, но тут зацепился с Алом языком и дальше эти двое с горящими глазами обсуждали проблемы магической науки. Я пошла спать, а они еще долго сидели на веранде. Ал вернулся под утро, от него пахло костром и вином. Ага, среди ночи жарили мясо на углях. Ну и отлично, пусть дружат, мне же спокойнее.

Юстин проспал в отведенной ему комнате до самого обеда, а вечером отбыл через портал. Ал его проводил.

Вернувшись, сказал:

— Ты знаешь, он действительно умный парень и приятный человек. Несмотря на молодость, отлично образован, начитан, и знания его разносторонние. Магом должен стать очень сильным, похлеще своего папашки. Надеюсь, его любовь к тебе пройдет как ветрянка.

— Да она, кажется, уже проходит. По моему мнению, он сюда приехал, чтобы поставить точку.

Ал привлек меня к себе.

— Умница моя. Думаю, так оно и есть. Знаешь, на меня произвел большое впечатление его рассказ о судьбе Кориолана. Тот занесся, решил, что он вместо богов будет решать земные судьбы мира, и вот как его размазало. Сидит в дальнем поместье и носа оттуда высунуть не смеет.

Ой, что-то мне это сомнительно. Чтобы Кориолан усидел на месте? Он непременно захочет взять реванш.

— Ал, насколько я успела его узнать, это не конец. Раздавить Кориолана полностью можно только отняв у него магию или убив. Посидит он в своем поместье, посидит и выйдет. Тогда никому мало не покажется.

Следующий гость с приветом из недавнего прошлого появился зимой. Аристарх приехал проведать старого друга.

Погода не располагала к посиделкам на открытом воздухе: шли дожди, а когда не шли, дул пронизывающий сырой ветер. Зима в этих краях оказалась не холодная, зато неприятная. Хорошо, что она ненадолго. Мы перебрались в гостиную и принимали гостя у горящего камина. Тепла от него немного, для отопления тут используются калориферы на горячем камне, зато открытый огонь создает уют.

Аристарх с удовольствием съел все, что я наготовила, рассыпался в комплиментах, но ясно было, что приехал он к Алу. Стал рассказывать про деятельность Совета, и с первых

слов стало понятно: жалуется. Непросто ему приходится. Старые маги себя дискредитировали и ушли, а новые передрались за власть и влияние. Дионисию хватает авторитета, но не хватает воли и желания всех построить.

Получается, при Эбenezере было лучше. Он, хоть и гад, но порядок поддерживать умел. Только вот заигрался с Кориоланом и пострадал от собственной жадности.

В общем, все та же песня. Уважаемый архимаг Гиаллен, бросайте все и бегите нас спасать. По мне так обойдутся. Спасение утопающих — дело рук самих утопающих. Но Ал... Он может решить по-другому, и как бы он ни решил, я это приму. А я уже прижилась в Афросилае, у меня тут все: дом, хозяйство, производство. Да еще может быть у нас летом ребеночек родится... Только т-сссс... Ал пока не знает.

Когда мой муж в очередной раз отказал Совету наотрез, у меня с души отлегло. Он сначала долго рассказывал, как мы тут живем и над чем работаем, похвастался, что скоро будут готовы новые эликсиры: молодости и силы для мужчин, для роста волос и несколько разных видов регенерирующего. Это уже его идеи, сделать регенераторы отдельно для костей, мягких тканей и внутренних органов. Аристарх сидел, глазами хлопал и сравнивал свою жизнь с нашей.

Затем Гиаллен сказал:

— Ты думаешь, я все это променяю на сидение в Совете? Делать мне нечего. А то, что вы там без меня тонете... Не так много времени прошло, чтобы все устаканилось. Справитесь. Спасение утопающих — дело рук самих утопающих.

Мои слова!

Аристарх ответил задумчиво:

— Наверное, ты прав. Я бы тоже не стал бросать налаженную счастливую жизнь ради призрачной власти. Знаешь, по большому счету я тебе завидую. Свой дом, любимая жена, любимое дело... Хотел бы я так же...

Он провел у нас два дня и ушел. Отправившийся его проводить Ал вернулся очень задумчивым. Я боялась, что он все же решит вернуться в Валариэтан, но нет, дело было в другом.

— Мели, на прощание Аристарх меня предупредил: Кориолан бежал из своего поместья, и где он, никто не знает. Порталами он сюда не придет, координат не знает, но лошадей еще никто не отменял. Если он захочет отомстить мне или тебе...

Я вскочила и упала к нему на грудь. Не отдам! Никому не отдам! Пусть Кориолан только сунется! Порву как Тузик грелку!

Кориолана я увидела на исходе зимы. Вот так просто: вышла на веранду бросить зерен птицам, а он сидит на парапете и улыбается. Если у него и были сломаны нос и челюсть, этого практически не заметно. Совсем такой, как был: красивый, веселый, наглый. Только теперь волосы не ложатся локонами на плечи, а коротко острижены.

Заметив меня, он соскочил с парапета и в одно движение оказался рядом. Стреб, прижал к себе и приставил к горлу кинжал. Глупое показушничество. Его задача не убить, а напугать. Я это твердо знаю, а потому не боюсь ни капельки. Ну, может, самую чуточку. И не за себя — за малыша.

Не добившись от меня никакой реакции, Кориолан заговорил:

— Что мне мешает перерезать это тонкое горлышко? Да ничего. Только я не воюю с женщинами, я их использую, а строптивых наказываю. Ты пошла против меня, глупенькая. Неужели ты думала остаться безнаказанной? Где твой муж, милашка?

У этого типа мания величия. А муж мой сейчас придет и разберется с этим психом. И я истошно завопила:

— А-аааа! Кориолан здесь!

Он кольнул меня ножом:

— Заткнись, дура!

Нас так просто не заткнешь. Я продолжала вопить, а еще умудрилась укусить гада так, что он уронил кинжал. В это время на веранду выбежал Ал с коротким клинком в руках и с ходу бросился на моего обидчика. Если у Кориолана и было какое-то оружие, то воспользоваться им он не успел, упал, обливаясь кровью.

Я вырвалась и отбежала в сторону.

Кориолан медленно поднялся, зажимая рану на плече. Выглядел он сейчас далеко не так роскошно, как пять минут назад, но наглости своей не утратил.

— Ну здравствуй, красавчик, давно не виделись. Хотел я сделать тебе приятное, разобраться с твоей женой, тем более что у меня к ней есть небольшой такой счет...

— И что же? Испугался?

— Подумал: а вдруг ребенок, которого она носит — мой родной внук?

Ал вскинулся, сверкая глазами:

— Не надейся. Моя жена носит моего сына!

Он потрясающий! Я же пока не говорила ему, что жду ребенка. А он бросился его защищать, ни о чем не спрашивая. Только... Я очень за него боюсь. Кориолан здесь появился не просто так. Он жаждет крови.

— Жалко. Жалко, что я ее не прирезал сразу. Но у меня все впереди. Ты с твоей козочкой отняли у меня все и думаете вам это с рук сойдет? Сначала я убью тебя, красавчик, и дам девчонке полюбоваться на твой труп. А затем... Я пока не придумал. Но будь уверен: та, которая разрушила мои планы и отняла у меня семью, очень об этом пожалеет.

Вообще-то я женщина мирная и тихая, всегда предпочту промолчать, если можно, но тут я уже не стерпела и меня понесло:

— Это кого ты обвиняешь? Меня? Сначала на себя посмотри! Ты все сделал, чтобы сломать жизни другим, а сам и не заметил, что попутно сломал и свою. По-твоему это я заставила твоего сына и твою жену от тебя отказаться? Нет, это твои действия их к этому вынудили. Ты думал вертеть своим братом-королем как марионеткой, а он не захотел это терпеть? Надо же, как удивительно. Что, думаешь, ты всеми будешь крутить, а никто тебе поперек слова не скажет! Когда нас используют, мы защищаемся! Имеем право! Если ты думал, что все всегда будут плясать под твою дудку, то кто виноват, что так не бывает?! Заигрался, козел?! Сам во всем виноват! Пиши на себя жалобу!

Кориолан поначалу опешил, не ожидал, что я начну так на него орать. Но под конец взял себя в руки и смерил меня с ног до головы презрительным взглядом.

— Заткни рот своей бабе. Я бы убил тебя так, но видно придется попотеть. Вызываю тебя, архимаг Гиаллен, на магическую дуэль, как у магов принято. Я бы с удовольствием сразился с тобой на мечях, недоделок, но ты успел меня ранить.

Вот тут меня по-настоящему начало трясти и колотить. Эта скотина хочет убить моего мужа! Он очень сильный маг, я-то успела в этом убедиться. А Ал... Он, конечно, архимаг, но всего-навсего эликсирщик. Знающий, умелый, хладнокровный, но не боевик, это я знаю точно. Он, небось, все навыки давно растерял. Что делать?!

Ал заметил мои метания и положил мне руку на плечо.

— Девочка, успокойся. Ничего изменить нельзя: он вызвал меня по правилам, я не могу отказаться. Ты главное себя береги. Я вернусь и мы поговорим. Кажется, нам есть что сказать друг другу.

Я хотела удержать его за рукав и еще что-то сказать, но он вышел вперед и произнес спокойно:

— Я готов. Можешь выйти в те ворота и повернуть налево. Там пустырь, мы никому не помешаем.

Помимо воли я отметила, что он правильно придумал. Слева от ворот за высокой стеной находился очень старый виноградник. Арендатор его по осени вырубил, желая по весне выжечь пеньки и на их место посадить молодые лозы. Но сейчас это действительно пустырь, там можно беспрепятственно творить что угодно. Похоже на полигон нашего университета.

Пока я соображала, оба вышли за ворота, оставив оружие на веранде. Я рухнула на колени и прижала кулачки к сердцу. Боги! Храните моего мужа! Я жить без него не могу!

Некоторое время все было тихо. Затем из-за стены раздались крики, хлопки, грохот, поднялись клубы черного дыма и снова наступила тишина. Когда дым осел, вспыхнул яркий свет, и я поняла что дело не закончилось. Снова крики, гром, земля затряслась так, что со стены сорвались и упали камни, затем она раскалилась и слегка оплавилась, а от нее вспыхнуло миндальное деревце в нашем саду. Оно сгорело в какие-то мгновения, а когда я отвела взгляд от огня, то увидела, что в ворота входит Ал. Растрепанный, опаленный, в рваной одежде, но живой и, насколько я могу судить, здоровый. Только вид у него...

Я бросилась к нему со всех ног, схватила за рваный рукав и стала тормозить:

— Ты целый? Скажи скорей, где болит?!

— Мели, уймись. Я руку обжег и бок немного. А так все в порядке. Пойдем в спальню, ты мне все смажешь и успокоишься.

— Ал, а Кориолан?

— Его больше нет.

— Ты его убил? — я отшатнулась.

Глупо, но тело само, помимо воли, сделало это движение. Ал криво усмехнулся.

— Знаешь, это то, чему я радуюсь. Я его не убивал, поверь. Хотел, но... Мели, оказалось, я не могу убить человека, даже такую сволочь, каким был Кориолан. Он сам.

— То есть?

— Давай уж пойдем в спальню. Ты сделаешь мне перевязку, а я тебе все расскажу.

Ему же больно, а тут я со своими вопросами. Уши развесила. Он же мне все сказал. Кориолана больше нет, значит, я могу успокоиться. Ни мне, ни моему мужу, ни ребенку ничего не грозит.

Стоило мне это осознать, как ноги подломились и я чуть не упала. Уже Алу пришлось тащить меня в дом буквально на себе. Хорошо, что идти пришлось недалеко.

В спальню на второй этаж мы не пошли, остались в кабинете, где и сделали друг другу перевязки. Да-да, меня тоже пришлось перевязывать. Оказалось, Кориолан ранил-таки мне шею ножом. Несильно, но крови натекло порядочно. Теперь халат и рубашку только выбрасывать. А я и не заметила, так переволновалась за мужа.

А он, вместо того, чтобы отвечать на мои законные расспросы, начал выяснять: а давно ли я знаю, что беременна? А если давно, то почему молчала?

Ага, ему скажи, так он не даст мне в лаборатории работать. Скажет: вредно. А мне со скуки помирай. Так я ему и сказала.

— Мели, и долго ты еще собиралась водить меня за нос?

— Ну, еще декаду. Как только четвертую партию эликсиров заказчикам отправим, я бы тебе тут же сообщила.

— Э, милая моя, так дело не пойдет. Ты не представляешь, что я сегодня пережил, когда Кориолан сказал о ребенке. Как будто меня в сердце ранили. Этот гад знает, а я как полный идиот. Он явно по ауре определил, а я и не смотрел, доверяя тебе.

Тут мне стало стыдно и я заплакала. Боги, за всю жизнь, может, второй раз реву, не считая нежного детства. Слезы вдруг растопили в душе какую-то корочку и я с необыкновенной ясностью поняла: я люблю этого человека. Теперь уже без всяких сомнений люблю.

Ал гладил меня по волосам и спине, целовал и шептал нежно:

— Мели, девочка, хорошая моя, не плачь, успокойся, все хорошо, я с тобой.

Уговорил, я успокоилась и вспомнила, из-за чего весь сыр-бор начался. Он, гад так и не отчитался за свой бой. Что там случилось, хочу я знать?!

Он рассказал. Сначала они с Кориоланом перекидывались стандартными файерболами, проверяя силу и прощупывая защиту. Затем в ход пошли заклинания посложнее: «Огненная стена», «Ледяной панцирь», «Пламенный светоч», «Дождь смерти» и другие, о которых я только в книжках читала. Но у обоих оказались хороши не только средства нападения, но и защитные чары. Оба слегка испортили друг другу прическу и одежду, но серьезного урона не нанесли.

— Кориолан увидел, что ничего не может мне сделать, и начал оскорблять. Что он говорил, я пересказывать не буду. Но желание убить он этим вызывал. Я пустил на него «Решетку тьмы». Страшное заклинание. Его применяют не против отдельных людей, а против отрядов человек по двадцать-тридцать. Но... Я не смог, Мели. Я отвел заклятие и оно выжгло все на пустыре. Кориолан отделался парой ожогов. Я тоже.

— То есть, это не он тебя?...

— Я сам справился.

— А потом?

— Потом я увидел, что он готовится к чему-то необычному, и поспешил окружить его абсолютным зеркалом. А он использовал «Адское пламя»!

Ни фиги себе! Запрещенное заклинание, за применение которого в мирное время полагается казнь! Вот от чего оплавилась наша стена и сгорело деревце. Но если Ал окружил его зеркалом... Кориолан сжег себя! Какой ужас! И какое счастье!

Я схватила своего мужа покрепче и прижалась к его груди. Как хорошо, что он жив!

В течение дня Алу пришлось давать показания в магистрате, рассказывать, что и как. К счастью, здешние власти присоединились к Валариэтану. Объявившему Кориолана вне закона, так что Алу за это ничего не было. Его еще поблагодарили от имени города за то, что спас всех от страшного преступника.

Но домой он попал только к вечеру, когда я уже отправила последнюю на сегодня подводу с эликсиром и мирно пила чай.

Он подобрался ко мне сзади и надел на шею красивый кулон с рубинами на тонкой цепочке. Затем поцеловал за ушком и сказал:

— Мели, давай договоримся. Ты продолжаешь работать в лаборатории сколько сможешь под моим чутким руководством, но при этом прекращаешь морочить мне голову.

А я-то думала, что он мне сцену устроит! Умный у меня муж, просто мудрец.

И правильно он говорит: если мозг к мозгу тянется, есть надежда на счастье!

Больше книг на сайте - Knigolub.net